КАРЛА
ДЕЛЬ ПОНТЕ
совместно с Чаком Судетичем
K O S O V O
ОХОТА
Я И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ
Вся правда о войне в бывшей Югославии

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Карлы дель Понте — это сборник шокирующих фактов о войне в бывшей Югославии. Выход книги сопровождался международным скандалом: экс-прокурор Международного трибунала по бывшей Югославии выступила с чудовищными разоблачениями военных преступлений того периода. Например, дель Понте описывает события 1999 г., когда боевиками Армии освобождения Косово были похищены более трехсот человек, среди которых были женщины из Косово, Албании, России и других славянских государств, для подпольной торговли человеческими органами. Итог — в Сербии возбуждены уголовные дела по фактам, изложенным экс-прокурором; повсеместно отменены презентации книги; в некоторых странах книгу вообще запретили к публикации.

Книга впервые выходит на русском языке, и теперь читатели смогут узнать шокирующие подробности Балканского конфликта и попытаться найти ответ на вопрос, который взволновал все мировое сообщество: почему прокурор Международного трибунала скрывала правду в течение 5 лет.

- Карла Дель Понте
  - ПРОЛОГ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Эпилог
  - Действующие лица
  - От Автора
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

Карла Дель Понте
совместно с Чаком Судетичем
Охота: я и военные преступники

Моей маме, Анджеле

ПРОЛОГ

Когда он перевязал меня, я уснул у него на коленях, ведь я так долго, так долго не спал… Мы оставались там до утра… Он разбудил меня и спросил:

— Куда пойдем?

— Не знаю, — ответил я.

Из показаний свидетеля О.

Дело «Обвинитель против Радослава Кштица»,

13 апреля 2000 г.

Свидетель был ранен во время расправы Сребренице, выполз из-под груды мертвых тел и убежал еще с одним выжившим.

Во время моего первого приезда в Вашингтон, округ Колумбия, в качестве главного обвинителя международных трибуналов ООН по военным преступлениям я обратилась за помощью к одному из самых влиятельных людей мира. Дело происходило днем, в среду, в конце сентября 2000 года. В течение многих последующих лет я неоднократно обращалась к правительственным чиновникам и главам международных организаций. Мне требовалась их помощь, чтобы принудить к сотрудничеству такие несговорчивые государства, как Сербия, Хорватия и Руанда. Чиновники помогали мне в поиске доказательств, но прежде всего они способствовали задержанию беглых преступников, обвиняемых в военных преступлениях.

Место действия данной апелляции — старое здание Исполнительного управления рядом с Белым Домом. Помощник провел меня и моих сотрудников в управление. (Множество ложных декоративных колонн, вычурных карнизов и притолок — в последний раз столь тщетное усилие выразить мощь, стабильность и незыблемость я видела, прогуливаясь по Дворцу Бурбонов в центре Парижа.) Мы прошли по коридору, наши шаги отдавались гулким эхом. Затем вошли в неприметный кабинет и очутились лицом к лицу с Джорджем Тенетом, директором ЦРУ. На момент нашей встречи перед ним стоял ряд острых проблем. Саддам Хуссейн, несмотря на введение экономических санкций после вторжения Ирака в Кувейт десять лет назад и ухудшения жизни сотен тысяч иракцев, оставался у власти. Мировые цены на нефть подскочили до 35 долларов за баррель. Пройдет несколько часов после нашей встречи, и Шарон взойдет на Храмовую гору,

Харам аль-Шариф, в Иерусалиме, после чего начнется вторая интифада. Возможно, Тенет уже знал, что через несколько недель толпы людей выйдут на улицы Белграда и свергнут Слободана Милошевича. В Северной Корее Ким Чен Ир по-дилетантски разыгрывал карту атомного оружия. Агенты ЦРУ гонялись за Осамой Бен Ладеном. До 11 сентября оставалось 11 месяцев.

Мне надо было переговорить с Тенетом и согласовать действия моей службы с деятельностью ЦРУ и другими разведывательными органами с целью ареста двух главных преступников мира, Радована Караджича и Ратко Младича. Кроме всего прочего, трибунал ООН обвинял их в организации осады и артобстрела Сараево, в проведении этнических чисток, вызвавших миграцию сотен тысяч людей, и в убийстве около 7500 пленных мусульман-мужчин и подростков в Сребренице. Это было самое массовое истребление мирного населения в Европе с тех пор, как всего лишь через несколько недель после окончания Второй мировой войны расстрельные бригады коммунистов ликвидировали тысячи и тысячи военнопленных, которых союзники насильно репатриировали в Югославию.

По-английски я говорила плохо. Все утро мои помощники засыпали меня вопросами, в том числе и намеренно плохо сформулированными, готовя меня к встрече. Тенет знал, что Караджич и Младич натворили в Боснии и особенно в Сребренице. Казалось, мы поняли друг друга с первых минут разговора. Я считала, что он может поделиться разведданными ЦРУ, перехватами телефонных разговоров, помочь советом и поддержать операции по задержанию… в общем, всем тем, что ускорило бы арест не только этих, но и других беглых преступников.

Тенет отметил, что Караджич напоминает ему сицилийского мафиози. Ирония судьбы, подумала я. О сицилийских гангстерах я знала не понаслышке. Тенет, широколицый американец греческого происхождения, отличался средиземноморской страстностью, властностью и другими качествами, присущими сицилийским головорезам. Но мне это в нем нравилось. Любому мастеру шпионских игр для эффективной работы нужны именно такие качества. Он уверил меня, что ЦРУ активно ведет розыск, но поймать таких, как Караджич, который никогда не говорит по телефону и не подписывает никаких документов, довольно сложно. «Я гоняюсь за этими парнями по всему миру… Для поимки Норьеги нам потребовалось неделя и 20 тысяч солдат». Тенет упомянул бен Ладена, а затем добавил: «Караджич в моем списке — первый».

Я была польщена. Главный шпион единственной

сверхдержавы мира уверял нас, что его служба делает все возможное, чтобы отследить одного из наиболее разыскиваемых преступников. Полная надежд, я с легким сердцем вышла по гулкому коридору в сентябрьский день. (На этот раз колонны и карнизы действительно выражали мощь, стабильность и незыблемость.) Через несколько недель, выступая перед Советом безопасности ООН, я доложила, что по многим показателям первый год нашей работы оказался успешным. Мы сосредотачивали усилия на предъявлении обвинений высокопоставленным чиновникам, которых смогли отследить. Следственные бригады трибунала по Руанде готовили материалы для поведения судов над десятками исполнителей геноцида. Правительство Хорватии приступило к передаче документов, которые доказывали связь покойного Франьо Туджмана и других высокопоставленных хорватов с преступлениями, совершенными во время войны в Боснии и Герцеговине. Политические ветра, кажется, смещались в сторону Сербии, которая уже не будет находиться под властью Милошевича. Я полагала, что сумею разрешить проблемы следственной бригады трибунала по бывшей Югославии, получить неопровержимые доказательства, арестовать обвиняемых, осудить их, закрыть дела и перейти к решению новых задач.

Какая наивность! Я поверила, что Тенет подкрепит свои слова делами и не будет городить то, что итальянцы называют *muro di gomma*, то есть имитировать бурную деятельность, а по сути дела — отказать. Как часто после обращения к людям власть предержащим с неудобной для них просьбой или требованием, вас просто отфутболивают… Казалось, вы услышали то, что хотели услышать. Иногда даже создается впечатление, что ваши усилия принесли какие-то плоды.

Моя карьера началась с многократных столкновений с *muro di gomma*,[1] за которыми следовало сопротивление в грубой форме, а также угрозы физической расправы. Такие столкновения ждали меня во время встреч с могущественными людьми. Я наталкивалась на *muro di gomma* при встречах с финансистами мафии и швейцарскими банкирами и политиками, с руководителями государств, например, с Джорджем Бушем, с премьер-министрами, например, с Сильвио Берлускони. Мне устраивали *muro di gomma* бюрократы в правительственных учреждениях и различных департаментах ООН. В конце моей карьеры на это пошли и европейские министры иностранных дел, которые, казалось, были готовы заключить Сербию в объятия Евросоюза, хотя политические лидеры, полиция и армия Сербии укрывали тех, кто устроил хладнокровную резню военнопленных

на глазах у всего мира. Мне известен только один способ разрушения *muro di gomma* и служения делу справедливости: упорно и последовательно проявлять свою волю.

Смешно, но у немецкого философа XIX века, проповедника человеческой воли, упертого пессимиста Артура Шопенгауэра, хватило глупости написать, что коренной недостаток женского характера — отсутствие чувства справедливости:

> «…проистекает главным образом от отсутствия способности аргументировать… и размышлять, а также в силу того, что женщины, как слабейшие существа, одарены от природы не силою, а хитростью: отсюда их инстинктивное лукавство и непреодолимая склонность ко лжи. Ибо природа, снабдив льва когтями и зубами, слона — бивнями, вепря — клыками, быка — рогами, каракатицу (сепию) — мутящим воду веществом, одарила женщину для самозащиты и обороны искусством притворства…»[2][3]

Женщины доказали, что Шопенгауэр ошибался. Печально, но воинствующие националисты ухватились за его прославление воли и в течение двух самых кровавых веков в человеческой истории возглавляли военные преступления, уничтожившие миллионы людей. Я нахожу это высказывание нелепым, потому что сама являюсь участником процесса, который хочу усовершенствовать путем раскрытия в этой книге некоторых фактов. Задача этого процесса — покончить с безнаказанностью, которой на протяжении современной истории пользовались такие личности, как Пол Пот, заливший кровью поля Камбоджи; офицеры, приказавшие расстрелять тысячи насильно репатриированных югославских военнопленных в 1945 году, и такие предполагаемые (все еще предполагаемые) массовые убийцы, как Караджич и Младич. По сути, этот процесс — борьба, которая зависит в первую очередь от воли человека, и только потом — от положений законов, договоров или подразделов процессуальных норм. Посадят ли военных преступников за решетку, зависит от того, насколько у людей, особенно у представителей судебного сословия, хватит силы воли оспорить постулат «кто силен, тот и прав», сказать «да», когда все хором говорят «нет», снова и снова требовать справедливости, даже страдая от насмешек за свое нелепое донкихотство.

Столкновения с *muro di gomma* начались у меня вскоре после того, как в 1981 году я стала заниматься уголовными делами. Я приходила в швейцарские банки и просила служащих, одетых в прекрасные итальянские костюмы и обувь и уютно устроившихся

среди бюрократической роскоши, предоставить мне балансовые отчеты, расписки о вносе депозитов и сведения по трансфертам со счетов, контролируемых наркоторговцами итальянской мафии. Я ждала от этих швейцарских банкиров поведения, не принятого в их среде. Я требовала от них выполнения действий, которые вскоре отрицательно скажутся на прибыли их корпораций и поставят под угрозу их солидные годовые премии. День за днем я входила в раздвижные стеклянные двери на этажах, выложенных полированным мрамором, заходила в офисы, украшенные картинами абстракционистов, следовала за дежурным администратором по лабиринту коридоров в конференц-зал или отделанный драгоценным деревом кабинет. Там я объясняла, что данные финансовые институты обязаны предоставить свою отчетность, так как имеется достаточно доказательств (даже по банковскому законодательству Швейцарии, в котором, извините за клише, дырок больше, чем в швейцарском сыре), показывающих, что деньги на этих счетах представляют собой прибыль от криминальной деятельности. Улыбки, отказы и полуправда были здесь в порядке вещей. Затем, когда нам все же удалось пробить *muro di gomma*, мафия принялась названивать по телефону и угрожать, закладывать дистанционно управляемые бомбы, а я начала хоронить друзей. Это испытание оказалось жестче «резиновой стены». Но на моей стороне был закон и уверенность в правоте своего дела.

Испытание силы воли продолжилось иным образом, когда в 1994 году меня назначили генеральным прокурором Швейцарии. Я не стала банальным, расчетливым, осторожным и тихим чиновником. Со всем своим средиземноморским пылом, используя административный ресурс своей должности, я принялась убеждать парламент страны изменить законодательство Швейцарии, чтобы приоткрыть завесу банковской тайны и закрыть дыры, облегчающие отмывку денег наркокартелями, коррумпированными политическими лидерами и компаниями, которые ведут добычу природных ресурсов и обобрали до нитки десятки государств, особенно в Африке и других регионах третьего мира. День за днем я ходила по коридорам швейцарского парламента и правительства, просила людей, облеченных политической и бюрократической властью, изменить законодательство, которое за последние 60 лет помогло стольким людям в Швейцарии и за ее пределами стать богатыми, и почти ежедневно наталкивалась на *muro di gomma*. Но процесс доставлял мне удовольствие. Когда парламент принял новый закон о контроле над отмыванием денег, я была счастлива, что внесла свой вклад в улучшение имиджа Швейцарии и ее

финансовых институтов, неутомимо выдвигая обвинения против вкладчиков грязных денег, которые считали, что все еще пользуются безнаказанностью.

Мне сказали, что в сентябре 1999 г. некоторые швейцарские банкиры откупорили бутылки с шампанским, когда я оставила свою должность в Берне и перешла на работу в ООН в качестве главного обвинителя Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде. Больше я никогда не соглашусь совмещать две такие должности. Они поставили меня перед реалиями геноцида и преступлений против человечности: вонь массовых захоронений, пустые глаза жертв изнасилования, отчаяние миллионов людей, выселенных из своих домов, страшное зрелище стертых с лица земли населенных пунктов. Преступления такого масштаба никогда не носят локального характера. Они затрагивают каждого из нас, где бы мы ни жили. Они нарушают заветные принципы и втаптывают в грязь права и достоинство человека. Однако лидерам государств очень часто не хватает силы воли, а судам — авторитета и мужества возбуждать дела против высокопоставленных лиц, ответственных за такие действия. Единственной альтернативой безнаказанности оказывается международное правосудие.

Усиление результативности работы трибуналов потребовало от меня и работников прокуратуры напряжения всей силы воли, чтобы противостоять такой высокой и мощной *muro di gomma*, с которой я еще не сталкивалась. Мы постоянно призывали несговорчивые государства и их лидеров пойти на сотрудничество с нашими трибуналами. Просили их передать нам документы, изобличающие влиятельных политических и военных деятелей. Требовали обеспечить защиту свидетелей, которым постоянно угрожали, а также арестовать и передать нам обвиняемых. Все эти вопросы решались с большим трудом. От постоянного повторения событий пресса стала терять к ним интерес. СМИ нужны свежие новости, и мы уже не рассчитывали на то, что пресса поднимет шум, а население поддержит нас. Наши требования раздражали чиновников и руководителей, которые улыбались, пожимали руки, давали обещания, но, спрятавшись за *muro di gomma*, бездействовали. Я непрерывно повторяла: арестуйте их, арестуйте их, арестуйте их… Милошевича, Караджича, Младича, Готовину, Лукича… В результате из меня сделали карикатуру на женщину, страдающую эхолалией. Несговорчивая Сербия обвинила меня в потере чувства политической реальности. Подобные слова я услышала в Руанде, когда дело дошло до расследования действий боевиков тутси. Надо мной насмехались послы, министры и ученые мужи, в

том числе и те, которым были выгодны взаимоотношения с этими государствами. На меня оказывали давление, чтобы я не возбуждала уголовных дел против определенных лиц, осужденных в бывшей Югославии, или не расследовала убийства архиепископа, двух епископов и католического священника в Руанде. Помню, как генеральный секретарь ООН посоветовал мне прекратить заниматься политическими играми, когда я попыталась воздействовать на членов конгресса США и парламента Европейского Союза, чтобы они оказали давление на Сербию и заморозили финансовую помощь этой стране. Помню, как я получила указания из секретариата ООН в Нью-Йорке и совет из Вашингтона не принимать приглашение посетить Черногорию в 2000 году, так как они получили надежные разведданные о намерениях Милошевича и его генералов арестовать меня как военного преступника. (Позавтракав в Дубровнике, я помчалась на машине по Адриатическому побережью в Черногорию и не встретила там ничего угрожающего, кроме высокой черногорской *muro di gomma*).

Эти мемуары не претендуют на всесторонний отчет об уголовных расследованиях, проведенных трибуналами ООН в 1999–2007 гг. за те восемь лет, что я провела в Гааге. Скорее, это воспоминания о том, как я, прокурор из Швейцарии, обладающий определенным опытом международной работы, возглавила эти трибуналы, и как мы единой командой изо всех сил старались служить отправлению правосудия и добивались взаимодействия с людьми, которые во многих случаях не шли на сотрудничество и не испытывали к этому никакого желания. Трибунал по бывшей Югославии и трибунал по Руанде, первые международные трибуналы по военным преступлениям, созданные после вынесения окончательных приговоров в Нюрнберге и Токио после Второй мировой войны, не пользовались авторитетом своих предшественников. Совершить акт правосудия победителя в Нюрнберге и Токио было относительно простой задачей по сравнению с той работой, которой Совет Безопасности ООН ожидал от международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. В Нюрнберге и Токио армии-победительницы наделили прокуроров всеми полномочиями на работу со свидетелями, получение документированных доказательств и арест лиц, обвиняемых в военных преступлениях, хотя только из числа побежденных немцев и японцев. У нас таких полномочий не было. Мы могли рассчитывать только на свою смекалку и силу воли, преследуя высокопоставленных лиц всех сторон конфликтов в Руанде и бывшей Югославии. Конечно, мы получали дипломатическую поддержку, а временами и серьезную помощь

от некоторых политических лидеров Хорватии и Сербии, которые понимали, что осуждение военных преступников поможет восстановить законность в их странах и примирить людей, разобщенных ужасными воспоминаниями. Иногда политические подвижки играли нам на руку. Иногда мы подгадывали нужное время. Иногда политические тенденции оборачивались против нас. Иногда мы ошибались, а иногда и ссорились внутри нашей команды.

Уроки, извлеченные из успехов или неудач в работе трибуналов, бесценны, так как само существование этих организаций — беспрецедентно. Работа велась на пограничной линии между национальными суверенитетом и международной ответственностью, в серой зоне между правовой и политической сферами. Прокурорам и судьям эта зона в основном неизвестна. Ее обитатели — политические лидеры и дипломаты, солдаты и шпионы, торговцы оружием и преступники, — считают, что они пользуются безнаказанностью, могут совершать крупные преступления и не понесут за это никакой ответственности. Эту зону пересекают *muro di gomma*, в ней полно скрытых ям. Международным юристам, работающим от Ливана до Сьерра-Леоне, от Руанды до Конго, от Голландии до Камбоджи, следует составлять карты этой зоны и разрабатывать навигационные инструменты. Этой книгой мне хочется внести свой вклад в их разработку. Когда я слишком расстраиваюсь или чувствую, что с меня хватит, мне достаточно лишь вспомнить жертв преступлений в Югославии или Руанде, особенно женщин и детей. Вспомнить, с какой отвагой день изо дня они дают свидетельские показания в Гааге и Аруше против преступников, среди которых есть и женщины, обвиняемых в военных преступлениях. Один из пострадавших — свидетель обвинения «О» на первом суде в Сребренице. В июле 1995 года, когда сербская армия под командованием, как утверждают, Радована Караджича и Ратко Младича вошла в город и начала массовые убийства, ему было 17 лет. 14 апреля 2000 года в сорока шагах от моей кафедры свидетель О. давал показания против Радослава Крштича, одного из генералов Младича, которого впоследствии обвинили в пособничестве и подстрекательстве к геноциду. Свидетель рассказал, как он сдался в плен боснийским сербам, одетым в военную форму. Ему приказали снять одежду, липкую от высохшей мочи, и встать у кромки поля, усыпанного мертвыми телами:

Там было несколько сербских солдат… за спиной у нас… Я подумал, что умру быстро, и не буду мучаться. И еще подумал, что моя мама никогда не узнает, где я закончил свою жизнь…

Кто-то сказал: «Ложись». И когда мы стали падать… началась стрельба… не знаю, что было потом…Я ни о чем не думал… Подумал только, что это конец. Не знаю, потерял ли я в тот момент сознание, может, и не терял… Знаю только, что пока падал, почувствовал боль в правой стороне груди…

Ну, думаю, может позвать их, пусть прикончат меня, так мне было больно… Но если не умру здесь, выживу, и меня заберут отсюда живым, то мои страдания только продлятся… И тут я увидел солдатский ботинок рядом со своим лицом. Глаза я не закрывал, продолжал смотреть. Но солдат перешагнул через меня и выстрелил в голову человека, который лежал рядом со мной. Тогда я закрыл глаза, и мне попали в правое плечо.

Я был между жизнью и смертью и не знал, хочу я жить или нет. Но решил не звать их, чтобы добили. Только молил Бога, чтобы они пришли и пристрелили меня…[4]

Когда палачи уехали, свидетель О. поднял голову и нашел среди мертвых тел еще одного выжившего. Он позвал его, перекатился к нему через трупы и, изловчившись, поднес связанные руки к его рту, чтобы он развязал веревки.

На мужчине была зеленая футболка и жилет… Он снял майку, порвал ее… Когда он перевязал меня, я уснул у него на коленях, ведь я так долго, долго не спал… Мы оставались там до утра… Потом он разбудил меня и спросил: «Куда пойдем?» «Не знаю», — ответил я.

К моменту моей второй встречи с Джорджем Тенетом весной 2001 года я уже выслушала множество подобных рассказов свидетелей. На этот раз местом встречи стала штаб-квартира ЦРУ, комплекс из стекла и бетона, вершину которого венчала антенна, передающая волю этого человека в каждую столицу и уголок мира, раздираемый войной. К этому времени Милошевича лишили власти, и он сидел в белградской тюрьме. Джордж У. Буш вступил в должность и уже показал, что не поддерживает идею учреждения постоянного международного суда по военным преступлениям. Я шла на встречу с Тенетом в сопровождении работников отдела по военным преступлениям Госдепартамента США, которых, казалось, больше волновало, как бы умерить мое красноречие и требования. Один из них напомнил, что мне необходимо выразить горячую признательность этим людям за ту исключительную помощь, которую Соединенные Штаты оказывают нам. Колин Пауэлл, Госсекретарь в администрации Буша, поддерживал наши усилия по переводу Милошевича и других обвиняемых под стражу Международного трибунала по Югославии. Но я уже благодарила генерала Пауэлла, да и по другим причинам устала повторять пустую благодарность в

глухие уши.

Тенет встретил меня прямо в коридоре еще до начала совещания.

— Карла, — сказал он, — моя дорогая мадам Прокурор!

Далее последовали *bacini bacetti*, притворные прикосновения щеками, которые я терпеть не могу. Мы вошли в конференц-зал без окон. Стены отделаны под дерево, кажется, под вишню. Тенет подождал, пока я не займу место рядом с ним, и сел во главе стола. Неформальным тоном он произнес какие-то незначащие слова. Сказал, что не может рассказать мне все то, чем занимается ЦРУ. Ну, это понятно. Сообщил, что арест наших преступников для него — задача номер один, но операции по их задержанию провалились. Именно эти его слова позволили мне безболезненно перейти к делу без лишних цветастых и неискренних фраз. Возможно, с моей стороны было ошибкой рассчитывать на то, что Тенет, руководитель шпионской сети сверхдержавы мира, человек средиземноморского темперамента, прямой и резкий в обращении, не примет искренность за неуважение.

— Джордж, мы встречались с вами в сентябре. Тогда вы сказали, что Караджич — преступник номер один для ЦРУ. Прошло шесть месяцев, но, судя по результатам, мне трудно вам верить…

Руководители разведки не любят, когда сторонние люди указывают им, как вести дела. Многие из них полагают, что преследование военных преступников в далеких странах приносит одни убытки. Может быть, мои слова укололи Тенета в присутствии его подчиненных. Но он понимал, что я пришла к нему не затем, чтобы благодарить Соединенные Штаты за финансовую поддержку ООН, а для того, чтобы обсудить вопросы ареста Караджича и Младича. Теперь я понимала, что на нашей первой встрече в сентябре 2000 года он возвел между нами *muro di gomma*, сказав, что Караджич на пару с бен Ладеном стоит у него в списке первым. Но если директор ЦРУ говорит мне, что арест Караджича для него — задача номер один, то, по моему разумению, оперативники ЦРУ вполне компетентны выполнить указания шефа в соответствующие сроки.

— Какие меры предпринимаются для проведения арестов? Как ЦРУ может сотрудничать с Трибуналом? Канцелярия обвинителя планирует создать бригаду для судебного преследования беглых преступников, — сказала я, а затем предложила разработать новую стратегию по поимке Караджича. Я полагала, что в рамках законодательства США мы сможем делиться информацией и наладить совместную работу с

разведками других стран, особенно Франции, Великобритании и Германии.

— Если вы не намерены действовать, — заметила я, — думаю, вам следует, по крайней мере, оказать нам поддержку.

— Знаете, мадам, — ответил Тенет, — мне плевать на то, что вы думаете…

Глава 1
Борьба с muro di gomma до 1999 года

Еще совсем маленькой девочкой я вместе с братьями охотилась на змей. Среди известковых скал и в лесах, окружающих нашу деревушку Биньяско, где мы росли, водилось много гадюк и других ядовитых тварей. Деревня в 200 дворов располагалась в верхней части долины Маджа, в Швейцарских Альпах выше Локарно. Каждую неделю я садилась в небольшой голубой поезд и ехала в Локарно на урок фортепьяно. Когда я стала заниматься музыкой, мне было всего девять лет, но мама разрешала мне ездить на уроки музыки одной: поездка занимала всего час, а Швейцария была тихой и безопасной страной. Мой старший брат, Флавио, вскоре обнаружил, что рядом с домом учителя музыки находится зоопарк, а рядом с ним — медицинская лаборатория, которая принимает гадюк для изготовления антивенина, противоядия от укусов змей. Но самое интересное для нас заключалось в том, что лаборатория платила 50 франков за каждую такую красно-коричневую тварь. В 1950-х годах 50 франков были огромными деньгами. Мы с братьями годами возились со змеями, что было не менее опасно, чем ловить их.

Чтобы получить вознаграждение, надо было привезти змей в Локарно живыми, а родителям мы не хотели говорить, чем занимаемся. Наша собака, черный bastardo[5] по кличке Клифф, был экспертом по преследованию гадюк и не боялся их, хотя один раз змея все же его укусила. Флавио сделал ему укол антивенина, который мы носили с собой на всякий случай. Клифф два-три дня помучился, но выжил, и теперь в горах мы всегда следовали за ним. Он неизменно выводил нас на змею. Мы прижимали гадюку небольшой рогатиной, затем один из нас хватал ее сзади за голову и опускал, извивающуюся, в мешок.

В Локарно постоянно ездила только я. Поэтому и змей в лабораторию приходилось возить мне — в коробке из-под обуви с небольшой вентиляционной дырочкой. Мы охотились за ними все лето, и наш секретный фонд франков постепенно увеличивался. Мы приобрели ловушку и специальный стеклянный ящик, чтобы держать змей под кроватью моего старшего брата Флавио. Шли недели, я видела, что мои браться стали принимать меня за равную. Как-то в поезде одна из гадюк задрала голову вверх и попыталась пролезть через отверстие в коробке. Тварь была крупной. Я шлепнула ее папкой с нотами, но она все равно

пыталась выскользнуть. Я заволновалась, но не испугалась, сумела доставить ее в лабораторию и получить свои 50 франков. Конечно, мне было известно, что перевозить ядовитых змей на поезде запрещено. Однажды во время очередной доставки кондуктор что-то заподозрил и спросил, что я везу. Я знала, что не смогу солгать, и ответила, что везу гадюку. Он сначала рассмеялся.

— Твои родители знают, чем ты занимаешься?

— Нет, — как можно беспечнее ответила я.

После каждой станции проводник шел по поезду, компостировал билеты и спрашивал, как поживает моя змея. Несколько дней спустя он, очевидно, встретил мою маму: она пришла домой рассерженная, наказала нас и запретила ловить змей. Так закончились наши заработки.

Я понимала, что не могу лгать проводнику поезда из-за уважения к маме. Всю жизнь я руководствуюсь уроками, полученными от нее в детстве. Они настолько просты, что легко запоминались, и настолько незамысловаты, что приводить их здесь просто банально. Помню, например, как мама учила меня хорошим манерам. Она была гордой, свободолюбивой женщиной. Звали ее Анджела. Она никогда не давала воли своим эмоциям, но зато вызывала недоумение в соседних деревушках, когда мы гоняли по долине в мамином автомобиле марки MG Roadster. Опустив верх, мы мчались по дороге на полной скорости, наши волосы развевались на ветру. Когда мне было шесть или семь лет, мама ставила меня в одном конце длинного коридора в доме, сама садилась на лестнице в другом его конце и учила меня ходить, держа спину прямо, затем подходить к ней и делать реверанс, как будто мы не знакомы. Помню, она говорила мне, что если я попаду в беду, и если мне придется бороться за правду, когда я буду уверена в своей правоте, она всегда поддержит меня. Она много раз повторяла мне это. Ее слова врезались мне в память, и долгие годы придавали мне силы. Всякий раз, когда на меня давили, когда я чувствовала опасность, когда меня критиковали, я спрашивала себя, права ли я, верно ли поступаю. И если отвечала «да», то чувствовала ее поддержку. Меня это воодушевляло, и я упорно продолжала свое дело. Наивно? Возможно. Банально? Конечно. Но честно.

Без маминой поддержки и без той уверенности, которую она мне передала, я, возможно, ушла бы в жизнь из Биньяско другим путем. Я не стала бы змееловом или юристом, судебным следователем или государственным прокурором. Я бы никогда не уехала из Тичино, нашего итало-говорящего кантона, и не научилась бы проявлять свою волю. Я не чувствовала себя

обделенной в детстве, поэтому не могу сказать, что выносила обвинения людям, которых считала виновными, из-за подсознательного желания отыграться. Я выросла в процветающем городке, в богатой мультикультурной стране. Нейтралитет этой страны, ее богатство, политическая стабильность и уважение к местной автономии в течение многих десятилетий укрепляли ее основы и защищали от разрушительных войн. Скорей всего, спокойное детство и размеренный образ жизни наделили меня чувством уравновешенности. Мне хотелось применить свой талант и энергию в системе уголовной юстиции, чтобы восстанавливать душевный покой тех, кто теряет его по вине преступников. Возможно, я просто унаследовала глубоко затаенное стремление уничтожать зло. Возможно, я амбициозна и одновременно жажду внимания и азарта. Того внимания, которое я получала от мамы, и того азарта, который мы ощущали, мчась в мамином Родстере по дороге в Швейцарских Альпах. Однако сейчас это стремление превратилось в нечто большее, чем поиски внимания, азарт или намерение уничтожить зло. Мое стремление вышло на более высокий уровень. Оно превратилось в желание покончить с безнаказанностью, которая так долго позволяла сильным мира сего приносить беды миллионам и миллионам людей, от владельцев магазинчиков, вынужденных еженедельно платить рэкетирам за «крышу», до бедных изгоев, изгнанных солдатами из своих жилищ, изнасилованных, ограбленных или уничтоженных.

Дель Понте поколениями жили в Биньяско и владели землей вокруг деревни. Мои предки получили свою фамилию по названию каменного моста в деревне, рядом с которым стоял их дом. У моего дяди был сельский магазинчик, торговавшим всем, от яиц до взрывчатки. Мой отец владел небольшой гостиницей, занимал должность деревенского секретаря и управлял местной больницей. Во время Второй мировой войны он распределял продуктовые карточки и познакомился с моей мамой, 20-летней патронажной сестрой. Она приехала в Биньяско ухаживать за детьми в одной богатой семье. Я появилась на свет 9 февраля 1947 года. Той зимой вся Европа замерзала от холода. Я была второй из четверых детей и единственной девочкой. Мои братья, сами того не желая, научили меня отстаивать свои права. Они постоянно напоминали мне, что я девчонка, и сначала не хотели брать меня с собой на рыбалку на реке Маджа, где ловили форель. Река протекала в нижней части долины. Они говорили, что течение Маджи слишком коварно, и нечего девчонке бродить в ней из-за нескольких рыбешек. Как будто мальчишки не могли утонуть! Именно моя мама показала мне, как забрасывать леску,

и попросила одного деревенского рыбака научить меня подсекать форель на искусственную мушку. Так что я, как хвостик, следовала за братьями по пятам. Я даже увязывалась за ними, несмотря на все их возражения, на охоту в лес, в горы. Там мы взбирались на верхушки деревьев и глазели с них на долину, лес, скалистые горы и вечную реку.

В Биньяско и соседних деревнях была только начальная школа. Когда мне исполнилось 11 лет, родители отдали меня в интернат при римском католическом монастыре в городе Беллиндзона. Для того времени он находился далеко от Биньяско. Я не возвращалась домой каждую неделю, не бегала так свободно, как когда-то в долине Маджа. Но монастырский интернат не напоминал тюрьму, и я никогда не страдала. Может быть, потому что одна из монахинь была моей тетушкой, сестрой отца.

Окончив начальную школу, я перевелась в другой интернат, в городе Ингенбол, в немецкоязычной части Швейцарии, где закончила учебу и получила диплом бакалавра. Это была известная школа. В ней учились девочки из многих стран. По понедельникам и вторникам мы говорили только на английском; по четвергам и пятницам — на французском; в остальные дни — на немецком. Думаю, нужно обладать определенными чертами характера, чтобы выдержать такую жизнь в женском интернате без каких-либо негативных последствий. Чтобы соблюдать правила поведения и жесткую дисциплину, необходимо чувство независимости и уверенности в себе, а именно эти качества и передала мне моя мама. Монахини научили меня организовывать свое время. Я взяла от них лучшее: академические знания, уроки фортепьяно, научилась играть в теннис, освоила верховую езду… Иногда мы с подругами тайком убегали в соседний городок, где был католический интернат для мальчиков. В последние два года мне разрешили снимать комнату вместе с тремя другими девочками в Брюннене, курорте на берегу озера Люцерна. Мы были полностью свободны и от родителей, и от монахинь, за исключением времени занятий в школе. Нас никто не донимал. Для девочки-подростка это была фантастическая жизнь. Но надо было сдавать экзамены и, конечно, все ночи напролет мы листали учебники.

Отец сказал мне, что в университет я не пойду. Он заявил, что мне незачем продолжать обучение. Возможно, он просто испытывал мою решимость: «Ты — женщина, — сказал он, — и выйдешь замуж. Не заставляй меня тратить на тебя деньги».

Но мне не хотелось запираться в четырех стенах в окружении детей. Поэтому назло ему я поступила в университет в Берне и не стала итальянской женой-кухаркой. Сначала я хотела последовать

примеру моего брата Флавио и изучать медицину, но узнала, что придется учиться семь лет, а для меня это было слишком долго. Тогда я решила сделать карьеру в юриспруденции. Целый год я жила в Берне под присмотром Флавио. К нему приходило много друзей, и мне хотелось познакомиться с каждым из них. Иногда я ходила с ним на лекции, смотрела на будущих молодых врачей. Он приводил их к нам и знакомил со мной.

Проведя год в Берне, я перевелась на юридический факультет в Женеву, и в 1972 году защитила диплом. Меня ждала абсолютно заурядная жизнь. Я вышла замуж за своего возлюбленного, тоже студента юрфака, Пьерра-Андре Бонвина, сына президента Швейцарской конфедерации Роджера Бонвина. Но жили мы далеко друг от друга: он остался в Женеве и заканчивал учебу, а я вернулась в Лугано и занялась частной практикой. Наш брак распался, когда я влюбилась в Даниэля Тимбала, адвоката, который вел коммерческие дела в Лугано. Еще до того, как я вышла за него замуж, Тимбал посоветовал мне представлять женщин в бракоразводных процессах. Это был хороший совет… в некотором смысле. Я преуспела в этих процессах, мне хорошо платили. Мы с Тимбалом открыли адвокатскую практику. Я приобрела свою первую сумочку от Луи Вуиттона. Купила бы и для мамы, но сумочек у нее хватало.

Научившись водить спортивные гоночные автомобили на трассе в Хокенхайме, Германия, я приехала в Биньяско на своем «Порше-911SC». Посадила в него мою маму — и *ее* маму — и покатала их со скоростью 200 километров в час. Но бракоразводные процессы мне надоели. День за днем я сидела в конторе, выслушивала от клиентов нудные подробности крушения их любви и старалась наставить их на путь истинный. Иногда местный суд поручал мне защищать людей, обвиняемых в уголовных преступлениях, кражах и грабежах. Это позволило мне наработать определенный опыт в уголовном законодательстве. Обвиняемому важно иметь хорошего защитника.

Но и эта работа не приносила мне удовлетворения, особенно в рамках гражданского законодательства, действующего в Европе. Как адвокат защиты, вы получаете дело, знакомитесь с изложенными в нем обстоятельствами, изучаете доказательства и почти всегда видите, что обвиняемый виновен. Я приходила к своим подзащитным в тюрьму. Они хныкали и говорили, что не виноваты, но убедительных аргументов не предоставляли. Как правило, я теряла терпение. Мне было тошно от того, что в зале суда приходится защищать тех, кто должен, как я знала, сидеть в тюрьме. Думаю, что завет моей мамы оставаться верной самой себе заставил меня подумать еще раз не только о тех, кого я

защищаю, но и вообще о деятельности защитника. В августе 1977 года я родила сына Марио. Половину дня сидела дома, а потом уходила на работу. За сыном присматривала няня.

В 1980 году я подала заявление на должность в органах обвинения: juge d'instruction — судебный следователь, член стороны обвинения, который проводит расследование и передает результаты обвинителю, представляющему дело в суде. В то время в Швейцарии почти все судебные следователи были мужчины. Помню, как я предстала перед судейской коллегией для собеседования перед назначением на должность. Один из вопросов, который коллегия посчитала уместным задать, касался моего желания иметь второго ребенка. В то время я была замужем за Тимбалом. Я не была кандидатом-новичком. Мои светло-каштановые волосы начали седеть, и в отчаянной попытке сохранить молодость я красилась под блондинку. Члены коллегии ясно дали мне понять, что, если я хочу иметь еще детей, то должность не получу. Сам этот вопрос разозлил меня, особенно потому, что задавала его женщина-судья. Я гневно ответила, что коллегия не имеет права задавать мне вопросы личного характера. Моя личная жизнь — это мое частное дело, сказала я, и копаться в ней неуместно. Так я отреагировала на их вопрос нападением, тем не менее, должность мне дали.

В ходе работы судебным следователем я специализировалась на финансовых нарушениях. Лугано — прекрасное место для проворачивания финансовых махинаций. Город расположен на границе Швейцарии с Италией, по обе стороны главного транспортного коридора из Женевы и Цюриха в Милан, Венецию, Флоренцию, Рим и другие богатые города и порты Италии. После Второй мировой войны пограничный и таможенный контроль между двумя странами был сведен до минимума. Лугано — родной дом для банкиров, говорящих на итальянском, рабочем языке сицилийской мафии. Кроме того, Лугано, как и остальная Швейцария, обладает многолетней традицией хранения банковской тайны. Некоторых швейцарцев тешит вера в то, что их законодательство о защите банковской тайны было принято с целью защиты активов немецких евреев, ставших объектом шантажа гестапо во времена гитлеровской Германии. Более правдивая версия, насколько мне известно, гласит, что в начале 1930-х годов французские власти поймали швейцарских банкиров на том, что они приезжали в Париж к своим клиентам, которые желали избежать уплаты налогов. У банкиров на руках оказались досье с номерами счетов и именами их владельцев. Последовавший скандал привел к тому, что швейцарский парламент принял в 1934 году «Закон о банках». По этому закону

банкиры Швейцарии не имели права, под страхом крупных штрафов и тюремного заключения, раскрывать конфиденциальные сведения о своих клиентах, если только власти не докажут, что на банковских счетах хранятся средства, полученные от преступной деятельности. Но к ней по швейцарскому законодательству не относится уклонение от уплаты налогов и другие деяния, которые Швейцария рассматривала как мелкие проступки, но не преступления. Итак, по швейцарской системе получалось, что отмывание денег, т. е. совершение финансовых сделок таким образом, чтобы скрыть принадлежность, источник и предназначение денег и, в результате, не платить налоги, а также спрятать следы, позволяющие установить их отношение к сфере криминальной деятельности, происходило в каком-то «тридевятом царстве». Швейцарские банки фактически разрешили открывать анонимные счета. Местные банкиры почти не интересовались происхождением больших вкладов или назначением крупных исходящих платежей. Удобство такой финансовой среды для наркоторговцев, нелегальных торговцев оружием, коррумпированных правительственных чиновников и криминальных организаций очевидно.

Мое участие в финансовых делах началось после того, как в Лугано приехал судебный следователь из Италии и попросил нашу прокуратору помочь ему в расследовании преступлений с участием сицилийской мафии. Все следователи в прокуратуре Лугано уже вели собственные дела. Им явно не хотелось тратить время или жертвовать своей карьерой и помогать какому-то иностранцу, который, как попрошайка с оловянной кружкой в руках, просил о содействии. Кроме того, оказать ему помощь — значит, начать борьбу с местным банковским сообществом, поставив под угрозу свою карьеру, а также с сицилийской мафией, что уже представляет угрозу для жизни. Я же пришла на работу в прокуратуру недавно, и была самым молодым судебным следователем. Мои знания о мафии были почерпнуты из итальянских детективов и саги «Крестный отец» о преступной семье Корлеоне. Мне сделали предложение, от которого я не могла отказаться, еще не зная, что оно изменит мою жизнь и придаст ей высший смысл.

Следователь из Италии оказался одним из самых видных деятелей Италии XX века. Джованни Фальконе, красивый мужчина с всепоглощающим стремлением покончить с той безнаказанностью, которой организованная преступность слишком долго пользовалась на его родине, Сицилии. Он приехал в Лугано в 1981 году, чтобы получить сведения о средствах,

проходящих через местный банковский счет. Он привез доказательства, что деньги на этом счету — грязные, и даже по швейцарским законам я могла заморозить его и потребовать балансовый отчет. Кроме того, Фальконе хотел допросить банкиров, которые вели данный счет. Ему нужна была информация о владельцах счета и о людях, его обслуживающих. По швейцарскому законодательству руководить допросами с участием иностранных следователей должен швейцарский судебный следователь. Я для проформы спросила свидетелей и их адвокатов, не возражают ли они, если Фальконе задаст им несколько вопросов. Они не возражали. Первое дело, с которым он приехал в Лугано, вывело на второе, второе — на третье и четвертое. Фальконе обладал обаятельной внешностью. В ходе допросов, которые мы проводили вместе, я старалась усвоить все, что он говорил, изучить как можно больше его методов. У меня в голове сложилась подробная карта сицилийской мафии, ее участников и их методов. Я неустанно посещала банки Лугано и требовала предоставления балансовых отчетов и бланков регистрации сделок по подозрительным счетам. Банкиры то и дело мне отказывали. Я наталкивалась на *muro di gomma* и возвращалась с повторным запросом на документы. Нередко я их получала. Работа приносила мне удовольствие и научила меня проявлять силу своей воли в процессе совершения правосудия.

В то время, когда я начала расследовать дела мафии, я еще раз уяснила для себя, что обладаю прирожденной слабостью к итальянцам, горячим и крепким мужчинам, но абсолютным шовинистам, принимающим в штыки женщину, возвращающуюся с работы позже мужа, холодную кухню и отсутствие приготовленного спагетти. Мой второй и последний брак распался по обоюдному согласию. Сын Марио остался со мной. Я наняла няню, которая стала жить с нами. Мои разводы злили моего отца, но мама реагировала на них спокойно. В 1983 году для Марио наступила пора идти в школу. Мы с мамой решили, что в рабочие дни она будет жить с ним в доме, где я провела свое детство. Биньяско гораздо спокойнее Лугано. Марио сможет ходить в ближайшую школу, а бабушка лучше, чем няня. На уикенд я буду их навещать, по долине Маджа это всего час езды. Так продолжалось три школьных года, пока после инсульта не умер мой отец.

В 1982 году я стала расследовать финансовые аспекты дела, затрагивающего Роберто Кальви, чья загадочная смерть в Лондоне в июне того года в течение многих лет не будет сходить с газетных полос, питая воображение конспирологов всех стран. Кальви был председателем правления второго по величине

итальянского банка Ambrosiano со штаб-квартирой в Милане. Банк имел связи с Ватиканом и сицилийской мафией. Законодатели в течение многих лет ставили под вопрос чистоту Ambrosiano. В 1978 году Национальный банк Италии объявил, что Ambrosiano незаконно перевел несколько миллиардов лир за рубеж. В 1981 году суд приговорил Кальви к четырем годам тюремного заключения и штрафу в несколько миллионов долларов. Он был отпущен под залог до апелляционного суда и в течение нескольких месяцев Ambrosiano прекратил свое существование. Кальви исчез из Рима и бежал из Италии явно через Югославию, используя подложный паспорт. Восемь дней спустя лондонский почтальон обнаружил его повешенным под мостом «Монахов-доминиканцев» (Blackfriars) через реку Темзу. На нем были наручные часы Patek Philippe, бумажник набит швейцарскими франками и другой валютой. Британские власти объявили, что Кальви покончил жизнь самоубийством.

В связи с делом банка Ambrosiano полиция Лугано арестовала итальянца по имени Флавио Карбони. Я допросила Карбони и оформила процедуру выдачи преступника Италии. Допрос Карбони ничего не дал. Он отрицал свое участие в убийстве Кальви, хотя признал, что встречался с ним тем вечером, когда его тело было найдено болтающимся на веревке над Темзой. В октябре 2002 года независимая судебно-криминалистическая экспертиза установила, что Кальви был убит. Три года спустя Карбони вместе с четырьмя другими обвиняемыми предстал перед судом в Риме. В июне 2007 года их оправдали.

Расследования Фальконе привели к арестам, которые вывели на след знаменитой сети наркоторговцев «Связь через пиццерию». В результате возникло одно из самых запутанных уголовных дел в истории Италии и Америки. С 1975 по 1984 года организация сицилийских наркоторговцев «Связь через пиццерию» торговала героином и другими наркотиками через сеть пиццерий в Соединенных Штатах. Предполагаемая сумма выручки составила 1,6 млрд долларов. Сеть стали распутывать после того, как в аэропорту Палермо полиция задержала несколько мужчин при попытке контрабандного ввоза валюты. Перед судом предстали более двадцати обвиняемых, все сицилийцы. Одного убили до начала суда, двух других застрелили в ходе процесса. Осведомитель, или *pentito* по-итальянски, согласился дать показания после того, как преступный клан Корлеоне убил члена его семьи и попытался убить самого осведомителя.

Непосредственно перед завершением судебного процесса «Связь через пиццерию» полиция Лугано арестовала финансиста мафии, Оливьеро Тоньоли, в связи с отмыванием миллионов

долларов, полученных от продажи героина и других наркотиков. Ордера на арест были выписаны и в Швейцарии, и в Италии. Тоньоли решил сдаться нам, но пожелал скрыть факт добровольной сдачи. В итоге он получил три года тюрьмы.

В связи с расследованием по делу Тоньоли я впервые поехала в Палермо. До этого Фальконе просил меня не приезжать, так как это было опасно. Несколько месяцев спустя, в июне 1989 года, он дал зеленый свет. Я встретилась с ним в его офисе. Нас обоих круглосуточно сопровождали итальянские телохранители. Все это было не очень приятно, но я решила потерпеть несколько дней. Я не могла понять, как все это ежечасно, год за годом, выдерживал Фальконе. За день до моего возвращения в Швейцарию мы ужинали в ресторане. Фальконе сказал, что завтра мы пораньше закончим работу и поедем на море, он снял там домик, мы искупаемся. Я не ответила ни да, ни нет. Купаться мне не хотелось, но я из вежливости не сказала об этом, сменила тему, и разговор принял другой оборот. На следующее утро мы встретились в офисе, и я сказала Фальконе, что хотела бы съездить в Палермо посмотреть достопримечательности и пройтись по магазинам. На пляж мы не поехали. Наши планы изменились случайно. Но кто-то в ресторане — единственное место, где мы говорили о поездке на море, — подслушал этот разговор и сообщил мафии о наших планах. На следующий день полиция обнаружила на пляже 57-килограмовый мешок с взрывчаткой и радиоуправляемым детонатором.

В 1988 году я стала прокурором кантона Тичино. Расследования моей прокуратуры, проведенные совместно с Фальконе и другими обвинителями Италии, привели к арестам многих людей, в том числе и банкиров Лугано. Мафия стала называть меня La Puttana, проститутка. Возможно, кличка была данью уважения, знаком, что мы уже близко подбираемся к ним. Позже мы узнали, что швейцарские банки нанимали итало-язычных управляющих счетов для своих отделений в Женеве, Цюрихе и других городах с целью обслуживания итальянцев, выводящих свои операции из Лугано, так как риск замораживания их счетов, как сказал нам информатор, был слишком высок.

Я гордилась определением, которое дал мне Фальконе в интервью одной газете, — «персонификация упорства». Кроме того, я гордилась тем, что моя мама следила за сообщениями в прессе и по телевидению о работе моей прокуратуры. Время от времени она просила меня быть уступчивей. Мы с братьями должны были регулярно звонить ей и сообщать ей, как у нас дела. Я делала это по крайней мере раз в неделю. У мамы сложились близкие отношения с моим сыном. Я не жалею о том времени,

которое он провел с ней, а не со мной. Ему больше нравилось жить в Биньяско. Там он был свободен, завел близких друзей. Ему всего хватало.

В субботу, 23 мая 1993 года, я гостила у своей мамы в Биньяско. Не помню, чем мы занималась, но около шести часов вечера зазвонил телефон. На проводе был офицер полиции. Он сообщил мне, что Фальконе мертв. Затем я посмотрела теленовости из Палермо. Гангстеры взорвали радиоуправляемую бомбу, и автомобиль Фальконе разнесло на куски. Он, его жена Франческа Морвилло, следователь по делам несовершеннолетних, и три телохранителя погибли. Взрыв образовал воронку в грунте, вдребезги разнес автомобиль, вокруг валялись куски покореженного металла. Я не верила своим глазам, не могла оторваться от экрана телевизора. Но не плакала. Во мне закипала злость на мафию. Особенно после того, как я узнала, что покушение организовал глава клана Корлеоне, Сальваторе Риина, печально известный босс боссов, или *capo dei capi*, сицилийской мафии. Я хотела поехать на похороны Фальконе. Но из соображений безопасности это оказалось невозможным. Меня охватило чувство опустошенности, и не только из-за гибели друга и наставника. Я увидела судьбу, ожидающую каждого, кто осмелится открыто посягнуть на безнаказанность, которой слишком часто пользуются влиятельные преступники и политические деятели. Меня охватило чувство неопределенности своего положения и ответственности за сына. Я стала подумывать об увольнении с этой работы, о возврате к бракоразводным делам и скучным разговорам о преданной любви, о том, как бы заработать побольше денег и погонять на Порше. Захотелось больше не оглядываться через плечо и не наталкиваться на *muro di gomma*. Но тут произошел разговор с моей подругой Ильдой Боккассини, прокурором из Милана, еще одним соратником Фальконе. Она тоже разозлилась и заявила, что не бросит это дело. Мне этого было достаточно.

В понедельник я пришла в офис и созвала пресс-конференцию. На следующий день приехали итальянские следователи, а через три дня зазвонил мой мобильник. Ласковый голос с итальянским акцентом передал послание издалека: «Не забывай о том, что случилось с твоим другом». И повесил трубку. Сообщение было предельно ясным. Несколько недель спустя после звонка с угрозой бомба Риины убила Паоло Борселлино, коллегу Фальконе, и пять его телохранителей. С этого момента власти Швейцарии взяли меня под охрану.

Эти события сильно изменили мою жизнь, иногда просто до

смешного… Например, моя мама учила меня носить сумочку так, чтобы излучать уверенность в себе. Но мой швейцарский телохранитель учил меня делать это иначе. При выходе из дома или учреждения телохранители старались, чтобы я как можно меньше времени находилась на открытом пространстве, быстро переходила от двери к автомобилю, а от автомобиля в офис или к самолету. Раньше я обычно возилась с багажом и портфелями. Теперь моим багажом занимались телохранители. Моя рука была свободна для сумочки от Луи Вуиттона.

Убийства Фальконе и Борселлино вызвали широкое возмущение общественности Италии и заставили итальянское правительство принять крутые меры против организованной преступности. Ильда Боккассини с успехом провела расследование на Сицилии. 15 января 1993 года капитан итальянской полиции, Сержио ди Каприо, бесстрашный человек, которого в то время называли только по кличке — *Capitano Ultimo*, арестовал главу мафии Сальваторе Риину прямо на дороге в Палермо. Риина отрицал существование мафии, а также свою осведомленность о том, что он уже три десятилетия возглавляет список самых разыскиваемых преступников на Сицилии. Опозорившись в глазах итальянского народа, руководители правоохранительных органов страны были вынуждены признать, что в течение 30 лет этот 62-летний диабетик, сицилийский преступник «номер один» спокойно жил в своем доме в Палермо. Все это время о его местонахождении в городе знали практически все. Если бы не возмущение общественности убийствами Фальконе и Борселлино, итальянские власти никогда не собрались бы с силами, не арестовали бы Риину и не покончили бы с безнаказанностью, которой он пользовался благодаря своим деньгам, политическому влиянию и тому, что охотно прибегал к насилию для сохранения своих позиций.

После убийства Фальконе я избегала поездок в Палермо два года, но продолжала расследования по делам мафии. Я также работала с Антонио ди Пьетро, следователем из Милана. В начале 90-х годов он собирал доказательства с целью выдвижения обвинений в коррупции против политических лидеров, чтобы внедрить методы прозрачности и подотчетности в Италии. К весне 1994 года Антонио установил значительное количество банковских счетов в Тичино, на которых лежали средства итальянских коррупционеров. В сотрудничестве с ди Пьетро я возбудила дело об «отмывании» денег, но *обвинительная палата* (chamber d'accusation), нечто вроде апелляционного суда в Тичино, не разрешила нам проводить расследование дальше. Не знаю, что стояло за этим решением, но, по-моему, оно имело

политическую мотивацию.

Сальваторе Канцеми, осведомитель из клана Корлеоне, в конце концов признался судье в Палермо, как однажды приехал в Лозанну, чтобы забрать 10 млн долларов наличными. Но чтобы деньги на границе не отобрали таможенники, он не стал возвращаться в Италию со всей суммой. Он поехал на ферму, которую одна супружеская пара из Италии арендовала неподалеку от Лугано. По его словам, супруги не были членами мафии, просто его друзья. Канцеми пробыл у них два-три дня и однажды, улучив момент, завернул в водонепроницаемую упаковку пачки банкнот по 50 и 100 долларов, в общей сложности 6 млн долларов, уложил их в металлический контейнер и закопал в саду в расчете, что позже вернется и заберет деньги. Но затем его арестовала итальянская полиция. Мы привезли Канцеми в Лугано, забрав из тюрьмы в Палермо. Он привел нас на ферму и показал сад. Мы верили Канцеми. Но найти заначку в 6 млн долларов, закопанную восемь лет назад, было непросто. Мы воспользовались металлоискателем, несколько раз натыкались на старые ложки, банки и другой мусор. Наконец металлоискатель пискнул еще раз. Несколько минут спустя лопата ткнулась в металлический ящик. Хозяин фермы сказал, что планировал построить на этом месте новый дом и все равно нашел бы деньги. «Вам посчастливилось, что не нашли, — ответила я. — Тогда мы нашли бы ваше тело, а следователи никогда не выяснили бы мотив убийства».

Канцеми сказал, что перевозил деньги по поручению Сальваторе Риина. Без разговора с подразумеваемым «владельцем» этих 6 млн долларов мы не могли законно конфисковать деньги от лица швейцарских властей. Я поехала в тюрьму «Учардоне» (Ucciardone) в Палермо, где в 1990-х годах слушались знаменитые дела о преступлениях мафии, и провела допрос главы клана Корлеоне, человека, приказавшего убить моего друга и наставника, Фальконе. Тюрьма «Учардоне» — старое сооружение. Но внутри здания строители создали современный зал судебных заседаний — пуленепробиваемый, прочный как бомбоубежище, оборудованный металлическими клетями, полностью исключающими попытку к побегу. Здесь у полиции не было тех проблем с обеспечением безопасности, которые ежедневно возникают при перевозке десятков обвиняемых по улицам города, где могут заложить бомбу или организовать побег. Вместе с моим коллегой, итальянским следователем, мы устроились на судебной скамье. Атмосфера была тихой и странной. Кондиционер подавал свежий воздух, в то время как на улице стояла страшная летняя жара…

Охрана с большим почтением ввела и усадила Риину на расстоянии почти двух метров от меня. Создавалось впечатление, что конвоиры опасались этого человека, одетого в хорошо сшитую рубашку, брюки и туфли из тонкой кожи, а не в обычную тюремную робу. Они вели себя так, словно он мог сделать один звонок на волю и приказать их уничтожить. Итальянский следователь разрешил мне начать допрос. Я представилась. Сообщила, что приехала из Лугано. Риина, услышав, что мы нашли 6 млн долларов США и установили, что они получены от торговли наркотиками, мрачно посмотрел на меня. По мере моего рассказа лицо Риины пошло красными пятнами. Я просто ощущала, как в нем нарастает гнев. Наконец, он вспыхнул: «Зачем вы приехали сюда? Зачем рассказываете мне все это? Я не имею к этому никакого отношения. Уезжайте обратно в свой город и сидите там».

На его выпады я не отреагировала, так как была готова к этому и не теряла самообладания. Я все заранее продумала. Я знала, что передо мной сидит человек, виновный в смерти моего друга. Он имел наглость полагать, что убийствами работников правосудия запугает все итальянское правительство. Этот человек рассчитывал восстановить культуру безнаказанности, нагнетающую такой страх, что даже сотрудники правоохранительных органов боялись проводить законы в жизнь. Он планировал окружить себя *muro di gomma*. Я хотела допросить его по поводу смерти Фальконе, но это было вне моей компетенции. Однако голос повысила: «Я не собираюсь терпеть ваши выходки. Мне надо выполнять свою работу, нравится вам это или нет. У меня есть показания, которые затрагивают вас». Он отказался отвечать на вопросы, и допрос закончился. Прежде чем конвоиры увели Риину, он все-таки обратился ко мне: «*Mi scuso, mi scuso*», — стал извиняться он с таким чрезмерным усердием, что я приняла это за скрытую угрозу. В то время головорезы Риины пытались распространить террор по всей Италии, взрывая бомбы в местах скопления туристов, в том числе и в галерее Уффици во Флоренции. Стало известно даже о заговоре, ставящем своей целью взорвать Пизанскую башню. В результате этих терактов десять невинных людей погибли, и сотни были ранены.

В 1994 году меня назначили на должность генерального прокурора Швейцарской конфедерации. Это самый высокий пост в федеральной системе правоохранительных органов страны. Основную задачу прокураторы я определила как борьбу с попытками организованной преступности использовать банки Швейцарии для отмывания денег. Мы также приложили все

усилия и убедили парламент страны в том, что в интересах Швейцарии и даже самих банков, которые годами получали шальную прибыль от таких операций, изменить законодательство, регулирующее деятельность финансовых институтов, и прекратить отмывание денег.

Новый закон, вступивший в действие 1 января 1995 года, переводил операции по отмыванию денег в разряд противозаконных деяний и грозил банкирам уголовной ответственностью за отсутствие должной проверки при открытии новых счетов, принятии вкладов и исполнении переводов. Банковские регулирующие органы в свою очередь выпустили ряд детально расписанных постановлений, практически заставляющих банки создать группы юристов и менеджеров для противодействия операциям по отмыванию денег. Новое законодательство разрешало швейцарскому правительству предоставлять иностранным правоохранительным органам информацию в случаях, оговоренных в соглашениях о взаимопомощи.

Строгие законы, однако, ничего не значат, если соответствующие органы их не соблюдают. Я не замедлила воспользоваться возможностью применить новое законодательство Швейцарии. Помню, что первым крупным делом в ноябре 1995 года стал арест швейцарской полицией Паулины Кастаньон, жены Рауля Салинаса, брата Карлоса Салинаса, бывшего президента Мексики. В момент ареста Кастаньон пыталась снять более 80 млн долларов в швейцарском банке по поддельному паспорту. Мои люди нашли доказательства, что миллионы долларов, которые Рауль Салинас положил под разными именами на счета в ряде швейцарских банков, по сути, являлись выручкой от торговли наркотиками. В результате я заморозила эти счета. Адвокаты заявили, что Салинас возглавляет «инвестиционный фонд» мексиканских бизнесменов. Мы установили, что эти средства — доходы от торговли наркотиками. Журналистам я заявила, что если банковские транзакции Рауля Салинаса имеют отношение к инвестиционному фонду, то его управленческие методы порочны и противоречат принятой деловой практике. По решению Верховного суда Швейцарии мы вынуждены были отозвать свои обвинения в отмывании денег против Рауля Салинаса и передать все наши дела Мексике, чтобы возбудить уголовное преследование против него на территории этой страны. К тому моменту мексиканский суд уже приговорил Рауля Салинаса к тюремному заключению за коррупцию и убийство политического оппонента.

Я воспользовалась возможностью допросить Рауля Салинаса в декабре 1995 года во время посещения тюрьмы в Мексике вместе с Валентином Роршахером, главой швейцарского Центрального бюро по борьбе с торговлей наркотиками. Рауль Салинас, конечно, отрицал свои прегрешения, но то, как он описал проведение им транзакций, убедительно показало нам, что изменения в банковской системе Швейцарии дают желаемые результаты. «Мы доверяли обязательству швейцарских банков о неразглашении дел клиентов», — подавленно сказал Салинас с видом человека, рассчитывавшего на безнаказанность.

Введение изменений в банковскую систему расстроило многих обитателей роскошных кабинетов, завсегдатаев модных курортов и загородных клубов, тех, кто боролся за сохранение своего статус-кво и доходов своих организаций. Некоторые критики стали звать меня Pinko Carla, или «Красная Карла». Один банкир обозвал меня, как говорят, «неуправляемой ракетой». Это, разумеется, вновь были признаки того, что мы все ближе к ним подбираемся.

Позже я заморозила в швейцарских банках счета бывшего премьер-министра Пакистана, Беназир Бхутто, дочери бывшего президента Пакистана. Она вернулась к власти после выборов в октябре 1993 года и оставалась на своем посту до 1996 года, когда ее правительство ушло в отставку после обвинений в коррупции. В Швейцарию приехала следственная комиссия из Пакистана с целью получения данных о муже Бхутто, арестованном по обвинению в коррупции. Пакистанцы предоставили достаточно информации и доказательств и попросили швейцарское правительство провести расследование. Мы обнаружили крупные суммы денег в Женеве и доказательство того, что Бхутто получала откаты от крупных правительственных контрактов. Я заморозила соответствующие счета и получила от Бхутто и нескольких адвокатов письма с жалобами. Помню, как посол Швейцарии в Исламабаде жаловался на демонстрации у здания посольства, и смеялся, но как-то натянуто, так как из-за этих выступлений не мог выехать из посольства.

Другое крупное дело, не имевшее ничего общего с банками или значительными суммами денег, возникло 17 ноября 1997 года. В этот день шесть вооруженных мужчин переоделись в форму службы охраны Дейр эль-Бахри, знаменитого места археологических раскопок, расположенного на берегу реки Нил напротив легендарных развалин Луксора. Утром, в 8 часов 45 минут эти люди передернули затворы своих автоматов, вышли из Заупокойного храма Хатшепсут, первой женщины-фараона в истории Египта, и расстреляли группу туристов. Они убили около

60-ти человек, в том числе 35 швейцарцев. Некоторых обезглавили. Других расчленили. Женщин убивали выстрелом в голову. В ходе последовавшей перестрелки с египетскими полицейскими и солдатами нападавшие были убиты или покончили с собой. Головорезы, позаимствовав образ действий у Аль-Каиды, пытались лишить Египет необходимых ему поступлений иностранной валюты, запугивая туристов из других стран.

Моя прокуратура начала расследование преступления в Луксоре. Главное дознание вели египетские власти, и мы почти ничего не могли сделать самостоятельно. Мы связались с генеральной прокуратурой Египта, и я поехала в Каир на встречу с генеральным прокурором. Встреча оказалась не очень полезной. Полагаю, для него было сюрпризом, когда я вошла в его кабинет, и он понял, что я — Карла, а не Карл. Он вел себя сдержанно, был немногословен и не хотел сотрудничать со мной. Однако в министерстве внутренних дел меня встретили по-другому. После того как я назначила вести это дело следователя-мужчину, мы получили всю нужную нам информацию.

К 1998 году мы оказались вовлеченными в борьбу против коррупции и культуры безнаказанности в России. Генеральный прокурор России Юрий Скуратов возбудил дело против Mabeteks, строительной компании со штаб-квартирой в Лугано. В 1990-х годах Mabeteks заключила крупные контракты в России, в том числе договоры на реставрацию Кремля и ремонт здания Парламента, поврежденного при обстреле из танков во время путча 1993 года. Скуратов прислал нам просьбу об оказании помощи в расследовании банковских транзакций в Швейцарии. В январе 1999 года я выдала ордера на обыск в офисах Mabeteks. Среди бумаг компании следователи нашли фотокопии кредитных карточек на имя Бориса Ельцина, бывшего тогда президентом России, а также его дочери и личного советника, Татьяны Дьяченко. Последовавший скандал грозил погрузить Россию в пучину политического кризиса. Помню, как во время второй или третьей поездки в Москву я увидела демонстрантов, несущих плакаты с моим именем. Я подумала, что они протестуют против моего приезда. Однако оказалось, что эти люди потеряли все в период беззакония и коррупции, когда Россия превращалась из клептократии коммунистической партии в клептократию секретной полиции. Демонстранты призывали меня баллотироваться на пост президента и очистить страну от грязи. К сожалению, в результате кремлевских расследований Скуратов ушел с поста генерального прокурора. Российское телевидение вскоре показало видеозапись человека, напоминающего

Скуратова, в сауне с двумя проститутками, и генеральный прокурор, хотя и все отрицал, был вынужден уйти с должности. Позже у меня был разговор со Скуратовым на эту тему. Он сказал мне, что пленка поддельная, и я ему верю.

О Югославии я знала только то, что видела по телевидению или читала в прессе. Работа не позволяла мне более подробно вникать в события, происходящие в этой стране. Югославия разваливалась. Я же в это время проводила расследования денежных потоков мафии, в мае 1992 года, когда сербы начали этнические чистки в Боснии и Герцеговине, клан Корлеоне убил Фальконе. В январе 1993 года, когда Хорватия чужими руками развязала войну против боснийских мусульман, я занималась арестом Сальваторе Риина, главы клана Корлеоне. В 1995 году, когда боснийские сербские головорезы устроили массовое истребление тысяч пленных мусульман недалеко от Сребреницы, я внедряла новый закон о финансовых услугах с целью выявления грязных денег, в финансовых институтах Швейцарии. Я следила за этими печальными событиями издалека и не могла поверить, что в Европе в преддверии XXI века возможны массовые этнические чистки. По телевидению постоянно шли прямые передачи, и все это происходило всего лишь в часе лета от мирного, ухоженного Тичино. Помню, меня очень разозлил Радован Караджич. Когда он вскоре прибыл в Женеву на мирные переговоры, я, как генеральный прокурор Швейцарии, решила арестовать его и передать Гаагскому трибуналу ООН по военным преступлениям. Мы с работниками прокуратуры стали обсуждать этот вопрос. Но сначала я хотела выяснить, подготовил ли трибунал обвинение против него. Затем стала думать о том, не возбудить ли дело самим. Однако позже мы пришли к мнению, что на данный момент Швейцария, как страна, не обладает юрисдикцией, так как не ратифицировала международную конвенцию против геноцида. Нам сообщили, что никакого обвинения Международный трибунал по бывшей Югославии против Караджича не подготовил, и мы не предприняли дальнейших шагов. Сегодня я жалею, что не проявила настойчивости, хотя и сейчас не знаю, каким образом следовало это делать. Сребреница была всего лишь «безопасным районом» ООН, но арестуй мы тогда Караджича, история пошла бы другим путем.

К 1998 году группа албанских повстанцев, Армия Освобождения Косово (АОК), усилила нападения на сербскую полицию, а албанское гражданское население страдало от ответных мер сербской полиции. Я возбудила дело против албанцев в Швейцарии, которые путем рэкета собирали деньги на

приобретение оружия для АОК. Мы вели слежку за двумя грузовиками, полными оружия, пока итальянские власти не задержали их на своей территории. В Швейцарии у меня под арестом находилось несколько албанцев, связанных с торговлей оружием. Но я не могла продолжать следствие, так как никакой помощи от Косово или Сербии мы не получали, и потому не могли выяснить, куда пойдет оружие из Швейцарии и как оно будет использовано. Я послала своего заместителя в Приштину для проведения расследования. В ответ мы получили от албанцев одни угрозы и никакой информации, которую можно было бы использовать как доказательства.

К концу 1990-х годов отношение ко мне банковского сообщества Швейцарии стало меняться, по крайней мере, с внешней стороны. Думаю, некоторые начали понимать преимущества работы банков в правовых Рамках, не допускающих отмывку денег и другую деятельность, связанную с мафией. Деловые отношения с преступниками подрывают доверие к законному бизнесу, особенно к банкам и юристам, а на репутации Швейцарских банков при каждом разоблачении их связи с наркоторговцами и другими представителями организованной преступности оставалось пятно. Сегодня Швейцария — одна из ведущих стран мира в области противодействия отмыванию денег в банковской сфере. Продолжение борьбы зависит только от политической воли.

В 1998 году корреспондент журнала *Time* спросил меня, о какой работе я мечтаю. «Хочу стать главным обвинителем Международного уголовного суда», — ответила я. Недавно был принят Римский статут, договор, учреждающий Суд, но пройдут годы, прежде чем первый постоянный международный суд по военным преступлениям откроет свои двери. Я никогда не стремилась стать главным обвинителем трибуналов, учрежденных ООН для привлечения к суду лиц, ответственных за военные преступления в Югославии и Руанде, а предполагала служить в должности швейцарского прокурора до самой пенсии. В июне 1999 года, пока мои сотрудники собирали информацию по делу высокопоставленного швейцарского военного, обвиняемого в коррупции, мне позвонил Якоб Келленбергер, госсекретарь Швейцарской конфедерации (сейчас он занимает пост председателя Международного комитета Красного Креста). Келленбергер спросил меня, согласна ли я, если правительство Швейцарии выдвинет меня кандидатом на должность Главного обвинителя Гаагских трибуналов. Я не возражала, но дала согласие в уверенности, что никогда не получу эту должность. Однако такой шаг был нужен Швейцарии, абсолютно

нейтральной стране, десятилетиями не вступающей в ООН, которая в очередной раз пыталась снова влиться в мировое сообщество. Келленбергер подтвердил мои мысли: «Шансов, правда, у вас почти нет, так как Швейцария не является членом НАТО или Европейского союза».

В июле я отдыхала в Тоскане, Италия. Мне позвонили из Берна и сообщили, что Кофи Аннан, генсек ООН, хочет незамедлительно увидеться со мной в Нью-Йорке и обсудить мое назначение на пост Главного обвинителя Гаагского трибунала. Я все еще считала, что у меня нет никаких шансов получить эту должность. Фактически, она мне была не нужна. Я ответила, что не буду прерывать отпуск лишь для того, чтобы слетать в Нью-Йорк на встречу, не имея для этого серьезных оснований. Через месяц у меня была запланирована поездка в Мексику по делу Салинаса. Я сказала, что могу остановиться в Нью-Йорке, если у Аннана не пропадет желание встретиться со мной.

Итак, в августе я на несколько дней задержалась в Нью-Йорке. В представительстве Швейцарии в ООН мне сказали, что Аннан действительно намерен назначить меня на эту должность в Гааге. Недавно закончились натовские бомбардировки Сербии. Россия и Китай не хотели, чтобы новый главный обвинитель назначался из стран НАТО, а страны НАТО явно не желали назначенца из России, Китая или бывших неприсоединившихся стран. Первый обвинитель трибунала был из Южной Африки. Наиболее приемлемый компромисс представлял собой кандидат из Швейцарии, которая не входила ни в НАТО, ни в Европейский союз, ни в ООН.

> «Нет, я не могу принять это предложение, — заявила я. — Ни в коем случае. Я — генеральный прокурор Швейцарии и готовлюсь к важному судебному процессу. Его провести могу только я. Мой заместитель не справится с этой задачей».

За день до встречи с Аннаном, во время пробежки в Центральном парке, я обдумывала свой ответ: «*Bene*, скажу я им. Спасибо, нет. Нет, нет, нет, *grazie*». На следующее утро, перед моим визитом в штаб-квартиру ООН, глава представительства Швейцарии в ООН сообщил мне, что президент Швейцарии Рут Дрейфус хочет поговорить со мной по телефону. Дрейфус сказала, что мое согласие на эту должность повысит престиж Швейцарии. Она очень настаивала на своей просьбе, и в заключение разговора я сказала, что подумаю.

Я уже встречалась с Кофи Аннаном в пору его пребывания на посту главы департамента ООН по миротворческим операциям.

Мой брат Флавио, который в детстве спас нашу дворнягу, вколов псу антивенин, и который знакомил меня с будущими врачами во время учебы в медицинском институте, стал хирургом. В период работы в составе миротворческих сил он встречался с Аннаном. Будучи генеральным прокурором Швейцарии, я периодически участвовала в ежегодном Мировом экономическом форуме в Давосе. Однажды брат попросил меня найти Аннана и передать ему привет. Так я впервые встретилась с ним. Мы поговорили о Флавио, о нескольких делах, связанных с коррупцией, но ни слова не сказали о Югославии. На этот раз в Нью-Йорке он настоятельно уговаривал меня занять должность главного обвинителя трибуналов. Настаивая на своей просьбе, он напомнил мне, что швейцарское правительство тоже желает видеть меня на этом посту. Я попросила время на обдумывание. Он дал неделю. В нашей жизни неделя — не срок. Слишком мало, чтобы определиться, где ты и чем станешь заниматься. Будь у меня месяц на размышления, я бы точно отказалась. Но зная то, что я знаю сейчас, я бы пожалела о своем отказе.

Вернувшись в Берн, я встретилась с Рут Дрейфус, министром иностранных дел и министром юстиции, и сказала им, что не хочу работать на ООН в Голландии. У меня важная работа в Швейцарии. Одной из причин отказа была зарплата. Мне хотелось и дальше иметь возможность покупать сумочки от Луи Вуиттона. Вместо того чтобы воспользоваться предоставленным недельным сроком и переговорить с Луизой Ар-бур, которая в это время занимала пост главного обвинителя трибуналов, я осталась в Берне, и продолжала настаивать на своем отказе. Многие члены правительства, конечно, хотели, чтобы я поехала в Гаагу поднимать престиж Швейцарии в глазах международной общественности. Однако немало швейцарских банкиров, военных и чиновников просто мечтали, чтобы я убралась из страны. Возможно, об этом мечтал и российский президент.

Прошло два-три дня, прежде чем я сообщила Дрейфус, что принимаю предложение. В следующий четверг, 12 августа 1999 года, Аннан приехал в Женеву на празднование 50-й годовщины подписания Женевских конвенций, основных законов международного сообщества о войне и правах человека. После торжеств в зале «Алабама» мэрии Женевы я встретилась с Аннаном, чтобы дать окончательное согласие. Министерство иностранных дел прислало сопровождающего, чтобы я в последний момент не передумала.

Аннан немедленно представил меня нескольким сотням журналистов. Я, конечно, не чувствовала себя невестой, насильно выдаваемой замуж, но беспокоилась больше, чем при поездке в

Палермо. Английским я владела очень плохо, несмотря на то, что в интернате, в Ингенболе, мы говорили на этом языке по понедельникам и вторникам. Я кое-как сумела выразить благодарность ООН за то, что она оказала мне и моей стране, Швейцарии, честь, назначив меня главным обвинителем двух международных трибуналов. Я выразила сердечную признательность Аннану за мое назначение и подчеркнула, что особое внимание буду уделять преступлениям против женщин и детей. «Я всегда служила только закону, — сказала я журналистам, — и планирую продолжать работу в этом направлении. У меня будет много врагов, но это меня не волнует. Для того мы здесь и работаем».

Я едва понимала суть многих вопросов. Смысл одного их них до меня вообще не дошел. Думаю, он звучал так:

— Не беспокоит ли вас огромный объем предстоящей работы?

Я с надеждой посмотрела на Аннана. Он прошептал ответ, и я повторила его слова:

— Будущей работы я не боюсь. Поеду в Гаагу и посмотрю, что можно сделать. А если потребуется помощь или дополнительный персонал, то попрошу генерального секретаря предоставить мне необходимые инструменты для дальнейшей работы и выполнения его указаний.

«А если не получится, валите все на меня», — пошутил Аннан, как опытный руководитель.

Затем я дала телефонное интервью BBC. Отвечала по-английски. Признаюсь, практически не понимала, о чем говорю. Однако немецким, французским и итальянским СМИ я сообщила то, что хотела. Но так как я ничего не знала о Югославии и Руанде, то и говорить в принципе было не о чем. Одному журналисту я сказала, что Аннан уверил меня в моей полной независимости, и что я намерена неутомимо преследовать Милошевича, Караджича и Младича и других обвиняемых, и что каждое государство-член ООН обязано оказывать нам сотрудничество в этом отношении. Я заявила, что считаю трибуналы по Руанде и бывшей Югославии предшественниками Международного уголовного суда. Это правильный шаг, так как организованная преступность выигрывает у правительств многих стран из-за отсутствия международной правоохранительной системы для подавления глобальной преступности.

В конце августа или начале сентября мне позвонил Джон Рэлстон, глава следственного департамента международного трибунала по бывшей Югославии, и сообщил, что в Берн из Гааги приедут два члена трибунала для обсуждения важного вопроса.

День спустя я встретилась со Стивом Аптоном, руководителем бригады следователей, и Брендой Холлис, американским обвинителем. Они сказали, что с ними только что через посредников связался Радован Караджич, который пребывает в бегах уже лет пять, и выразил желание явиться с повинной. Однако по непонятной мне причине он не желал тут же отправляться в Гаагу. Вместе этого он хотел, чтобы его отправили в Швейцарию, посадили под арест, а затем перевели в Гаагу под охраной, организованной швейцарскими властями. Караджич также передал, что готов заплатить большую сумму в немецких марках за свою безопасность. Это говорило о том, что он кого-то боится. Возможно, Слободана Милошевича, который уже давно не хочет отвечать за таких, как Караджич. Я ответила согласием: ведь я все еще была генеральным прокурором Швейцарии и имела право выписать ордер на его арест. Мне было не трудно организовать его перевод в Нидерланды, а приехать в Гаагу и привезти с собой Караджича стало бы настоящим триумфом.

Но в жизни не все происходит так гладко. Нам сообщили, что в последнюю минуту жена Караджича воспротивилась такому сценарию. С другой стороны, вся эта история могла быть просто розыгрышем со стороны Караджича или его сторонников, которые ненавидели Международный трибунал по бывшей Югославии. В любом случае, это был мой первый опыт в преследовании военных преступников. Задача более сложная, разочаровывающая и душераздирающая, чем любое дело против мафии, но и столь же захватывающая, как гонки по долине Маджа в Родстере. Верх опущен, волосы развеваются на ветру. Я с самого начала знала, чьими примерами буду руководствоваться. Наивно? Возможно. Банально? Конечно. Но честно.

Глава 2
Борьба с военными преступлениями в Югославии

Восемь лет жизни я в основном провела в надежно укрепленных апартаментах. Высокие окна выходили на мощеную булыжником улочку в центре Гааги, крупного административного центра Нидерландов. Этот город, где часто проходят профессиональные и академические конференции юристов, по праву называется «Мировой столицей международного правосудия». В Гааге располагаются три международные юридические организации: Международный трибунал по бывшей Югославии, где я и работала; главный юридический орган ООН — Международный суд, созданный после Второй мировой войны для разрешения споров между суверенными государствами; и Международный уголовный суд — трибунал, основанный в 2002 году с целью преследования тех, кто виновен в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях.

Даже для юристов, которые чувствуют себя неплохо в любых условиях, Гаага — райский уголок. Однако порой меня раздражала местная склонность к порядку. Но хотя тучи и омрачали здесь самые солнечные дни, а рестораны были способны испортить самое хорошее настроение, дождь быстро заканчивался, и воздух начинал благоухать. Ветер с Северного моря иногда портил мои лучшие удары на поле для гольфа, но гораздо чаще помогал мне играть. Из окна своего кабинета я наблюдала за тем, как солнце, подобно яркому факелу, освещает набухшие дождем тучи. Небо озарялось ярким белым, пурпурным и оранжевым светом, более прекрасным, чем на любой картине Вермеера. Я узнала, что в церкви, расположенной в центре города, покоятся останки великого философа Баруха Спинозы, который превыше всего ценил здравый смысл и скептицизм. Именно Спиноза дал определение силе, стоящей за многими военными преступлениями: манипуляция группами фанатиков и их эксплуатация со стороны лидеров, использующих зависть, стереотипы и предубеждения людей — и все это для того, чтобы захватить власть и обогатиться.

Холодный ветер с Северного моря обдувал высокие стены из красного кирпича — стены тюрьмы Схевенинген, где содержались те, кто превратил страхи народов Югославии в безумие, которое привело к гибели десятков тысяч человек и разрушило жизни

миллионов. Если бы заключенные блока, отведенного для военных преступников из бывшей Югославии, через зарешеченные окна своих камер могли посмотреть на север, они увидели бы, как ветер треплет высокие травы и кустарники на песчаных дюнах, которые тянутся на сотни миль во все стороны. Эти пески напоминают мне о том, что на протяжении всей истории человечество преследуют одни и те же пороки. Прямо на краю дюн, возле ближайшего к моему дому поля для гольфа и здания, где Спиноза писал свои трактаты о Боге и человеке, археологи обнаружили развалины средневековой деревни. Этих людей убили безжалостные викинги. В нескольких минутах ходьбы от ворот тюрьмы Схевенинген эсэсовцы и голландские коллаборационисты расстреливали евреев и тех, кого считали предателями и «недочеловеками». Если перейти улицу Ван Алкемаде, виден деревянный дом с высокой щипцовой крышей. Когда-то здесь находилось железнодорожное депо Виттебруг. На платформы этого депо эсэсовцы пригоняли еврейские семьи, грузили их в вагоны и отправляли в концентрационные лагеря. Всем этим людям было суждено превратиться в пепел где-нибудь в Аушвице… Мы с моими телохранителями иногда катались на велосипедах по заброшенной полосе отвода железной дороги.

Когда я впервые приехала в штаб-квартиру Международного трибунала, расположенную в нескольких километрах от тюрьмы, дождь шел, не переставая. Это здание можно назвать шедевром посредственности: замысел архитекторов был полностью искажен требованиями руководителей голландской страховой компании. Кирпич был цвета мокрого песка. По периметру здания проходила высокая металлическая ограда. Воздух внутри здания был сухим и имел неприятный запах. Судя по всему, здесь неплохо чувствовали себя самые разнообразные бактерии: окна были надежно запечатаны, а вентиляционная система практически не работала. Я сумела взломать окна своего кабинета, чтобы вдохнуть свежего воздуха и выкурить пару сигарет «Мальборо», не отравляя никотиновым дымом других сотрудников. Однажды я выступила на общем собрании персонала и посоветовала всем сделать то же самое.

В Роттердам я приехала 15 сентября 1999 года, проведя ночь накануне отъезда в своем кабинете в Берне. Во время перелета я размышляла о войнах в Югославии, геноциде в Руанде, неоднозначных натовских бомбардировках Сербии, о которых мне теперь приходилось думать постоянно. Все эти события были для меня чисто абстрактными. В моей памяти всплывали обрывки выпусков новостей, но постепенно они обретали жизнь и превращались в материал обвинения. В течение нескольких

недель я анализировала отчеты о современной политической ситуации, изучала состояние дел в судах и ход расследований в обоих трибуналах, знакомилась с работой и интригами собственного офиса и с по-византийски изощренными правилами работы бюрократии ООН. Я с головой ушла в изучение истории Югославии и Руанды, потому что без этого не могла понять мотивов военных преступлений и социальной обстановки, в которой они совершались. Каждую ночь я обкладывалась книгами о конфликтах в Югославии и отчетами правозащитных организаций о геноциде в Руанде. Югославия была мне ближе, и первой привлекла мое внимание. Но и геноцид в Руанде глубоко тронул мое сердце. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы в этой стране наконец-то восторжествовала справедливость, и свершилось правосудие.

В свое время я любила проводить отпуск и выходные дни на французской Ривьере, в Тоскане или Африке. Теперь я жалею, что не была в бывшей Югославии и на побережье Далмации до войн 1990-х годов. Подобно любому образованному европейцу, я имела представление об этой стране из учебников, газетных статей и телевизионных программ. Особенно много информации появлялось во время боев в Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине. Многие европейцы относились к Югославии ностальгически. Эта страна казалась им грандиозным экспериментом, романтической попыткой бурного конгломерата славянских народов преодолеть свои культурные и религиозные различия и построить многонациональное общество, в чем-то похожее на Швейцарию. Эти народы хотели жить на своей изобильной земле и пожинать плоды собственного труда без иностранного вмешательства. Югославия, подобно многим европейским странам, поднялась из руин Первой мировой войны. Самые западные республики — Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, а также часть Сербии — некогда являлись частью погибшей империи Габсбургов. Восточные республики Югославии — Черногория, Македония, в свое время Босния и Герцеговина, а также большая часть Сербии, включая автономный край Косово, — были частями другой погибшей вселенной, Оттоманской империи, бурлящего котла народов, языков и религий под управлением рабов всемогущего султана.

Подобно другим европейцам, да и людям всего мира, многие граждане бывшей Югославии — сербы, хорваты, словенцы, черногорцы, македонцы, албанцы, мусульмане Боснии и Герцеговины, Черногории и Косово, а также потомки смешанных браков — рассматривали вселенную и ее обитателей через призму этнической принадлежности. Себя они воспринимали не

по своим достижениям, а по культурным и бытовым различиям, по религиозной принадлежности. Неудивительно, что эти народы весьма ревниво относились друг к другу. Последствия балканских войн 1912 и 1913 годов, Первой мировой войны и угроза иностранного господства, возникшая после 1918 года, способствовали объединению этих народов в границах единого государства. В 1941 году в страну вторглись нацисты. Югославия была разделена. Большую часть территории контролировали националисты-экстремисты. Территория Сербии сократилась, Хорватия же расширила свои границы. Экстремисты отлично умели манипулировать национальными чувствами, которые всегда разделяли народы Югославии. Особенно успешно они эксплуатировали разногласия между хорватами и сербами, сербами и мусульманами. В стране началась кровавая резня. Особенно жестоко хорваты преследовали сербов. Более половины граждан Югославии, погибших в годы Второй мировой войны, приняли смерть от руки своих же соотечественников. Послевоенное коммунистическое правительство страны под руководством Иосипа Броз Тито умело использовало для гармонизации межэтнических отношений политические репрессии и экономические стимулы. На протяжении многих лет дипломаты, ученые и журналисты с Запада полагали, что эти методы вполне эффективны.

Сейчас я вспоминаю, как во время войн 90-х годов на швейцарском, французском и итальянском телевидении ученые рассуждали о том, что Югославию уничтожило пробуждение «древней этнической ненависти» — глубоко укорененной многовековой враждебности, существовавшей между сербами, хорватами, мусульманами и албанцами. Но книги, которые я читала, доказывали именно то, чего я и ожидала: в конечном счете социальные условия и культура не приводят к военным преступлениям. Люди совершают военные преступления под влиянием политических и военных лидеров. Это было ясно еще в 1914 году. В своих предварительных замечаниях перед началом процесса над Милошевичем я процитировала фрагмент выступления председателя международной комиссии по изучению причин и характера балканских войн, барона д'Эстурнеля де Констана. Во введении к докладу комиссии по войнам 1912 и 1913 года барон писал:

> Настоящие виновники — те, кто вводил в заблуждение общественное мнение и пользовался народным невежеством для возбуждения тревожных слухов и нагнетания враждебности, подстрекая свою

> страну, а затем и другие страны к вооруженному конфликту. Реальные виновники — те, кто, руководствуясь собственными интересами или склонностями, постоянно твердил о том, что война неизбежна. Эти люди развязали войну, уверяя общество, что оно бессильно ее предотвратить. Истинные виновники — те, кто жертвует общими интересами во имя интересов личных, и те, кто привел свою страну к бесплодной политике конфликта и репрессий. В действительности, ни для малых государств, ни для великих держав нет иного пути к спасению, кроме союза или примирения.[6]

Именно таким образом была уничтожена в 90-е годы Югославия. Виной тому относительно малое количество мужчин и женщин, погрязших в коррупции, которые сознательно подталкивали свои народы к крупномасштабным актам насилия. Основными виновниками конфликта были лидер Сербии Слободан Милошевич и руководитель Хорватии Франьо Туджман и их ставленники: люди, относящиеся к тому типу государственных лидеров, которых ненавидел Спиноза. Они получили власть и хотели любой ценой сохранить и расширить ее. Ради этого они готовы были превратить страхи своих народов в настоящую истерию, а потом натравить народы друг на друга.

Сербо-хорватский конфликт, разжигаемый преимущественно полицейскими агентами и незаконными вооруженными формированиями с обеих сторон, обострился после того, как 25 июня 1991 года Хорватия объявила о своей независимости и об отделении от Югославии. К осени югославская национальная армия вторглась на территорию Хорватии якобы для защиты сербского меньшинства от геноцида. За четыре месяца сербские националисты захватили четверть территории Хорватии, изгнали из своих домов сотни тысяч хорватов и убедили ООН прислать войска для защиты «очищенных» территорий. Сербские гаубицы и минометы обстреливали знаменитый приморский город Дубровник. Сербская авиация, артиллерия и танки стирали с лица земли Вуковар, город на берегах Дуная. Сербские стрелковые батальоны расстреливали сотни пленных, в том числе и раненых, безжалостно вырванных из местных госпиталей. И после этого многие сербы продолжают удивляться тому, что весь мир ополчился против них… К сожалению, многие из них, и даже некоторые лидеры страны, до сих пор терзаются приступами жалости к себе.

Война в Боснии началась весной 1992 года, когда агент

тайной полиции из Белграда устроил кровавую резню в городе Биелина. За несколько недель банда из Белграда, а также вооруженные формирования, которые финансировали сербские секретные агенты, атаковали один за другим города восточной Боснии. Основной их целью были мусульмане, составляющие в этой республике большинство. Некоторые из убийц были психопатами, которых специально для этой цели выпустили из психиатрических лечебниц и тюрем. Они убивали за деньги, за возможность мародерствовать и насильничать. Сербы, выступавшие против погромов и пытавшиеся защитить своих друзей-мусульман, рисковали собственной жизнью. Соседи воевали против соседей. На протяжении трех лет каждый вечер в телевизионных новостях весь мир видел ужасы Сараево — концентрационные лагеря, толпы женщин и детей, которых заталкивали в вагоны и безжалостно депортировали.

Франьо Туджман отвергал возможность существования независимого государства Боснии и Герцеговины. 27 декабря 1991 года на встрече со своими ближайшими советниками и группой националистически настроенных хорватов из Боснии и Герцеговины Туджман заявил, что последующее разделение Боснии не является чисто сербским делом, но результатом сербо-хорватского дележа территорий. На этой встрече Туджман заявил, что перед Хорватией открывается возможность расширить свою территорию за счет Боснии и Герцеговины. Туджман сказал: «Настало время максимально возможно расширить границы Хорватии в интересах хорватского народа…»[7] В январе 1993 года начались мусульманско-хорватские столкновения. Война продолжалась больше года.

Затем наступил исход. Армия боснийских сербов и полицейские силы из Сербии атаковали десятки тысяч мусульман, укрывшихся в охраняемых силами ООН «безопасных зонах» на востоке Боснии. В апреле 1994 года, когда внимание всего мира было приковано к геноциду в Руанде, сербы начали бомбардировки города Горажде, расположенного на берегах реки Дрина. Это была одна из зон, находившихся под контролем сил ООН. Сербы настолько беззастенчиво нарушили резолюции Совета безопасности ООН, что секретариат этой организации в Нью-Йорке принял решение более не блокировать призывы к бомбардировкам Сербии со стороны НАТО. Не останавливающиеся ни перед чем сербы в июле 1995 года вошли в зоны Сребреница и Жепа. Пока мир решал, что делать, сербские батальоны смерти убили около 7500 мусульман, мужчин и мальчиков. Кого-то убивали дубинками, других — ножами и топорами. Большинство погибло от автоматного огня. В

ближайшие недели войска Туджмана захватили контролируемые сербами безопасные зоны в Хорватии, находившиеся под защитой ООН. Сотни тысяч сербов бежали, спасая свои жизни.

В декабре 1995 года было заключено Дейтонское мирное соглашение, которое положило конец резне в Боснии и Герцеговине, но на этом кровавый раздел Югославии не завершился. В 1997 году албанские националисты из так называемой Армии освобождения Косово (АОК) начали нападать на живущих на территории края сербов и на сербскую полицию, которая с 1989 года по приказу Милошевича проводила в этом регионе репрессии. Милошевич с радостью использовал неожиданно открывшуюся возможность. В Сербии назревала политическая нестабильность. Ему нужно было натравить народ на внешнего врага, чтобы отвлечь внимание от собственной ответственности за проблемы страны и коррупцию в высших эшелонах власти. В конце 1998 года руководство НАТО предупредило Милошевича, что, если он не предпримет эффективных мер по прекращению насилия со стороны полиции против гражданских лиц албанского происхождения в Косово, Сербия подвергнется бомбардировкам с воздуха. Тем не менее, резня, преимущественно инициируемая боевиками АОК, продолжалась. В начале весны 1999 года воздушные силы НАТО нанесли первые удары по Сербии. После этого полиция и армия, находившиеся под руководством Милошевича, начали действия по изгнанию албанцев из Косово. Начался исход библейского масштаба, за которым наблюдали телезрители всего мира. Натовские бомбардировки продолжались несколько месяцев, до тех пор, пока политика Милошевича не смягчилась.

Одной из главных моих обязанностей в качестве прокурора Международного трибунала было обеспечение справедливого возмездия за страдания жертв насилия. Хорватская война 1991 года унесла по разным оценкам от 10 до 15 тысяч жизней. Тысячи людей были ранены. Несколько лет журналисты и политические лидеры спорили о количестве погибших в Боснии: по разным оценкам, их число составляло от 25 до 329 тысяч человек. Специалисты по демографии, работавшие в Международном трибунале, дали свою максимально точную оценку: 103 тысячи погибших, из них гражданских лиц — 55 261.[8] Во время Косовского конфликта 1998–1999 годов погибло от 9 тысяч до 12 100 албанцев,[9] а также около 3 тысяч сербских солдат и гражданских лиц. Пропало без вести 3 тысячи человек: 2500 албанцев, 400 сербов и 100 цыган. Натовские бомбардировки унесли жизни 495 гражданских лиц, преимущественно сербов.

В 1991, 1992 и начале 1993 годов некоторые государства-

члены ООН и защитники прав человека обращались в Совет безопасности с призывом созвать трибунал по военным преступлениям в бывшей Югославии. Холодная война закончилась. Правозащитники считали, что наступило время, следуя традиции Нюрнбергского и Токийского трибуналов, создать международные юридические институты, которые собирали бы доказательства военных преступлений и задерживали лиц, ответственных в этом. Новый трибунал положил бы конец культуре безнаказанности, которая сделала XX век самым кровавым в человеческой истории. Переломный момент наступил после получения информации о преступлении, совершенном армией боснийских сербов в конце зимы 1993 года. Не считаясь с мировым сообществом, армия согнала около 40 тысяч мусульман на крохотный участок в окрестностях шахтерского городка Сребреница в восточной Боснии. Несчастным беженцам приходилось брести по глубокому снегу. Членов Совета безопасности умоляли вмешаться и прекратить кровопролитие в Сребренице. 16 апреля была принята резолюция, в которой Сребреница и другие осажденные боснийские города и деревни объявлялись безопасной зоной под защитой ООН. Спустя месяц Совет безопасности ООН своей резолюцией № 827 создал Международный трибунал по Югославии, призванный разобраться с серьезными нарушениями международного гуманитарного права, которые совершались на территории бывшей Югославии с 1991 года; арестовать и осудить лиц, ответственных за беспрецедентные нарушения Женевской конвенции 1949 года, за нарушение законов ведения войны, геноцид и преступления против человечности; способствовать восстановлению мира на территории бывшей Югославии и не допустить дальнейших нарушений международного гуманитарного права. (К сожалению, это дипломатическое решение и начало работы Международного трибунала два года спустя не удержало сербов под командованием Караджича и Младича от убийства 7500 мусульман в зоне Сребреницы.)

Служба прокурора Международного трибунала по Югославии, которую я возглавляла в течение восьми лет, одна из трех составных частей этой организации. Служба прокурора расследует военные преступления, готовит обвинительные заключения, представляет доказательства в суде и доказывает вину обвиняемых. Теоретически, данная служба является практически автономной, и это значит, что я должна была иметь возможность действовать независимо от правительств и Совета безопасности ООН, а также от других подразделений трибунала. В службе прокурора работали адвокаты и юристы, эксперты-

криминалисты, полицейские, эксперты по истории, культуре, языкам и политике бывшей Югославии. Расследование нередко требует болезненной, но необходимой работы по сбору и анализу свидетельств, выявлению и допросу свидетелей, подготовке документов, сбору вещественных доказательств, а иногда и эксгумации массовых захоронений.

Основной совещательный орган ООН, Генеральная ассамблея, на которой присутствуют делегаты всех государств-членов ООН, избирает судей в судебные палаты трибунала. Постоянные судьи работают четыре года и в конце этого срока могут быть переизбраны. Генеральная ассамблея избирает также девять судей для целей судопроизводства (*ad litem*). Они назначаются для разбирательства конкретных дел на один четырехлетний срок. Основные их обязанности заключаются в выслушивании доказательств и юридических аргументов, определении вины или невиновности обвиняемых и вынесение приговоров тем, кто признан виновными. Постоянные судьи исполняют также регламентирующие функции: они готовят и принимают основные юридические документы трибунала, в том числе определяют порядок судопроизводства и представления доказательств и правила заключения под стражу. Состав судейской палаты, рассматривавшей дела трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде, совершенно идентичен. Третий компонент структуры трибунала, Секретариат, отвечает за организацию администрации и служб судейской поддержки, в том числе за перевод документов и обеспечение перевода судебных заседаний. Секретариат определяет даты слушаний и судебных заседаний, ведет учет и архивирование доказательств, осуществляет правовую поддержку и работу на местах, обеспечивает помощь и защиту свидетелей, а также контролирует блок задержания в тюрьме Схевенинген. Максимальный приговор — пожизненное заключение. Осужденные преступники могут отбывать наказание в любой из стран, заключившей с ООН соглашение по приему лиц, осужденных трибуналом.

Главный прокурор имеет право инициировать уголовное расследование, но все составленные им проекты обвинения должны быть утверждены судьей трибунала. Судебное заседание не может проводиться в отсутствие обвиняемого. После появления на заседании обвиняемый может признать себя виновным или заявить о своей невиновности. Порядок судопроизводства и представления доказательств, принятый в трибунале, гарантирует проведение заседаний в соответствии с международнопризнанными принципами справедливости. В нем сочетаются элементы системы континентального права, которая

устанавливает ряд правил, применяемых и интерпретируемых судьями, и системы «общего права», изначально опирающейся на английские законы и придающей особый вес прецедентам, то есть ранее принятым судебным решениям. Трибунал признает презумпцию невиновности, право обвиняемого на рассмотрение его дела без лишних проволочек, право допроса свидетелей, право подавать апелляции и право обвиняемого, не имеющего средств, на защиту и правовую поддержку. Отдел жертв и свидетелей Секретариата обеспечивает свободное и безопасное выступление свидетелей. Судьи могут потребовать, чтобы имена охраняемых свидетелей не разглашались. Каждому из них обеспечивается поддержка и защита до, во время и после дачи показаний перед трибуналом.

Хотя трибунал независим в правовом отношении, этой организации недостает прав, которыми наделены суды суверенных государств. Подобно большинству национальных судов, трибунал имеет право рассылать повестки конкретным лицам и институтам с требованием предоставить документы и другие доказательства, а также требовать явки на заседание и выдавать международные ордера на арест. Но, в отличие от национальных судов, он может только просить, чтобы повестки и ордера на арест исполнялись. Трибунал может только просить, чтобы государства сотрудничали с ним добровольно и честно. А это означает, что сотрудничество слишком часто зависит от политических условий и, в особенности, от политических интересов людей, управляющих этими государствами. Если лидеры данных стран не хотят, чтобы трибунал получил важные доказательства, допросил важных свидетелей или арестовал лиц, находящихся в их юрисдикции, они просто не сотрудничают с ним. Доказательства можно скрыть, свидетелей — устранить, а беженцев — спрятать. Служба прокурора не имеет правовых оснований проводить собственные обыски и аресты, а трибунал не может применить меры, если государство отказывается сотрудничать. Отсутствие реальной власти неизбежно превращает трибунал в организацию политическую. Он может обратиться в Совет безопасности ООН, который наделен властью и имеет право наложить определенные санкции. Но это маловероятно, поскольку Совет безопасности редко предпринимает столь решительные действия, пока ситуация не становится критической. Совет вряд ли позволит проблемам, подобным тем, с какими имеет дело Международный трибунал, влиять на дипломатические отношения стран на самом высоком уровне. Большее, на что может рассчитывать трибунал, — это резолюция Совета безопасности. Если государства-члены Совета не придут к

согласию относительно плана действий, не будет и резолюции. Трибуналу остается только обращаться к правительствам других стран и просить их оказать влияние на государства, отказывающиеся сотрудничать и исполнять требования трибунала. За восемь лет, проведенных в Гааге, я потратила массу времени на то, чтобы обеспечить политическое давление на государства, подобные Сербии и Хорватии, с тем, чтобы принудить их выполнить свои международные обязательства по сотрудничеству с трибуналом.

В 1994 году бюджет Международного трибунала составлял 10,8 млн долларов. К тому моменту, когда я прибыла в Гаагу, он вырос до 94 млн долларов. Служба прокурора располагала примерно 30 млн. В ее штате состояло около 400 адвокатов, следователей, аналитиков и переводчиков. К тому времени трибунал уже выдвинул 65 обвинений в кровавых бесчинствах, совершенных на территории бывшей Югославии. В тюрьме Схевенинген находилось 30 обвиняемых, но 35 лиц, упомянутых в обвинительных заключениях, оставались на свободе. В Сербии укрывались Слободан Милошевич и генерал Младич. Двое обвиняемых проживали в Хорватии или на территории Боснии и Герцеговины, контролируемой хорватами. Радован Караджич и другие обвиняемые сербы по крайней мере какое-то время, скрывались на территории Боснии и Герцеговины, контролируемой сербами. Милошевич, Караджич и Младич были единственными высокопоставленными политиками и военными, которым было предъявлено обвинение.[10]

Первая возможность самой побывать на Балканах представилась мне во вторник, 26 октября 1999 года. Самолет швейцарского правительства выпустил шасси и заложил крутой вираж в небе над Скопье, крайне неприглядной столицей Македонии. Летчику пришлось приложить массу усилий, чтобы не врезаться в скалистую, поросшую лесами и окутанную легендами гору Шар. Македония, самая южная и слаборазвитая республика бывшей Югославии, избежала ужасов войны. Она сыграла важную роль в деятельности Международного трибунала. Здесь работали следственные команды, здесь собирали информацию о событиях, происходивших в других районах Югославии, в частности в Белграде. Мои сотрудники и я провели ночь на вилле, расположенной на склоне горы, откуда были хорошо видны городские огни. На следующий день мы встретились с премьер-министром страны, бывшим рок-музыкантом Любчо Георгиевски, и другими официальными лицами. Разговор с Георгиевски стал моей первой попыткой убедить балканских политических лидеров выполнить свои

обязательства и помочь Международному трибуналу в расследовании военных преступлений и задержании лиц, ответственных за кровопролитие. Премьер Георгиевски и министр иностранных дел Македонии Павле Траянов абсолютно безучастно слушали меня, когда я говорила, что по некоторым данным Ратко Младич скрывается на территории их страны. Георгиевски заверил меня, что Македония, разумеется, никоим образом не намерена мешать работе трибунала. «Жена Младича родилась в Македонии», — сказал он, а потом признался, что слышал о возможном местонахождении Младича. Георгиевски дал мне понять, что сотрудничество с трибуналом может повредить ему на выборах. Траянов заявил, что у македонской разведки нет информации о месте пребывания Младича и других лиц, разыскиваемых трибуналом.

— Они — очень известные люди, — сказал он, пытаясь убедить нас в том, что полиция сразу же схватит Младича, если он окажется в Македонии. — Все знают их в лицо.

— Арест такого человека будет иметь для нас серьезные последствия, очень тяжелые последствия, — заметил Георгиевски. — Возможны даже террористические атаки…

Траянов добавил, что македонцы — не единственные, кто боится арестовывать обвиняемых трибуналом. Он указал на тот печальный факт, что силы НАТО в Боснии и Герцеговине, а также в Косово, тоже не преуспели в этом деле. «Все хотят, чтобы их арестовал кто-нибудь другой», — сказал македонский министр.

Я просила македонцев действовать более решительно:

— Просто сделайте это… Мы пришлем самолет. Кроме того, нам необходимо арестовать их активы. Они все еще действуют, и им нужно передвигаться, чтобы заниматься бизнесом.

— На этот счет можете быть совершенно уверены в нас: мы контролируем их активы и сможем заморозить счета без особых проблем, — пообещал Траянов.

— Мы не слишком боимся заморозить счета, — подтвердил Георгиевски. — Мы будем сотрудничать с вами.

Ох уж этот рефрен, эти обещания… «Мы будем сотрудничать»… Эти слова звучали, как церковный колокол, в завершение практически каждой официальной встречи на Балканах и в других странах все восемь лет моей работы в Международном трибунале. Каждое правительство, каждый чиновник, каждый натовский военный, каждый дипломат — все они обещали мне свое полное сотрудничество… с такой готовностью, что не стали предпринимать никаких действий для ареста Караджича и Младича, которые оставались на свободе более трех лет и останутся свободными еще долго. Эти слова,

завершающие беседу, я слышала так часто, что уже стала воспринимать их как сигнал, что пора брать свою сумочку от Луи Вуиттон и уходить.

Мы покинули Скопье на следующее утро, 28 октября. Несколько часов мы ехали в Приштину столицу Косово. Этот богатый полезными ископаемыми регион сербские националисты считают колыбелью своей нации и утверждают над ним свой суверенитет, несмотря на то, что население края практически целиком состоит из албанцев. Из окна машины я смотрела на зеленые холмы. Мы проезжали мимо семейных крепостей, обнесенных высокими стенами. Мальчишки пасли на склонах овец и коз. Я вспомнила газетные статьи об этом крае, где говорилось о наркотрафике, бедности, неграмотности, недоедании, болезнях, младенческой смертности. Много писали о преступных сообществах, которые вывозили женщин из разных стран Европы и Азии, вынуждали их заниматься проституцией и относились к ним, как к скоту. В этом регионе никогда не было господства закона. Здесь существовал только один закон — закон кровной мести: око за око, жизнь за жизнь. Речь идет не о личной мести, продиктованной чувствами, а о древней, еще догомеровой форме поддержания социального порядка. Этот закон требует отмщения в любом случае, даже если убийство произошло случайно. Мужчины из семьи убитого не успокаиваются, пока не убьют мужчину из семьи убийцы.

После долгих лет репрессий со стороны сербов и массивных этнических чисток весны 1999 года жажда мести сделала жизнь в Косово очень опасной. Сербы, особенно пожилые, оказались запертыми в своих анклавах по всему региону. Дороги между анклавами пролегали по территориям, контролируемым албанцами. Соединения Армии освобождения Косово вели себя как настоящие банды. Они похищали и убивали сербов и представителей других этнических групп, чаще всего цыган, только за то, что они не были албанцами. Албанцы нападали даже на тех сербов, которых сопровождали представители миротворческих сил в Косово.

Миротворцы уже арестовали 400 человек по обвинению в различных преступлениях. 14 из них обвинялись в военных преступлениях. В стране не существовало никакой правовой системы для отправления судопроизводства. Но даже если бы она существовала, проводить суды было бы слишком опасно. Слухи о том, что Международный трибунал собирается выдвинуть обвинение против лидеров АОК за убийство сербов, вызвали ярость у албанцев. Лидеры АОК умело использовали всеобщую истерию против трибунала, подобно тому, как это сделал

Милошевич в Белграде.

Мы прибыли в Приштину около полудня и направились на главную базу миротворцев. Я была поражена тем, как ужасно выглядел город. На улицах валялись груды мусора, на стенах домов виднелись следы пуль и осколков. В то же время на многих крышах и балконах были установлены спутниковые тарелки. Мне предстояло встретиться с командиром миротворцев, немецким генералом Клаусом Райнхардтом. Он в весьма мрачных тонах описал мне этническую вражду, царящую в Косово, и высказал беспокойство относительно того, что обвинения, выдвинутые в адрес бывшего командующего АОК, Аджима Чеку, создадут проблемы и для миротворцев, и для миссии ООН в Косово. Генерал Райнхардт сказал, что хотел бы как можно раньше получить информацию о возможности подобных обвинений. Я дала понять, что трибунал собирается преследовать только самых высокопоставленных преступников. В то же время я сообщила, что, несмотря на проблемы с безопасностью и враждебность албанских военных лидеров в отношении трибунала, мы собираемся беспристрастно расследовать преступления, совершенные Армией освобождения Косово, для чего нам потребуется поддержка миротворцев и всемерная защита. Генерал Райнхардт заверил, что обеспечит необходимую нам поддержку.

Днем мы встретились с главой миссии ООН в Косово, Бернаром Кушнером, бывшим министром здравоохранения Франции и одним из основателей международной гуманитарной организации «Врачи без границ». Кушнер согласился, что обвинения в адрес АОК очень важны для миссии ООН и международного присутствия в Косово. Он назвал их даже «политически необходимыми». Сотрудники миссии сообщили, что заинтересованы в расследовании преступлений, совершенных после окончания бомбардировок НАТО. Мы проинформировали Кушнера о том, что эти преступления, в том числе систематические убийства и похищения, подпадают под юрисдикцию трибунала.

Вечером охранники миссии ООН и солдаты-миротворцы проводили нас в отведенный нам дом на территории лагеря миротворцев. Электричества не было. Единственным туалетом пользовались десять человек. Мне выделили маленькую комнату. Простынями на постели явно кто-то уже пользовался. Я возмутилась, но скоро узнала, что чистого белья попросту нет. Мне пришлось распаковать чемодан, застелить постель своей одеждой и попытаться заснуть. Кожа страшно зудела. Я открыла окно, чтобы подышать свежим воздухом, но на улице кто-то начал стрелять. Я лежала и не понимала, как могла оказаться здесь, в

этом месте, которое ничем не напоминало Европу. Раздался еще один выстрел. Я закрыла окно и провалилась в сон. Утром пришлось принимать холодный душ.

Потребовалось меньше часа на то, чтобы понять, что расследование военных преступлений и отстаивание прав человека потребует гораздо большего, чем готовность мириться с грязными простынями, бессонными ночами и очередями в туалет. Подобная работа связана с личным риском. Этот риск закаляет душу, и примером тому может служить огонь, пылающий в душе Наташи Кандич, основательницы Фонда гуманитарного права в Белграде. Эта невысокая сербка с хриплым голосом, севшим от долгих лет курения, преисполнена желания защищать права человека. Не думая о сербской полиции и жестоких бандах албанцев, Наташа путешествовала по Косово на машине во время бомбардировок НАТО. Она разыскивала свидетелей высылки албанцев. Даже спустя много месяцев после этого она выглядела физически разбитой. Увидев ее впервые, я сказала себе: «А ведь я провела здесь всего один день…» Наташа закурила, я тоже. Потом она стала рассказывать об ужасной ситуации в Косово.

Она сказала, что необходимо призвать к порядку Армию освобождения Косова. В сожженном сербской армией городе Печ солдаты албанской армии устроили организованные убийства. «Труднее всего приходится цыганам, — объяснила мне Наташа. — Они расплачиваются за все». В июне и июле ОАК убивала сербов в окрестностях Печа. В августе и сентябре албанцы похищали сербов в том же городе. «Нам не удалось найти тюрем АОК», — сказала Наташа.

Наташа Кандич рассказала мне и о том, как трудно найти свидетелей, готовых давать показания. Албанцы настолько боятся АОК, что из страха мести предпочитают не говорить об их преступлениях и не сотрудничать с миссией ООН и Международным трибуналом. Сербские свидетели дают показания, но они бежали за пределы Косово — в Черногорию и Сербию. До натовских бомбардировок эти республики были недоступны для следователей Международного трибунала. Наташа сказала, что сербы начинают признаваться в преступлениях. Один из свидетелей, командовавший охранниками тюрьмы, даже начал рассказывать об убийстве около сотни заключенных. «Его нужно вывезти из страны, — заметила Кандич. — Он очень боится разговаривать даже с моими адвокатами». Мы поинтересовались, когда можно будет посетить Белград и начать там расследование. Разговор шел за ужином, двумя днями раньше. Я выпалила: «Нужно ехать в Белград прямо сейчас. Надо запросить визы… Давайте проведем аресты».

Товарищ прокурора Грэм Блуитт сделал такую гримасу, что я поняла, что сказала что-то не то…

В тот же день нам дали военный вертолет, и мы направились к месту раскопок массовых захоронений в Сичево, небольшой деревне рядом с массивной горой, которую называли «Горой Проклятых». Раскопки вели австрийские криминалисты-антропологи. День выдался очень жарким, и в воздухе распространялось густое зловоние, проникавшее в ноздри, пропитывавшее волосы и одежду и привлекавшее полчища мух. Из земли появлялись тела, человеческие фигуры, напоминавшие гипсовые скульптуры Джорджа Сигала, только скорчившиеся и потемневшие. Грызуны, насекомые и миллиарды бактерий давно пожрали глаза и мягкие ткани лица мужчины, тело которого лежало на столе. Патологоанатом распиливал пилой грудную клетку, а родственники погибшего наблюдали за ним. Я спросила экспертов, кто этот человек и как он погиб. Следователи сказали, что мужчине было 86 лет. Свидетели подтвердили, что сербские солдаты вошли в его дом, перерезали ему горло и пристрелили, а затем убили двух женщин, еще одного гражданского и снайпера АОК.

Посещение места эксгумации не произвело на меня особого эмоционального впечатления. По крайней мере, я этого не заметила. Зловоние оставило неприятный привкус во рту. Кости и зубы, видневшиеся за сгнившей плотью, были ужасны. Но для меня это тело было всего лишь вещественным доказательством, еще одним компонентом базы данных для обвинения против Слободана Милошевича и всех тех, кого обвиняли в военных преступлениях в Косово. Я могла стоять здесь целый день, вдыхая трупное зловоние, точно так же, как австрийские эксперты, и могла вернуться туда даже в самый жаркий июльский день. Это была моя работа. Я подавляла страх и ужас, жившие в моем подсознании. Но все же при виде одного из потомков старика, останки которого исследовали на столе эксперты, я вздрогнула. Его звали Якуб Бериша. Я взяла его за руку, посмотрела на него… Не помню, что я сказала… Одного лишь рукопожатия было достаточно, чтобы почувствовать всю глубину его утраты и его веру в то, что трибунал постарается осуществить правосудие — настоящее, а не то, какое на протяжении многих лет творилось в Косово.

Особенно сильно в годы войны пострадал город Сараево. Здесь жили мусульмане, сербы, хорваты и тысячи людей, рожденных в смешанных браках. Война для Сараево началась в марте 1992 года и продолжалась почти четыре года. Конец ей положило Дейтонское мирное соглашение, подписанное в конце

1995 года. Следующим летом в Боснии и Герцеговине прошли выборы, и к власти пришли мусульманские, сербские и хорватские националисты, в том числе и те мужчины и женщины, которые привели эту страну к войне. Националисты получили полный контроль над федеральным правительством и правительствами двумя республик: Республики Сербской (сербского национального образования) и мусульмано-хорватской Федерации Боснии и Герцеговины. Абсурдность ситуации, сложившейся в Боснии после Дейтонского соглашения, стала ясна мне во время первой же встречи в Сараево, которая проходила в понедельник, 1 ноября. Выходные я провела, отдыхая в Лугано. Через два дня я встретилась с членами коллегиального Президиума Боснии и Герцеговины — мусульманином, сербом и хорватом. Каждый потребовал принести ему кофе, приготовленный по особому рецепту. Мы встретились в гостиной президентского дворца в центре Сараево — в той же комнате, где долгие годы переговорщики и дипломаты пытались положить конец кровопролитию. Я узнала только мусульманского лидера Боснии военного времени Алию Изетбеговича и сразу подумала о том, что следователи трибунала изучали его деятельность в годы войны. Изетбегович поприветствовал меня, коротко сказал о готовности оказывать поддержку трибуналу, разумеется, без каких-либо препятствий и ограничений. Затем слово взял серб, Живко Радишич. Он спросил, использует ли трибунал секретные обвинения. (Эти обвинения особенно беспокоили тех, кто был виновен в военных преступлениях, потому что им приходилось день и ночь терзаться страхом, не раздастся ли зловещий стук в их дверь.) Радишич критиковал медлительность судебной процедуры, в чем я была с ним полностью согласна. Он призвал тщательнее расследовать военные преступления в Косово. Я ломала голову над тем, кто стоит за Радишевичем. Обвиненный глава государства Милошевич? Скрывающийся от правосудия Караджич? Или другие члены мафии, управляющей Сербской демократической партией Караджича?

Во время моего визита обязанности президента коллегиального Президиума Боснии и Герцеговины исполнял хорват Анте Елавич. Даже я, из всех присутствующих имевшая самое слабое представление о балканской политике, понимала, что «серым кардиналом» здесь был президент Хорватии Франьо Туджман. Как я и ожидала, Елавич стал говорить не от имени Боснии и Герцеговины, а от имени боснийских хорватов. Естественно, он тоже пообещал полное сотрудничество с трибуналом. Елавич являл собой живое воплощение проблем, с которыми я столкнулась, когда обратилась к боснийским властям

с просьбой способствовать прокурорскому расследованию. В тот самый момент, когда я общалась с Елавичем, мои следователи и аналитики собирали информацию для предъявления ему обвинений. Елавич был полковником армии боснийских хорватов, называемой Хорватским советом обороны. Эти подразделения подчинялась армии Хорватской республики, которая по приказу Туджмана вошла в Боснию с тем, чтобы расширить территорию независимой Хорватии. Не чужда Елавичу и коррупция. Он был назначен заместителем руководителя министерства обороны в Хорватском совете обороны по вопросам материально-технического обеспечения. Во время войны он выплачивал содержание армии боснийских хорватов и занимался переводом денег с хорватских правительственных счетов на счета Хорватского совета обороны. Впоследствии Елавич был арестован по обвинению в коррупции, признан виновным и осужден на десять лет тюрьмы. Ему удалось бежать в Хорватию, где его следы затерялись.

Несколько минут Елавич бомбардировал меня весьма позитивными словами — «гармония», «многонациональное общество», «восстановление» и «примирение», а потом перешел к разговору о тревогах хорватского «сообщества» — так называли хорватов Герцеговины, которые в январе 1993 года начали войну против боснийских мусульман. «По оценкам ЦРУ, — сказал он, — хорватами было совершено всего десять процентов преступлений, имевших место в Боснии и Герцеговине, однако, 50 % тех, кто был арестован трибуналом, являются именно хорватами. Среди арестованных Дарио Кордич и Тихомир Блашкич — два лидера хорватского народа…» Этих людей Международный трибунал обвинил в массовом убийстве мусульман в деревне Ахмичи в апреле 1993 года. «Хорватский народ, — продолжал Елавич, — не понимает, почему внимание обращено только на Ахмичи? Почему никто не рассматривает военных преступлений, совершенных против хорватов?»

Подобная демагогия всегда становится тяжелым испытанием для моего терпения. Поблагодарив членов Президиума, я сказала Елачиву «Не стоит манипулировать цифрами». Хотя не было необходимости напоминать ему и всем остальным об обязательствах Боснии и Герцеговины по сотрудничеству с трибуналом, я все же заметила, что до тех пор, пока правовая система Боснии и Герцеговины не докажет свою эффективность и независимость от политического влияния, расследовать и выносить приговоры по делам, связанным с военными преступлениями, будет Международный трибунал. «В будущем, — сказала я, — мы, конечно, начнем сотрудничать с

местными правоохранительными органами. Но не сейчас…»

Поскольку Елавич был президентом Президиума, он и завершил нашу встречу. Я чувствовала, чем все закончится. Елавич пообещал всячески сотрудничать с трибуналом. Он настаивал на том, что вовсе не собирался манипулировать цифрами, а просто хотел указать на «равную ответственность». Это была тщетная попытка спасти лицо. Я знала, что сербские и хорватские лидеры неоднократно прибегали к подобным приемам, пытаясь убедить лидеров других стран, дипломатов и журналистов в том, что мусульмане ответственны за насилие в той же степени, что и сербы и хорваты. Я знала и то, что лидеры боснийских сербов и хорватов будут изо всех сил преуменьшать значение Международного трибунала и препятствовать его работе. Сербские и хорватские СМИ всячески порочили работу трибунала, искажали факты и представляли международный юридический институт как воплощение зла. Сербы же и хорваты, которым были предъявлены обвинения, представали на страницах газет рыцарями в сверкающих доспехах, подвергающимися несправедливым преследованиям.

На следующий день я летела над величественными горами Боснии и Герцеговины. Если бы не глобальное потепление и не тысячи противопехотных мин, эта страна могла бы стать идеальным лыжным курортом. Наш самолет приземлился в Баня-Луке, крупнейшем городе сербской части Боснии и Герцеговины, Республики Сербской. У меня нет предубеждений против Республики Сербской. Должна признаться, что я даже не подозревала о ее официальном существовании до тех пор, пока не начала работать в Международном трибунале. Эта часть Боснии стала центром этнических чисток. Во время войны сербское руководство Баня-Луки и соседних городов — Приедора, Челинаца, Котор-Вароша и других — опозорило свой народ свершением немыслимых актов насилия. Сотни тысяч мусульман были изгнаны из домов своих предков, тысячи — убиты или заключены в концентрационные лагеря. В Челинаце сербские лидеры создали для мусульман такие условия, которые более всего напоминали законы о евреях времен Третьего рейха. Сначала мне показалось, что Баня-Лука на полвека отстала от остального мира. Я увидела четырехполосную трассу, по которой неспешно ехали потрепанные «мерседесы» вперемешку с конными повозками, двигавшимися со скоростью не более шесть миль в час.

Должность премьер-министра Республики Сербской в то время занимал Милорад Додик. Он очень сладко говорил о «сотрудничестве», но все его обещания были пустым звуком:

Додик не контролировал ни территорию Республики Сербской, ни полицию, ни военных. Я не считала, что он не хочет сотрудничать с Международным трибуналом, потому что опасается за свою жизнь. Уверена, он просто все рассчитал и решил, что сотрудничество помешает его будущей политической карьере.

Додик заявил, что его правительство было готово сотрудничать с Международным трибуналом с самого начала его работы. Именно Республика Сербская предложила, чтобы некоторым из обвиняемых была дана возможность сдаться добровольно. То, что они вынуждены долгое время дожидаться судебного разбирательства в тюрьме, политическая нестабильность в Республике Сербской и натовские бомбардировки Сербии, по мнению Додика, делали сотрудничество с Международным трибуналом весьма затруднительным для любого местного политического лидера. «Мое правительство, — сказал Додик, — стремится решить главную проблему Республики Сербской. Мы считаем, что Радован Караджич должен быть доставлен в Гаагу любой ценой». Он указал на то, что Караджич и другие обвиняемые находились в Боснии и Герцеговине, но не под защитой его правительства. Додик заявил, что последние три года Ратко Младич провел в Белграде и не пересекал границ Республики Сербской. (Я полагала, что это чистой воды ложь, в чем впоследствии и убедилась.)

Я сказала Додику, что хочу быть откровенной, и указала на то, что правительство Республики Сербской могло бы продемонстрировать готовность в полной мере сотрудничать с трибуналом, предоставив нам необходимую информацию и арестовав обвиняемых. Я сообщила, что главная наша задача — арест Караджича, который время от времени появляется в Пале: «С вашей помощью, при наличии нужной информации и при поддержке миротворческих сил мы сможем его задержать». Я просила Додика передать нам важную информацию, в том числе последние фотографии обвиняемых и сведения об их местонахождении. Мои сотрудники вручили ему официальную просьбу о поддержке. В связи с расследованием убийств в Сребренице в 1995 году наши следователи хотели допросить семерых граждан. Некоторые из них были подозреваемыми, другие — возможными свидетелями. Мы полагали, что эти люди не захотят встречаться с нашими следователями, и передали Додику семь повесток на допросы, которые должны были состояться в декабре. Товарищ прокурора, Грэм Блуитт, заверил Додика в том, что в запросе трибунала нет тайной подоплеки. Все эти люди вызывались только для допроса. Никаких тайных

обвинений против них не выдвигалось, и задерживать их никто не собирался. Додик согласился сотрудничать, если мы гарантируем свою искренность. Но он сразу предупредил, что за результаты не ручается, поскольку возглавляет правительство, не имеющее поддержки большинства в парламенте боснийских сербов, а полиция Республики Сербской до сих пор хранит верность Сербской демократической партии Караджича.

Мы скептически отнеслись к предсказанию Милорада Додика о том, что режим Слободана Милошевича падет не позднее следующего года. Он сказал, что оппозиция активно использует неудовлетворенность сербского народа политикой Милошевича. Додику не нравилось, что Международный трибунал не выдвигает обвинений против Воислава Шешеля, ярого националиста, возглавлявшего Сербскую радикальную партию. Я не могла вдаваться в детали, но сообщила, что трибунал интересуется деятельностью Шешеля, и что если у него есть доказательства виновности Шешеля или других лидеров, он должен их предоставить. Додик заявил, что подозревает Шешеля в организации недавних взрывов в Республике Сербской.

Оживленный, но очень провинциальный Загреб — город, стремящийся выглядеть современно, однако, не желающий отказываться от наследия Габсбургов и в особенности — Австро-Венгрии. (Я заметила, что президент Туджман одел солдат почетного караула практически в такую же форму, что и в Венгрии.) Через день после встречи с Додиком я начала переговоры с правительственными чиновниками Хорватии в Загребе. Пожираемому раком президенту Туджману оставалось жить не больше месяца. Он был одним из инициаторов создания трибунала по военным преступлениям на территории бывшей Югославии, и это неудивительно — ведь во время войны 1991 года Хорватия сильно пострадала от преступлений, совершенных Югославской национальной армией, контролируемой сербами. Однако несколькими годами позже он дал понять своим советникам и военному командованию, что, если Хорватия хочет оставаться независимой и расширить свою территорию, кому-то нужно было выполнить грязную работу. Таким образом, Туджман оправдал преступления, совершенные хорватами.

Многие хорваты считают Франьо Туджмана отцом независимой Хорватии. Незадолго до моего приезда в Загреб Туджман с больничной койки заявил, что Хорватия никогда не признает вины и не передаст Гааге офицеров, которых Международный трибунал обвинил в военных преступлениях. Туджман сказал: «Хорваты, освободившие страну от сил зла, не должны нести за это ответственность». Конечно, данные слова

были как попыткой умирающего сохранить собственное наследие, так и стремлением оградить хорватских военных от преследования. Свой визит я начала с официального заявления. Я сказала, что глубоко разочарована тем, что Хорватия на словах заявляет о своей готовности сотрудничать с трибуналом, однако, не желает способствовать расследованию двух операций хорватской армии, проведенных в 1995 году против сербских регионов, находившихся под временной защитой ООН. Эти операции под кодовыми названиями «Шторм» и «Молния» были, по сути, законным использованием силы, но привели к чрезвычайному росту количества беженцев и убийствам гражданских лиц, преимущественно пожилых людей, которые решили не покидать родные дома. Я заявила, что Хорватия должна признать право трибунала проводить любые расследования, связанные с вооруженными конфликтами на территории страны, в том числе с операциями «Шторм» и «Молния». Если же обязательства страны не будут выполнены, я доложу об этом Совету безопасности ООН.

Туджман и его сторонники на протяжении многих лет систематически мешали работе Международного трибунала. Начиная переговоры с высшими правительственными чиновниками Загреба, я не знала деталей этой операции. Меня принимал заместитель министра иностранных дел Иво Санадер, позднее занявший пост премьер-министра страны. Нашу встречу он начал с заверений в готовности в полной мере сотрудничать с Международным трибуналом. «Именно наша страна стала инициатором создания такого трибунала, — заявил он. — Полное сотрудничество — это принцип нашей политики, несмотря на то, что порой работа трибунала нас не удовлетворяет». Затем он спросил, почему трибунал не выдвинул обвинений военным, ответственным за разрушение Вуковара и осаду и бомбардировки Дубровника. «Мы искренне поддерживаем вашу работу», — добавил Санадер, указывая на то, что Тихомир Блашкич, Дарио Кордич и другие боснийские сербы, обвиненные в резне в деревне Ахмичи в 1993 году, были переданы в руки трибунала благодаря вмешательству Хорватии.

Я сказала Санадеру, что удивлена призывом Туджмана не выдавать тех, кто обвиняется в участии в операциях «Шторм» и «Молния». Позиция Туджмана не имеет юридической основы и неприемлема в принципе. Мы даже еще не запрашивали выдачи тех, кто был связан с этими операциями, а лишь потребовали, чтобы Хорватия выполнила свои обязательства по сотрудничеству со следствием: «Могу заверить вас, что трибунал в целом и моя служба, в частности, сделают все возможное, чтобы расследовать

самые серьезные преступления и выдвинуть обвинения против виновных на самом высоком уровне ответственности. У нас нет предвзятости в отношении какой-либо из сторон. Мы просто исполняем свои обязанности».

Я заявила Санадеру, что правительство Хорватии должно избавиться от враждебности по отношению к трибуналу, и что сотрудничество отвечает интересам хорватского народа. «Вы должны сотрудничать с нами», — сказала я, заверив его в том, что для расследования военных преступлений, в том числе и совершенных в Вуковаре и Дубровнике, необходимы время и информация. Разумеется, эти события не могут ускользнуть от внимания Международного трибунала.

Санадеру явно не хотелось отстаивать позицию, которая вскоре могла вынудить членов Совета безопасности сократить помощь Хорватии. Но он действовал по сценарию, утвержденному на самом верху. Он заявил, что операции «Шторм» и «Молния» — это очень деликатное дело, и правительство его страны не поддерживает позицию трибунала по этому вопросу.

Его поддержал советник: «Мы не можем предоставить вам архивы и позволить обвинить кого-либо… Мы не можем позволить вам представить наши законные действия в преступном виде». Санадер выразил неудовлетворение тем, что трибунал обвинил в преступлениях, совершенных во время сербской военной кампании 1991 года, всего четверых сербов: «Давайте сразу проясним, почему мы сейчас говорим об операциях «Шторм» и «Молния» и молчим о событиях 1991 года… Тогда в Хорватии было убито 14 тысяч человек…» Санадер признал, что на территориях, затронутых операцией «Шторм», были совершены преступления, и что многие из тех, кто находился в зоне военных действий, носили военную форму. Но при этом он утверждал, что командиры хорватской армии и в особенности один из любимцев Туджмана, генерал Анте Готовина, не несут ответственности за поступки этих людей. Кроме того, он настаивал на том, что Хорватия не позволит трибуналу расследовать последствия данных военных операций, и снова завел разговор о ее врагах. Заявляя о том, что люди каждую неделю находят массовые захоронения погибших во время нападения Сербии на Хорватию в 1991 году, Санадер явно преувеличивал. Учитывая все то, что нам известно о попытках Хорватии препятствовать расследованиям трибунала, можно сказать, что Санадер откровенно лгал относительно готовности его страны к сотрудничеству и проводил неправомерные сравнения с Сербией, которая тоже не спешила способствовать работе трибунала. Но, говоря о том, что неспособность задержать Караджича и Младича подрывает веру в

честность международного сообщества, он был совершенно прав. «Если вы публично заявите, что расследуете агрессию 1991 года, это будет способствовать успеху вашего дела», — сказал Санадер. Я заверила его в том, что так и будет.

В 1998 году моя предшественница Луиза Арбур посетила Черногорию, которая вместе с Сербией участвовала в агрессии против Хорватии в 1991 году и поддержала попытки Белграда разделить Боснию и Герцеговину. В мае 1992 года ООН ввела экономические санкции против Сербии и Черногории — единственных республик, оставшихся в составе рухнувшей Югославии. Когда война в Боснии начала разгораться и санкции стали ощутимыми, черногорцы задумались. Кое-кто из политических лидеров поспешил дистанцироваться от Милошевича и его сторонников в Черногории. К 1999 году оппозиция Милошевичу в Черногории одержала верх, и две республики стали практически разными странами, имеющими одну армию и общую валюту. Когда черногорское правительство отвергло решения, принятые в Белграде, атмосфера стала накаляться. Люди беспокоились о том, что в республике могут возникнуть столкновения между сербами и просербски настроенными черногорцами, живущими в Черногории, и сторонниками независимости республики. После натовских бомбардировок Милошевич и югославская армия по вполне понятным причинам категорически отказывались сотрудничать с Международным трибуналом. Опасность была слишком велика, и следователи трибунала не могли посетить даже Черногорию, не говоря уже о Сербии. Мы решили пригласить правительственную делегацию Черногории в Гаагу. 4 февраля 2000 года штаб-квартиру трибунала посетил премьер-министр страны, Филип Вуянович.

Я заявила Вуяновичу что мы нуждаемся в сотрудничестве его страны. Сказала о том, что мы придаем огромное значение расследованию военных преступлений против сербов в Боснии, Хорватии и Косово, но Белград блокирует доступ к свидетелям и вещественным доказательствам, находящимся на территории Сербии. Еще одной важной целью для нас было задержание скрывающихся обвиняемых, и в первую очередь Караджича и Младича. Грэм Блуитт добавил еще одно имя — Веселин Шливанчанин. Этот уроженец Черногории разыскивался трибуналом по обвинению в казни 260-ти пленных, которых после взятия Вуковара в ноябре 1991 года забрали прямо из госпиталя.

Вуянович улыбнулся и сказал, что отношения Черногории с Белградом ухудшились до такой степени, что сотрудничество с

Международным трибуналом уже не может им повредить. Но он попросил, чтобы помощь его страны из соображений безопасности оставалась в тайне. Вуянович сказал, что его страна готова принять участие в операциях, обмене информацией и организации общения с жертвами и свидетелями. Черногория также изъявила готовность арестовать скрывающихся обвиняемых, если они окажутся на территории страны и не будут при этом занимать высшие посты в структуре Федеративной Республики Югославия. По мнению Вуяновича, никто не вправе ожидать от Черногории ареста высокопоставленных чиновников — таких, как глава контрразведки генерал Драголюб Ойданич или министр внутренних дел Влайко Стойликович: их арест даст Милошевичу повод для военного вторжения и свержения черногорского правительства. Вуянович сообщил, что черногорские власти боятся того, что Милошевич, большой мастер по созданию и использованию в своих интересах политических кризисов, может инициировать забастовки или акты гражданского неповиновения с тем, чтобы сохранить политическую власть в Белграде и устранить потенциальных соперников. А вот Караджич и Младич — дело другое… Черногорские власти были готовы арестовать их, но Караджич уже несколько лет не появлялся в Черногории. Младич тоже не приезжал в республику и не имел там родственников.

Я заверила Вуяновича, что мы не собираемся создавать проблем для черногорского правительства и требовать ареста высокопоставленных чиновников из Белграда. Однако нам необходимо сотрудничество Черногории в деле выслеживания и ареста Караджича. Мать генерала жила в Черногории, и Караджич мог сделать попытку повидаться с ней. Вуянович ответил, что черногорские власти готовы обеспечить полицейский надзор за родственниками обвиняемых, включая и видеонаблюдение. Он попросил предоставить Черногории список жертв и потенциальных свидетелей, чтобы правительство могло связаться с ними или установить за ними наблюдение.

Прошло еще несколько месяцев, прежде чем власти Сербии пошли на переговоры, и это было вполне предсказуемо. Националистическая эйфория в Сербии способствовала падению бывшей Югославии. В 80-е годы Милошевич использовал недовольство сербского меньшинства в Косово, чтобы прийти к власти. Он подчинил себе коммунистическую партию Сербии, организовал перевороты в Черногории и сербской провинции Воеводина и сделал неумелую попытку установить контроль над Боснией и Герцеговиной, действуя через разведку и коммунистическую партию. После этой неудачи и принятого в

начале 1990 года коммунистами Словении решения о выходе из коммунистической партии Югославии, Милошевич лишился последней надежды подчинить себе всю страну и стать своего рода реформатором, кем-то между Тито и Горбачевым. Теперь перед ним стояла задача сделать Сербию как можно более сильным государством. В результате гражданских войн территория Сербии сократилась до границ одной республики. Даже Косово было потеряно. Но Милошевич все еще цеплялся за власть, и в этом его поддерживала ультранационалистская Сербская радикальная партия Воислава Шешеля. При коммунистах Шешель сидел в тюрьме. Освободившись, при помощи Милошевича он основал собственную партию, организовал внутри нее вооруженные формирования и приказывал своим партизанам ржавыми ложками вырывать глаза хорватов и других врагов Сербии. Пропагандистская машина Милошевича обвиняла в бедах Сербии весь мир. Луиза Арбур выдвинула обвинение против Милошевича еще во время военной кампании НАТО в 1999 году. После этого мы делали безуспешные попытки склонить Белград к сотрудничеству в расследовании.

26 апреля 2000 года я отправила письмо федеральному министру юстиции Югославии Петару Йоичу, верному сторонику радикальной партии. Письмо начиналось с обычных дипломатических выражений, хотя даже сейчас, читая их вслух, я ощущаю неприятный привкус во рту: «Ваше превосходительство, прокурорская служба Международного трибунала имеет честь просить сотрудничества правительства Федеративной Республики Югославия…» Далее содержалась просьба доставить по назначению повестку полковнику югославской армии, которого мы хотели бы допросить относительно нарушений международного гуманитарного права во время захвата «безопасной зоны» Сребреница в июле 1995 года.

24 мая, спустя неделю после даты, на которую у нас был назначен допрос полковника, Йоич подписал свой ответ и передал его в канцелярию министерства юстиции. В выражениях он не стеснялся: «Суке дель Понте, самопровозглашенному прокурору, Преступный Гаагский трибунал». Далее на 25-ти страницах через одинарный интервал следовали разглагольствования в том же стиле. «Хочу сообщить, что прекрасно сознаю ваши вероломные намерения, — писал Йоич. — В отличие от вас, я с глубоким уважением отношусь к международному праву, в особенности, к ответственности за международные преступления. Я хочу показать вам, что есть люди, которые не продаются за деньги, не теряют достоинства, переступая через все, чему их учили, которые верят в Бога и на

руках которых нет невинной крови. Темница, которой вы управляете, темница, где вы, как последняя шлюха, продаетесь американцам, темница, в которой вы, не останавливаясь даже перед убийствами, насильно удерживаете невинных сербов, так называемый Гаагский трибунал — это противозаконный институт, создание которого противоречит условиям Хартии ООН и международному праву в целом… Рано или поздно даже вам придется признать истину. Ваши действия станут предметом расследования, и остаток своей презренной жизни вы проведете за тюремной решеткой…»

Затем Йоич предлагал мне встретиться в номере московского отеля с министром обороны Югославии генералом Драголюбом Ойданичем, у которого, по заверению Йоича, были чисто «сербские, а не извращенные вкусы». В конце своего послания он требовал выдвинуть обвинения против военных и политических лидеров стран НАТО, ответственных за бомбардировки Сербии и Черногории с 24 марта по 9 июня 1999 года.

Это письмо ознаменовало собой окончание моей первой попытки понять Балканы. По иронии судьбы, после стольких пустых обещаний сотрудничества, после борьбы с *muro di gomma*, протянувшейся от Загреба до Скопье, кто-то наконец сказал мне, что эти люди думают в действительности. Я вернулась в свои апартаменты, на чистые простыни, за надежные, крепкие стены и пуленепробиваемые окна. И здесь я вспомнила всех тех лидеров, с которыми встречалась от Македонии до Хорватии. «Бог мой, — подумала я. — Как же нам удастся с ними договориться?».

Мой почтовый ящик забит письмами. Люди со всех концов света призывают меня расследовать натовские бомбардировки Сербии в 1999 году. Многие из этих писем — из США, Франции, Канады и других стран-членов НАТО — содержат в себе информацию о бомбардировках, гибели гражданских лиц и разрушении гражданских объектов. Документы предоставили делегации России и Италии. Правительство Югославии опубликовало материалы, убедительно доказывающие, что было убито 495 гражданских лиц, а 820 человек получили ранения. Авторы некоторых писем полагают, что натовские бомбардировки были нарушением международного права, и что самолеты НАТО намеренно атаковали гражданские объекты и нарушали «правило пропорциональности». В других письмах утверждается, что, пытаясь развязать войну и избежать потерь со своей стороны, натовские генералы отдали приказ самолетам действовать на высотах, недоступных для югославской противовоздушной обороны, что не позволяло военным эффективно различать военные и гражданские цели. Третьи обвиняют офицеров НАТО и

их политических хозяев в преступлениях против человечности и геноциде.

Еще до работы в Международном трибунале, находясь в Берне, я внимательно следила за телевизионными сводками о воздушной операции в Сербии. Хочу заметить, что я не пацифист. Я приветствовала решение НАТО применить силу в отношении Сербии и Черногории. После десяти лет бессмысленного кровопролития, бомбардировок Дубровника, уничтожения Вуковара, постоянных взрывов и стрельбы в Сараево, этнических чисток и концентрационных лагерей в Западной Боснии, массовых депортаций и убийств в долине реки Дрина, нападения на Горажде, убийства тысяч мужчин и мальчиков в Сребренице и морального банкротства ООН… после всего этого я считала, что кто-то наконец-то решил положить конец развязанному Милошевичем безумию, когда он начал преследовать албанское большинство в Косово. Нужно было положить конец убийствам и прекратить бессмысленное разрушение страны, и никто не может избавить от этой обязанности армию. Пустая риторика только подстегивала Милошевича и сербских экстремистов, вознамерившихся очистить Косово… Я считала, что это нужно остановить. И это остановили. Но какой ценой?

Вскоре после моего прибытия в Гаагу я спросила своего заместителя, Грэма Блуитта, выдвигала ли моя предшественница, Луиза Арбур, обвинения против НАТО. Арбур призвала все стороны, в том числе и НАТО, уважать законы и обычаи войны. Она обратила особое внимание лидеров стран-членов НАТО на то, что под юрисдикцию трибунала подпадают все военные преступления, совершенные на территории бывшей Югославии. 14 мая 1999 года Арбур создала рабочую группу по рассмотрению обвинений против НАТО. Эта группа должна была определить, есть ли основания и веские доказательства для начала полномасштабного расследования. Несмотря на то, что сама я поддерживала бомбардировки, инстинкт подсказывал мне, что эти усилия надо продолжить. Мой интерес к этому делу диктовался не только моим положением. Как прокурора, меня особенно заинтересовало сообщение об одном инциденте — о воздушной атаке на пассажирский поезд, проезжавший по железнодорожному мосту. Почему, подумала я, пилот совершил второй заход на мост, если знал, что первая бомба уже попала в идущий по нему пассажирский поезд?

Мы сформировали комитет по сбору доказательств, необходимых для полномасштабного расследования. Я хотела знать, была ли бомбардировка этого поезда и другие подобные инциденты (в том числе бомбардировка главного сербского

телецентра и посольства Китая в Белграде) преступлениями, ответственность за которые должны нести люди, занимающие высокое положение, и не надлежит ли им предстать перед трибуналом. Чтобы начать прокурорское расследование, мне нужны были доказательства совершенных преступлений. Это был первый шаг. Затем мне понадобились доказательства, связывающие эти преступления с высшими военными и политическим лидерами. Во время беседы с журналистом лондонского журнала The *Observer* меня спросили, готова ли моя служба выдвинуть обвинения против НАТО. Я ответила: «Если я не готова это сделать, то не могу быть прокурором и должна отказаться от своей миссии».[11] Я передала присланные мне материалы председателю комитета Уильяму Фенрику, канадскому адвокату, работавшему в прокурорской службе. Несмотря на критику со стороны Конгресса США из-за того, что комитет трибунала начал рассматривать операцию НАТО (политические лидеры балканских государств — не единственные, кто использует национализм, чтобы набрать очки в предвыборной гонке), я написала длинное письмо генеральному секретарю НАТО, Джону Робинсону. В письме я задавала ряд вопросов об инцидентах, произошедших во время бомбардировок. Нам нужны были детали. Вместо этого мы получили уклончивое письмо на трех страницах, в котором весьма туманно разъяснялось, что военные предприняли все возможные меры предосторожности, чтобы сократить потери среди гражданского населения и атаковать только цели, значимые в военном отношении. Думаю, лорд Робинсон попытался ответить откровенно. Но мне и моим сотрудникам было ясно, что НАТО либо утаивает важную информацию по выбору Целей и другим принятым решениям от трибунала, либо этой информацией располагают только те государства-члены НАТО, правительства которых не собираются делиться ею. Китай не дал нам ничего. Даже Белград отказался от мало-мальски серьезного сотрудничества. Я обратилась к властям страны с просьбой предоставить доступ к информации и документам. Согласие было получено, но нужных сведений мы так и не получили.

Никто в НАТО не мешал мне расследовать бомбардировки или выдвигать обвинение. Но я быстро поняла, что вести такое расследование невозможно: ни НАТО, ни государства-члены этой организации не стремятся сотрудничать с нами. Нам не давали доступа к документам. Кроме того, я обнаружила, что дошла до границ политической вселенной, в которой было позволено действовать трибуналу. Если бы я пошла дальше в расследовании действий НАТО, то не только потерпела бы неудачу, но еще и

лишила бы свою службу возможности продолжать расследование преступлений, совершенных во время войн 90-х годов. Безопасность работы трибунала в Боснии и Герцеговине, а также в Косово, зависела от НАТО. Эксперты трибунала могли вскрывать массовые захоронения, потому что их сопровождали солдаты НАТО. Арест обвиняемых целиком зависел от успехов разведки стран-членов НАТО, а также от наземной и воздушной поддержки натовских армий.

Мои сотрудники открыто обсуждали вопрос натовских бомбардировок. Порой эти обсуждения становились очень жаркими, но нас охватывало ощущение тщетности усилий. Я помню, как мы обсуждали использование войсками НАТО кассетных бомб. Эти бомбы перед падением рассыпаются на множество мелких снарядов, которые не взрываются, а действуют как противопехотные мины. «Это оружие нельзя признать законным», — настаивала я. Через несколько дней ко мне пришел Фенрик и предоставил юридический документ, доказывающий, что применение кассетных бомб было вполне в рамках закона. Он указал на то, что не существует конкретного договора, который запрещал бы использование боеголовок с обедненным ураном. Все мои советники сошлись в одном мнении: расследование действий НАТО невозможно.

Я понимала, что это действительно так, однако, получив отчет нашего комитета, испытала глубокое разочарование. Комитет так и не дошел до вопроса о законности применения силы против Федеративной Республики Югославия: даже если эта кампания была бы признана незаконной, она относилась бы к категории «преступлений против мира», а такие преступления не подлежат юрисдикции трибунала. Мнения членов комитета разошлись и в том, нужно ли расследовать действия натовских военных, которые сознательно зашли на вторую бомбардировку железнодорожного моста, по которому шел пассажирский поезд. Они сочли мост вполне законной военной целью и признали, что бомбы не были намеренно сброшены на поезд при первом заходе. Некоторые члены комитета полагали, что пилот совершил безрассудство, зайдя на вторую атаку. Тем не менее, все сошлись во мнении о том, что дальнейшее расследование невозможно по причине отсутствия информации, подтверждающей виновность в этих ситуациях высшего командования.

Я чувствовала, что члены комитета сознательно истолковали имеющуюся информацию подобным образом, чтобы не принимать на себя лишних обязательств. Но должна признаться, что и сама считала такое расследование невозможным, как технически, так и профессионально. Нам никто не помогал, абсолютно никто — в

этом и заключалась техническая проблема. Невозможно было продолжать и в политическом отношении — такое расследование помешало бы другой работе трибунала. Впрочем, о политических соображениях можно забыть, поскольку технические проблемы были непреодолимы. Именно поэтому я решила обнародовать доклад комитета. Никто из моих сотрудников не возражал. Но президент трибунала, судья Антонио Кассезе, выразил свое неудовлетворение подобными результатами. «Вы могли выдвинуть обвинения против пилота», — заявил он.

«Я не могу, — объяснила я. — Это не моя юрисдикция… Пилот не относится к командному звену». Нам следовало получить разрешение на посещение натовских баз в Авиано и Неаполе, а также штаб-квартиры НАТО в Брюсселе. Только там мы могли выяснить, получил ли пилот приказ на вторую бомбардировку обреченного моста, хотя командование знало, что на мосту находится поврежденный поезд. Спустя несколько лет Слободан Милошевич в качестве доказательства представил запись переговоров между пилотом и теми, кто руководил его полетом из Авиано. Я поехала в Брюссель и попросила НАТО представить свои записи этих переговоров. Мне сообщили, что найти их невозможно.

В пятницу 2 июня 2000 года я обратилась к Совету безопасности ООН. Я публично объявила о своем решении не начинать полномасштабного расследования по поводу воздушной кампании НАТО. Через десять дней я опубликовала доклад комитета. В нем содержались выводы, основанные на информации, которой располагал комитет, в том числе и предоставленной случайными свидетелями, правительством Федеративной Республики Югославии и организацией Human Rights Watch:

> Бомбардировки промышленных предприятий, химических и нефтеперерабатывающих заводов нанесли ущерб окружающей среде Сербии и Черногории. Но размеры ущерба, причиненного натовскими бомбардировками, не превысили порога, после которого эти действия можно было бы расценивать как нарушение существующих законов. В докладе ООН говорится, что загрязнение окружающей среды в Сербии и Черногории по большей части нельзя списывать на разрушения, вызванные натовскими бомбардировками.
>
> Бомбардировка штаб-квартиры телерадиокомпании Сербии в Белграде, во время которой погибло 17 человек, была частью усилий по уничтожению и

снижению статуса военного командования Югославии, систем управления и связи, частью которых и являлся телецентр. (Позже я обсуждала бомбардировку телецентра с натовскими чиновниками на коктейле в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Я узнала, что Милошевич был заранее предупрежден о готовящейся бомбардировке, и что он сознательно приказал вывести ряд сотрудников из здания, но все же оставить там часть персонала.)

Ракетная атака на китайское посольство в Белграде, во время которой трое граждан Китая погибли, а 15 получили ранения, было, согласно имеющейся информации, ошибкой. (Надеюсь, что чиновники министерства обороны администрации Клинтона и американские военные когда-нибудь сообщат все, что им известно об этой бомбардировке, и о том, не была ли она связана с тем, что сербским войскам удалось сбить бомбардировщик «стеле».)[12]

Несмотря на мое обращение к Совету безопасности, я не потеряла интереса к натовским бомбардировкам. В начале моей деятельности было невозможно провести серьезное расследование, но я была готова открыть это дело вновь, если появятся доказательства или доступ к записям, позволяющим начать полномасштабное расследование. Я думала, что мы могли бы накапливать доказательства постепенно, не привлекая внимания, и тогда обвинение можно было бы выдвинуть в конце моего должностного срока, то есть ближе к завершению работы трибунала, когда этот институт перестал бы зависеть от поддержки НАТО. Но время шло, доказательства не появлялись, а доступа к документам, которые позволили бы выдвинуть обвинения против высокопоставленных офицеров НАТО или политических лидеров, по-прежнему не было. Позже мне сообщили, что в Пентагоне меня объявили персоной нон грата. Я не была там вплоть до 2005 года.

Спустя несколько лет генерал Уэсли Кларк, бывший верховный командующий войсками НАТО в Европе, давал показания по делу Милошевича. Во время перекрестного допроса Милошевич начал задавать генералу вопросы о натовских бомбардировках. Я слушала очень внимательно, надеясь, что слова Кларка позволят мне начать расследование. Но председательствовавший на заседании сэр Ричард Мэй остановил Милошевича, не позволив ему задавать подобные вопросы. Я была глубоко разочарована. Это был единственный момент, когда я

почувствовала симпатию к Милошевичу. После слушаний я подошла к назначенному судом адвокату из Белграда и попросила его сообщить Милошевичу, что хотела бы обсудить с ним натовские бомбардировки, чтобы выяснить, что он знает обо всей операции и о бомбардировке поезда. Адвокат согласился выполнить мою просьбу Спустя несколько недель мне передали, что Милошевич отказался обсуждать этот вопрос.

Глава 3
Борьба с геноцидом в Руанде

В туристических буклетах Руанду называют «африканской Швейцарией», но я никогда не бывала в этой стране до назначения меня прокурором трибунала по расследованию военных преступлений. Руанда — страна вулканов. На земле цвета корицы растут бананы, целые поля сорго и кукурузы, в густых джунглях обитает множество животных. По вечерам повсюду слышны гипнотические звуки национальных песен, в которых сочетаются ритмы местного языка киньяруанда и искаженного французского. Должна признаться, что в Руанде я чувствовала себя гораздо комфортнее, чем в Голландии.

До этой поездки я даже представить не могла, что одно короткое посещение католической церкви сможет пошатнуть мою веру в способность человечества удерживать свои дикие инстинкты под контролем. До Руанды я никогда не встречала жертв геноцида, которые сожалели бы о том, что им удалось выжить, и жертв насилия, которых родственники изгоняли в джунгли, чтобы родившиеся дети не оскорбляли их чувств. До Руанды я никогда не думала, что трибунал может освободить человека, обвиняемого в геноциде, на основании одних лишь процедурных тонкостей. Мне посчастливилось узнать, что многие африканские государства, в том числе и самые бедные в материальном отношении, но не в отношении человеческой гордости и упорства страны, сотрудничали с трибуналом по Руанде. Эти государства арестовывали виновников геноцида и передавали их в руки правосудия. По данным американской неправительственной организации, Коалиции за международное правосудие, к концу 2000 года Бенин передал трибуналу двух обвиняемых, Буркина-Фасо — одного, Камерун — девятерых, Кот-д'Ивуар — двоих, Мали — одного, Намибия — одного, Южная Африка — одного, Того — двоих, Танзания — двоих и Замбия — троих. Кения передала 13 обвиняемых. В ходе одной из операций, организованных Луизой Арбур, кенийские власти за один день задержали семерых руандийских лидеров, которым было предъявлено обвинение, и впоследствии передали их трибуналу. Однако кенийцы знали, что могли бы задержать и передать в руки правосудия гораздо больше преступников. Одним из тех, кто укрылся в Найроби, был Фелисьен Кабуга, богатый бизнесмен, который оказывал милиции хуту финансовую поддержку и участвовал в планировании геноцида. Впрочем, к концу 2000 года

самая мощная армия мира, войска НАТО, патрулировала Боснию в течение уже пяти лет, однако, на территории этого государства успешно скрывались 18 военных преступников, разыскиваемых Международным трибуналом, в том числе и Радован Караджич. Когда я ездила по европейским столицам, пытаясь заручиться поддержкой для ареста югославских военных преступников, то постоянно вспоминала сотрудничество со стороны африканских государств. Я говорила об этом на личных встречах с лидерами западных стран. В то время казалось, что, благодаря усилиям африканских стран, трибунал по Руанде добьется больших успехов, чем трибунал по Югославии. Я думала, что по результатам работы трибунал по Руанде сможет соперничать даже с Нюрнбергским трибуналом.

Очень многие авторы из тех, кто писал о геноциде 1994 года в Руанде, объясняли массовые убийства исторически сложившейся враждой, «древней ненавистью» между племенем хуту составлявшим большинство населения страны, и меньшинством тутси. Данные авторы полагали, что у этих народов, как и у национальностей, населявших территорию бывшей Югославии, существовала своего рода генетическая предрасположенность к бесплодной межэтнической вражде. Во время встреч с юридическим консультантом трибунала по Руанде Катрин Сисе и изучения материалов о геноциде в этой стране (особый интерес представляли материалы организации Human Rights Watch, предоставленные Элисон де Форгс) я обнаружила, что подоплека событий гораздо сложнее, чем мне казалось. «Древняя ненависть» влияет на геноцид в Африке ничуть не больше, чем в Европе. Геноцид организуют и осуществляют люди. В Руанде он стал возможен благодаря взрывчатой смеси бедности, перенаселенности, отсутствии экономических возможностей, анархии, национального фанатизма, зависти и других факторов. Но запустить этот механизм в действие могли только военные и политические лидеры, стремящиеся сохранить в своих руках власть и богатство.

Для того чтобы понять культуру безнаказанности, в условиях которой лидеры хуту мобилизовали огромное количество людей на осуществление геноцида 1994 года, нужно вспомнить историю. Все началось много десятилетий назад, когда европейские колонизаторы сознательно насаждали вражду между хуту и тутси. После Первой мировой войны контроль над Руандой получила Бельгия. Колонизаторы целиком полагались на местную элиту, происходившую из меньшинства тутси. Хуту же приходилось полностью подчиняться власти. К концу 1950-х годов политическая и экономическая власть в Руанде перешла из рук

бельгийцев и их любимчиков тутси к зарождавшейся элите хуту. В июле 1962 года Бельгия предоставила Руанде независимость. В 1963 года армия повстанцев тутси вернулась в Руанду и попыталась свергнуть пасть хуту. Те события можно считать предвестниками геноцида 1994 года. Тогда хуту убили более 10 тысяч тутси, а 300 тысяч были вынуждены бежать в Бурунди, Уганду и другие соседние страны. За это преступление никто не ответил. В течение последующих лет лидеры хуту с помощью своих ставленников правили страной точно так же, как когда-то тутси господствовали над хуту.

30 лет политические лидеры хуту удерживали в своих руках власть, используя страхи своего народа перед возвратом к гегемонии тутси. За это время хуту убили тысячи тутси, и снова за эти преступления никто не ответил. В Руанду просачивались слухи о том, как тутси убивают хуту в соседней стране Бурунди. Граница с Бурунди находится всего в часе езды на юг от столицы Руанды, Кигали. И вновь никакого суда или трибунала. Ни один политический лидер и ни одна партия не предприняли никаких шагов по задержанию тех, кто был лично ответственен за насилие.

К 1990 году в изгнании проживало около 1 млн руандийских тутси. Военные, в том числе Поль Кагаме, организовали повстанческую армию, Руандийский патриотический фронт (РПФ). Целью этого движения было свержение президента Жювеналя Хабьяримана, происходившего из народности хуту, и обеспечение возвращения изгнанников тутси на родину. Повстанцы патриотического фронта наводнили территорию Руанды и смешались с местными тутси для ведения партизанской войны. Пропаганда РПФ сравнивала партизан с *inyenzi*, так в Руанде называют тараканов. Партизаны могли наводнить всю страну так же, как тараканы наводняют дома. Сторонники Хабьяримана убили сотни гражданских тутси в отместку за действия РПФ, и эти события стали предвестниками ужасов 1994 года. Разумеется, никто из убийц и их политических хозяев не был осужден, но через несколько месяцев взрыв гражданского неповиновения вынудил Хабьяриману поделиться монополией на политическую власть.

За народную поддержку с президентом и его сторонниками стали соперничать новые партии и группы хуту. Во время политической борьбы Хабьяримана и другие лидеры хуту активно использовали националистические страхи. Они преувеличивали угрозу со стороны РПФ, чтобы привлечь хуту на свою сторону. Сторонники Хабьяриманы и другие радикально настроенные хуту постоянно использовали трагические истории из времен

господства тутси. Они твердили о том, что тутси снова хотят поработить хуту. Партии хуту вербовали молодежь в милицию и обучали их сражаться против партизан. К началу 1992 года партия Хабьяриманы основала милицию *Interabamve*, что означает «стоящие вместе». Столкновения между правительственными войсками и партизанами РПФ становились все более ожесточенными. Члены Interahamve и других вооруженных группировок сотнями убивали гражданских тутси.

Убийства беззащитных женщин и детей тутси никоим образом не способствовали повышению боевого мастерства руандийской армии и милиции хуту. Успехи РПФ вынудили Хабьяриману пойти на переговоры по разделению власти. Экстремисты хуту начали действия по блокированию мирных переговоров и лишению РПФ поддержки в Руанде, то есть по уничтожению населения тутси. Экстремисты считали, что кампания геноцида сплотит разобщенное сообщество хуту под их руководством и будет способствовать уничтожению РПФ. К началу 1993 года один из полковников руандийской армии, Теонесте Багосора, создал программу геноцида и полного истребления тутси. Впоследствии ему было предъявлено обвинение в геноциде 1994 года.

4 августа 1993 года режим Хабьяриманы и Руандийский патриотический фронт подписали соглашение о разделении власти. В попытке предотвратить возможные беспорядки Совет безопасности ООН проголосовал за отправку в регион миротворческих сил, но этот контингент не получил достаточной поддержки. Для осуществления миссии не хватало ни солдат, ни вооружений, ни финансирования. К этому времени экстремисты хуту вовсю распространяли слухи, сеющие страх перед партизанами тутси. Этому были посвящены все программы новой телерадиокомпании «Тысяча холмов» (Radio Television Libre des Mille Colliries). Работа этой студии впоследствии стала объектом рассмотрения Международного трибунала, поскольку призывы к геноциду через средства массовой информации являются преступлением. Тутси в изобилии предоставляли пропагандистам хуту материал, который сеял среди населения ужас и способствовал массовым убийствам 1994 года. В октябре 1993 года солдаты тутси в соседнем Бурунди убили недавно избранного президента страны из народности хуту Мельхиора Ндадайе, что привело к убийству в Бурунди около 50 тысяч хуту и тутси. «Тысяча холмов» рассказывала также о более ранних случаях убийств хуту в Бурунди. В 1965 году армия Бурунди, где преобладали тутси, убила от 5 до 10 тысяч бурундийских хуту. В 1972 году было убито более 100 тысяч бурундийских хуту. В 1988

году бурундийская армия убила еще 20 тысяч хуту, а в 1991 — еще 3 тысячи. В регионе господствовала культура безнаказанности.

К началу 1994 года политические и военные лидеры хуту активно снабжали огнестрельным и холодным оружием членов милиции хуту. Экстремисты в Руанде угрожали убить президента Хабьяриману. Они организовывали в Кигали уличные демонстрации протеста против мирного соглашения о разделе власти. Кагаме и другие лидеры РПФ готовили своих сторонников к дальнейшим столкновениям, прекрасно понимая, что хуту и раньше мстили гражданским тутси за действия партизан РПФ. Естественно, что нарушение соглашения о прекращении огня и разрыв мирного договора могли привести к тому, что тысячи руандийских тутси окажутся в руках мстительных хуту.

Вечером 6 апреля 1994 года президент Хабьяримана вылетел в Кигали после очередного раунда переговоров по реализации условий соглашения о разделе власти. Французский пилот уже выводил самолет на посадку, когда была запущена ракета «земля-воздух». Кто сбил президентский самолет, неизвестно до сих пор, но взрыв подозрительным образом совпал с началом геноцида. Экстремисты хуту немедленно обвинили в убийстве Хабьяриманы тутси. Небольшая группа ближайших сторонников убитого президента начала организовывать массовые убийства гражданских тутси. Полковник Багосора еще год назад планировал подобные действия. Военизированные соединения, поддерживаемые милицией хуту, прочесывали районы столицы с расстрельными списками. Они убивали тутси, а также правительственных чиновников и лидеров политической оппозиции хуту. Офицеры и руководители районов и городов вдали от Кигали стали отдавать солдатам и членам милиции приказы об убийстве местных тутси и умеренных лидеров хуту. Подразделения РПФ, где преобладали тутси, начали войну против хуту. Телерадиокомпания «Тысяча холмов» призывала своих слушателей сражаться против «тараканов», как теперь называли всех мужчин, женщин и детей тутси.

Насилие, охватившее Руанду, подорвало мою веру в силу человеческого разума над безумием. Скорость распространения насилия была невероятной, а жестокость и масштаб убийств, изнасилований и уничтожения детей потрясали. Я могу только представлять звук лезвий, пронзающих живую плоть, крики в ночи, детский плач, отрывистые приказы… Но я прекрасно понимаю, что в действительности ужасы геноцида превосходят любое воображение.

Экстремисты хуту с такой легкостью запугали командование

миротворческих сил ООН, что это вызвало международный скандал. Департамент Организации Объединенных Наций по миротворческим операциям приказал силам ООН не предпринимать провокационных действий против экстремистов хуту. В результате гражданское население тутси, не имевшее оружия, оказалось в руках вооруженных до зубов банд хуту. Элитные французские, бельгийские и итальянские войска находились в аэропорту Кигали, но только для того, чтобы обеспечить эвакуацию иностранных граждан. Подразделения морских пехотинцев США дислоцировались в Бурунди, но после эвакуации американских граждан просто бездействовали. Войска Багосоры обнаружили, что бельгийские миротворцы охраняют дом умеренного премьер-министра страны Агате Увилингийимана, хуту по происхождению. Премьер-министр и ее дети были убиты. Затем экстремисты замучили и убили десять бельгийцев. После этого инцидента Брюссель отозвал из страны всех бельгийских миротворцев.

В мае и июне военные поражения и первые признаки международного осуждения убийств подорвали позиции экстремистов хуту в правительстве. К июню 1994 года РПФ, где преобладали тутси, продвинулся к Кигали. В июле экстремисты хуту покинули столицу. Начался исход из Руанды — еще более массовый, чем бегство в соседние страны в апреле. Из страны бежали тысячи хуту, в том числе и те, кто принимал участие в убийствах, по разным оценкам — от 500 до 800 тысяч тутси и умеренных хуту.

Победа РПФ положила конец геноциду. К власти в Руанде пришли Поль Кагаме и другие лидеры тутси. Но войска РПФ продолжали беззастенчиво нарушать международное гуманитарное право. Гражданские лица погибали во время военных действий. Казни продолжались и после победы над руандийской армией.

Войска тутси выманивали безоружных женщин и детей, обещая им пищу и транспорт для отправки в другие районы страны, и безжалостно убивали их.

Совет безопасности ООН создал Международный трибунал по Руанде 8 ноября 1994 года. Этот акт был не только попыткой положить конец культуре безнаказанности, которая сложилась в Руанде за несколько поколений до геноцида. Это было дипломатическое признание собственной вины в том, что сильнейшие державы мира не смогли ни предотвратить, ни остановить массовые убийства. Под юрисдикцию Международного трибунала попадали военные преступления, совершенные в Руанде и соседних государствах, с 1 января 1994

по 31 декабря 1994 года. Структурно трибунал по Руанде не отличался от трибунала по Югославии: 25 судей, 16 постоянных и 9 *ad litem*, заседали в четырех «палатах». Три палаты проводили слушания, а четвертая, в которой разбирались апелляционные жалобы, обслуживала оба трибунала. Прокурорская служба трибунала по Руанде делилась на две подразделения: отдел расследований, размещавшийся в Кигали, отвечал за сбор доказательств; отдел обвинения, находившийся в танзанийском городе Аруша, готовил документы для представления в трибунал. Секретариат обеспечивал координацию и управление работой обоих отделов.

Не знаю, почему Совет безопасности ООН решил назначить главного прокурора трибунала по бывшей Югославии прокурором трибунала по Руанде. Я читала, что некоторые члены совета полагали, что единство прокурорской службы будет способствовать развитию общей стратегии и процедур. Кроме того, я слышала, что у Совета безопасности были серьезные проблемы при выборе кандидата на пост главного прокурора для трибунала по Югославии, и было решено избежать подобных проблем в трибунале по Руанде, просто объединив два поста. Мне кажется, что их объединение было правильным решением: кроме всего прочего, это позволило выработать единый подход к расследованию и создать эффективный механизм применения международного права. Я с радостью приняла это предложение и старалась выполнять свои обязанности наилучшим образом, не учитывая расовой принадлежности преступников и требуя от моих подчиненных того же. Я понимала, что катастрофа в Руанде затрагивает государства, входящие в Совет безопасности, и знала, что эти события болью отзывались в сердцах дипломатов, представлявших эти страны. Кроме того, мне было ясно, что трибунал по Руанде и трибунал по Югославии имеют одинаковое значение для мира.

Трибунал по Руанде не мог действовать в Европе, и его штаб-квартира расположилась в городе Аруша, в Танзании. Даже самолетом из руандийской столицы Кигали сюда нужно было добираться два часа. Но расположиться в Руанде мы не могли по соображениям безопасности. Международная пресса обосновалась в кенийском Найроби, еще в пяти часах езды от Аруши. Таким образом, трибунал не мог рассчитывать на благосклонное освещение своей работы в крупнейших мировых изданиях и программах. (Несколько независимых журналистов и неправительственных организаций, работавших для интернет-изданий, в меру сил помогали своим читателям, трибуналу, жертвам геноцида и делу международного правосудия в целом.)

Штаб-квартира трибунала по Руанде располагалась в Международном конференц-центре в Аруше. Это мрачное бетонное здание, где телефон работал, как ему заблагорассудится, а подача электричества была, мягко выражаясь, нестабильной. Охранники брали на караул и салютовали мне каждый раз, когда я входила в здание. Я чувствовала себя настоящим колонизатором и терзалась чувством вины. Будучи главным прокурором обоих трибуналов, я полагала, что мне следует поселиться в Аруше. Но для работы это было крайне неудобно. Я не могла постоянно находиться в Африке: деятельность главного прокурора во многом зависит от наличия постоянной связи с крупнейшими столицами Европы и Северной Америки, с Евросоюзом и НАТО, с штаб-квартирой ООН в Нью-Йорке и с неправительственными организациями. Кроме того, мне приходилось вести активную дипломатическую работу, связанную с расследованиями в Югославии и с тем, что многие обвиняемые все еще оставались на свободе.

Главный обвиняемый в геноциде, Жан-Боско Бараягвиза, появился в офисах и коридорах Международного трибунала по Руанде 23 ноября 1999 года. Это был мой первый день в Аруше. Большую его часть я провела, знакомясь с сотрудниками прокурорской службы. К этому времени трибунал уже обвинил в геноциде 48 человек. 29 из них находились в тюрьме, ожидая суда. Жан Камбанда, премьер-министр экстремистского правительства хуту, уже был признан виновным в геноциде. В первый день своей работы я собрала всех сотрудников в небольшом кабинете, чтобы обсудить, как следует продолжать усилия Луизы Арбур и убедить судебную палату тематически объединить наши дела. Это позволило бы значительно повысить эффективность службы обвинения. Прокурорская служба уже предлагала объединить в единое судопроизводство дела против обвиняемых в геноциде и учесть при этом их связь с телерадиокомпанией «Тысяча холмов» и другими СМИ. Вторая команда готовилась оспаривать решение о рассмотрении в едином производстве дел военных лидеров хуту высшего ранга, в том числе дело Теонесте Багосоры, полковника, которому и принадлежал план геноцида. Но все мы не могли не думать о главном преступнике, которому почти удалось избежать правосудия — о Жан-Боско Бараягвизе.

Бараягвиза родился в 1950 году. Это совершенно обычный, очень спокойный человек. Очки в золотой оправе придают ему вид неуверенного в себе студента-первокурсника. Бараягвиза изучал международное право в Советском Союзе, в государственном университете в Киеве, а затем занимался

дипломатической деятельностью. Его перу принадлежит книга о правах человека. Правительство Руанды направило его на ответственную работу в Организацию Африканского Единства (ОАЕ). Но внешность и дипломатические успехи Бараягвизы обманчивы. Сотрудникам трибунала удалось собрать убедительные доказательства того, что в 1993 и 1994 годах он играл важнейшую роль в планировании и осуществлении массовых убийств. Он основал Комитет обороны республики, экстремистскую партию, которая стремилась объединить всех хуту, вне зависимости от их политических убеждений, в борьбе против тутси. Бараягвиза организовал эту партию и разработал ее идеологию. На массовых митингах он, вместе со своими сторонниками, скандировал: «Tubatsembatsembe!» («Давайте их уничтожим!»). Бараягвиза вооружал молодежную организацию своей партии и отдавал приказы ее членам блокировать дороги и убивать всех попавшихся на пути тутси. Кроме того, он был одним из руководителей телерадиокомпании «Тысяча холмов».

После геноцида Бараягвиза покинул Руанду. 28 марта 1996 года власти Камеруна арестовали его по ордеру выписанному правительством Руанды. Через три дня первый прокурор трибунала по Руанде, Ричард Голдстоун, составил письмо, в котором говорилось о заинтересованности трибунала в рассмотрении дела Бараягвизы. В это время апелляционный суд Камеруна отклонил просьбу руандийского правительства об экстрадиции и освободил Бараягвизу. Вновь он был арестован в феврале 1997 года. В тюрьму трибунала по Руанде в Аруше его перевели 19 ноября 1997 года. Первое слушание его дела прошло 23 февраля 1998 года. Адвокаты Бараягвизы сразу же выступили с требованием о его освобождении на основании того, что ему же пришлось провести длительное время в заключении в Камеруне и в тюрьме трибунала до первого слушания. (Во многих государствах первое слушание должно быть проведено через 24 или 48 часов после задержания.) Судебная палата отвергла эти аргументы, но Бараягвиза подал апелляцию. 3 ноября 1999 года апелляционная палата трибунала под председательством американского судьи Гэбриела Керка Макдональда рассмотрела аргументы Бараягвизы о том, сколько времени он провел в заключении в Камеруне, и о трех месяцах, прошедших с момента его перевода в Арушу и первым слушанием дела. Макдональд и другие судьи отклонили обвинения против Бараягвизы «без сохранения права на предъявление иска по тому же основанию», а это означало, что впредь его невозможно задержать, даже если против него будут выдвинуты аналогичные обвинения.

Это решение вызвало ярость руандийцев. На улицы Кигали

вышли демонстранты. Правительство, находившееся под контролем ветеранов РПФ и выживших жертв геноцида, тутси по происхождению, прекратило сотрудничество с трибуналом. Я тоже была встревожена тем, что Бараягвизе удалось избежать правосудия лишь на основании процедурных вопросов. Но гораздо больше меня беспокоило то, что из-за фиаско с Бараягвизой руандийское правительство откажется сотрудничать с трибуналом и помогать ему в работе. Это могло нанести огромный ущерб делу международного правосудия в целом. Всю субботу я изучала материалы дела и принятое по апелляции решение. Как можно задержать Бараягвизу? Как помешать ему вернуться в Камерун? Как преодолеть злополучную формулировку «без сохранения права на предъявление иска по тому же основанию» и продолжить суд здесь, в Аруше? Мои советники считали, что мы совершенно бессильны. Я не соглашалась. Инстинкт подсказывал мне, что это решение не может быть выполнено просто потому, что оно абсолютно несправедливо. Я приказала своим сотрудникам выдвинуть встречную апелляцию. Мы потребовали пересмотра решения апелляционной палаты еще до освобождения Бараягвизы из тюрьмы трибунала.

Сначала нам повезло. Бараягвиза сам захотел, чтобы трибунал отложил его перевод из Аруши в Камерун. Он опасался, что Камерун выдаст его Руанде, где ему предъявлялись новые обвинения. В Руанде Бараягвиза оказался бы одним из почти 100 тысяч лиц, обвиняемых в геноциде. Надо признать, что содержались эти люди в нечеловеческих условиях. В конце концов, его ожидала бы в Руанде смертная казнь. 19 ноября мои сотрудники направили в апелляционную палату документ с просьбой о пересмотре решения от 3 ноября. Мы указывали на то, что открылись новые факты, которые не были рассмотрены ранее с должной тщательностью, но которые могут оказать решающее влияние на решение палаты. Это был долгий спор… очень долгий спор… 22 ноября 1999 года адвокаты Бараягвизы выдвинули встречные требования. Они заявляли, что в нашем распоряжении не имеется никаких новых фактов, что руандийское правительство оказало на меня давление с тем, чтобы я потребовала продолжения рассмотрения дела, и что это сделано из политических соображений, а не во имя правосудия, и потому полностью противоречит защите прав обвиняемых в трибунале ОН. Апелляционная палата приняла наше прошение. Члены палаты дали нам разрешение требовать пересмотра судебного решения от 3 ноября. Кроме того, учитывая предстоящий пересмотр этого решения, апелляционная палата отозвала ордер

на освобождение Бараягвизы.

Все очень нервничали, готовя документы для апелляционной палаты. Именно в то время, 23 ноября 1999 года, я прибыла в Арушу и впервые познакомилась со своими сотрудниками. Руандийские власти были настолько недовольны работой трибунала, что Сказали мне в визе для поездки в Кигали, хотя эта поездка планировалась в то же время, что и приезд в Арушу.

Через два дня мне пришлось впервые предстать перед трибуналом по Руанде. Я помогала своим сотрудникам представлять доказательства для слушания дела двух обвиняемых. Эти люди призывали к геноциду через средства массовой информации. Перед судом предстали Фердинанд Нахимана, бывший директор телерадиокомпании «Тысяча холмов», и Хасан Нгезе, бывший редактор экстремистской газеты *Kangura*. Меня очень злило, что рядом с ними за пуленепробиваемым стеклом не сидит и Бараягвиза. Товарищ прокурора Бернард Муна должен был сопровождать меня из Кигали в Арушу. Я обратилась к властям Руанды с просьбой о визе. Считая, что вдвоем мы сможем добиться большего, я сказала Муне: «Вы останетесь со мной в Аруше, пока мне не позволят отправиться в Кигали». Я знала, что у Муны есть тесные связи с правительством Руанды. Знала я и то, что в Кигали ему будет комфортнее, чем в Аруше. Кигали был настоящим городом, оживленным и интересным. У Муны там была роскошная вилла. Удерживая его в Аруше, я знала, что он постарается сделать все, чтобы выбить мне визу. «Вы останетесь здесь, — приказала я ему. — Вы вполне можете общаться с правительством Руанды отсюда».

30 ноября я все еще ждала визы. В этот день судьи вынесли свое решение, которое позволило нам объединить дела Нахиманы и Нгезе. Через три дня мы обратились к апелляционной палате с просьбой либо отменить их решение об освобождении Бараягвизы, либо убрать из него условие о том, что его освобождение должно быть осуществлено «без сохранения права на предъявление иска по тому же основанию», чтобы мы могли арестовать его снова. Я хотела, чтобы Бараягвиза предстал перед судом в рамках именно этого разбирательства, связанного с призывами к геноциду в СМИ. Мне хотелось, чтобы этот мужчина, в хорошем костюме и очках в золотой оправе, сидел на скамье подсудимых рядом с Нахиманой и Нгезе. В конце концов, апелляционная палата согласилась рассмотреть нашу петицию. Слушание было назначено на середину февраля 2000 года.

Благодаря Муне и давлению со стороны правительства США и других государств, власти в Кигали дали мне визу для посещения

Руанды. Полет из Аруши в Кигали занял всего два часа. Я вылетела на самолете «Бич-крафт», предоставленном трибуналу по Руанде ООН. До сих пор я помню этот великолепный полет. «Бич-крафт» не мог лететь слишком высоко и слишком быстро. Передо мной разворачивались сказочные по красоте пейзажи. Гора Килиманджаро с исчезающими ледниками напоминала сторожевую башню, хранящую покой всей Африки. Огромные стада зебр, слонов и других зверей носились по саванне. А когда мы, как когда-то президент Хабьяримана, подлетали к Кигали, под нами оказались густые джунгли, словно кто-то покрыл иллюминаторы самолета зеленой краской.

Мой первый визит в Руанду проходил в дружелюбной обстановке. Во время первых встреч с министрами и генеральным прокурором я старалась не затрагивать сложных проблем. Я знала, что руандийские власти не удовлетворены решением трибунала по делу Бараягвизы. Кроме того, мне нужно было решить ряд технических вопросов, чтобы наши сотрудники могли вести расследование, встречаться со свидетелями и посещать места совершения преступлений. Я не затрагивала вопроса о расследовании других дел, которые мне хотелось бы представить перед трибуналом: дел против правительственных чиновников и военных, ответственных за массовые убийства, совершенные сторонниками РПФ, тутси по происхождению, во время геноцида. Мы знали, что правительство не будет помогать нам в этом деле. Были отмечены незаконные проникновения в нашу штаб-квартиру с целью получения информации о работе следователей. Учитывая эмоциональное восприятие дела Бараягвизы, я хотела сделать все, что было в моих силах, чтобы добиться более широкого сотрудничества и получить все необходимое для выдвижения обвинений против хуту. Во время первой поездки в Руанду я не встречалась с Кагаме, но отправила ему личное поздравление. Перед ужином я сидела в своем номере в «Mille Collines», знаменитом руандийском отеле, и вдруг услышала бой барабанов и пение. Шел благотворительный спектакль, поставленный женой Кагаме, Жанеттой, для того, чтобы собрать средства для жертв засухи. Я вышла в холл, и мне предложили сесть рядом с женой президента. Высокая, красивая женщина объяснила мне, что происходит на сцене. Я находилась в зале вплоть до конца представления, к большому неудовольствию ожидавшего меня Муны. Он должен был сопровождать меня на ужин. Когда спектакль кончился, я передала Кагаме свои лучшие пожелания через его жену.

Во время второй поездки в Кигали я отправилась на места преступлений. Мне хотелось увидеть настоящую Африку. За

границами города проселочные дороги ведут вас в мир сельской бедности. Такие картины можно увидеть повсюду. Джунгли сменялись кукурузными полями и рощами манго. Глинобитные хижины, крытые пальмовыми листьями, теснились по обочинам дороги. Девушки несли на головах кувшины с водой. Длиннорогие коровы паслись поодаль. Под ногами крестьян сновали цыплята. Мужчины ехали по своим делам на потрепанных велосипедах. Канализации, электричества и телефонов в этом мире не существовало. У многих встреченных нами не было никакой обуви, кроме обычных шлепанцев. На вершинах многих холмов высились церкви, преимущественно католические. Я вспоминаю, что в тот момент подумала о том же, о чем после геноцида думали очень многие: «Чего добилась христианская религия в Руанде? Чего добились многочисленные миссионеры, отправлявшие службы в своих церквях? Почему они не помогли бедным построить лучшие дома и жить лучшей жизнью? Почему клирики и верующие с готовностью приняли участие в геноциде?»

Руандийское правительство обеспечило нас охраной. Это было очень важно, особенно в начале нашей деятельности. Но, как я поняла позже, охрана в то же время следила за нашими действиями. Правительство хотело быть уверенным в том, что мы расследуем преступления хуту против тутси, а не тутси против хуту. Во время нашей встречи министр юстиции и генеральный прокурор ясно дали мне понять, что будут в курсе наших передвижений, расследований и встреч. Однажды меня сопровождала Элисон де Форгс. В пути она попросила нашего водителя остановить машину. Мы вышли и подошли к краю канавы, на дне которой лежала груда человеческих костей, останки убитых Тутси. Вокруг нас роились мухи. Солнце безжалостно палило. Я хотела эксгумировать останки погибших, чтобы использовать их в качестве вещественного доказательства в нашем расследовании. Я считала, что мы должны спасти мертвых от той ужасной участи, на которую обрекли их убийцы. Честно говоря, я не могла поверить тому, что правительство до сих пор этого не делало. Во время следующих встреч с генеральным прокурором и министром юстиции (еще до того, как я затронула эту тему), оба они сообщили мне, что эксгумировать останки из канализационных канав не представляется возможным. Мне сказали, что подобные действия могут вызвать волнения в обществе. Эксгумации и погребения уже проведены, и делать что-либо еще нет никакой необходимости. Руанда, сказали мне, смотрит в будущее. Стране нужен покой и гражданское согласие.

В начале февраля 2000 года мы направлялись к месту

массовых убийств. Наши машины были окутаны розовой пылью. Кондиционер работал без устали. Через лобовое стекло машины я видела открытый грузовик с руандийскими солдатами. На каждом ухабе они дружно подскакивали вместе с машиной. Через час мы свернули на тенистую проселочную дорогу, по обочинам росли деревья, и их ветки хлестали по боковым окнам машины. Потом мы выехали на прогалину и направились к прямоугольному кирпичному зданию, покрытому проржавевшей металлической крышей. Когда-то это была католическая церковь. В воздухе стоял птичий гомон. Захлопали дверцы машин. Любопытные дети бросили игры и окружили нас. Мы здоровались, объясняли, зачем приехали, задавали вопросы, выслушивали ответы… Визуальные впечатления от этой встречи были настолько сильны, что память моя сохранила только их, а не звуки.

14 апреля 1994 года милиция хуту согнала к церкви Нтарама множество семейств тутси. Людей пригоняли целыми семьями — маленьких детей, матерей и отцов, тетушек и дядюшек, бабушек и прабабушек. Все это происходило здесь, прямо на том месте, где я стояла. Вооруженные бандиты приказали людям сообщить, где скрываются остальные тутси из соседних деревень. Это делалось якобы для того, чтобы обеспечить их защиту. Прибыли новые семьи. Возможно, люди действительно поверили обещаниям безопасности. Но на следующее утро пришли войска. Люди укрылись в церкви, из-за дверей раздавались звуки молитв и пение. В здании находились женщины, дети с игрушками, старики с палками и бутылками воды. На ком-то были очки в белых пластмассовых оправах. Здесь были тарелки и ложки, библии и образы святых. И вдруг на церковь обрушился артиллерийский огонь. Рявкнули минометы, и на пол посыпался кирпич. Сквозь пробоины светило солнце. А потом военные стали швырять в церковь ручные гранаты. Снаряды и осколки убивали всех на своем пути. Двери взломали, и внутрь ворвались мужчины, вооруженные ружьями, дубинками, утыканными гвоздями, мачете и ножами. Французскому журналисту Жану Хатцфельду[13] спустя много лет довелось побеседовать с теми, кто принимал участие в этой резне. Один из них был дьяконом той самой церкви. Он рассказал о том, как страшно кричали люди, когда тяжелые дубинки ломали им кости и проламывали черепа. Другой вспомнил, как на следующий день пробирался через груды трупов, чтобы добить тех, кому удалось выжить в этой мясорубке. Убедившись, что живых не осталось, милиция хуту оставила тела на съедение диким животным, собакам, грызунам и насекомым.

В полной тишине я смотрела на человеческие черепа, сотни черепов, разложенных на наспех сколоченных столах под лучами африканского солнца. У некоторых отсутствовали челюсти, зубы… Тут были черепа взрослых и детей, черепа с молочными зубами… Я видела целые черепа и черепа, раздробленные ударами мачете и дубиной. Я рассматривала их и особенно остро осознавала собственную смертность, и это придавало мне смелости и настойчивости. Я не испытывала ни ужаса, ни отвращения, по крайней мере, на сознательном уровне. Это было печально. Казалось, останки хотят говорить.

Пожилой человек в футболке и покрытых пылью ботинках предложил мне войти в здание церкви. Я медлила. Но он настаивал, и я вошла через тот самый боковой вход, которым воспользовались убийцы. Мне показалось, что я очутилась в пещере. Вокруг меня высились почерневшие стены. В церкви царила полная тишина, от которой закладывало уши. Потребовалась пара минут, чтобы привыкнуть к темноте. А потом я увидела. Напротив входа на кирпичном основании находился алтарь. Весь пол был покрыт человеческими костями и обломками деревянных скамей. Тут были тысячи костей, изломанных, разрубленных, белых. Среди них виднелись клочья выгоревшей ткани… обрывки брюк, рубашек, остатки ботинок, кожаных сандалий и шлепанцев… Я боялась сделать шаг. Я видела женские сумочки… очки в белой оправе… игрушки и бутылки из-под воды… тарелки и ложки… библии… изображения святых… Я не хотела беспокоить покой мертвых, касаться их останков… Человек, который привел меня сюда, рассказал о том, что произошло. Я слушала его, пытаясь не упустить ни слова. Это было не просто место преступления, но прокурорская привычка была сильнее меня. Я хотела точно знать, что здесь произошло, выяснить все подробности, не поддаваясь эмоциям. И тут, возле стены, под моей ногой что-то хрустнуло. Я наступила на одного из них, на одного из этих мертвых, отшатнулась и услышала новый хруст. Под моей ногой хрустнуло ребро или позвонок, хрустнуло, словно крошка… «Господи, это же не просто кость… Господи, как же дешево стоит жизнь человека…» В Лугано убийство одного человека становится предметом полицейского расследования. Полицейские допрашивают свидетелей, собирают отпечатки пальцев. Работают криминалисты, проводят анализ ДНК, папки заполняются бумагами и документами. А тут передо мной лежали тысячи мертвых, имена которых никто и никогда не узнает. Весь пол перед алтарем был устлан костями… Я видела коленные чашечки и бедренные кости… Тут были тысячи убитых, тысячи причин смерти, тысячи терзаний… Их смерть требовала

длительного расследования, если бы, конечно, кто-нибудь захотел расследовать это дело… Но никто не хотел…

Я вышла из церкви, и свет показался мне таким ярким, что я зажмурилась. Я вся вспотела, хотя в церкви было прохладнее, чем на улице. Сопровождающий подвел нас к двум мужчинам, которые смотрели на нас. Со мной был переводчик с языка киньяруанда. Этим мужчинам было по 50–60 лет. Один из них рассказал, что во время резни находился в церкви. Он был ранен, потерял сознание, и его завалило трупами. Убийцы прошли мимо. Прошло два или три дня, прежде чем кто-то появился и обнаружил, что он еще дышит. На голове этого человека сохранился шрам от удара мачете. Теперь он жил в хижине в полном одиночестве, без родных, без средств к существованию, без надежды. Он несколько раз повторил, что жалеет о том, что остался в живых. Этот человек сказал, что ему было любопытно посмотреть на прокурора… по крайней мере, так перевел его слова переводчик. Меня охватило чувство вины, точно такое же, как и в те моменты, когда мне салютовали охранники здания трибунала в Аруше. Я почувствовала огромную ответственность перед этими людьми, словно могла принести им мир или хотя бы душевный покой.

Беседы с жертвами преступлений были для меня мучительны. Я бы предпочла, чтобы они держались от меня подальше. Что мы могли сказать этим людям после тех страданий, которые они перенесли? Ничего, кроме обычных банальностей. Что мы могли сделать, чтобы улучшить их жизнь или хотя бы облегчить тяжесть груза, который они несли? Ничего реально значимого. Я вспоминаю встречу с одной женщиной тутси, которая рассказывала о том, как солдаты хуту насиловали ее один за другим. Затем они выстрелили в нее и оставили умирать. Но кто-то спас ей жизнь. После насилия она забеременела. Родственники потребовали, чтобы она ушла из деревни, потому что ее ребенок — наполовину хуту. Они отправили женщину в джунгли, и она жила там вместе с ребенком… Что, по-вашему, я могла бы ей сказать? «Мне очень жаль»?

Мысли о смерти меняют жизнь. Все эти события не ввергли меня в скорбь и, уж конечно, не заставили плакать. Они разбудили во мне желание сделать что-то правильное, нужное, необходимое, имеющее отношение к тем останкам, которые я видела на сколоченных наспех столах, к тому мужчине, который предпочел бы погибнуть вместе со своей семьей, к той матери, которая жила в джунглях со своим ребенком, потому что родные не хотели больше жить рядом с ней… После этого дело Бараягвизы стало казаться мне еще более важным.

Две недели мы готовились к слушанию в апелляционной палате. За это время я лучше познакомилась с теми, кто работал в моей команде. Во время одного из разговоров мне показалось, что даже солнце застыло в африканском небе. Один из адвокатов снова и снова излагал нам свою точку зрения в поддержку пересмотра дела Бараягвизы. Я не могла понять его доводов. Я не понимала, с чего он начал и к чему ведет. Но я понимала, что если позволить ему излагать наши аргументы подобным образом, апелляционная палата ни за что не пересмотрит свое решение. Беседа продолжалась дольше часа, пока, наконец, я не вышла из себя и не пробормотала «Ma tete est plein[14]» и «basta». Я поблагодарила адвоката за его вклад в общее дело. В системе ООН невозможно просто уволить человека, так как это действие породит массу жалоб и документов, и ты, в конце концов, проиграешь. Но можно поручить ему менее ответственную работу и тем самым снизить наносимый им ущерб. Я обратилась к другому юристу и предложила ему заняться этим делом, но он отказался. Он просто боялся предстать перед судом с аргументами, к которым могут не прислушаться. В конце концов, я обратилась к Норманну Фарреллу, бывшему консулу Международного комитета Красного Креста в Женеве. «Вам предстоит оспаривать юридические решения», — сказала я. Фаррелл был канадцем из Онтарио, специалистом по системе континентального права. Он не представлял, что ему можно поручить нечто подобное.

Я его почти не знала, но видела, как он выступал на наших совещаниях. Мне было ясно, что он — один из лучших юристов в нашей службе.

Проблема, с которой мы столкнулись перед слушаниями по делу Бараягвизы, заключалась в том, как убедить судей соблюсти баланс между двумя доминирующими в западном мире системами правосудия: системой англо-саксонского права, с которой судья Макдональд имел дело в Соединенных Штатах, и системой континентального права, принятой в Европе. В новых институтах международного правосудия эти две системы постоянно вступали в конфликт. В системе англо-саксонского права, если суд выявляет вопиющие нарушения прав обвиняемого, он может вынести именно то постановление, которое и вынес судья Макдональд: приостановить процедуру и закрыть дело без сохранения права на предъявление иска по тому же основанию. В системе континентального права суд разбирает нарушения прав обвиняемого только после рассмотрения самого дела. Если Бараягвиза будет признан виновным, суд может облегчить его приговор. Если же его оправдают, возможно, будет

вынесено решение о материальной компенсации.

Апелляционная палата под председательством судьи Макдональда исходила из принятой в США, Канаде и других странах системы англо-саксонского права. С точки зрения континентального права, решение должно было быть полностью противоположным. Как же примирить разные системы с тем, чтобы достичь справедливого результата? Как соединить юристов, работающих в разных системах, и помочь им выработать общие принципы? Как всегда, речь шла о балансе, а не о цене правосудия.

Первым элементом нашей стратегии был отказ от отрицания нарушения прав Бараягвизы. Мы хотели показать, что нарушения его прав были не столь серьезными, как решение о закрытии дела без сохранения права на предъявление иска по тому же основанию. Во-вторых, мы хотели обратить внимание на различия двух юридических систем, что позволило бы судьям апелляционной палаты, придерживающимся системы англо-саксонского права, осознать, что их решение избавило Бараягвизу от гораздо более серьезных обвинений. За полтора месяца до начала слушаний мы составили документ, содержавший ряд новых фактов. Во-первых, мы получили письменные показания Дэвида Шеффера, посла США по особым поручениям по вопросам военных преступлений. Шеффер подтвердил, что Камерун оттягивал перевод Бараягвизы в Арушу по политическим соображениям. Затем мы составили документ о задержках слушаний в течение нескольких месяцев после его перевода в Арушу.

За четыре дня до устных слушаний я сообщила Фарреллу, что собираюсь выступать с точки зрения континентального права. У него было четыре дня на подготовку аргументов, достаточно убедительных для представителей системы англо-саксонского права, что позволило бы примирить обе системы правосудия во имя справедливости. Благоприятным обстоятельством стало то, что апелляционная палата вынесла свое противоречивое решение 3 ноября. Это был последний День работы судьи Макдональда в составе суда. Члены палаты не сменились, но председательствовал уже французский судья Клод Жорда. Он, как и я, придерживался системы континентального права.

В день слушаний небо над Арушей было очень мрачным. Я помню охватившее меня возбуждение, когда я ехала на заседание и думала о той церкви, вокруг которой на столах было разложено около 5 тысяч черепов, о костях, хрустнувших у меня под ногами, о лице человека, который говорил, что предпочел бы умереть. В тот день я почти физически ощутила смысл слов «неправосудный

приговор».

В зале собралось множество юристов и фотографов, спешивших сделать фотографии до начала слушаний. (Помню, что Фаррелл появился последним и нес множество папок. Он не сел за прокурорский стол, пока все фотографы не были удалены из зала. Другие же сотрудники, даже те, кто не был занят в этом деле, старались привлечь к себе максимальное внимание.) В зале суда явно ощущалось напряжение. Я расценила это как зловещее предзнаменование нашей неудачи. Бараягвизу ждала свобода, а Руанда после этого откажется сотрудничать с нами. Появились судьи, и в зале воцарилась тишина. Несколько минут ушло на процедурные вопросы, и вот судья Жорда вызвал меня.

Я встала и заняла свое место за деревянной кафедрой. Во вступительном слове я попыталась сформулировать все риторические основания нашего заявления. Я сказала, что, закрыв дело «без сохранения права на предъявление иска по тому же основанию», суд лишил меня возможности обвинять: «Я была крайне удивлена… В тот момент, когда я заняла новую должность, мне говорили, что прокурор независим и обладает полной свободой предъявлять обвинение… Апелляционная же палата своим решением запрещает мне обвинять Бараягвизу. Это неслыханно!

«…Я понимала, что в системе континентального права, которой я руководствовалась более двадцати лет, это невозможно. Подобное решение просто не может быть вынесено… Давайте сразу расставим все точки над i. Результатом вынесенного решения станет освобождение, основанное на нарушениях процедуры. Но чтобы запрещать прокурору выдвигать новые обвинения… Я никогда не слышала ни о чем подобном».

С этими словами я перешла к описанию сути системы континентального права. Судье Жорда и другим членам палаты, которые прежде работали в этой системе, мои объяснения были вполне близки. Я рассчитывала на то, что они помогут восстановить баланс между системами англо-саксонского и континентального права. Это привело бы к отмене решения апелляционной палаты и позволило бы нам призвать Бараягвизу к ответу.

Затем я указала на то, что новые факты дают нам достаточно оснований для отмены решения от 3 ноября. Я отрицала, что прокурор признал ошибку, нарушавшую права обвиняемого. Затем я подчеркнула, что освобождение Бараягвизы станет оскорблением памяти погибших. «В этом зале только я представляю интересы жертв. По их поручению я умоляю вас

позволить мне выдвинуть обвинения против Бараягвизы, человека, совершившего преступления против человечности. Его обвиняли в геноциде, и обвинения были подтверждены. Он более не подозреваемый. Он — обвиняемый… Его обвиняют в смерти более… восьмисот тысяч человек в Руанде, чему есть веские доказательства. Свидетельства его вины неопровержимы… Во имя правосудия, подлинного правосудия, во имя жертв, во имя Тех, кому удалось выжить… Есть люди, которые до сих пор страдают из-за происходящего в Руанде. Я всегда буду повторять, что Бараягвиза виновен…»

Оглядываясь назад, я понимаю, что могла перегнуть палку. Я позволила своему желанию говорить от имени жертв доминировать в выступлении и перешагнула границы презумпции невиновности и уважения к независимости трибунала. Наверное, мне нужно было подчеркнуть, что Бараягвиза был всего лишь *обвинен* в геноциде и преступлениях против человечности, что ему *предъявлены обвинения*. Я предвидела реакцию судей на подобную риторику. Но мне казалось необходимым подчеркнуть как можно яснее тот факт, что, не отменив своего решения, апелляционная палата позволит виновному человеку, который принимал самое непосредственное участие в геноциде, выйти на свободу, то этот поступок будет на их совести, а не на моей. Я почти требовала от судей пересмотреть решение от 3 ноября, и доверилась Фарреллу, которому предстояло подкрепить мои гиперболы тщательно подобранными юридическими аргументами и новыми фактами.

«Кто защитит права жертв?» — задала я риторический вопрос, вдохновленный воспоминаниями о той церкви. Я вспомнила непогребенные останки, ряды черепов, кости, усеявшие пол церкви, отчаяние на лице выжившего… Я заявила палате, что погибшие в той церкви имели право быть узнанными, но так и остались безымянными. Я сказала, что потомки погибших имели право видеть результаты вскрытия и знать, как погибли их родные. Я сказала, что мертвые имели право на нормальные похороны, и добавила, что все эти права были нарушены. «Большинство жертв не имеет даже имени, — сказала я. — Мы не знаем их имен, и о них никто не говорит… Если Бараягвиза не будет обвинен, это станет нарушением прав жертв… Давайте вспомним о тех, кто выжил, потому что у нас есть не только жертвы, не только трупы, но и выжившие, которым не безразлично, чем закончится наша работа…

Геноцид — это самое серьезное преступление против человечества. Наказание за геноцид — пожизненное заключение… Как прокурор, не могу смириться с тем, что

правосудие может не учитывать серьезность совершенного преступления. Другими словами, преступления против человечности и геноцид не будут рассматриваться потому, что между пересылкой обвиняемого в Арушу и первым слушанием прошло три месяца, и эта задержка сочтена более серьезной, чем геноцид и преступления против человечности. Вы сочли, что три месяца были достаточно серьезным нарушением прав обвиняемого, чтобы запретить нам обвинять его в чудовищных преступлениях. Но я не могу этого понять…».

Затем, в самой противоречивой части своего выступления, я попыталась возвратить в разреженный воздух зала суда атмосферу реального мира. Я сосредоточилась на политических последствиях этого решения: «Перед вами прокурор, которому не давали визы для поездки в Руанду. Перед вами прокурор, который не смог добраться до своего офиса в Кигали. Перед вами прокурор, с которым отказались встречаться руандийские власти. После вашего ноябрьского решения с прокурорской службой никто более не сотрудничал. Другими словами, правосудие, ради которого и был созван этот трибунал, было парализовано».

Я отметила, что одно из заседаний суда уже пришлось отменить, поскольку правительство Кигали не позволило 16-ти свидетелям выехать из Руанды, совершить перелет до Аруши и предстать перед трибуналом. «Хотим мы этого или нет, но должны признать, что наши возможности продолжать расследование целиком зависят от правительства Руанды. Такова реальность. И что же мы делаем? Либо Бараягвиза предстанет перед нашим трибуналом… либо он должен быть передан в руки государства Руанды…

В противном случае, мы можем отпереть замок, закрыть двери трибунала, открыть двери тюрьмы и выпустить его на свободу. Но тогда руандийское правительство более не станет с нами сотрудничать…»

Я не церемонилась в выражениях: «Закон не должен интерпретироваться за пределами разумного, чтобы не причинить вреда… Я прошу вас… не позволять… Бараягвизе… определять судьбу этого трибунала. Надеюсь, он не окажется тем, кто решит судьбу трибунала… после того как он устроил геноцид в Руанде в 1994 году».

Порой инстинкты заводят меня слишком далеко. Иногда я неправильно оцениваю настроение своих слушателей, но в этот раз доверилась себе целиком и полностью. Я верила, что обращаюсь к разумным людям, и знала, что цена неудачи будет слишком высока. Фаррелл и другие члены моей команды поддержали меня. Они представили юридические аргументы,

новые факты, доказывающие, что Бараягвиза во время задержания в Камеруне знал о характере обвинений против него, что бывший секретарь трибунала, Андроникo Адеде, не раз пытался добиться перевода Бараягвизы из Камеруна в Арушу. В марте 1997 года власти Камеруна представили президенту страны, Полю Бийе, проект указа о выдаче Бараягвизы трибуналу по Руанде. Камерун не ратифицировал этот указ вплоть до октября 1997 года в связи со сложной политической обстановкой в стране в период президентских выборов. Президент Бийя подписал указ только после того, как правительство Соединенных Штатов оказало на него давление. Показания Дэвида Шеффера доказывали, что он общался с послом США в столице Камеруна Яунде, и потребовал, чтобы посол вмешался в это дело. Вскоре после этого президент Бийя подписал указ о выдаче Бараягвизы. Мы указывали на то, что дипломатическое вмешательство доказывает нежелание Камеруна подчиняться юридическим требованиям трибунала.

Главный защитник Бараягвизы, Кармель Маршессо, возразила, что апелляционная палата не вправе пересматривать решение от 3 ноября: такие действия возможны только в отношении осужденного, а не в отношении человека, который, подобно Бараягвизе, не был ни обвинен, ни осужден. Она также отметила, что прокурор не представил новых фактов, которые оправдали бы отмену решения. Генеральный прокурор Руанды, Жерар Гахима, выступавший в роли советника апелляционной палаты, открыто угрожал тем, что правительство Кигали не будет сотрудничать с трибуналом, если апелляционная палата не отменит первоначального решения.

31 марта 2000 года апелляционная палата вынесла решение в нашу пользу. Я была права, предположив, что судьи не устоят перед жесткой риторикой и аргументами, которые напомнят юристам о неприятных Жизненных фактах. «Прокурор, мадам Карла дель Понте, сделала заявление относительно реакции правительства Руанды на решение палаты. Она утверждала, что: «…правительство Руанды резко отреагировало на решение от 3 ноября 1999 года». Генеральный прокурор Руанды, действующий от лица правительства и исполняющий обязанности консультанта апелляционной палаты, открыто угрожал отказом народа Руанды от сотрудничества с трибуналом, если принятое решение не будет отменено. Апелляционная палата хочет подчеркнуть, что трибунал — независимый институт, решения которого основываются только на справедливости и законе. Если последствием какого-либо решения станет отказ от сотрудничества, этот вопрос должен рассматривать Совет безопасности. Палата отмечает также, что во время слушаний по

прокурорскому запросу, мадам прокурор основывала свои аргументы на признании вины [Бараягвизы] и утверждала, что готова доказать это перед лицом суда. Та убежденность, с какой она отстаивала свою позицию, заставляет нас напомнить о том, что только суд может определить вину обвиняемого, и в этом заключается основополагающий принцип презумпции невиновности…»

Подобные выказывания были ожидаемыми и вполне понятными… В конце концов, меня учили в католической школе-интернате. Суд по делу средств массовой информации начался 23 октября 2000 года, и Бараягвиза в своем костюме и неизменных очках сидел на скамье подсудимых. 3 декабря 2003 года было принято беспрецедентное решение. Суд признал всех троих обвиняемых виновными в геноциде. Нахимана и Нгезе были приговорены к пожизненному заключению. Суд отметил, что Бараягвиза, признанный виновным к геноциде, в заговоре с целью геноцида, в прямых и публичных призывах к геноциду, а также к убийствам и казням, тоже должен был бы быть приговорен к пожизненному заключению. Но, принимая во внимание решение апелляционной палаты от 31 марта 2000 года, судьи уменьшили наказание до 35 лет заключения за вычетом времени, уже проведенного за решеткой. Бараягвиза выйдет из тюрьмы около 2030 года. К тому времени ему будет уже 80 лет.

Глава 4
Борьба в Белграде: 2000–2001 годы

Годы правления Слободана Милошевича — долгие годы с трудом сдерживаемого нарастающего гнева, отчаяния и страданий, — переполнили чашу народного терпения, и в начале октября 2000 г. на улицы Белграда вышли толпы демонстрантов. Тысячи голосов скандировали политические лозунги. Над центром города поднимались языки пламени и черный дым. Но все же было радостно думать, что политическая нестабильность создаст благоприятные условия для работы трибунала по бывшей Югославии. Наконец-то мы могли арестовать и отдать под суд человека, который вместе с хорватским лидером Франьо Туджманом привел свою страну к кровопролитному расчленению. На выборах Милошевич потерпел поражение, но расстаться с властью отказался. 5 октября 2000 года возбужденная толпа осадила парламент Югославии. В этом величественном здании, увенчанном куполом, представители восточных славян после Первой мировой войны изо всех сил старались навести порядок в своей многонациональной стране. На этом пути были и успехи, и неудачи.

Тем осенним днем мы с моими советниками находились в Македонии, в отеле «Александер Палас» в Скопье, и готовились отправиться в Косово. Собравшись в моих апартаментах, мы смотрели прямую трансляцию из Белграда. Были слышны возбужденные крики — демонстранты призывали Милошевича отказаться от власти. Мы видели облака слезоточивого газа, и наблюдали, как толпа приступом берет здание парламента. Из окон начал валить дым. Демонстранты захватили государственные радиостанции и телецентр. Полиция бездействовала. Однако все знали, что где-то в престижном районе Дединье, давно облюбованном политической элитой Сербии, находится человек, которого газета *The New York Times* называла «балканским мясником». Международный трибунал уже выдал ордер на его арест. Сейчас этот человек наблюдал за тем, как рушится его власть. Мне нужно было решить, как прокурорская служба Международного трибунала может использовать ситуацию политической нестабильности. Мы должны были заставить Милошевича, его генералов, руководителей разведки и политических сторонников по закону ответить за то, что они творили в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово.

На следующее утро, 6 октября, украинский вертолет, в салоне которого сильно пахло керосином, доставил нас в Приштину где мы встретились с Бернаром Кушнером, по-прежнему возглавлявшим миссию ООН в Косово. Следователи трибунала и судебно-медицинские антропологи провели в Косово больше года. Все это время они эксгумировали трупы из массовых захоронений, оставленных после себя армией Милошевича. Я сказала Кушнеру что в распоряжении трибунала уже достаточно вещественных доказательств массовых убийств, чтобы выдвинуть обвинение. В это время миссия ООН и другие гуманитарные организации продолжали вскрывать места захоронений. Я сообщила Кушнеру, что прокурорская служба понимает обеспокоенность миссии ООН и военной миссии НАТО в Косово распространяющимися в местной прессе слухами о том, что трибунал тайно готовит обвинения против ряда руководителей косовской албанской милиции, Армии освобождения Косово. Я сказала, что следователи трибунала изучают материалы о военных преступлениях АОК против сербов, цыган и представителей других национальностей. Эти события попадают под мою юрисдикцию. Я с радостью взялась за задачу, несмотря на то, что меня ожесточенно критиковали за симпатии к сербам и желание осложнить работу миссии ООН и НАТО. Я была преисполнена решимости предъявить обвинения лидерам АОК. От этого зависела репутация трибунала в целом. Трибунал по военным преступлениям, который пытается обвинить лишь одну из сторон, участвовавших в конфликте, целиком зависит от милости победителей. Такой подход не может положить конец культуре безнаказанности.

Наш украинский вертолет вернулся в Скопье 6 октября ближе к вечеру. К этому времени все декоративные колонны, карнизы и подпорки, на которых строился режим Милошевича, окончательно рухнули. Теперь ему подчинялись лишь несколько офицеров, силы полиции и дворцовая охрана, окружившая его резиденцию в Дединье. Зазвонил мой мобильный телефон. Из Вашингтона звонила госсекретарь США Мадлен Олбрайт. Она сказала, что Соединенные Штаты совершенно удовлетворены белградскими событиями. Милошевич явно падает в бездну. Но ситуация очень сложная и деликатная. Г-жа Олбрайт предупредила меня, что сейчас неподходящее время для ареста Милошевича, и попросила быть сдержанной. Если Милошевич попытается бежать, то улицы Белграда могут быть залиты кровью. Диктатор вполне способен вывести на улицы полицейских, вооруженных дубинками, гранатами со слезоточивым газом, брандспойтами и автоматическим оружием, и даже танки. Я

сказала Олбрайт, что согласна с ее оценкой ситуации, и готова повременить с требованием выдачи Милошевича. Но, добавила я, «как только опасность исчезнет, наша стратегия изменится».

Тем же вечером Милошевич сложил с себя полномочия и признал свое поражение. Он поздравил своего преемника Воислава Коштуницу, нового президента Югославии. Эту информацию мы получили на пути в Гаагу. В тот момент я поняла, что рано или поздно Милошевич обязательно окажется у нас в руках. Я знала, что предстоит мучительный процесс выдачи, и предпочла не обращать внимания на признаки того, что Милошевич уступил только в обмен на обещание Коштуницы не выдавать его Гаагскому трибуналу. Днем раньше Коштуница, выступая по телевидению, объявил, что выступает против «экстрадиции» Милошевича, и считает Международный трибунал политическим детищем Соединенных Штатов, а не реальным международным институтом. Эти слова ясно дали понять, чего мы можем ждать от нового президента Югославии. Но прошло несколько месяцев, прежде чем я признала правоту слов моих консультантов относительно Коштуницы. Я узнала, что новый президент ведет себя так, словно не было массовых убийств в Сребренице, а в 1999 году сотни тысяч косовских албанцев не были вынуждены бежать в Албанию и Македонию. Его взгляд на мир был и остается закоснелым, догматичным и националистическим.

После возвращения в Гаагу я сделала преследование Милошевича своим главным делом. В апреле 1999 года моя предшественница Луиза Арбур спешно подписала обвинение против Милошевича, основываясь лишь на преступлениях, совершенных в Косово. Обвинения основывались на том, что Милошевич, будучи главой государства и главнокомандующим вооруженными силами, несет уголовную ответственность за действия полиции и армии в Косово, где проходили массовые этнические чистки. Сотрудники Арбур под руководством Нэнси Паттерсон и Клинта Уильямсона составили проект обвинений. Арбур работала быстро. Она хотела продемонстрировать, что трибунал (следовательно, и международные институты правосудия в целом) способен эффективно и быстро исполнять свои обязанности. Кроме того, она хотела помешать какой-либо сделке между США и другими государствами-членами НАТО и режимом Милошевича. Луиза Арбур понимала, что всем так хочется одержать победу и прекратить бомбардировки Сербии и Черногории, что подобная сделка, которая избавила бы Милошевича от преследования в обмен на вывод сербских войск из Косово, вполне возможна. Обвинения со стороны Арбур были

смелым поступком. Теперь настала моя очередь продолжить ее дело.

Следователи прокурорской службы годами собирали свидетельские показания и вещественные доказательства преступлений, совершенных в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Вскоре после моего назначения в трибунал по бывшей Югославии осенью 1999 года я приказала собрать дополнительные доказательства участия Милошевича в преступлениях, совершенных в Косово, а также его связи с трагическими событиями в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Летом 2000 года я собрала юристов и следователей, работавших над делом Милошевича, чтобы узнать, как складывается ситуация. К своему удивлению, я узнала, что следствие достигло значительного прогресса в доказательстве причастности Милошевича и других высокопоставленных военных к преступлениям в Хорватии и Боснии. Самые убедительные доказательства трибунал получил от ряда неизвестных свидетелей, чья беспристрастность была более чем сомнительна, а также из записей радио и телефонных переговоров между сербскими военными и полицией, сделанных боснийскими военными и разведкой во время войны. В то время трибунал не имел ни одного заслуживающего полного доверия свидетеля против Милошевича. Многие из перехваченных переговоров так и оставались неизученными. Тот факт, что следователи трибунала не могли попасть в Сербию, пребывающую под полным контролем Милошевича, мешал нам собирать доказательства его вины. Я это понимала. Но власти в Белграде по-прежнему отказывались предоставить нам документы, расписания встреч и другие доказательства вины диктатора в военных преступлениях. Впрочем, все это не меняло ситуации. Приказы, которые я отдала еще в 1999 году, почти полностью игнорировались. Я всегда считала, что должна ставить цели, а мои подчиненные, в данном случае квалифицированные юристы и в особенности следователи, добивались Их так, как считали нужным и возможным. Может быть, мне следовало проявить большую настойчивость. Может быть, нужно было чаще требовать отчетов. Я не могла смириться с тем, что свидетельств связи Белграда с насилием в Хорватии и Боснии не существует. Сообщения журналистов явно показывали, что Милошевич несет ответственность за преступления в обеих республиках. Эти события требовали расследования, и я была преисполнена решимости довести дело до конца.

Мой заместитель Грэм Блуитт и руководитель следствия Джон Рэлстон не считали дело Милошевича основным. Не помогли даже мои приказы, отданные осенью 1999 года. По их

мнению, прокурорская служба не располагала ни временем, ни силами для сбора доказательств против Милошевича, так как его появление в Гааге было маловероятно. Они считали более приоритетными другие дела. Мне пришлось снова приказать им немедленно сосредоточиться на подготовке против Милошевича обвинений в военных преступлениях, совершенных на территории Боснии и Хорватии. Я велела выделить для этого дела следователей, поскольку Милошевич может вот-вот оказаться в наших руках, и мы должны быть к этому готовы. Даже после падения диктаторского режима мне было трудно убедить своих подчиненных сосредоточиться на обвинениях по преступлениям в Боснии и Хорватии. Казалось, меня поддерживают только ближайшие советники. Думаю, что Блуитт, Рэлстон, руководители следственных бригад и другие сотрудники мне не верили. Время шло, и я все больше убеждалась в том, что не могу доверить им исполнение моих инструкций. Мне пришлось пойти на кадровые перестановки и полную реорганизацию работы прокурорской службы.

Вечером 10 октября 2000 года я получила письмо от госсекретаря США Мадлен Олбрайт. «Пожалуйста, — писала она, — продолжайте воздерживаться от публичных обвинений в адрес Милошевича и от требований выдачи его трибуналу». Я снова согласилась. В моем распоряжении еще не было того нового материала, на основании которого можно было бы выдвинуть обвинение в преступлениях, совершенных в Косово. Кроме того, в Белграде никто не поддержал бы идеи об аресте Милошевича. Я полагала, что международное сообщество недолго будет хранить молчание по поводу передачи Милошевича Гаагскому трибуналу. Однако, я заметила признаки смягчения отношения к Сербии после падения диктаторского режима. Днем раньше Евросоюз согласился ослабить экономические санкции против Федеративной Республики Югославия. Об этом было заявлено без упоминания о необходимости ареста Милошевича и других обвиняемых и передачи их в трибунал для справедливого суда. В течение нескольких недель генерал Ратко Младич чувствовал себя в Сербии вполне комфортно. Он даже приезжал в Белград на свадьбу и открыто позировал фотографам.

Госсекретарь Олбрайт особо просила меня воздерживаться от высказываний в адрес Радована Караджича, и у нее были для этого основания. Никогда прежде мы не были так близки к тому, чтобы захватить его. Французское правительство сообщило мне, что Караджич находится в Белграде. США, Великобритания и Франция сумели найти квартиру в сербской столице, где он скрывался. Они даже выследили его жену, Лиляну. В тот же день

министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин вылетел в Белград, чтобы поздравить Коштуницу с победой над Милошевичем. Визит Ведрина был не просто символом дипломатической вежливости, в то время Франция председательствовала в Евросоюзе. 11 октября Ведрин вернулся в Париж. Я позвонила ему. Он отказался обсуждать возможность ареста Караджича. Возможно, ему еще не сообщили, что французская разведка вычислила Караджича в Белграде. По открытой телефонной линии я не стала обсуждать этот вопрос. Однако мне казалось вполне разумным предположить, что Ведрину отлично известно то, о чем докладывает его разведка. Со своей стороны, французский министр сообщил мне, что Коштуница не считает сотрудничество с трибуналом приоритетным. Главная его цель, как объяснил мне Ведрин, заключается в том, чтобы установить политический контроль над государственными институтами. После этого Коштуница собирается отдать Милошевича под суд за преступления, совершенные в Сербии, и просил Ведрина не поднимать этот вопрос до парламентских выборов, назначенных на декабрь.

Я согласилась с просьбами США и Евросоюза хранить молчание в отношении Милошевича. Но прокурорский инстинкт подсказывал мне, что нужно немедленно и агрессивно требовать того, чтобы Милошевич стал первым главой государства, представшим перед международным трибуналом. Мы вынудили Хорватию выполнить свои обязательства по сотрудничеству с трибуналом согласно условиям Хартии ООН. Мы вынудили Боснию сделать то же самое. Почему же мы не можем принудить Белград действовать? Я не хотела идти на уступки Сербии. Мои советники, Жан-Жак Жорис и Флоренс Хартманн, настаивали на том, чтобы я проявила терпение. «Не кипятись, — говорил Жорис. — Не раскачивай лодку. Используй время для сбора доказательств». Советники предложили мне поставить следственным бригадам срок для завершения сбора доказательств участия Милошевича в преступлениях, совершенных в Хорватии и Боснии и Герцеговине. До этого времени я воздерживалась от установки конкретных сроков, но на сей раз согласилась. В Европе наступала зима. На декабрьских парламентских выборах в Сербии к власти скорее всего должны прийти люди, готовые отказаться от поддержки Милошевича. Я все еще пребывала в иллюзии по поводу того, что Коштуница может сыграть конструктивную роль, а сама со своими ближайшими помощниками готовились к реализации в январе 2001 года новой стратегии.

Парламентские выборы, состоявшиеся 23 декабря,

подтвердили победу сербской оппозиции над социалистической партией Милошевича и ультранационалистической радикальной партией. Премьер-министром Республики Сербия стал Зоран Джинджич, энергичный прагматик, получивший образование в Германии. Он хорошо понимал, какое положительное влияние работа трибунала может оказать на его страну и народ. В Джинджиче и его сторонниках я рассчитывала найти поддержку просьбам трибунала о сотрудничестве. А пока настало время просить ареста и выдачи 24 обвиняемых, скрывающихся на территории Сербии, и готовить обвинения против бывших лидеров страны. Настало время просить помощи в организации бесед с сотнями свидетелей и в доступе к тысячам документов. Настало время отправиться в Белград.

Я знала, что меня примут холодно. Милошевич на протяжении многих лет использовал средства массовой информации для ведения пропаганды против трибунала. Сербы были убеждены, что трибунал — часть Заговора Запада против их страны и народа. Поверить этому было легко. Граждане любого государства, которое подвергается нападению (как Сербия — со стороны НАТО, США — со стороны Аль-Каиды, а Ирак — со стороны США и их союзников), легко поддаются уловкам официальной пропаганды и призывам защитить родину и национальную честь, сколь бы жестоким и зловещим ни был государственный режим. Мой первый визит в Белград казался рискованным, но риск этот был оправданным, несмотря на множество неизвестных. Новые власти еще не установили полный контроль над службами безопасности, и в недрах этих служб многие по-прежнему хранили верность Милошевичу. Следователи трибунала изучали деятельность тех самых офицеров среднего звена, от которых зависела наша безопасность. Эти подозреваемые по-прежнему находились под влиянием высокопоставленных офицеров, имевших все основания полагать, что очень скоро их имена окажутся в ордерах на арест.

Вторник, 23 января. Я еду из белградского аэропорта в центр города. Меня встречает огромный плакат с надписью «Карла — *puttana*!» Проезжаем еще километр и видим новый плакат: «Карла — шлюха!». Наш самолет приземлился в 11.30. На летном поле нас уже ожидали черные лимузины. Я никогда прежде не была в Белграде. В начале 2001 года этот город все еще оставался столицей Республики Сербия и Федеративной Республики Югославия. Первые впечатления подтвердили правоту моего соотечественника, архитектора Ле Корбюзье, который утверждал, что из всех городов мира, расположенных в красивейших местах, Белград самый уродливый. Повсюду царила серость. Даже

современные здания выглядели весьма печально, как женщины, раньше времени состарившиеся от бед и лишений. Однако, внешность бывает обманчива. Таков и Белград. Это живой, энергичный город, и его энергия привлекает меня… до определенной степени. Мы проехали еще немного, и я увидела очередной плакат с надписью: «Карла — шлюха!».

Ближе к вечеру 24 января мы вошли в кабинет одного из обветшавших белградских домов. Нам предстояло встретиться с двумя самыми смелыми и решительными людьми Сербии, Наташей Кандич и Соней Бисерко. Должна признать, что эти женщины и их помощники сделали для трибунала гораздо больше, чем сербское правительство или какая-либо организация страны. Они собрали массу доказательств и показаний жертв преступлений. Бисерко сотрудничает с Хельсинкским комитетом по правам человека, который обеспечивает защиту прав национальных меньшинств в условиях националистических настроений сербского большинства. Она отметила, что наш визит в Белград станет исторической вехой. По ее словам, недавние опросы общественного мнения показали, что около 36 % граждан страны — удивительно большое число, учитывая годы официальной пропаганды! — поддерживают сотрудничество с трибуналом. Было очень важно увеличить эту поддержку теперь, когда трибунал ежедневно стал упоминаться в выпусках местных новостей.

Я встречалась с Наташей Кандич в Приштине в ноябре 1999 года, во время моего первого визита в Косово. С того времени я была преисполнена глубокого Уважения и доверия к ее мнению. Кандич предупредила, чтобы я не питала иллюзий относительно Коштуницы. Она посоветовала мне добиваться расширения Мандата трибунала на вооруженный конфликт в Косово, чтобы мы могли расследовать преступления, совершенные АОК против сербов и представителей других национальностей. В последнее время стали поступать тревожные сообщения о том, что АОК стала похищать сербов прямо под носом войск НАТО.

Мрачные тени спустились над Белградом, когда через несколько часов мы с моими сотрудниками приехали во Дворец Федерации, чтобы встретиться с Воиславом Коштуницей. Это огромное здание некогда было сосредоточением бюрократии, созданной Тито для управления послевоенной Югославией. Но это «сердце» больше не билось. В пугающей тишине мы проходили по залам и коридорам дворца. У Коштуницы было холодное, нервное рукопожатие. Этот человек долго не соглашался объявить о своей победе на выборах, хотя восторженные толпы призывали его сделать это. Как он объяснил,

ему хотелось, чтобы все прошло в полном согласии с конституцией. Коштуница — националист караджичевской закалки. Он лишь кажется посткоммунистическим реформатором. До сегодняшнего дня Коштуница требует, чтобы некоторые части Боснии вошли в состав сербского государства. Его позиция в отношении Косово непреклонна: этот край — часть Сербии и никак иначе. Коштуница никогда не признавал, что в годы войн сербы делали что-либо противозаконное. Он настаивает на том, что сербы были и всегда будут жертвами и только жертвами. За несколько дней до моего визита Коштуница написал статью, в которой утверждал, что призывы к Сербии выполнить свои международные обязательства и передать Милошевича в руки международного правосудия лишь усилят влияние политических партий правого толка. Если кто-то хочет дестабилизировать обстановку в стране, то должен действовать, как Карла дель Понте. Этот аргумент нашел отклик в некоторых столицах. Я понимала, почему госсекретарь Олбрайт предупреждала меня не спешить с арестом Милошевича. Но попытки Коштуницы запугать меня имели совершенно другую цель. Он пытался как можно дольше использовать сложившуюся политическую ситуацию и не принимать жестких решений, которых требовало международное право. Это была попытка скрыть ошибки и преступления сербских националистов с целью сохранения сербского национализма, который принес Коштунице политический капитал.

После беседы с Наташей Кандич я понимала, что общение с Коштуницей не будет приятным. Разговор начался с обычных дипломатических реверансов. Я поздравила его с победой на выборах и выразила надежду на то, что под его руководством ситуация в Югославии улучшится. Потом сказала, что основная цель моего визита — продемонстрировать мою готовность помочь ему и новым лидерам страны, а также членам правительства справиться со сложной задачей обеспечения полного сотрудничества с трибуналом. Я указала на то, что Международный трибунал создан Советом безопасности ООН и Федеративная Республика Югославия обязана сотрудничать с этим институтом, и попросила Коштуницу высказать свое мнение относительно сотрудничества и о том, с чего мы могли бы начать. Мои приоритеты в Федеративной Республике Югославия — это расследование военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в 1998 году албанской милицией в Косово, АОК, а также расследование финансовых преступлений правительства Милошевича, арест и передача в Гаагу обвиняемых в военных преступлениях и беседы с сербами, ставшими жертвами военных преступлений в Хорватии, Боснии и Косово.

Осуществление этих задач сулит Сербии и сербам многие преимущества.

Несмотря на дипломатический тон беседы, Коштуница оказался именно таким, как меня предупреждали. Для начала он снял с себя ответственность, заявив, что не может обеспечить полного выполнения моих требований о сотрудничестве, поскольку ему нужно обсудить детали подобного сотрудничества с другими членами правительства. Он признал, что сотрудничество с трибуналом — международный долг Сербии, и сказал, что новые власти признают его необходимость. Вопрос только в том, когда и как выполнять эти обязательства.

Я снова столкнулась с попыткой возвести резиновую стену, *muro di gomma*. Потребовалось лишь несколько минут, чтобы Коштуница продемонстрировал свое истинное лицо. Он начал критиковать работу трибунала, словно пререкания со мной могли заставить этот международный институт исчезнуть. Он утверждал, что законодательная основа работы трибунала несовершенна, жаловался на то, что трибунал слишком часто нарушает собственные правила (и это действительно случалось, особенно в начальный период его работы). Коштуница говорил о практике тайных обвинений и об арестах, которые были проведены НАТО перед моим прибытием в Гаагу. Он сказал, что конфликт на территории бывшей Югославии был слишком сложным, чтобы с этой проблемой справился один международный трибунал, даже располагающий дополнительными ресурсами. Коштуница утверждал, что Комиссия правды и примирения, которую я считала совершенно бессмысленной организацией, собирающей информацию о военных преступлениях, но не выдвигающей никаких обвинений, имеет более профессиональный, систематический и аналитический подход к вопросам примирения.

Затем он сказал, что новые законы об «экстрадиции» и сотрудничестве с трибуналом должны одобрить национальное собрание и правительство Югославии. Только после этого можно говорить о выдаче обвиняемых. Коштуница предложил обменяться доказательствами с югославскими судами, но при этом настаивал, что именно местные суды должны решать вопросы сотрудничества и рассматривать обвинения во всех преступлениях. Он заявил, что трибунал выдвинул обвинения против ряда боснийских сербов, обвинив их в принадлежности к сербской демократической партии — националистической сербской партии в Боснии и Хорватии, программа которой полностью совпадала с его собственной идеологией. (Эти слова абсолютно не соответствовали действительности.) Говорил

Коштуница и о нежелании трибунала расследовать натовские бомбардировки и использование снарядов с обедненным ураном. Он утверждал, что бомбардировки были абсолютно несправедливыми. Коштуница заявил, что прокурорская служба возлагает на боснийских сербов коллективную вину и выдвигает обвинение практически против всех руководителей Республики Сербской. Есть все основания полагать, что трибунал воспринимает сербов в негативном свете. Коштуница настаивал на том, что трибунал не может выступать от лица истории. Он словно боялся, что Печальные факты, имевшие место в Хорватии, Боснии и Косово, подорвут его восприятие истории и помечают сербским националистам продолжать пропагандировать такой взгляд на нее, при котором сербы предстают невинными жертвами и только жертвами.

Я попыталась поставить вопрос ребром. Я сказала Коштунице, что удивлена тем, насколько плохо он информирован о работе трибунала и о его юрисдикции. «Если так плохо информирован президент, — сказала я, — то чего же тогда ожидать от народа…». Мы с Блуиттом постарались прояснить вопрос с тайными обвинениями, познакомить его с правилами и процедурами работы трибунала. Мы рассказали о необходимости скрывать личность ряда свидетелей. Разговор шел также о натовских бомбардировках и об использовании снарядов с обедненным ураном, а также о других проблемах. Но наши разъяснения не убедили Коштуницу. Когда мы спросили, почему югославские власти до сих пор не арестовали ряд обвиненных трибуналом боснийских и хорватских сербов, — в том числе Караджича, Младича и Милана Мартича, которого обвиняли в пуске ракет по столице Хорватии, — он ответил, что этот вопрос должно решать правительство. На сообщение о том, что следственные бригады готовят обвинения, связанные с преступлениями против сербов в Хорватии, Боснии и Косово, и что для сбора доказательств нам необходимо сотрудничество югославских властей, Коштуница никак не отреагировал. Судя по всему, он считал, что позволять нам расследовать преступления против сербов слишком опасно, так как в этом случае мы начнем изучать и преступления, совершенные самими сербами.

Коштуница постоянно перебивал нас, обвинял трибунал в антисербских настроениях, в политической ангажированности, в обслуживании интересов НАТО, в незаконном преследовании сербских лидеров. Я ничего не понимала. Передо мной был человек, считающийся специалистом по конституционному праву. Вместо того чтобы оперировать фактами, он опирался на дезинформацию и пропаганду. Мне хватило двадцати минут

бессмысленных разглагольствований, чтобы понять, что мы ничего не добьемся. «*Basta*», — подумала я. Я поднялась, взяла свою сумочку от Луи Вуиттон и сказала: «Господин президент, думаю, нам пора прекратить этот разговор». В завершение я добавила, что, по моему мнению, это весьма неблагоприятное начало сотрудничества. Мне показалось, что сотрудничество вообще невозможно, и я спросила, когда соберется новое национальное собрание и правительство: ведь только эти институты могли юридически обосновать сотрудничество с Международным трибуналом. Разумеется, Коштуница и его советники всячески отрицали свое нежелание способствовать работе трибунала, но я точно знала, что согласия от них мы не получили. Эти люди говорили, что сначала нужно устранить все препятствия к совместной работе, создать условия для сотрудничества путем принятия соответственных законов, решить технические вопросы. По их мнению, подобные действия могли бы занять «определенное время», хотя, конечно, о том, чтобы парламентские дебаты затянулись на годы, речь не шла. После этой встречи мне было нечего сказать журналистам: мы ничего не достигли.

На следующее утро я проснулась рано. Небо над Белградом по-прежнему было серым. Река Сава казалась свинцовой. Из окна я увидела демонстрантов, скандировавших: «Карла — шлюха!» Нам предстояло Встретиться с представителями сербов, бежавших из Хорватии и Косово. Затем мы провели переговоры с рядом министров. В 15.30 мы встретились с Зораном Джинджичем, которому вскоре предстояло занять пост премьер-министра Сербии. «Милошевич окончательно сдался, — воскликнул он. — Мы должны призвать тех, кто виновен в военных преступлениях, к ответу. Люди должны знать, что произошло». «Ну, наконец-то», — подумала я. «Но мы все еще не полностью контролируем ситуацию, — предостерег нас Джинджич. — Полиция, секретная служба и армия все еще не полностью подчинялись правительству. Необходимо провести чистку в службах правосудия и судебных органах. Начинать сотрудничество с трибуналом в таких условиях — это настоящая катастрофа».

Однако он заверил нас, что сможет обеспечить сотрудничество с трибуналом через два-три месяца. Через месяц Милошевич будет в тюрьме, и Сербия предъявит ему обвинение в военных преступлениях. Я спросила, как может начаться наше сотрудничество. Его ответ поразил меня. Он сообщил о полученной им секретной информации о том, что сербская полиция, пытаясь уничтожить доказательства убийств гражданских лиц в Косово, вывозила тела жертв, в том числе

женщин и детей, в Белград, и тайно хоронила их на аэродроме югославской армии в Батайнице, на окраине города. Эта информация была поразительной. Подобный приказ могли отдать только на самом высоком уровне. В преступлении была замешана полиция и армия. Сразу возникало множество вопросов. Кем были убитые мужчины, женщины и дети? Откуда они? Как их убили? Кто их убил? Джинджич сказал, что трибунал должен немедленно послать своих следователей, чтобы те допросили офицеров сербской полиции, которые знали об этих операциях. По его мнению, данную информацию следовало сообщить сербскому народу, но для этого нужно дождаться подходящего момента.

Джинджич выразил уверенность в том, что сербский парламент примет закон о сотрудничестве с трибуналом, даже если федеральный парламент, где заседает множество сторонников Милошевича, этого не сделает. Мы с Блуиттом рассказали о расследовании преступлений, совершенных АОК, и о необходимости расширения мандата трибунала на похищения и убийства вплоть до июня 1999 года. Затем я упомянула о том, что следователи трибунала выясняют судьбу 2 млрд долларов, исчезнувших из Югославии. Нам необходима была поддержка правительства, поскольку иначе мы не могли завершить расследование финансовых махинаций Милошевича. «Дайте мне миллиард, — рассмеялся Джинджич, — и вы получите Милошевича».

Я сказала Джинджичу что сербское правительство, которым он вскоре будет руководить, не должно терпеть присутствия обвиняемых лиц на территории республики. Их следует арестовать или выслать, хотя бы в Боснию. Младич находился в Белграде. У нас был оригинал обвинительного заключения, ордер на арест и все необходимые документы. Я ясно дала понять, что международное сообщество пристально следит за отношениями между новыми лидерами Югославии и Сербии и трибуналом. Я стала настаивать на том, чтобы наши следователи получили возможность встретиться с жертвами и свидетелями насилия и запугивания со стороны АОК. «Нам было бы интересно ознакомиться с документами ваших судов», — сказала я.

Один из моих помощников, Антон Никифоров, носил более десятка обвинительных заключений в своем пухлом портфеле. Мы отправились в кабинет Момчило Грубача, федерального министра юстиции Югославии. Наша встреча состоялась в тот же день. Грубач сказал, что министерство будет координировать свои усилия с работой трибунала по Югославии, и заверил, что вскоре будет создан специальный правительственный институт по сотрудничеству с трибуналом. Через несколько минут Грубач

согласился взять наши документы, но сказал, что передаст их в министерство юстиции Республики Сербия, потому что осуществлять действия по ним должно правительство Джинджича, а не федеральные власти Коштуницы. Мы спросили у Грубача, как прежний режим мог укрывать обвиняемых и не передать их в руки правосудия? Министр ответил: «Милошевич никогда не уважал закон».

Возвращаясь из Белграда домой, мы с Жорисом побывали на Всемирном экономическом форуме в швейцарском Давосе. Здесь нам представилась возможность пообщаться с Оливеро Тоскани, знаменитым фотографом, славу которому принесла реклама компании Benetton. Мы встретились с нобелевским лауреатом Эли Визелем, так красноречиво написавшем о Холокосте, а также с Пауло Коэльо, автором «Алхимика» и других романов, переведенных на сербо-хорватский язык. Коэльо предложил оказывать трибуналу всяческую поддержку и объяснить своим читателям из бывшей Югославии, насколько важно достичь примирения. Я запомнила премьер-министра Израиля, который, пожалуй, впервые в жизни решил встать на лыжи. И он сам, и его телохранители то и дело падали. Повсюду слышались оживленные разговоры и взрывы смеха, но, казалось, все люди, и на горных склонах, и в залах заседаний говорят только о Коштунице, словно именно он свергнул Милошевича. Я слышала, как Коштуницу называли провидцем, политиком умеренного толка, сторонником мира. Шведский политический вундеркинд Карл Бильдт, который безуспешно пытался положить конец боснийской войне, был не единственным, кто критиковал меня и полагал, что мои действия могут дестабилизировать обстановку в Югославии. Я же считала, что в Белграде мы продемонстрировали достаточно понимания. Дипломатические экивоки не помогут нам задержать тех, кто виновен в массовых убийствах. Вряд ли можно рассчитывать на политическую стабильность в стране, где такие люди входят в правительство, командуют армией и полицией. После подобных дифирамбов в адрес Коштуницы я почти с симпатией отнеслась к демонстрантам-антиглобалистам, которые блокировали железные и автомобильные дороги. Мне хотелось уехать из Давоса и побыстрее оказаться в Тичино. Но добраться до дома можно было только на швейцарском военном вертолете. Погода была ужасная. Ветер мотал вертолет, словно это был мячик для гольфа. Снег летел почти горизонтально. Нас окружали высокие сосны и известняковые скалы. Я взглянула на Жориса. «Посмотрите-ка на этого дипломата, — подумала я. — Он боится даже улыбнуться…» Через несколько минут турбулентность заставила пилота пролететь под проводами

линии высоковольтной передачи. Мой телохранитель перекрестился, а я перестала улыбаться.

Через несколько недель мы отправились из Гааги в Брюссель, чтобы посетить генерального секретаря НАТО, лорда Робинсона, и министра иностранных дел Еврокомиссии Хавьера Солану. Затем мы ежедневно работали с сотрудниками Соланы, чтобы убедиться в том, что новое, благожелательное отношение к Сербии не приведет к отказу Белграда от сотрудничества с трибуналом. Приход к власти администрации Буша породил серьезные проблемы для международного правосудия. Как только президент Джордж Буш занял свой пост, он немедленно отозвал подпись президента Клинтона под Римским договором, тем самым отказавшись от сотрудничества Соединенных Штатов с первым постоянным судом по вопросам военных преступлений, Международным уголовным судом. Теперь Вашингтон пытался убедить другие государства либо отозвать подписи своих руководителей, либо подписать двусторонние соглашения с тем, чтобы защитить американцев от преследования со стороны Международного уголовного суда. Многие в Брюсселе полагали, что Евросоюзу не имеет смысла продолжать оказывать давление на Сербию, если США не собираются этого делать. Почему Европа должна требовать от Сербии обязательного сотрудничества с трибуналом для того, чтобы улучшить отношения с Евросоюзом?

Таким образом, чтобы получить поддержку Евросоюза, нужно было заручиться поддержкой США. Трибунал и особенно прокурорская служба имели прекрасные отношения с госсекретарем Мадлен Олбрайт. Теперь было очень важно наладить связи с ее преемником, генералом Колином Пауэллом, креатурой Буша. В прошлом Пауэлл занимал видное положение в армии США, руководил Комитетом начальников штабов. Такой человек мог затрагивать любые вопросы. Я надеялась, что он решит проблему, связанную с преследованием лиц, совершивших военные преступления. Из газет я узнала, что 27 февраля госсекретарь Пауэлл собирается впервые посетить Брюссель, чтобы встретиться с руководителями НАТО и Еврокомиссии. Мне безумно хотелось поговорить с ним наедине до того, как президент Буш назначит нового руководителя отдела Госдепартамента по военным преступлениям. Я полагала, что человек, назначенный Бушем, не сможет преодолеть внутреннего сопротивления Белого дома действиям международного трибунала по военным преступлениям. Дочитав статью, я позвонила послу Соединенных Штатов в Нидерландах, Синтии Шнайдер, и попросила устроить мне встречу с Пауэллом во время его визита в Брюссель. «Карла, — ответила госпожа посол, —

госсекретарь пробудет в Брюсселе всего день… Ваша встреча невозможна». Но это было для меня принципиально. Мы пошли на интриги и обратились к Пауэллу лично. Ответ поступил в посольство США в Гааге:

— Госсекретарь примет вас в Брюсселе. В вашем распоряжении ровно три с половиной минуты. Вас это все еще интересует?

— Да, — ответила я.

В день встречи голландские телохранители проводили меня и моих сотрудников к границе с Бельгией. Всю дорогу я торопила водителя: «Быстрее! Быстрее!» На машинах мы пересекли границу. Глядя на бельгийского водителя, я вспомнила автомобильные гонки в Хокенхайме, успокоилась и стала повторять с Жорисом все, что нужно сказать госсекретарю Пауэллу.

…Экономическую помощь Югославии необходимо увязать с началом сотрудничества Белграда с трибуналом…

…Я не прошу немедленной передачи Милошевича в Гаагу. Но промедление больше терпеть нельзя… Важно решить вопрос с Младичем…

…Демократизация Сербии — слишком важный вопрос, чтобы можно было идти на риск… Но международное сообщество лишь укрепит демократию во всем мире, если найдет возможность убедить Белград сотрудничать с трибуналом…

…Со стороны Коштуницы я не увидела стремления к сотрудничеству…

…Если военные преступления останутся безнаказанными, ни о каком примирении в регионе не может идти и речи, и политика Сербии не изменится…

…Народ Сербии измучен и хочет жить в нормальной стране, которая перестанет быть безопасным укрытием для военных преступников… Нам говорят, что без давления извне ничего сделать нельзя…

Мы засекли время. 3 минуты 45 секунд. «Нет, Карла, — воскликнул Жорис, — ты должны сказать все по-другому». Мы снова и снова переделывали текст. Мы считали секунды. «Запомни, — настаивал Жорис, — за тобой должно остаться последнее слово».

В конце концов, я смогла заглянуть в глаза генералу Пауэллу и установить с ним те отношения, на которые рассчитывала. Я победила бюрократов из отдела Госдепартамента по военным преступлениям. Никакой торговли. Никакого блефа. Три с половиной минуты. И Пауэлл меня понял. Он всегда держал свое слово.

Премьер-министр Зоран Джинджич позвонил мне через несколько дней и попросил о тайной встрече. Мы решили встретиться 3 марта 2001 года в Лугано, где я буду проводить выходные. В тот день Джинджич и его жена Ружица прилетели в Лугано. Я встретила их в городском аэропорту и предложила, чтобы Ружица прошлась по магазинам, где как раз началась распродажа. Она уехала, а мы с Джинджичем направились в кабинет начальника полиции кантона. Энергичный и полный энтузиазма Джинджич приехал в Лугано не для того, чтобы попусту тратить мое время. Два с половиной часа мы с ним на немецком языке обсуждали Сербию и проблемы этой страны.

Джинджич объяснил, что Милошевич все еще возглавляет социалистическую партию Сербии и пытается вернуться в политику в качестве главы оппозиции. Джинджич отлично понимал, что его нужно нейтрализовать. Он объяснил, что ему необходима поддержка США. Очень важно было и то, чтобы к концу месяца в страну поступила обещанная экономическая помощь. США поставили экономическую помощь в прямую зависимость от сотрудничества с трибуналом. Но Коштуница затягивал решение этого вопроса. Джинджич объяснил, что принять закон о сотрудничестве так быстро невозможно, следовательно, требование Вашингтона невыполнимо. Он пытался преодолеть сопротивление Коштуницы и добиться чего-либо к концу Марта. Так он мог бы продемонстрировать свою готовность и готовность Сербии к сотрудничеству с трибуналом. Джинджич сообщил мне о попытках Коштуницы и его ставленников, в особенности руководителя его кадровой службы Лиляны Неделькович, сместить его с поста премьера. Джинджич постоянно находился под наблюдением. Его телефоны прослушивались. Он сказал, что в ночь, когда Милошевич отказался от власти, Коштуница заключил с бывшим диктатором некое соглашение, но суть его Джинджичу была неизвестна. Когда я спросила, почему он согласился поддержать Коштуницу на президентских выборах, Джинджич ответил, что не мог поступить по-другому, хотя этот союз иначе, чем мефистофелевским, не назовешь.

А потом Джинджич меня удивил. Он попросил об этой встрече, чтобы предложить план действий. Его стратегия начиналась с принятия закона, который позволил бы сербскому правительству предложить лицам, обвиняемым трибуналом, сдаться добровольно. Блокировать подобное предложение Коштуница не смог бы. Джинджич сказал, что его правительство уже заключило сделку с одним из обвиняемых, Благое Симичем. Симич разыскивался трибуналом по обвинению в преследовании

и депортациях, связанных с этническими чистками в северной части Боснии. Босански Шамац. (Впоследствии трибунал приговорил Симича к 15 годам тюремного заключения.) Сербское правительство согласилось выплачивать семье Симича по 500 немецких марок ежемесячно, если он добровольно сдастся трибуналу. Тогда, да и сейчас, я нахожу подобную торговлю отвратительной. Среди наших обвиняемых были люди, которых обвиняли в убийствах тысяч пленных. Начиная с Симича, семьи обвиняемых в убийствах и насилии начали получать деньги от государства, тогда как те, кому удалось выжить, например, женщины Сребреницы, не говоря уже о десятках тысяч сербских беженцев, потерявших собственные дома, с трудом могли прокормить себя. Несмотря на очевидную аморальность подобной практики, она является вполне законной. Сербия может платить, кому захочет. Задача правительства заключалась в том, чтобы задержать обвиняемых и передать их под юрисдикцию трибунала. Я была готова смириться с любыми законными действиями сербского правительства, которые привели бы к задержанию обвиняемых.

Джинджич рассказал, что пытался убедить других обвиняемых сдаться, но к нему прислушались лишь немногие. Он предложил, чтобы трибунал опубликовал все обвинения, в том числе и тайные, для облегчения процедуры арестов, особенно в Боснии, где все были уверены в том, что секретные обвинения существуют. Практика таких обвинений позволяет противникам сотрудничества с трибуналом в Сербии утверждать, что любой серб, который держал в руках оружие, уже является обвиняемым.

Затем мы перешли к вопросу об аресте Слободана Милошевича. В стране должен был быть назначен новый генеральный прокурор, которому предстояло заняться расследованием действий высокопоставленных чиновников его администрации. Милошевича несколько дней допрашивали в связи с обвинениями в Коррупции, злоупотреблении властью, подтасовкой Результатов выборов и попыткой убийства националиста Вука Драшковича, который всегда считал Милошевича коммунистом. Джинджич объяснил: «Все зависит от тех доказательств, которые мы сумеем собрать До 15 марта. Тогда мы потребуем ареста Милошевича.

Конечно, он будет арестован не за те преступления, которые интересуют трибунал. Но нам будет трудно задерживать его долго. Я передам Милошевича Гааге, даже если для этого придется его похитить».

Говорил Джинджич и о Ратко Младиче, который все еще находился в Сербии и получал деньги от югославской армии.

Джинджич признался, что в настоящий момент арестовать Младича невозможно, поскольку он пользуется огромной популярностью в армии. Но он пообещал, что со временем обязательно поднимет этот вопрос. Младича можно будет арестовать на границе Сербии и Боснии, чтобы сразу передать его в руки сил НАТО.

Джинджич прекрасно понимал, что нужно делать. Мне не понадобилось снова повторять аргументы, которые я готовила много месяцев. Этот человек был готов отвечать за будущее своей страны. Он знал, что суд над Милошевичем в Белграде — это не выход. В сербской системе правосудия работало множество его сторонников. Я не сомневалась в воле сербского премьера, но будет ли он в состоянии выполнить свои обещания? В некотором отношении Джинджич напомнил мне Джованни Фальконе. Оба любили риск, оба не знали страха. Судья Фальконе стремился защитить закон и порядок в стране, пораженной организованной преступностью. Лидеры мафии были уверены в своей безнаказанности. Политик Джинджич пытался достичь компромисса и выжить в опасной политической среде, выступал против лидеров и их подручных. Эти люди тоже считали себя свободными от уголовного преследования.

Через три дня после встречи с Джинджичем я получила письмо от Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. До Нью-Йорка дошли слухи о том, что я просила госсекретаря США поставить финансовую помощь Югославии в зависимость от готовности Белграда сотрудничать с трибуналом. Аннан весьма критически отнесся к моим попыткам добиться выдачи Милошевича. Генеральный секретарь писал:

> Уважаемая госпожа дель Понте!
>
> Мое внимание привлекли многочисленные сообщения, появившиеся в прессе в последние недели. Все они связаны с Вашими попытками добиться высылки г-на Милошевича в Гаагу, чтобы он мог предстать перед Международным трибуналом по бывшей Югославии. Я прекрасно понимаю, что, будучи прокурором Международного трибунала, Вы прямо и непосредственно заинтересованы в том, чтобы ордера на арест тех, против кого выдвинуто обвинение, и ордера на высылку их в Гаагу исполнялись государствами, которым эти документы адресованы.
>
> Я понимаю также, что Вы вправе делать публичные заявления относительно обвинений в адрес г-на Милошевича и о попытках Федеративной Республики

Югославии уклониться от своих обязательств по исполнении ордера на его арест и передачу в руки Международного трибунала.

В то же время из последних сообщений в прессе я замечаю, что Вы расширили диапазон своих требований и вступили в обсуждение более общих политических вопросов, таких, как предоставление или непредоставление государствами и международными организациями экономической помощи Федеративной Республике Югославия.

Учитывая сложность ситуации, сложившейся в этой стране, и деликатность положения, в котором оказался г-н Коштуница как лидер многопартийного правительства, Вы должны тщательно взвешивать заявления подобного рода, поскольку они могут помешать достижению нашей общей цели.

Разумеется, я уважаю Вашу независимость как прокурора Международного трибунала, однако, надеюсь, что в будущем вы ограничитесь теми вопросами, которые непосредственно касаются юридической сферы.

Искренне Ваш Кофи А. Аннан[15]

Когда я получала подобные письма от Кофи Аннана или от министров национальных правительств, то всегда спрашивала себя, нарушила ли я какой-нибудь закон. И всегда отвечала на этот вопрос «нет». Я превысила свои полномочия? Нет. Я вышла за границы моей компетенции? Да, вышла. Словом, я положила письмо в папку и полностью его проигнорировала: это было чистой воды политическое вмешательство, а я скорее подала бы в отставку, чем потерпела бы нечто подобное. Мне было интересно, кто надавил на Аннана. Кроме того, я обратила внимание на то, что Коштуница не был главой многопартийного правительства, а всенародно избранным главой государства. Руководителем же многопартийного правительства и человеком, находящимся в деликатном положении, был Зоран Джинджич.

20 марта мы с Джинджичем снова встретились в аэропорте Схипхол близ Амстердама. Сербский премьер направлялся в Вашингтон с официальным визитом и сделал остановку в пути. Когда я прибыла в этот огромный аэропорт, три терминала которого занимают сотни миль рекультивированной земли, расположенной ниже уровня моря, голландская полиция сообщила, что выделить для встречи отдельное помещение невозможно. Джинджич прибыл со своими телохранителями, я — со своими. Мне пришлось объяснять сложившееся положение.

Тогда премьер предложил оставить телохранителей в терминале и просто прогуляться. (В конце концов, мы находились внутри большого торгового центра, и все посетители, как я надеялась, при входе проходили через металлодетектор.) Мы остались наедине и перешли на немецкий. Вокруг нас бродили толпы туристов, осаждающих магазины беспошлинной торговли. Иногда мы останавливались перед витринами, словно рассматривая товары. Возможно, даже зашли в пару магазинов.

Джинджич сразу же сообщил мне, что у него есть обвиняемый, готовый сдаться. Это был Милорад Стакич, бывший мэр боснийского города Приедор. Впоследствии трибунал признал его виновным в убийствах и преследованиях и приговорил к 40 годам заключения. Джинджич сказал, что сербские власти передадут его силам НАТО в Боснии и Герцеговине, а НАТО организует пересылку в Гаагу.

А потом меня ждала прекрасная новость. «Мы готовы арестовать Милошевича, — сказал Джинджич, — не только за экономические, но и за военные преступления. После ультиматума США у нас возникли проблемы. Не хочется, чтобы все выглядело так, словно мы уступаем давлению американцев. Поэтому будет лучше арестовать Милошевича в первую неделю апреля, а не до 31 марта. Он сам и его союзники у нас в руках. Если после выборов в Черногории федеральное правительство откажется принять закон о сотрудничестве, мы станем действовать на уровне Республики Сербия. Коштуница будет против…».

Я напомнила Джинджичу что важен не только Милошевич, но и Младич, и Караджич, и другие обвиняемые. «Франция и США вам помогут», — сказала я.

Джинджич ответил, что пока подобные аресты затруднительны. Младич все еще занимает высокое положение в югославской армии и, как и 1800 офицеров, которые служили в боснийской сербской армии, все еще получает жалованье. Начальник штаба югославской армии, генерал Небойша Павкович, согласился положить этому конец лишь в последней декаде мая. Республика Сербия и югославская армия согласовали свои действия, но федеральное правительство наверняка будет выступать против. Младич — не просто офицер, он находится под серьезной охраной. У него более двадцати телохранителей. «Кроме того, — добавил Джинджич, — мы уже неделю не видели Младича. Но его дело скоро решится. Мы арестуем его и передадим в руки миротворческого контингента НАТО в Боснии. Коштуница не должен об этом знать: ему и так не нравится то, что Благое Симич сдался добровольно. Он был лично знаком с

Симичем».

— Караджич скрывается в Белграде, — сказала я. — Я знаю, что он обращался к Коштунице с просьбой о помощи и защите, но Коштуница отказал.

— По-видимому, Коштуница не знает, что Караджич находится в Белграде, — ответил Джнджич.

Я не отступала и спросила, может ли он арестовать трех сербов, которых обвиняют в военных преступлениях, совершенных во время захвата Вуковара в 1991.[16]

— Я готова помочь вам в расследовании финансовых преступлений, — сказала я. — Обещаю, что дам вам доступ к моим файлам. Мы только что нашли 14 миллионов долларов в Сингапуре. Но сотрудничество — это дорога с двусторонним движением.

— Один из этих троих, — ответил Джинджич, — уже в отставке, и начать можно с него. Двое других по-прежнему служат в югославской армии. Мы должны сначала решить вопрос с армией, и лишь затем начинать следствие. В данный момент они находится под защитой.

Джинджич рассказал, что обстановка в Белграде очень сложная. В Македонии, Косово и на юге Сербии начались албанские волнения, и это весьма осложняет возможность обсуждения военных преступлений в армии.

Затем Джинджич назвал имена тех, кого вместе с Милошевичем обвиняли в военных преступлениях, связанных с этническими чистками в Косово. Он упомянул имя бывшего президента Сербии Милана Милутиновича и бывшего премьера Николы Шайновича. «Милутинович почти готов сдаться. А вот с Шайновичем сложнее. У Милошевича он отвечал за всю логистику и финансы в Хорватии и Боснии, решал все оперативные вопросы. Он — именно тот, кто вам нужен. Шайнович был Эйхманом[17] Милошевича, и в Сербии популярностью не пользуется. Но все же момент сейчас очень деликатный…».

После прогулки по аэропорту Схипхол Джинджич вылетел в Вашингтон. С января 2001 года крупнейшие мировые державы требовали, чтобы Белград в полной мере сотрудничал с Международным трибуналом. Впрочем, результаты оставались весьма скромными. Джинджич знал, что его стране не удастся убедить Вашингтон выполнить свои обязательства. Генерала Пауэлла его слова не убедили. Благодаря серьезным усилиям Нины Банг Дженсен и ее помощников по Коалиции за международное правосудие, Стефании Фриз и Эдгара Чена, Конгресс США потребовал, чтобы Белград конкретными

действиями подтвердил свою готовность сотрудничать с трибуналом. Только после этого США соглашались выделить Югославии финансовую помощь. Решение о «сертификации» — то есть определение Госдепартаментом США того, выполняет ли страна условия, необходимые для получения финансовой помощи, — должно было приниматься 31 марта. Соединенные Штаты потребовали задержания Слободана Милошевича, ареста и передачи хотя бы одного обвиняемого в Гаагу до 31 марта, обеспечения доступа к архивам и принятия закона, регулирующего условия сотрудничества с трибуналом. Всего было выдвинуто одиннадцать условий, ни одно из которых не порадовало Джинджича.

Накануне решения о «сертификации» я отправила Жориса в Вашингтон, чтобы он установил контакты с сотрудниками новой республиканской администрации, а также с членами Конгресса и другими политиками. В Вашингтоне Жорис ясно дал понять, что я, разумеется, ни в коей мере не хочу вмешиваться в процесс принятия решений, который является делом исключительно администрации и Конгресса. Но во время своих встреч с видными чиновниками Госдепартамента, Совета национальной безопасности, министерства обороны, а также Сената и Палаты представителей Жорис подчеркнул ряд очень важных моментов. Он сообщил о внушающих оптимизм сигналах от правительства Югославии, в том числе о передаче трибуналу Стакича и об обещаниях возможного задержания еще одного обвиняемого до принятия закона о сотрудничестве. Кроме того, трибунал получил разрешение открыть свой офис в Белграде.

Но все же нужно было соблюдать осторожность. «Югославия не демонстрирует наличия сознательной и твердой политики сотрудничества с трибуналом, — снова и снова повторял чиновникам и конгрессменам Жорис. — Складывается впечатление, что каждый шаг сотрудничества следует согласовывать с Белградом, словно мы на базаре». Он объяснял, что сербы обещают сотрудничать с трибуналом в обмен на обещания расследовать преступления албанцев в Косово или возобновить расследование бомбардировок НАТО. «Международное сообщество не должно поддаваться на блеф сербских лидеров», — предостерегал Жорис, иначе Милошевич никогда не предстанет перед судом, Младич будет и дальше получать жалованье от югославской армии, Караджич останется на свободе, а работа трибунала превратится в фарс. «Все позитивные Шаги, если они вообще были, сделаны благодаря выдвинутым США условиям, — говорил Жорис. — Без постоянного давления извне правительство Федеративной

Республики Югославия будет и дальше затягивать решение этих вопросов».

«Серьезное препятствие на пути сотрудничества — Коштуница, — продолжал Жорис. — Он отрицательно отнесся к сообщению об аресте Стакича и оказывает негативное влияние на обсуждение закона о сотрудничестве в парламенте… Сотрудничество с трибуналом не должно быть предметом переговоров, а условия такого сотрудничества не могут определяться в зависимости от желания правительства Федеративной Республики Югославия». Жорис напомнил американцам о том, что в июне должна состояться конференция стран-доноров, на которой США и странам Евросоюза предстоит определить объем экономической помощи Югославии: «Если Соединенные Штаты будут придерживаться твердой позиции, то и позиция Евросоюза по этому вопросу укрепится». Он сообщил мне, что чиновники из администрации Буша подтвердили свою готовность способствовать работе трибунала и подчеркнули, что США продолжают настаивать на том, что экономическая помощь ФРЮ (в том числе и та, обсуждение которой предполагается на конференции стран-доноров в июне), будет оказана лишь при условии полного сотрудничества с трибуналом.

Во вторник, 29 марта, я находилась в Македонии. Заканчивалась еще одна четырехдневная поездка по Балканам. Джинджич позвонил на мобильный и сказал, что отправил ко мне с важным сообщением своего советника, Владимира Поповича, которого все называли просто «Беба». Попович прибыл тем же вечером. Мы встретились в отеле «Александер Палас» в Скопье. Сообщение было коротким и действительно очень важным. Всего несколькими неделями раньше Сербия предъявила Милошевичу обвинение в коррупции и злоупотреблении властью. Однако мировой судья уже определил, что собрано достаточно доказательств вины для того, чтобы назначить слушание. «Милошевич не выполнил требований судьи, — сообщил мне Попович. — Он будет арестован… Операция назначена на завтра». Посланец Джинджича улетел в Белград в тот же день. Ни ужина. Ни кофе. Ни сигарет. Никакой *muro di gomma*.

«Наконец-то», — подумала я.

На следующий день, в четверг, 30 марта, сербские полицейские окружили виллу в Дединье, где жили Милошевич и члены его семьи. Виллу день и ночь охраняли личные телохранители Милошевича. Короткая перестрелка, потом выстрелы стихли. Началась осада. Позже Джинджич рассказывал мне, что Коштуница отлично знал о планируемой операции, но предпочел отправиться на саммит в Женеву. В Женеве Жак Ширак

спросил у него, арестован ли Милошевич. Коштуница опроверг эти предположения. Вернувшись в Белград в субботу вечером, он попытался вмешаться, но потом согласился на арест Милошевича в обмен на обещания не передавать обвиняемого в Гаагу. Со своей стороны Милошевич выдвинул то же условие. В 4.45 утра 1 апреля 2001 года он переступил порог центральной тюрьмы Белграда в сопровождении солдат сербского спецназа. Джинджичу пришлось согласиться с требованием Милошевича не передавать его в руки Международного трибунала. Но очень скоро он заверил меня, что это соглашение, которое помогло положить конец осаде виллы, не будет иметь никакого значения. Обман продолжался. Милошевич оказался в тюремной Камере. Джинджич сдержал обещание арестовать его. Сербия отнеслась к известию об аресте спокойно. Лишь ряд военных демонстрировали свою верность бывшему главе государства. Остальное население вздохнуло с облегчением. Это убедило американцев и европейцев в том, что следующий шаг — передача Милошевича в Гаагу — не дестабилизирует политическую обстановку в стране. Тем не менее, Коштуница и его сторонники обвинили меня в том, что я препятствую «процессу демократизации» в Сербии.

Добиться передачи Милошевича в Гаагу оказалось не проще, чем добиться его ареста. Мы беспокоились о том, что после того, как он окажется за решеткой, международная поддержка работы трибунала ослабеет. США вознаградили Белград за арест Милошевича, но Коштуница и другие сербские политики все еще затягивали решение вопроса о сотрудничестве с трибуналом. Политическая обстановка в Сербии была очень нестабильной. Черногория требовала независимости. В руководстве полиции и армии, а также среди преступного мира Сербии оставалось огромное количество сторонников Милошевича. Было неясно, как долго сербские власти смогут держать Милошевича в заключении, и когда состоится суд. Я опасалась, что этот процесс может затянуться на два года, а у трибунала не было времени на ожидание.

Руководитель Секретариата трибунала Ханс Хольтхейс отправился в Белград, чтобы представить властям страны обвинительное заключение и другие документы по Милошевичу и добиться его выдачи. Эти усилия ни к чему не привели. Милошевич отказался принять документы и сдаться трибуналу. Мы поняли, что нужно оказать международное давление, чтобы Белград выдал преступника. В то же время я приказала своим сотрудникам готовить обвинения по Хорватии и Боснии и Герцеговине. Эти документы должны были быть готовы до

передачи Милошевича. Я сообщила своей службе о том, что он пробудет здесь до конца этого года; не помню, почему назвала именно такой срок. Все обвинительные заключения должны были быть готовы к концу сентября 2001 года. На дворе стоял апрель. У нас оставалось пять месяцев.

В Белграде открылось новое представительство трибунала. Наш офис располагался прямо напротив резиденции начальника генерального штата югославской армии, генерала Павковича, одного из основных подозреваемых. Теперь наши следователи получили возможность работать в Сербии. Но сторонники Коштуницы и политики правого толка, засевшие в Народном собрании Югославии и сербском парламенте, всячески препятствовали принятию закона о сотрудничестве, разрешающем выдачу подозреваемых и доступ к архивным документам, в том числе к протоколам и расшифровкам стенограмм заседаний правительства, само существование которых было тайной. Соединенные Штаты заявили, что не примут участия в июньской конференции стран-доноров до тех пор, пока Белград не согласится сотрудничать с трибуналом. Это решение было принято благодаря Колину Пауэллу. Мы получили возможность убедить страны Евросоюза усилить давление на Белград и потребовать исполнения взятых на себя обязательств.

1 мая 2001 года во французской газете *Le Monde* было опубликовано мое интервью. Я потребовала, чтобы Сербия немедленно выдала Милошевича и других обвиняемых, а также, чтобы международное сообщество (читай — Франция, ведь я давала интервью французской газете) усилило давление на Белград. Это интервью в значительной степени повлияло на встречу, которая состоялась у меня в Париже на следующий день. Мне предстояло встретиться с министром иностранных дел Юбером Ведрином и министром обороны Аленом Ришаром. Оба были очень недовольны. Ведрин, который представлял Коштуницу лидерам Евросоюза, разговаривал со мной снисходительно. Он настаивал на том, что Милошевича должны судить в Белграде, и не раз заявлял об этом публично: «Франция несет ответственность за возвращение Югославии в семью европейских народов, — сказал он. — Задача Франции гораздо шире и значительнее, чем мелкие интересы международного трибунала… Я, как министр Франции, должен думать о будущем. А вы решаете свои мелкие задачи, и ваша позиция весьма ограничена». Ришар был столь же откровенен. Он настаивал на том, что Европа не должна ставить Белграду условия и требовать немедленной выдачи Милошевича Международному трибуналу, потому что подобное давление может дестабилизировать

обстановку в стране. Такая позиция была на руку режиму Коштуницы, и это выводило меня из себя. Европа должна была выступить еще в начале 90-х годов. Тогда можно было устранить причины, которые привели к вспышке насилия на Балканах. Но и тогда, и сейчас никто не настоял на немедленных действиях, продемонстрировав полное отсутствие воли к победе.

Через неделю я отправилась в Вашингтон, где встретилась с госсекретарем Колином Пауэллом. Я должна была убедить его, что Соединенным Штатам следует продолжить играть свою роль. Только США могли вынудить Белград начать сотрудничество с трибуналом. Отступать мне было некуда. О том, чтобы судить Милошевича и ему подобных в Сербии, и разговора быть не могло. Даже Коштуница понимал, что в Белграде такой суд провести невозможно. Такое решение было бы равносильно предоставлению Милошевичу иммунитета. Без четко поставленных условий сербские националисты, которые и так всячески препятствовали работе трибунала, могли бы затянуть процесс и выиграть. США должны поставить свою финансовую помощь в зависимость от готовности Сербии сотрудничать с трибуналом.

Я рассказала госсекретарю Пауэллу о том, что говорил мне Джинджич: процесс над Милошевичем в Сербии по обвинению его в злоупотреблении властью, политических убийствах и коррупции мог занять два-три года. Я сообщила о том, что к сентябрю трибунал подготовит три обвинительных заключения, и прокурорская служба будет требовать объединения их в единый процесс. Как только Милошевич будет обвинен и осужден трибуналом, его можно будет вернуть в Сербию и осудить за другие преступления.

В то же самое время в Вашингтоне находился президент Коштуница. Он явно пытался тянуть время и добиться разрешения судить Милошевича в Белграде. Мы получили информацию о том, что во время встречи в Институте Катона неоконсерваторы сообщили Коштунице, что администрация Буша не поддерживает работу трибунала по Югославии, считая эту организацию троянским конем для международного правосудия. Возможно, именно такое мнение о трибунале и его работе и послужило поводом тому, что директор ЦРУ, Джордж Тенет, отнесся к моей откровенности не столь терпимо. Но Колин Пауэлл явно обладал гораздо большей властью. Во время нашей встречи я сказала госсекретарю: «Очень важно, чтобы Белград назначил точную дату выдачи Милошевича, потому что обсуждать этот вопрос не представляется возможным. Это законное обязательство. Вы должны потребовать, чтобы во время

вашей завтрашней встречи Коштуница назвал вам дату. Выдача Милошевича — это испытание для Югославии».

Пауэлл меня понял. «Мы продолжим давление, — заверил он меня. — Ни мы, ни Конгресс не удовлетворимся, пока Белград не начнет в полной мере сотрудничать с трибуналом». Пауэлл напомнил мне, что США в марте сертифицировали сотрудничество Сербии с трибуналом лишь условно. «С первого апреля мы не видим особого прогресса, — добавил он. — Подобная ситуация совершенно неприемлема». Не помню, что именно правительство Соединенных Штатов сообщило Воиславу Коштунице, но абсолютно уверена в том, что это сообщение было четким и решительным: если Белград не станет сотрудничать с трибуналом, Югославия не получит международной финансовой помощи.

Во время встреч с госсекретарем Пауэллом и другими видными политиками США, в том числе с Джорджем Тенетом, Полом Вулфовицем и советником президента Буша по вопросам национальной безопасности Кондолизой Райс, я просила поддержать идею координации усилий по выявлению и аресту обвиняемых, скрывающихся от трибунала. До отъезда из Вашингтона я обсуждала этот вопрос с человеком, который мог бы осуществить эту идею, — с бывшим главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе, генералом Уэсли Кларком. Кларк более не занимал никакого поста. Я понимала, что иду на хитрость, но знала и то, что генерал Кларк, несмотря на все проблемы, связанные с сотрудничеством с НАТО после бомбардировок Югославии 1999 года, симпатизирует работе трибунала. Этому человеку был неведом страх. Наибольшее удовольствие ему доставляли прыжки в воду с мостов, балконов гостиничных номеров и высоких скал. Только он мог справиться с неблагодарной, донкихотской миссией, которую я хотела ему предложить. Я надеялась его убедить.

Во время нашей встречи в Вашингтоне генерал Кларк отверг мое предложение начать охоту за Караджичем и Младичем. «Я бы и рад это сделать, — улыбнулся он, — но вы мне не позволите». Я была уверена, что Кларк уже подумывает об участии в президентской гонке 2004 года. Впрочем, генерал согласился свидетельствовать против Милошевича и сдержал свое обещание. Он предупредил меня, что в бытность свою командующим силами НАТО получал сведения о том, что Младича и Караджича охраняют русские агенты: «Русские не хотят, чтобы вы добились успеха. Они поддерживают сербских националистов и ведут грязную игру: они читают всю вашу почту и прослушивают все ваши телефонные разговоры».

На следующий день, 10 мая, я была в Нью-Йорке, где мне предстояло встретиться с генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. Он был крайне раздражен моими попытками заставить США и в особенности Францию, Германию и другие страны Евросоюза увязать вопрос предоставления финансовой помощи Югославии с готовностью Белграда сотрудничать с трибуналом. Аннан вспомнил свое мартовское письмо, связанное с моими высказываниями, появившимися в прессе. Я сказала, что его письмо меня обеспокоило. Он заявил, что хотел бы напомнить мне, что есть определенные границы, переходить которые, даже добиваясь сотрудничества Югославии с трибуналом, нельзя. Он сказал, что в обязанности главного прокурора не входит обсуждение вопросов экономической помощи Югославии.

«Вам не нравится позиция Евросоюза, — заявил он. — Вам не нравится позиция генерального секретаря… Но все ошибаться не могут… Вы не можете диктовать другим государствам политику в отношении Югославии. Это политический вопрос. Это чистой воды политика…»

При нашем разговоре присутствовал Ханс Корелл, заместитель генерального секретаря по юридическим вопросам. Он заявил, что в «определенных кругах» (я снова вспомнила, что в Штатах сейчас находится Коштуница) складывается впечатление, что Международный трибунал по бывшей Югославии слишком политизируется. Если сотрудники трибунала делают политические заявления по вопросам, выходящим за рамки их компетенции, генеральному секретарю трудно отвергать подобные обвинения. «Вы не можете ездить по всему миру и критиковать Коштуницу, — сказал Корелл. — Вы должны исполнять обязанности прокурора. Не стоит подрывать собственное положение».

Аннан поддержал своего заместителя: «Я общаюсь с главами всех государств-членов ООН, и они постоянно жалуются».

В тот момент я подумала: «Государства обязаны сотрудничать с трибуналом. Это закон, принятый согласно резолюции Совета безопасности. Я служу Совету безопасности и могу считать себя абсолютно независимой». Вслух же сказала, что считаю откровенное обсуждение нежелания Югославии сотрудничать с трибуналом одной из своих обязанностей, проистекающей из независимости моего положения. Я не выходила за рамки своей компетенции. Давление со стороны ряда государств — единственный способ заставить Федеративную Республику Югославия и другие государства, возникшие на ее территории, сотрудничать с трибуналом. Как еще я могу исполнить свой долг, если мне не позволено обращаться к правительствам с просьбой

оказать финансовое и дипломатическое давление? Если бы я этого не сделала, Милошевич умер бы в Сербии свободным человеком, а работа трибунала превратилась бы в фарс. Критика, с которой я столкнулась, ясно показала, почему ООН встретилась с такими проблемами в Сребренице и других местах: эта организация просто не захотела использовать материальную и политическую власть, которой обладала.

В Белграде обсуждение злополучного закона о сотрудничестве с Международным трибуналом достигло апогея. Сторонники Милошевича, составлявшие большинство в федеральном парламенте, выступали против закона. Оппозиция же разделилась. Джинджич говорил мне, что выдача Милошевича потребует времени, но я не могла ждать. Время работало против нас. Я хотела снова приехать в Белград, чтобы усилить давление на Коштуницу, Джинджича и других сербских политиков. Но Джинджич убедил меня не делать этого. Он считал, что такой визит лишь усилит сопротивление принятию закона. Я уже начала сомневаться в искренности его намерений. Вместо того, чтобы поехать самой, я отправила в Белград Жориса, чтобы он обсудил с Джинджичем вопрос выдачи Милошевича.

28 мая Джинджич предъявил всему миру и Сербии документальные доказательства связи между режимом Милошевича, а также югославской армии, с преступлениями, совершенными сербами в Косово. Министр внутренних дел, Душан Михайлович, объявил об обнаружении 80-ти трупов албанцев, которые сербская полиция, находившаяся под полным контролем Милошевича, в рефрижераторах вывезла из Косово и захоронила на военном аэродроме западнее Белграда. После этого заявления мне показалось, что Джинджич окончательно предал трибунал и решил судить Милошевича в Белграде, в том числе и за военные преступления.

Жорис просил Джинджича назвать точную дату передачи Милошевича в Гаагу. «Сербия не ведет закулисной игры и не собирается судить его за военные преступления, чтобы не выдавать трибуналу, — ответил Джинджич. — Пока закон не принят, ни о какой выдаче не может быть и речи. Тем самым мы нарушим ход всего процесса… После принятия закона в первом чтении, а я полагаю, что это произойдет в следующем месяце, можно будет говорить о выдаче, причем не только тех, чьи имена у всех на слуху… Но назвать точную дату выдачи Милошевича очень трудно. Милошевич — это особый случай. Могу лишь сказать, что все партии сознают недостаточность одного лишь принятия закона. Мы понимаем, что должны осуществить конкретные действия до конференции стран-доноров».

Эти слова успокоили меня лишь наполовину. В начале июня меня ждали серьезные проблемы. Джинджич заявил: «Сначала Милошевич должен ответить за преступления, совершенные в собственной стране… Было бы слишком просто отправить его в Гаагу, как обычную посылку». Я все еще думала, что выдача Милошевича состоится, но сомневалась в том, что Джинджичу удастся преодолеть сопротивление в Сербии. Через несколько дней его правительство снова шокировало страну новыми известиями о телах косовских албанцев, обнаруженных в массовом захоронении на окраинах Белграда. Впервые Милошевич предстал в глазах сербов как военный преступник. Впервые общественное мнение было готово смириться с его выдачей трибуналу. Джинджич никогда не говорил мне, было ли это счастливой случайностью или результатом продуманной стратегии по связям с общественностью.

Июнь близился к концу. Югославский парламент все еще не принял закон о сотрудничестве с трибуналом. Страна отчаянно нуждалась в финансовой помощи. Вашингтон был тверд: без сотрудничества с трибуналом не будет никакой финансовой помощи. Джинджич пытался уговорить меня: «Карла, Милошевича скоро выдадут. Вы должны мне верить. У меня есть план воздействия на федеральный парламент. Вы увидите. Мы сделаем все необходимое».

Через несколько дней я узнала, что Джинджич спрашивал у Соединенных Штатов, не смогут ли их силы в Боснии переправить Милошевича в Гаагу. Джинджич хотел сделать все, что было в его силах, чтобы на конференции стран-доноров, которая была назначена на 29 июня, было принято благоприятное решение. Югославия как никогда нуждалась в финансовой поддержке. Он обещал Вашингтону, что выдаст Милошевича трибуналу еще до конференции. Человек, который больше десяти лет проливал кровь и разжигал костры ненависти на юго-востоке Европы, мог предстать перед трибуналом только благодаря твердой позиции, занятой Соединенными Штатами и, в меньшей степени, Великобританией. К сожалению, ни одно из ведущих европейских государств, в частности, Германия и Франция, такой позиции не заняли. Нежелание континентальной Европы участвовать в процессе шокировало меня. Европа всегда шла впереди, когда подписывался Римский статут. Создание Международного уголовного суда могло положить конец полной безнаказанности политических лидеров во всем мире. Милошевич мог стать первым главой государства, представшим перед международным трибуналом на земле Европы, но при этом сама Европа, и в особенности, Франция и Германия, не желали пошевелить для

этого даже пальцем. Этого я не могла понять. Нужно было убедить европейцев вступить в игру, хотя бы для того, чтобы спасти лицо.

В четверг 21 июня самолет швейцарского правительства ожидал нас на голландском военном аэродроме Фалькенбург близ Гааги, чтобы доставить в Берлин. Немцы, как и большинство европейцев, весьма негативно относились к давлению со стороны трибунала и решению Вашингтона сделать условием своего участия в конференции стран-доноров немедленную выдачу Милошевича. Они боялись, что подобная позиция приведет к дестабилизации новой власти в Белграде. Я попыталась объяснить, что главный дестабилизирующий фактор — это присутствие в Сербии Милошевича. О какой стабильности можно говорить, когда белградский судья только что приказал освободить Милошевича из-под стражи?

В Берлине я обратилась к канцлеру Шредеру с просьбой надавить на Коштуницу и вынудить его выдать Милошевича Гааге. Мои аргументы были просты. В конце концов, Милошевич все равно будет выдан. Соединенные Штаты не уступят, и Джинджич сдастся. А когда это случится, европейцы окажутся в стороне, и все лавры, как всегда, достанутся США. «Вы — европеец, — сказала я Шредеру. — И Милошевич европеец. Неужели вы позволите США сделать все без малейшего вашего участия?»

«Я бы никогда не согласилась стать прокурором трибунала, созданного только ради алиби, — сказала я. Под алиби я понимала фарсовые попытки международного сообщества избавить себя от ответственности за свое безразличие к геноциду, творившемуся в Боснии и Герцеговине. — Если мне не удастся задержать Караджича и Младича, я подам в отставку».

Шредер вежливо слушал. По его лицу я видела, что аргумент «европейского престижа» затронул чувствительную струну в его душе. «Да, вы — не подходящий для подобной цели человек, — сказал канцлер. — Мы сообщим Коштунице, что ему нужно избавиться от собственной тени и сделать решительный шаг».

После нашей встречи Шредер устроил для меня и моих советников небольшую экскурсию по его официальным апартаментам. Сверху мы любовались яркими огнями нового, объединенного Берлина. Именно отсюда должно было отправиться письмо Коштунице. В светской беседе на фоне великолепного берлинского пейзажа один из помощников канцлера со смехом рассказал, что сотрудники службы безопасности в солнечные летние дни часами пропадают на крыше, подсматривая за женой швейцарского посла, которая

любит загорать на крыше посольства топлесс.

25 июня я разговаривала по телефону с Жаком Шираком. Это было еще труднее. Полномочия французского президента весьма ограничены. Ведрин и правительство социалистов были настроено в пользу Коштуницы. «Американцы не должны пожать все лавры», — сказала я Шираку и добавила: «Немцы согласились вмешаться». Затем я напомнила ему (впрочем, в этом не было необходимости), что палачи Сребреницы, Караджич и Младич, все еще на свободе. Резня в Сребренице в 1995 году повергла Ширака в шок. Он выступал за справедливое наказание для тех, кто виновен в резне в Сребренице, еще до того, как стала поступать информация о том, что армия боснийских сербов казнит тысячи пленных. Ширак всегда с симпатией относился к национальным меньшинствам. Он согласился убедить Коштуницу прислушаться к голосу разума. Теперь две крупнейшие европейские державы были согласны поддержать требование о выдаче Слободана Милошевича в Гаагу. Впервые в истории Франция и Германия согласились объединить свои усилия ради того, чтобы глава государства не смог избежать справедливого суда. Новые власти Белграда подверглись беспрецедентному давлению с требованием выдачи Милошевича Международному трибуналу.

День святого Вита, Видовдан — на сербохорватском, очень важен для сербов. В Видовдан в 1389 году оттоманские армии победили сербов в битве при Косово. В этот день в 1914 году молодой сербский националист, Таврило Принцип, убил эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. В этот день в 1921 году сербский король Александр I объявил о принятии злополучной конституции Королевства сербов, хорватов и словенцев, существовавшего в период между двумя мировыми войнами. В Видовдан в 1948 году Сталин объявил о разрыве отношений между советским блоком и коммунистической Югославией Тито. В 1989 году в тот же самый день Слободан Милошевич призвал сотни тысяч сербов освободить место священной Косовской битвы. В этот день в 1990 году Франьо Туджман вывел сербов из себя, обнародовав изменения к конституции Хорватии, согласно которым сербы, проживавшие на территории республики, лишались права голоса.

В Видовдан 2001 года сербское правительство приняло решение отдать Слободана Милошевича под суд. Около 7 часов вечера правительство сделало публичное заявление о том, что Милошевич передается в руки Международного трибунала. Британский полицейский, бывший олимпиец, Кевин Кертис, прибыл в здание правительства, где уже ожидали три вертолета. Через несколько минут туда же в тюремном автобусе привезли

Милошевича. Вид вертолетов встревожил его. Он не знал, что сделка, заключенная с Коштуницей, более не имеет силы. Милошевич поднял руку. Он спросил у надзирателя, что происходит. Надзиратель объяснил, что его депортируют в Гаагу. Милошевич был в ярости. Он заявил, что не признает юрисдикции трибунала и не собирается подчиняться этим приказам. Надзиратель передал его Кертису который зачитал Милошевичу его права и провел формальную процедуру ареста.

Милошевич отказался подписывать и принимать любые документы. Офицер службы безопасности обыскал его. Затем этот офицер, Кертис, переводчик и Милошевич сели в вертолет, который вылетел в Боснию и Герцеговину. Он приземлился на военной базе НАТО близ Тузлы. Не обращая внимания на рев двигателя и шум лопастей, Милошевич пытался разговаривать с Кертисом по-английски. Выходя из вертолета в Тузле, он попросил Кертиса бросить ему под ноги платок, чтобы он не ступал на боснийскую землю. Милошевич безуспешно пытался завязать разговор с солдатами, которые его охраняли. Около 10 часов вечера на него надели наручники и приказали хранить молчание. Милошевича посадили на транспортный самолет С-130, который вылетел в Эйндховен, небольшой городок, расположенный восточнее Роттердама. Там его пересадили на голландский вертолет и доставили на посадочную площадку на территории тюрьмы Схевенинген, где ему суждено было остаться до самой смерти.

Все это время я получала поздравления со всех концов света. Приятнее всего было услышать голос Зорана Джинджича и других граждан Сербии. Эти люди серьезно рисковали: они выступили против главы мафии, который управлял их страной и всеми государственными институтами. Поздравлений заслуживал и Колин Пауэлл, поскольку было ясно, что без решительного давления со стороны Вашингтона трибунал никогда не добился бы выдачи Милошевича. Но больше всего тронуло меня письмо генерального секретаря ООН Кофи Аннана.

Впоследствии из достоверного источника я узнала, что вместе с Милошевичем той ночью в Нидерланды прилетел еще один пассажир. Сотрудник федерального министерства внутренних дел обратился в посольство дружественной страны с предложением арестовать Младича. Он заявил, что Младич находится в Белграде или его окрестностях и не располагает надежной защитой. База НАТО в Тузле запросила разрешения доставить еще одну «посылку». Им ответили, что на планирование операции уйдет четыре часа. Время шло. Младич так и не узнал, насколько близок он был к аресту. Все это

позволило Воиславу Коштунице жаловаться на то, что выдача Милошевича была незаконной и неконституционной. Невозможность арестовать Младича не повлияла на решение конференции стран-доноров, которая началась в Брюсселе на следующий день после выдачи Милошевича. Югославия получила 1,3 млрд долларов.

Первое слушание дела № IT-99–37-I, «Обвинитель против Слободана Милошевича», заняло всего 12 минут. Оно состоялось утром в первый вторник июля 2001 года. Я надела свою черную прокурорскую мантию и вошла в зал суда. На галереях было полно журналистов и обычных наблюдателей. Вспоминаю, что никак не могла избавиться от образа Милошевича, «балканского мясника», каким его представляли СМИ. Но я увидела полного, высокомерного человека, не обладавшего никакой силой. Впрочем, смотрел он на меня очень враждебно. Английский судья Ричард Мэй, председательствовавший в палате, открыл слушания, сообщив, что Милошевич отказался от защиты. Судья сказал, что процесс будет долгим и сложным, и посоветовал обвиняемому все же пригласить адвоката. Милошевич произнес свою знаменитую фразу: «Я считаю этот трибунал незаконным, а обвинение — ложным. Трибунал не может считаться законным, поскольку его создание не было одобрено Генеральной ассамблеей ООН. Мне не нужен адвокат, чтобы защищаться перед незаконным судом».

Когда судья Мэй спросил Милошевича, хочет ли он, чтобы обвинительное заключение было зачитано в зале суда вслух, Милошевич ответил, что это не его проблема. Я настаивала на том, чтобы заключение было зачитано, но этого не сделали. Наступил исторический момент: впервые глава государства предстал перед международным трибуналом. Зачитывание обвинительного заключения, учитывая то, что заседание напрямую транслировалось по сербскому телевидению, дало бы людям полное представление об обвинениях в адрес человека, который некогда возглавлял их страну. Это стало бы данью уважения всем тем, кто погиб или пострадал во время этнических чисток в Косово в 1999 году. Жертвы военных кампаний в Хорватии и Боснии узнали бы об обвинениях, которые юристы прокурорской службы выдвинули против этого человека.

Затем судья предложил подсудимому сделать заявление о своей виновности или невиновности. Милошевич ответил: «Цель этого суда — незаконно оправдать военные преступления, совершенные силами НАТО в Югославии… Вот почему это ложный, незаконный трибунал…» Судья Мэй объявил, что подсудимый себя виновным не признает, и завершил заседание.

Перед слушаниями я попросила секретаря трибунала, Ханса

Хольтхейса, дать мне возможность в течение нескольких минут побеседовать с Милошевичем наедине. Я считала, что должна встретиться со всеми обвиняемыми. По правилам процедуры прокурор имеет право обратиться к обвиняемым с просьбой сотрудничать со следствием. Разговор мог происходить в присутствии адвоката. По соображениям безопасности разговор с Милошевичем состоялся в зале суда после того, как судьи и остальные участники заседания разошлись. В центре зала установили нечто вроде карточного столика. Я села за стол и стала ждать. Трое охранников привели Милошевича. Он смотрел в сторону, чтобы не встречаться со мной глазами. Я сообщила, что являюсь главным прокурором трибунала, объяснила правила процедуры и сказала о том, что имею право провести допрос. «Я готова провести допрос немедленно, — сказала я, — потому что вам есть, что сказать».

Милошевич посмотрел мне в глаза. Он пытался произвести на меня впечатление, перехватить инициативу в разговоре. Он все еще считал себя президентом, главой государства, главнокомандующим, capo dei capi.[18] Ему казалось, что он согласился принять меня только потому, что не мог этого избежать. На чистом английском он ответил: «Я прекрасно знаю процедуру и могу отказаться отвечать на ваши вопросы». Я выпрямилась и не стала отвечать. Милошевич отвернулся и заговорил по-сербски. Он снова повторил свои обвинения в адрес трибунала и прокурорской службы. Милошевич сильно возбудился, его голос звенел от ярости. Он казался полным сил и энергии. Но все же он больше не был тем человеком, обаяние, спокойствие и уверенность которого долгое время обманывали дипломатов и политических лидеров. Более всего он напоминал мне избалованного ребенка, чьи капризы уже начинают раздражать…

Я использовала свое право просить обвиняемого сотрудничать со следствием. Он использовал свое право отказать мне. Мне более не было нужды выслушивать его риторику. «Уведите его», — сказала я охранникам. Они приказали Милошевичу встать и вывели его из зала. Мы не пожали друг другу руки. Более никогда мы не встречались наедине.

Глава 5
Борьба с бюрократией трибунала: 2000–2002 годы

Всю сложность своего положения я начала понимать лишь тогда, когда трибунал начал действовать по-настоящему. ООН и государства, финансировавшие деятельность международных трибуналов, явно дали понять, что не собираются делать это бесконечно. Прокурорской службе не удалось достичь своих целей достаточно быстро. Несмотря на успехи моих предшественников Ричарда Голдстоуна и Луизы Арбур по созданию офисов в Гааге и Аруше многие службы работали годами и тратили значительные средства, не выдвигая обоснованных обвинений и даже не заявляя о том, что выдвинуть их не представляется возможным. Чтобы исправить положение, требовались жесткие меры. По ряду причин сотрудники трибуналов, проработавшие здесь гораздо дольше, чем я, компетентные и трудолюбивые или не очень компетентные и совсем нетрудолюбивые, искали себе новую работу или жаловались в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Первая кадровая проблема, с которой я столкнулась в Аруше, была связана с ложью, прозвучавшей во время первого слушания в трибунале по Руанде. Впрочем, оперативные проблемы в трибунале по Югославии представляли собой более серьезную проблему.

К концу августа 2000 года стало ясно, что некоторые следственные бригады в Гааге взяли ложный след. Многие следователи тратили массу времени и денег на эксгумацию тел, допросы свидетелей отдельных преступных актов и сбор доказательств вины лиц, занимавших низкое положение. Они не работали над обвинениями в адрес тех, кто являлся главной целью Совета безопасности и Международного трибунала в целом. Мы должны были обвинить тех, кто нес самую большую ответственность за военные преступления, кто в годы войны в Югославии занимал высшие политические и военные посты, руководил службой безопасности. Многие сотрудники устали от бесплодности своих усилий по сбору доказательств связи видных политиков и государственных чиновников с военными преступлениями. Проконсультировавшись с юристами и своим политическим советником Жан-Жаком Жорисом, направленным в трибунал министерством иностранных дел Швейцарии, я решила изменить направленность усилий прокурорской службы, что в

свою очередь потребовало решительных перемен в руководстве следствием. В этом решении меня поддерживала Флоренс Хартманн, бывшая корреспондентка *Le Monde* в Белграде и моя ближайшая помощница.

Оперативная структура прокурорской службы, созданная во время формирования трибунала по бывшей Югославии, не менялась до 2000 года. Предполагалось, что именно такая служба сможет выполнить задачи трибунала в условиях ограниченного времени. Создателем этой модели был товарищ прокурора, австралиец Грэм Блуитт. Спустя много лет в интервью для голландской газеты Блуитт говорил о своей профессиональной подготовке и опыте работы, использованном при разработке структуры прокурорской службы Международного трибунала. Блуитт возглавлял прокурорскую службу австралийского правительства, которая занималась поиском в Австралии бывших нацистов и других лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений в годы Второй мировой войны. Это были преимущественно охранники концлагерей и другие лица, занимавшие невысокое положение. За десять лет работы подразделение Блуитта сумело довести до суда всего три дела, причем ни по одному из них не было вынесено обвинительных приговоров.

В феврале 1994 года генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали предложил Блуитту стать товарищем прокурора в трибунале по Югославии. Совет безопасности еще не назначил главным прокурором судью Голдстоуна, поэтому Блуитт мог свободно распоряжаться весьма приличным бюджетом, полученным из Нью-Йорка, и приглашать сотрудников. В интервью Блуитт заявил, что вскоре после приезда в Гаагу столкнулся с серьезной проблемой. Прибыл потенциальный свидетель, которому нужно было обеспечить защиту. У Блуитта не было никакой возможности справиться с этой ситуацией. Война в Боснии все еще продолжалась. Ей были посвящены все газетные заголовки. Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке давила на трибунал с тем, чтобы обвинения в чей-то адрес были выдвинуты как можно скорее. Судьи трибунала, которые несколько Месяцев пытались выработать правила регламента, проявляли недовольство. Поэтому Блуитт проинформировал Нью-Йорк о том, что сотрудников нужно нанимать как можно быстрее, и предложил Секретариату ООН уладить все формальности. Разрешение на отступление от правил было получено. Блуитт вдохнул в коридоры трибунала жизнь, пригласив на работу множество прокуроров и следователей из Австралии, Шотландии, Англии и Канады. Это были люди, получившие такую же

подготовку, как и он сам. Вскоре в Гаагу прибыло несколько десятков юристов и следователей из США.

В феврале 1994 года полиция случайно арестовала в Германии боснийского серба Душко Тадича, который был охранником печально известного концлагеря Омарска, расположенного в деревне близ города Баня-Лука. Благодаря аресту Тадича и выдаче его Гааге, трибунал получил человека, которого обвиняли в военных преступлениях, в том числе изнасилованиях и сексуальных нападениях. Но выдача Тадича трибуналу подверглась жестокой критике. Несмотря на серьезность обвинений против этого человека, некоторые судьи считали его дело досадной помехой. Судьи и другие сотрудники трибунала утверждали, что выслеживание охранников, полицейских и солдат, подобных Тадичу — пустая трата времени и сил. Им нужны были обвинения против видных политиков, генералов и руководителей служб безопасности. Блуитт с этим не согласился. Он считал, что дело Тадича необходимо трибуналу для проверки его работоспособности, а также для укрепления морального духа сотрудников. В его словах было зерно истины. Системы трибунала были не отлажены, и следовало проверить их на практике. Только так можно было убедиться в работоспособности этого института. Обвинения в адрес глав государств, премьеров, главнокомандующих, политических лидеров и руководителей тайной полиции — очень сложное дело, особенно, если трибуналу недостает кадров и ресурсов. (Я слышала, что в самом начале трибунал вынуждали выписывать сербские газеты.) Меня поражало то, как дипломаты, подготовившие и принявшие резолюцию Совета безопасности № 827, согласно которой в 1993 году был создан трибунал по Югославии, не понимали, насколько сложным и трудным будет выдвижение подобных обвинений и как тяжело будет обеспечить арест и выдачу подозреваемых. Когда в руках трибунала оказался Тадич, против Караджича и Младича уже были выдвинуты обвинения, но государства-члены НАТО демонстрировали явное нежелание арестовывать обвиняемых.

Проблемы, связанные с расследованием обстоятельств участия Милошевича в преступлениях, совершенных во время войн в Хорватии и Боснии и Герцеговине, породили новые трения в моей службе осенью 2000 года. Я узнала, что некоторые члены следственных бригад больше занимались сбором и регистрацией свидетельств отдельных преступлений и передачей материалов в архив, а не подготовкой обоснованного обвинительного заключения в отношении лидеров государства. Руководители этих бригад сообщали о прогрессе, достигнутом в ходе сбора

доказательств. Некоторые следователи даже гордились отсутствием знаний и интереса к Югославии и политическому и военному руководству страны, утверждая, что, чем меньше они знают, тем лучше, поскольку это позволяет им вести расследование совершенно «беспристрастно». Жорис рассказывал мне, что один из моих заместителей даже объяснял ему, что Милошевич — человек, который вместе с Туджманом разрушил Югославию, — не может быть обвинен в преступлениях, совершенных в Боснии и Хорватии, потому что эти страны не входят в состав Сербии. Постепенно я начала понимать, что некоторые сотрудники сознательно блокируют мне доступ к информации о том, что действительно происходит в следственных бригадах, за работу которых я несла полную ответственность. Кроме того, я заметила, что эти люди не выполняют моих приказов.

Вскоре один из юристов, англичанин Эндрю Кайли, подтвердил многое из того, о чем рассказывали Жорис и Хартманн. Другой юрист, американка Бренда Холлис, пожаловалась на то, что следователи собрали массу документов, но не ввели их в компьютерную базу данных, чтобы можно было находить их по ключевым словам и фразам, а затем оценивать их значимость и доказательную ценность. «Как мы можем составить обвинительное заключение, если даже не знаем содержания документов, которыми располагаем?» — удивлялась Холлис. Ответ на этот вопрос был очевиден. Составить обвинительное заключение мы не могли. Мы даже не знали, содержатся ли в грудах документов, собранных следователями, какие-то доказательства вины потенциальных обвиняемых. Для прокурора это был настоящий информационный кошмар. Первое черновое обвинение, оказавшееся на моем столе, содержало тщательное описание места и сути преступления, но в нем не было никаких фактов, связывавших эти доказательства с политическим лидером, против которого оно выдвигалось. Не помню, сколько черновых обвинений я отправила обратно по причине явной недостаточности их доказательной базы. Не помню, сколько раз я объясняла нашим юристам и следователям эту проблему. Я знаю, что Луиза Арбур отклонила множество черновых обвинений по той же причине.

В конце 2000 года я разговорилась в коридорах трибунала с Клинтом Уильямсоном, одним из юристов, помогавших готовить обвинительное заключение против Милошевича. Жорис говорил мне, что Уильям-сон конструктивно критиковал работу следственных бригад. Я пригласила его зайти, чтобы более подробно обсудить эти вопросы. После нескольких неудачных

попыток нам, наконец, удалось встретиться в марте 2001 года, за несколько недель до того, как он перешел из трибунала в миссию ООН в Косово. Предполагалось, что наша беседа продлится не более сорока минут. Уильямсон ушел от меня только через два часа, и даже этого времени нам оказалось мало.

«Лучшие намерения терпят крах, если концепция работы неверна в корне», — сразу же заявил мне Уильямсон. По его мнению, главная проблема прокурорской службы заключалась в том, что основные усилия направлялись на поиск и обвинение военных преступников, занимавших низкое положение. Уильямсон считал, что прокурорская служба трибунала была организована по образцу аналогичной службы в Австралии. За расследование преступления полную ответственность несла полиция. Полиция предоставляла Юристу все материалы, и он готовил обвинительное заключение. Когда дело казалось готовым для судебного слушания, старший прокурор представлял факты и Доводы в зале суда. На разных этапах следствия за результаты отвечали разные сотрудники, и никто не вмешивался в дела друг друга. Однако при расследовании сложных военных преступлений, совершенных президентами, генералами и руководителями служб безопасности, подобная организация оказалась неэффективной. Эти люди сами не совершали убийств и изнасилований и лично никого не выселяли.

Со времен дела Душко Тадича прокурорская служба значительно изменилась, хотя структура, созданная Голдстоуном, Арбур и Блуиттом, все еще сохранялась. Однако следовательский аппарат, работавший в рамках этой структуры, действовал совершенно неэффективно. В служебной записке Уильямсон указывал на то, что, поскольку следовательский аппарат прокурорской службы несет полную ответственность за процесс расследования, эффективность его работы в значительной степени определяет эффективность работы всей службы в целом. От решений, принимаемых руководителями следствия, зависит то, какие дела будут рассматриваться и в каком виде. От результатов их работы страдают прокуроры: поскольку главный прокурор и товарищ прокурора не располагают информацией о фактической основе конкретных дел, они фактически полностью зависят от руководителя следственной службы и его подчиненных, которые определяют стратегию, политику и решают оперативные вопросы. Жесткое разделение обязанностей между прокурорами, следователями и аналитиками означает отсутствие эффективного контроля над результатами расследования вплоть до того момента, когда исправлять ошибки становится уже поздно. Когда дело поступает в зал суда, юристам

очень сложно подкреплять свои аргументы доказательствами, собранными в поддержку ложных теорий, возникших у следователей. По сути дела, следователи определяют весь ход расследования, но не несут ответственности за результаты. Прокуроры же, которым приходится представлять дела в суде, не контролируют хода расследования, но при этом отвечают за отсутствие результатов.

Проблема заключалась в том, чтобы направить усилия следователей в верном направлении. Они должны были более эффективно собирать доказательства вины первых лиц государства. Для этого контроль над следствием следовало переложить на плечи прокуроров и шире привлекать военных экспертов и специалистов по Югославии, которые говорили бы на местном языке, знали суть конфликта и основных его участников, понимали роль армии в военное время. Чтобы провести подобные перемены, нужно было преодолеть сопротивление следователей, не желавших, чтобы прокуроры активно надзирали за следствием и их работой. Я не могла позволить следователям взять верх. По опыту своей работы в Швейцарии я понимала, что именно прокурор отвечает за представление дела в суде. Разумеется, ему необходимо иметь возможность контролировать следствие с самого начала и направлять работу следователей. Прокурор должен построить обвинительное заключение, а также определять направление расследования. Только он может оценить, достаточно ли собранных доказательств для того, чтобы представлять обвинительное заключение судье.

Большинство следователей было способно собирать доказательства вины первых лиц государства, но Для этого они должны были подчиняться конкретным приказам и следовать указаниям прокуроров. Однако ряду следователей не хватало ни опыта, ни способностей для того, чтобы справиться с подобной задачей.

Как любая международная организация, работающая по правилам ООН, трибунал по бывшей Югославии должен был собрать огромный коллектив следователей и юристов со всех концов света. В составе трибунала плечом к плечу работали люди разных культур. Они говорили на разных языках, у них были разные системы ценностей. Эти люди по-разному относились к власти, и некоторые их них не могли допрашивать свидетелей и подозреваемых, занимавших высокое положение. Кадровые проблемы в подобной ситуации неизбежны. Конечно, я никоим образом не хочу сказать, что следователи из западных стран были более или менее компетентны, чем их коллеги из Азии, Африки или менее развитых стран.

Принимая кадровые решения, люди, руководившие следственной службой, отдавали предпочтение детективам, имевшим за плечами годы «опыта работы на улице». Они умели ловить убийц, насильников и других преступников, а также получать информацию о подобных преступлениях от свидетелей. Именно поэтому прокурорская служба добилась таких впечатляющих успехов в сборе доказательств фактических преступлений. Но у этих следователей не было опыта ведения дел против представителей политической или военной элиты. Ведь лидеры не принимали участия в реальных убийствах и изнасилованиях, даже не присутствовали на местах преступлений. Для доказательства их вины следовало проводить совершенно иную работу. Лишь немногие следователи имели образование выше среднего. Практически никто не знал ни слова по сербо-хорватски, не говоря уже об албанском языке. Мало кто умел грамотно писать на английском или французском языках, хотя они и являлись официальными языками трибунала, а для многих следователей они были еще и родными. В результате следователи поставляли нам горы свидетельских показаний, большая часть которых оказывалась совершенно бесполезной для формирования обвинительных заключений в отношении высокопоставленных преступников. Я даже не могу привести примера: информация, содержащаяся в этих документах, была настолько не связана с делом, что не оставила никакого следа в моей памяти. Мне не нужно знать биографию свидетеля преступления, как не нужны были истории жизни тех решивших развестись несчастных людей, дела которых я когда-то рассматривала в Лугано. Мне нужны были факты, связанные с преступлением, которые доказывали бы причастность к нему политических лидеров, генералов или руководителей тайной полиции. Я обнаружила, что для суда у нас есть 200 свидетелей, причем 150 из них — свидетели конкретных преступлений.

То, что следователи не имели никакого представления о сути военного конфликта в Югославии, оказывало самое пагубное влияние на следствие. Это влияние становилось наиболее очевидно, когда они допрашивали потенциальных свидетелей, положение которых позволяло им располагать крайне важной информацией о принятии политических и военных решений. Эти люди были очень близки к тем, кто принимал такие решения. Постепенно до меня начали доходить слухи о том, насколько неумело некоторые следователи допрашивали важных свидетелей — дипломатов, сотрудников службы внутренней безопасности и политиков. Руководители следственных бригад прокурорской службы не понимали, какой ущерб подобные методы ведения

следствия оказывают на репутацию всего трибунала в целом.

Я узнала, например, о двух попытках допросить бывшего руководителя тайной полиции Хорватии Йосипа Манолича. Этот пожилой человек мог стать чрезвычайно важным свидетелем и дать показания против видных хорватских политиков и военных, которые принимали участие в военной кампании, развязанной Туджманом ради захвата части территории Боснии и Герцеговины и создания Великой Хорватии. Во время первой попытки допросить Манолича (середина 90-х годов) следователь кричал на него, обвиняя в военных преступлениях, словно этот человек, на протяжении нескольких десятилетий возглавлявший тайную полицию, был обычным уличным хулиганом, а следствию нужно было выбить из него информацию о мелкой краже, совершенной по соседству. «Больше я на ваши вопросы отвечать не буду», — сказал Манолич и выгнал следователей. Второй раз его пытались допросить в конце 90-х годов. В допросе принимали участие два следователя, которые представления не имели о бывшей Югославии и ни слова не понимали по сербохорватски. Через пять минут после начала допроса Манолич что-то сказал о службе военной разведки в югославской национальной армии. На сербо-хорватском языке эта служба называлась *Kontraobavestajna sluzba*, или КОС. Любой, кто хоть немного читал о войнах в бывшей Югославии, должен испытывать ужас при одном лишь упоминании этой аббревиатуры. Тем не менее, следователи попросили Манолича расшифровать сокращение, потому что не знали, что оно означает. «Так зачем же мне терять с вами время?» — сказал Манолич. На этом допрос и прекратился. Представьте, что произошло бы, если бы бывший глава КГБ в годы холодной войны оказался на Западе, и следователь ЦРУ попросил его расшифровать аббревиатуру К-Г-Б. Профессиональный разведчик (а Манолич был именно профессиональным разведчиком), добровольно согласившийся дать показания, не потерпел бы от следователя подобного невежества. Вряд ли в подобной ситуации кто-нибудь согласился бы доверить такому следователю и институту, который он представляет, свою жизнь и будущее. Убедить Манолича дать показания смогли только прокуроры и аналитики, которые говорили на сербо-хорватском и хорошо знали ситуацию в Югославии. Но случилось это лишь в 2005 году, все остальное время было потеряно даром. А ведь Манолич был всего лишь одним из огромного множества важных свидетелей, с которыми обошлись подобным образом.

Проблемы возникали и у прокуроров. Немногие юристы, работавшие в прокурорской службе, были способны контролировать сложные расследования или анализировать горы

документов на местном языке для того, чтобы сформулировать обвинительное заключение. Еще меньше сотрудников тратили время и силы на то, чтобы разобраться в глобальных проблемах или обратиться за помощью к аналитикам и другим специалистам по Балканам. Неудивительно, что многие проекты обвинительных заключений отличались поразительной поверхностностью. Уильямсон и Другие предупреждали меня, что квалифицированным Юристам работа в прокурорской службе давно наскучила, и они подыскивают себе новые места. Процесс подбора кадров никоим образом не способствовал приходу в трибунал людей, обладающих необходимыми качествами. Нам были нужны знающие аналитики, работающие в политической и военной сферах, люди, имеющие опыт работы в разведке или в группах по расследованию действий организованной преступности. У многих сотрудников прокурорской службы представление о конфликте в Югославии сформировалось на основе показаний свидетелей из одной конкретной деревни, одного региона и одной национальности. В результате они не могли верно оценить относительную значимость отдельных событий, документов и целей в общем контексте войны. Они легко поддавались влиянию заинтересованных сторон, так как у них не было критериев оценки важности свидетелей и достоверности полученных от них показаний.

И, наконец, люди, руководившие следственными бригадами, ничего не делали для того, чтобы исправить ситуацию. Вместо того чтобы пригласить человека, обладающего более высокой квалификацией, или стимулировать сотрудников к повышению образовательного уровня, они, напротив, отдавали предпочтение людям с «уличным опытом» и сознательно избегали следователей с образованием. Каждая следственная бригада строила собственную стратегию и работала в соответствии с ней. Руководство не могло обеспечить сбора материала, необходимого для составления серьезного обвинительного заключения. Во многих случаях приходилось иметь дело с материалами, представленными членами следственных бригад, не стремящимися представить общую картину. В результате мы располагали лишь теми материалами, на основании которых невозможно было представить дело в суд. Из-за отсутствия эффективного руководства работа трибунала во многом зависела от качества следственных бригад. Идея распределения ресурсов соответственно значимости дел не осуществлялась на практике, поэтому огромные средства и силы тратились на малозначимые дела, а дела значительные откладывались или вовсе игнорировались. Работа следственных бригад усиливала

негативное отношение к трибуналу. Многие считали Международный трибунал по бывшей Югославии политической марионеткой. В Югославии наша работа не пользовалась ни поддержкой, ни доверием. Нам было крайне трудно принести на Балканы «мир через правосудие».

Возможности прокурорской службы по проведению сложных расследований, связанных с виновностью первых лиц государств, сокращались, хотя благодаря изменению политической ситуации в Хорватии и Сербии потенциал расследования действий и обвинений в адрес лидеров этих стран, которые несли полную ответственность за преступления, совершенные в годы войны, значительно возрос. В прокурорской службе оставалось все меньше людей, способных вести подобные расследования и поддерживать обвинение в суде.

Мы с сотрудниками обсуждали возможность пополнения штата людьми, имеющими опыт сложных политических расследований и обвинений, а также специалистов по Балканам. Наша стратегия заключалась в том, чтобы все расследования имели четкие цели, и чтобы работа координировалась профессиональными и ответственными прокурорами. Нам хотелось определить так называемый порог ответственности, которым могли бы руководствоваться следователи и юристы, а затем применить этот показатель ко всем сторонам, участвовавшим в конфликте. (Таким образом, вместо того, чтобы расследовать преступления по командной структуре снизу вверх, мы могли бы по мере возможности работать сверху вниз.) Мы ставили вопрос о том, чтобы следователи вели простые допросы и собирали вещественные доказательства, но при этом не имели возможности контролировать процесс определения стратегии. Мы хотели пригласить следователей, имевших опыт работы с организованной преступностью и участвовавших в других сложных расследованиях, а также умевших качественно работать с документами. Нам необходимо было выработать процедуру анализа собранных материалов юристами и аналитиками, после чего можно было бы приступать к составлению обвинительного заключения.

Рассмотрев эти и другие предложения, я передала контроль над работой всех следственных бригад старшим прокурорам. Каждый из них отвечал за расследование нового дела и формирование по нему обвинительного заключения. Я постаралась увеличить количество прокуроров и в особенности старших прокуроров. Только так мы могли справиться с возросшей нагрузкой по надзору за следствием. Я сообщила в Нью-Йорк, что мы вполне способны самостоятельно оценивать

работу наших сотрудников и хотим использовать систему внутренних повышений. Это позволило нам перевести ряд прокуроров на должности старших прокуроров. Одним из самых идиотских ограничений, с которыми мы столкнулись, было требование о том, чтобы старшие прокуроры имели не менее 15-ти лет стажа. У меня были отличные прокуроры, имевшие вдвое меньший стаж. Мы изменили это правило. Вы не поверите, сколько раз мне приходилось бороться с *muro di gomma* в Секретариате ООН! Кофи Аннан оказывал мне всяческую поддержку, но в некоторых случаях даже его авторитет не помогал справиться с бюрократическими препонами.

Я получила возможность контролировать тех, кто руководил расследованиями. Как я уже говорила, обычно я позволяла старшим прокурорам спокойно заниматься порученными им делами, но с этого момента потребовала, чтобы они регулярно сообщали мне о ходе расследований и подготовки дел для суда. По моему требованию кабинеты старших прокуроров перенесли на мой этаж, что позволило обеспечить более тесный контакт. Каждое утро прокуроры докладывали мне о результатах работы и о возникших проблемах, а также сообщали о том, какая моя помощь требуется им в обеспечении контакта с национальными правительствами. Пожалуй, мне и раньше следовало почаще ходить по коридорам и бывать в следственных бригадах.

Я никогда не требовала и не ожидала слепого подчинения. Прокуроры, как известно, ужасные эгоисты и гордецы, и я не являюсь исключением. Иногда старшие прокуроры игнорировали мои приказы и делали то, что считали нужным. Разумеется, узнав о подобном, я приходила в ярость. В некоторых случаях такую непокорность можно было оставить без последствий, так как эти люди приходили ко мне и убеждали в том, что их действия и позиция по конкретному делу были правильными. В других же я не стеснялась откровенно высказать свое мнение, после чего следовали довольно жаркие дебаты. Лишь в 2005 году Нью-Йорк позволил нам ввести новую должность для обеспечения согласованной работы прокурорской службы по самым сложным в юридическом отношении делам. Этот пост занял Норманн Фаррелл. За несколько лет ему не раз доводилось весьма успешно выступать в роли миротворца. Кроме того, мы пытались координировать различные расследования, чтобы избежать дублирования и обеспечить эффективный обмен информацией.

В прокурорскую службу пришли новые военные аналитики и специалисты по Балканам. Они помогали старшим прокурорам. Мы также пригласили больше сотрудников из стран бывшей Югославии — сербов, хорватов, боснийцев и албанцев, которые

знали ситуацию изнутри и сами участвовали в разрушении собственной страны. Раньше это было невозможно, по-видимому, из соображений безопасности. Мой помощник Флоренс Хартманн стала для меня настоящей энциклопедией по Югославии. Она всегда поддерживала меня, когда я настаивала на том, чтобы следователи уделяли больше внимания высокопоставленным лицам и доказывали их связь с международными военными преступлениями даже в тех случаях, когда сотрудники, работавшие на местах, докладывали, что не нашли никаких доказательств. Я заменила и руководителя следствия, предложив этот пост Патрику Лопес-Терресу. Этот французский следователь исполнял в трибунале обязанности старшего прокурора. Очень скоро недовольные сотрудники заговорили о возникновении в прокурорской службе настоящей французской мафии.

Во многих смыслах работа следственных бригад трибунала по Руанде была более прямолинейной, чем в трибунале по Югославии. Но в Аруше были свои проблемы. Руандийское правительство критиковало трибунал за медлительность. Обвинения были вынесены лишь немногим подозреваемым. Я отреагировала на эту критику, осуществив кадровые перестановки в прокурорской службе.

Сложности, с которыми мы столкнулись в Аруше и Кигали, заключались в недостатке и некомпетентности сотрудников. Как я уже говорила ранее, эти проблемы стали очевидны во время первых слушаний в Аруше в ноябре 1999 года. Старший прокурор стоял в зале суда и делал заявление, несправедливость которого прекрасно понимали и он сам, и я. Судьи не обратили на это никакого внимания. После слушания я набросилась на прокурора:

— Что вы делаете? Почему вы солгали суду?

— А почему вас это беспокоит, мадам прокурор? Это не имеет никакого значения.

Я не могла поверить собственным ушам. Прокурор заявляет своему новому начальнику о том, что лгать в суде совершенно естественно! «Нет, — возмутилась я. — Это имеет значение, и это абсолютно неприемлемо!»

Я уволила этого человека из прокурорской службы и перевела его в другой отдел, где ему более не представлялось возможности выступать в зале суда, поддерживая обвинение, находившееся под моим контролем. Он не жаловался, потому что сумел, хотя бы на время, закрепиться в отделе юридических консультантов. Позже я окончательно уволила этого человека, так как его работа была абсолютно неудовлетворительной. На этот раз он пожаловался и получил работу в Секретариате трибунала по Руанде, где уже не находился в моем подчинении.

Руководитель следствия трибунала по Руанде уволился вскоре после моего приезда. Мне пришлось срочно искать ему замену. В начале 2000 года я узнала, что Луиза Арбур предлагала эту должность одному из моих старых знакомых по Швейцарии, бывшему шефу полиции Женевы, Лорану Вальпену. Я встречалась с ним, когда выдвигала обвинение в шпионаже против одного из его офицеров. Вальпен был первоклассным полицейским и руководил службой безопасности швейцарской армии. Процедура рассмотрения новой кандидатуры в ООН настолько длительна, что к моменту, когда предложение Арбур наконец поступило, Вальпен уже нашел себе другую работу. Я была в отчаянии. Я не знала, где найти человека, который мог бы занять пост руководителя следствия в Кигали. Поэтому я решила все же позвонить Вальпену.

«*Bonjour*, Лоран, — сказала я. — Как погода в Женеве?» Когда я затеяла ничего не значащую беседу по-французски, перемежая ее итальянскими фразами, он сразу заподозрил неладное. Я перешла к делу: «Кстати, я слышала, что тебе предлагали работу руководителя следствия, и ты отклонил предложение. Но ты мне нужен в Кигали, и я хочу, чтобы ты приступил к работе с 1 мая». Вальпен отлично понял, что у него просто нет выбора. В свое время в таком же положении находилась я, когда Джованни Фальконе приехал в Лугано и искал человека для расследования банковских афер мафии.

1 мая Вальпен уже обосновался в Кигали. Очень скоро он сообщил, что служба нуждается в реорганизации, поскольку его предшественник уволился уже очень давно. Следователи работали повсюду и собирали материалы по двум тысячам подозреваемых в геноциде. Такая ситуация вполне устраивала следователей: как и их коллеги по трибуналу по Югославии, они получали весьма приличные суточные и командировочные. Поэтому следственные бригады стремились как можно больше времени проводить «в поле». Но у следствия в Кигали не было ни общей стратегии, ни централизованного архива, ни эффективной службы обработки материалов. Несколько некомпетентных следователей были уволены по истечению срока контрактов. По примеру моих предшественников, Вальпен решил сосредоточиться на трех основных сферах деятельности: правительственная бригада собирала доказательства по делам против членов руандийского правительства хуту; военная бригада занималась делами против военных хуту; бригада, отвечающая за СМИ, сосредоточилась на тех, кого подозревали в подстрекательстве к геноциду через радио и газеты. Кроме того, Вальпен создал отдел вещественных доказательств и организовал

команду, занимавшуюся поисками свидетелей и лиц, скрывающихся от следствия. В состав каждой команды входил аналитик-криминалист и специалист по преступлениям против женщин и детей. Это значительно повысило техническую эффективность следствия.

Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы понять, что и здесь существует проблема компетентности. В отличие от прокурорской службы трибунала по Югославии, служба в Аруше была полностью укомплектована прокурорами. Однако, начав обсуждать с этими людьми юридические и фактические вопросы, я тут же выяснила, что около десятка из них не обладают необходимыми опытом и знаниями. В результате нагрузка на остальных сотрудников резко возрастала, что сказывалось на качестве заключений, выдаваемых прокурорской службой. Я ездила в Арушу на три недели через каждые два месяца, используя это время для того, чтобы присутствовать в суде и наблюдать за работой своих юристов. Даже тогда я не имела возможности следить за слушаниями по монитору в своем кабинете. Некоторые заседания были настолько слабыми, что мне казалось, что убийцы и насильники могут легко избежать наказания. Я помню, что в прокурорской службе работал один европеец, всю жизнь занимавшийся академической работой и не имевший ни практических знаний по процедуре, ни опыта работы в суде. Другой прокурор вообще был неспособен к прокурорской работе: он не мог понять сути дел, над которыми работал. Некоторые прокуроры появлялись на работе пьяными. Помню, как захотела встретиться с одним из них рано утром. Дверь в его кабинет была открыта, горел свет. Но этот человек появился только на следующий день и никак не мог объяснить свое отсутствие. Мне пришлось организовать контроль посещаемости, чтобы убедиться в том, что сотрудники действительно находятся на своих рабочих местах. 13 декабря 2000 года на брифинге в Аруше я объявила о том, что три прокурора скоро лишатся своей работы.

Если я понимала, что сотрудник не обладает должной компетентностью, то сначала приглашала его к себе, чтобы обсудить возникшие проблемы. Некоторые люди признавали, что не подходят для такой работы, и немедленно увольнялись. Другим я сообщала, что их контракты не будут продлены, и предлагала уволиться по собственному желанию. Впрочем, не возобновить контракт тех, кто отказывался увольняться, было довольно сложно, поскольку бюрократия ООН разработала сложнейшую процедуру. Человек мог подать жалобу, и тогда начиналось настоящее следствие, приезжали проверяющие из

Нью-Йорка, время и силы тратились даром. А я не могла себе этого позволить. Если следователи просили меня ответить на их вопросы в письменной форме, я поручала это дело кому-нибудь из сотрудников. Семь сотрудников прокурорской службы, шесть африканцев и один индиец, пожаловались на то, что я приняла решение об их увольнении по расовым соображениям. Это было ужасно!

Я отправилась в Нью-Йорк и сообщила, что мне нужно назначить новых старших прокуроров в трибунале по Руанде, иначе мы не сможет выполнить свои задачи в разумный срок. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан спросил, что мне мешает назначить новых сотрудников. Я ответила, что существующая процедура назначений крайне длительна и неэффективна. Аннан выслушал меня, а потом попросил свой юридический отдел позволить нам ускорить и упростить процедуру назначения старших прокуроров.

Позже я решила заменить товарища прокурора, Бернарда Муну. Во время моих первых приездов в Арушу у нас не возникало никаких проблем. Однако через год или около того я обнаружила, что Муна не выполняет моих приказов. Я хотела, чтобы он жил в Аруше и контролировал подготовку дел для суда. В Кигали было достаточно Вальпена, который руководил следствием. Но Муна не хотел жить в Аруше. Я узнала, что, когда я находилась в Аруше, Муна соблюдал все формальности. Но стоило мне уехать в Гаагу, как он запирал кабинет и, как обычно, отправлялся в Кигали заниматься собственными делами. Муна — очень приятный, интеллигентный человек, прирожденный политик. Он отлично находил общий язык с правительством Руанды. При его помощи мы сумели добиться сотрудничества со стороны руандийского правительства по целому ряду вопросов. Но Муна не имел опыта прокурорской работы и плохо представлял себе этот род деятельности. Это была серьезная проблема. В ноябре 2000 года он опротестовал мое решение об увольнении ряда сотрудников по причине полной их некомпетентности. Тогда я сказала: «Ваша проблема в том, что приходится подчиняться женщине, не так ли?» И он ответил: «Да!»

В начале апреля 2001 года я заявила, что не продлю контракт с Муной. Во время переговоров в Нью-Йорке я говорила Кофи Аннану, что мы с Муной договорились о том, что он не будет продлевать контракт, срок которого истекает на следующей неделе. Но я узнала, что за моей спиной Муна написал Аннану письмо с просьбой продлить контракт. По уставу трибунала по Руанде товарища прокурора назначает генеральный секретарь

ООН по рекомендации главного прокурора. Я сказала Аннану, что более не доверяю Муне. Начались поиски подходящего кандидата на эту должность. Мне нужен был опытный и знающий заместитель, и лучше всего — из Африки. Я считала очень важным то, чтобы такую работу выполнял африканец. Поиски затянулись гораздо дольше, чем мы предполагали.

Кроме кадровых проблем, нам необходимо было определить приоритеты своих целей и выбрать, какие дела расследовать в трибунале, а какие — оставить руандийскому правосудию. Работу следствия мы организовали так же, как в трибунале по Югославии. Каждый старший прокурор вел собственное дело или ряд дел, объединенных общей темой. Старший прокурор должен был обладать полной информацией, ежедневно контактировать со своей следственной бригадой и координировать работу следователей. Я следила за тем, чтобы один прокурор в каждой бригаде находился в Кигали. Он-то и должен был контактировать со старшим прокурором в Аруше, который отвечал за конкретное дело. Я просила прокуроров выезжать на места преступлений вместе со следователями, если речь шла о допросе важных свидетелей или о сборе серьезных вещественных доказательств.

Самым болезненным вопросом оставалось определение приоритета подозреваемых, поскольку в Руанде количество жертв выходило за всякие пределы. Когда я впервые оказалась в Аруше, следователи собирали информацию примерно о двух тысячах лиц, подозреваемых в *геноциде*. Мы быстро сократили это количество до двухсот, это был наш список «Г». Затем список пришлось сократить еще раз, поскольку трибунал подвергся сильнейшему давлению извне.

Такова абсурдная реальность, с которой сталкиваешься, оказавшись в системе ООН. Нельзя сказать, что это вина самой организации. Деятельность ООН подвержена сильному политическому влиянию. Например, у нас был подозреваемый, которого можно было обвинить в убийстве 6 тысяч человек. Но мы решили не преследовать его, потому что он занимал недостаточно высокое положение. Мы не были уверены в том, что этот человек вообще когда-нибудь окажется под судом: количество дел, рассматриваемых системой правосудия Руанды, настолько велико, что для их рассмотрения требовалось не менее ста лет.

Еще более абсурдной казалась тюрьма в Аруше. Я посетила ее, когда заключенные находились в классах. Это было удивительно. Английскому языку заключенных обучала женщина. Они сидели на скамейках за партами, как обычные школьники, а ведь всех их обвиняли в геноциде. По классу прошел шепот: «Это

мадам прокурор, мадам прокурор…» И все встали, словно школьники при появлении директора школы. Друг за другом они пожали мне руку. Их руки были такими мягкими, такими слабыми… Иногда они говорили: «Рад с вами познакомиться». Кое-кто представлялся, и тогда я вспоминала убийства и другие преступления, в которых обвиняли этих людей. Ситуация казалась мне абсолютно нереальной. Те же самые обвиняемые организовали нечто вроде правительства Руанды в изгнании. Они собирались прямо в тюрьме и планировали возвращение к власти.

На стене тюремной кухни я увидела листы бумаги с перечнем продуктов. «Что это?» — спросила я. Кто-то объяснил мне, что для каждого заключенного разработано собственное меню, потому что они следят за количеством калорий. Для каждого готовили обеды, словно они совершали трансатлантический перелет в первом классе самолета компании Swissair. Одному требовалось обезжиренное молоко, другой предпочитал цельное; один ел мясо, но не употреблял рыбу, иному же нужно было подавать рыбу, а не мясо. Персональное меню для массовых убийц и насильников!

Ситуация выходила за пределы разумного. Те, кто уцелел после преступлений, в совершении которых обвиняли этих мужчин (и одну женщину), не выбирали, есть им на обед мясо или курицу. Не было такого выбора ни у обычных руандийцев, вернувшихся на родину, ни у сотен тысяч беженцев в соседних странах. У них не было врачей, не было лекарств от СПИДа, их никто не обучал английскому. Самые смелые наши свидетели не имели ничего. Я спросила, что мы можем сделать для людей, которые нашли в себе храбрость дать показания, и тут же подверглась критике. Адвокаты обвиняемых заявили, что я пытаюсь подкупить свидетелей.

Расположение нашего офиса в Аруше, то есть в двух часах лету от Кигали, также порождало массу проблем. Несколько раз я пыталась убедить Кофи Аннана и его юристов в том, что нужно перевести трибунал по Руанде в Кигали. Я знала, что руандийское правительство поддержит такой переезд. Мне даже казалось, что Секретариат и судьи готовы переехать. Но это было невозможно. Во-первых, приходилось думать о безопасности. Даже когда угроза безопасности исчезла, остались другие проблемы. Трибунал по Руанде приносил приличный доход Танзании. До открытия трибунала Аруша была обычной большой деревней, теперь же она превратилась в оживленный город. На трибунал работало более тысячи человек. Домовладельцы получали квартирную плату. Домашняя прислуга и водители были нарасхват. Строители строили новые дома. В город приезжали

целыми семьями. Но все же я продолжала просить перенести ряд слушаний в Кигали. Для этого Евросоюз должен был выделить средства. Мне не удалось добиться даже этого.

Глава 6
Борьба с Белградом: 2002–2003 годы

Я не знала, известно ли миру о проблемах, возникших у трибунала в связи с подготовкой и проведением суда над Милошевичем. Сложности самого дела… стратегия и тактика Милошевича… конфликты людей и культур внутри прокурорской службы… трудности с привлечением свидетелей и обеспечение показаний высокопоставленных иностранных лидеров и дипломатов… обструкция со стороны Коштуницы и его сторонников, а также ставленников Милошевича в югославской армии, сербской полиции и разведке. Все это явилось серьезным испытанием для наших сотрудников.

Самой сложной юридической проблемой стало доказательство связи Милошевича с множеством преступлений, совершенных в сотнях миль от его кабинета, в том числе с геноцидом в Сребренице и преступлениями, связанными с осадой Сараево. Эти преступления совершались в трех разных регионах: в Республике Хорватия, Республике Босния и Герцеговина и в Косово. Юридически край Косово оставался частью Сербии, но с июля 1999 года не подчинялся белградскому правительству. Сбор важных доказательств и привлечение серьезных свидетелей требовали следственных и дипломатических действий в четвертом регионе — в Сербии, то есть в стране, где люди, которые отдавали приказы и сами совершали военные преступления, все еще работали в органах государственной безопасности и разведки, в югославской армии и состояли в криминальных структурах. Надо сказать, что государственные органы были самым тесным образом связаны с криминальными структурами. Первоначальное обвинение против Милошевича, выдвинутое Луизой Арбур весной 1999 года, касалось только преступлений, совершенных в Косово. Лишь осенью 2001 года в судебную палату поступило обвинительное заключение против Милошевича в вязи с преступлениями в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

Канадский прокурор Дирк Райнвельд уже занимался косовскими обвинениями. Расследование конфликта в Боснии и Герцеговине я поручила бывшему прокурору Нью-Йорка, Дермоту Груму. Опытный немецкий прокурор Хильдегард Эрц-Рецлафф занялась расследованием связи между Милошевичем и преступлениями, совершенными во время конфликта в Хорватии в 1991 году. Главными следователями по делам Милошевича

были Кевин Кертис (он отвечал за Косово), Берни О'Доннелл (Босния и Герцеговина) и Джин Ченчич Хорватия).

Устав трибунала по бывшей Югославии, в котором определялись способы участия обвиняемых в преступлениях, также создавал серьезную проблему. Положения устава идеально подходили для конкретных исполнителей преступлений, то есть для тех, кто лично нажимал на курок. Но для обвинений в адрес политических лидеров они не подходили. По статуту, например, заговор не являлся преступлением, за Исключением заговора с целью совершения геноцида.

Прокурорская служба не собиралась доказывать, что Милошевич лично отдавал приказы совершать массовые казни. Мы стремились доказать, что он разработал стратегический преступный план и привел его в действие, пользуясь собственной властью сначала президента Сербии, а затем президента Югославии. В октябре 2000 года Грум и Ченчич прислали мне документ, в котором излагали свои соображения по повышению эффективности работы прокурорской службы в отношении ведущих политических лидеров. Они рекомендовали мне применить доктрину «общей цели» (*common purpose*). Впервые она была применена после Второй мировой войны в Нюрнберге и Токио в тех случаях, когда несколько преступников работали совместно ради достижения цели, не останавливаясь перед совершением преступлений. Апелляционная палата, рассматривавшая дело Тадича, определила, что в уставе трибунала по бывшей Югославии данная концепция реализована в слове «поручать» (*commit*) [преступление]. Палата предложила, чтобы этот юридический принцип применялся в тех случаях, когда высшие политические лидеры входили в преступную группу с целью совершения международных преступлений. Позже эту концепцию назвали «совместным преступным предприятием» (*joint criminal enterprise*). Она стала эффективным средством выдвижения обвинений против высокопоставленных политиков, участвовавших в преступлениях на стратегическом уровне.

Давление на прокурорскую службу усиливалось еще и в силу недостатка времени. Между депортацией Милошевича в Гаагу до дня открытия судебных слушаний прошло семь месяцев. Для такого сложного дела этот период крайне мал. Мы должны были найти свидетелей, а также заставить Белград предоставить нам важные документы и позволить следователям работать в Сербии. Нужно было внимательно допросить свидетелей и убедить их дать показания. Судебная палата ограничила работу прокурорской команды жестким сроком. Затем, явно с целью сократить и без того ограниченное время, Милошевич объявил,

что будет защищать себя сам. Председательствующий судья Ричард Мэй пытался разъяснить ему, что дело состоит из множества томов, массы свидетельских показаний и вещественных доказательств. По мнению судьи, эффективно защищаться самостоятельно в такой ситуации невозможно. Но Милошевич остался непреклонен. Прокурорская служба направила в судебную палату запрос с требованием, чтобы он все же взял себе адвоката или чтобы такой защитник был назначен судом. Однако суд решил позволить обвиняемому защищаться самостоятельно. Все просьбы прокурорской службы остались без внимания. Милошевич прекрасно понимал, что не сможет эффективно защищаться без помощи адвоката. Но юридическая сторона дела его не беспокоила, он предпочел линию политической защиты. Милошевич постоянно апеллировал к своим националистически настроенным сторонникам в Сербии, Каждый день слушаний он использовал для политических обличений. Так не должно было быть. В Швейцарии и других странах считается, что обвиняемый не может объективно оценивать дело. Если он не может оплатить услуги адвоката, то защитника назначает суд. Если бы судьи с самого начала проявили непреклонность и потребовали назначения адвоката, Милошевичу пришлось бы подчиниться. Тогда у него не было бы возможности политизировать этот судебный процесс.

По моему мнению, судьи судебной палаты придавали чрезмерное значение справедливости суда. В результате возникла ситуация, которая оказалась несправедливой по отношению ко всем, в том числе и к Милошевичу. Нерешительность судей была слабостью, и Милошевич ее немедленно использовал. Стоило ему добиться своего, как по его пути пошли и другие обвиняемые, например: хорватский генерал Слободан Праляк, обвиняемый в связи с попыткой Туджмана разделить Боснию и Герцеговину; Момчило Крайишник, впоследствии приговоренный к 27 годам заключения за участие в казнях, уничтожении мирного населения, убийствах, депортациях и других преступлениях; Воислав Шешель, сербский националист, союзник Милошевича, возглавлявший печально известное вооруженное формирование. (В деле Шешеля суд проявил твердость и не позволил ему защищаться самостоятельно. Шешель объявил голодовку, и апелляционная палата отменила принятое решение.)

«Защита» Милошевича требовала огромного количества времени в ходе заседаний. Он получил возможность задавать множество не относящихся к делу политических и исторических вопросов, приводить сомнительные аргументы. Прокурор не имел противника, равного себе юриста, с которым можно было бы

обсуждать конкретные факты или решать технические вопросы. В сложившейся ситуации судьям приходилось постоянно обсуждать незначительные вопросы, в том числе детали содержания Милошевича в тюрьме трибунала. Причем решались эти вопросы в ходе заседаний, а не в другое время. Назначение для их решения трех юридических советников, *amici curiae*, не исправило положения дел. Это была насмешка над судебной практикой, согласно которой такие советники имеют право консультировать судей. Три юриста — по одному из Нидерландов, Англии и Сербии — явно оказывали поддержку Милошевичу.

По мере продолжения судебного заседания суд изыскивал все новые препятствия для работы прокурорской службы. Милошевич жаловался на повышенное кровяное давление, и судебная палата постановила уменьшить нагрузку на обвиняемого, ограничив время дачи показаний. Очень часто судебные заседания откладывались на несколько дней. Впоследствии Милошевич стал игнорировать советы врачей и начал манипулировать приемом лекарств. Давление у него подскакивало, что вынуждало врачей сообщать суду о том, что подсудимый временно не в состоянии выдержать нагрузки открытого слушания. Прокурорская команда обратила внимание на то, что давление у Милошевича всегда поднималось перед появлением особенно опасных для него свидетелей.

Разногласия, связанные со структурой обвинительного заключения, являли собой еще одну проблему. Нашей целью было объединение трех обвинений против Милошевича в единый процесс и представление дела в хронологическом порядке. Если бы прокурор начал с представления доказательств, связанных с войной в Хорватии в 1991 году, потом перешел к войне в Боснии и Герцеговине с 1992 по 1995 годы, а затем — к преступлениям, совершенным в Косово в 1998–1999 годах, можно было бы проследить формирование и развитие преступных намерений Милошевича в меняющихся обстоятельствах. В конце 2001 года мы направили в судебную палату запрос на объединение трех обвинений в один процесс. У нас было немало оснований для такого запроса, кроме желания представить материал в хронологическом порядке.

Во-первых, основополагающий принцип уголовного права гласит, что обвиняемый имеет право быть судимым за все преступления, которые ему вменяют. Во-вторых, жертвы имеют право рассчитывать на справедливое и равное правосудие: жертвы из Боснии и Герцеговины, где были совершены самые вопиющие преступления, заслуживали такого же отношения, как и жертвы из Косово и Хорватии. В-третьих, прокурорская служба хотела

выиграть время: обвинение по Косово было подготовлено хуже всего просто потому, что срок, отведенный на следственные действия, в особенности в Сербии, был весьма ограничен. Судебная палата отклонила прокурорский запрос и постановила, что слушания начнутся с обвинения по Косово. Прокурор оспорил отклонение запроса. Апелляционная палата отменила первоначальное решение и постановила объединить все три обвинения в единый процесс. Недовольные этим решением судьи судебной палаты, Ричард Мэй, Патрик Робинсон с Ямайки и О-Гон Квон из Южной Кореи, немедленно постановили, что суд над Милошевичем начнется с разбирательства обвинений по преступлениям, совершенным в Косово, тем самым полностью проигнорировав планы прокурорской команды. Я считаю, что судьи судебной палаты решили наказать прокурорскую службу, оспорившую их решение по запросу об объединении дел. Это имело очень серьезные последствия.

Осенью 2001 года товарищ прокурора Грэм Блуитт и руководитель прокурорской службы американец Майкл Джонсон отправились в Лондон, чтобы пригласить британского барристера Джеффри Найса, который был старшим прокурором трибунала по бывшей Югославии, подключиться к делу Милошевича. Вернувшись в Гаагу, они сообщили мне, что Найс принял предложение. Лишь позже я узнала, что, по настоянию Найса, они согласились назначить его руководителем, координирующим работу трех старших прокуроров, курирующих различные обвинения. Таким образом, Найс становился начальником Райнвельда, отвечавшего за Косово, Грума, курирующего расследование по Боснии и Герцеговине, и Эрц-Рецлафф, занимавшейся Хорватией. У Джеффри Найса была прекрасная репутация, но он имел склонность окружать себя людьми, не оспаривавшими его точку зрения. Это делало конфликты с другими старшими прокурорами абсолютно неизбежными. Найс не терпел, когда вышестоящие руководители, которых он не уважал, оспаривали его мнение или отменяли принятые им решения. В трибунале таким руководителем, работавшим в другой стране и в другой юридической системе, оказалась я. Не знаю, могла ли я предвидеть конфликты, которые постоянно возникали между нами. Но даже если бы я это предвидела, то, думаю, не могла бы ничего сделать для их предотвращения.

Открытию процесса над Милошевичем предшествовала огромная работа по подготовке документов, вещественных доказательств, показаний свидетелей. Мы были готовы к тому журналистскому карнавалу, какой развернулся перед зданием трибунала в день начала процесса. На первом заседании суда я

решила обратиться к судебной палате. Я призывала судей к размышлению, просила их представить себе горе и страдания, причиненные людям конфликтом в бывшей Югославии. Достаточно вспомнить хотя бы, что этот конфликт обогатил наш лексикон выражением «этническая чистка», которое стало символом бесчеловечности. Я говорила о том, что закон — это не абстрактная концепция, а живой инструмент защиты наших ценностей и регулирования жизни цивилизованного общества. Мы призваны доказать, что никто не может стоять над законом и попирать международное правосудие.

Я призываю обвиняемого Милошевича признать все обвинения против него. Я делаю это от лица международного сообщества и во имя всех государств-членов ООН, в том числе и государств, возникших на территории бывшей Югославии. Обвиняемый по этому делу, как и по остальным делам, рассматриваемым трибуналом, обвиняется как личность. Мы обвиняем его на основе его личной уголовной ответственности. Сегодня мы не судим ни государство, ни организацию. Мы не собираемся обвинять целый народ в совершении преступлений, даже в осуществлении геноцида. Обвиняя руководителей высшего звена, весьма соблазнительно перенести обвинение на весь народ, но такой ошибки следует избегать. Коллективная вина — не дело прокурора. Наш трибунал не созван для того, чтобы рассматривать коллективную вину…

Великолепный тактик и посредственный стратег, Милошевич стремился лишь удовлетворить собственное честолюбие, и ценой стали невыразимые страдания тех, кто противостоял ему или представлял угрозу для его личной власти. Ваша честь, обвиняемый Милошевич использовал все средства, абсолютно все, во имя личной власти. В его поступках не стоит искать высоких идеалов. За националистическими призывами и ужасами этнических чисток, за высокопарной риторикой и банальными фразами скрывается жажда власти… Жажда власти — вот что двигало Слободаном Милошевичем… а вовсе не личные убеждения, и уж конечно не патриотизм, не честь, не расизм и не ксенофобия…

Суд, который начинается сегодня, будет рассматривать трагические судьбы тысяч жертв Милошевича — хорватов, боснийцев, албанцев… [Но жертвами обвиняемого Милошевича стали не только они]… Я говорю о сербских беженцах, которым пришлось покинуть Хорватию, Боснию, и Косово. Милошевич искусно усиливал и подпитывал их страхи, манипулируя этими людьми ради осуществления собственных преступных планов. Многие заплатили за это своими жизнями, другие потеряли дома

и надежду на будущее. Этих мужчин и женщин по праву можно причислить к числу жертв Милошевича, как, впрочем, и всех граждан Федеративной Республики Югославии, которым теперь придется восстанавливать из руин… страну, оставленную им в наследство обвиняемым Милошевичем…

Обвинение намерено доказать личную ответственность Слободана Милошевича за преступления, в которых его обвиняют… В этом заключается задача правосудия. Мы собираемся сделать это бесстрастно, постоянно вспоминая слова Иво Андрича [югославский писатель, лауреат Нобелевской премии], произнесенные им на еврейском кладбище в Сараево: «Если человечество хочет быть достойным своего имени, люди должны вместе выступить против международных преступлений, воздвигнуть мощный и надежный барьер и справедливо наказать всех тех, кто убивал отдельных людей и народы».[19]

Найс, Райнвельд, Грум, Эрц-Рецлафф, а также помогавшие им юристы, полицейские следователи, аналитики, переводчики и администраторы начали четырехлетний марафон. Эти люди представляли тысячи улик, документ за документом, расшифровку за расшифровкой, фотографию за фотографией. Они готовили и допрашивали свидетелей и собирали новые доказательства даже после начала судебного процесса. С самого первого дня Милошевич весьма неуважительно разговаривал с судьями и в особенности с судьей Маем. Он постоянно подчеркивал, что не признает юрисдикции трибунала. К судье Мэю он обращался только по фамилии, «господин Мэй», и ни разу не назвал его «ваша честь». Я помню, как однажды встретилась с судьей Мэем в коридоре. Чтобы не ставить его в неловкое положение, я не стала обсуждать нюансы дела. Я только спросила:

— Судья Мэй, почему вы сразу же не сказали Милошевичу, что не потерпите пренебрежительного обращения к себе?

— Знаете, мадам прокурор, у нас есть куда более важные проблемы, — усмехнулся судья.

— Вы правы, — согласилась я. — Но внешние формальности тоже очень важны.

Первыми свидетелями, которых вызвала прокурорская служба, были жертвы преступлений, совершенных в Косово сербской полицией, военизированными формированиями и подразделениями югославской армии. Я предупреждала, что это тактическая ошибка, связанная со значительной тратой времени. Наш процесс был назван «процессом века», но он же стал и величайшим разочарованием. Во всем мире и в особенности в Сербии и в Косово ожидали, что против Милошевича, человека,

ответственного за распад прежней Югославии, будут свидетельствовать люди его уровня: дипломаты, специалисты по международным переговорам, его собственные ставленники. Но вместо этого перед судом предстали жертвы военных преступлений. Многие из них были неграмотными крестьянами и рабочими, никогда не выезжавшими за пределы своих родных деревень и городков. Они не могли противостоять Милошевичу во время перекрестных допросов. В течение нескольких недель те, кому больше всех нужно было видеть этот суд, то есть народы Сербии, Косово и остальных стран бывшей Югославии, не получали информации. Журналисты потеряли интерес к процессу. После событий 11 сентября их интересовали совсем другие темы.

Я созвала совещание, на которое пригласила Найса, Райнвельда, Грума, Эрц-Рецлафф и других членов нашей команды, и сказала: «Это не тот процесс, который мы хотели показать миру». Я не хотела видеть, как Милошевич унижает наших свидетелей. Никогда не забуду один из устроенных им перекрестных допросов. Это было ужасно. Пожилая косовская албанка, которая была не только жертвой преступления, но и политическим лидером своего региона, оказалась не в состоянии отвечать на вопросы Милошевича. Ему быстро удалось подорвать доверие к ней суда. Милошевич пытался представить албанцев террористами. Да, действительно, свидетельница наверняка участвовала в каких-то противоправительственных действиях и не хотела в этом признаваться. Впрочем, каковы бы ни были причины, поведение Милошевича подрывало доверие к прокурорской службе и позволяло обвиняемому вербовать себе политических сторонников в Сербии.

Нам нужно было обсудить изменение тактики. Мне были необходимы свидетели-инсайдеры. Я хотела видеть на суде дипломатов и лидеров международного сообщества, которые во время войны сотрудничали с Милошевичем. Мне не нужны были доказательства расстрелов, изнасилований и других преступлений. Мне были необходимы доказательства, которые связывали Милошевича с этими расстрелами, изнасилованиями и другими преступлениями. Я сказала, что нам не следует приглашать в зал суда множество свидетелей реальных преступлений, вполне достаточно будет представить их показания в письменном виде. Милошевич, если пожелает, может подвергнуть этих людей перекрестному допросу. «Мы даем Милошевичу возможность демонстрировать свою силу. Нам нужно было изменить стратегию», — сказала я. Мои слова явно уязвили гордость некоторых сотрудников. Управлять юристами —

значит, управлять эгоцентриками. Но как я могла это сделать, находясь в организации, где плечом к плечу приходилось работать профессионалам из двух различных юридических систем — системы континентального и англосаксонского права? Мне было очень тяжело. Однако такую проблему приходится решать всем, кто работает в трибуналах по военным преступлениям.

После ареста Милошевича и его экстрадиции в Гаагу мы начали получать сигналы о том, что свидетели-инсайдеры готовы вступить с нами в переговоры. Наступил период интенсивной работы. Мы со старшими прокурорами направили юристов и следователей в Сербию и Черногорию. Они должны были обратиться к военным, полицейским и политикам, которые, по нашим сведениям, могли иметь информацию о важных событиях. К нашему удивлению, очень многие согласились дать показания и даже выступить на суде. Нам на руку сыграло то, что в Сербии стали понимать, что Милошевич — преступник, причинивший громадный ущерб родине. Свидетели, которых нашли наши следователи, начали рассказывать о важных документах. Они подсказывали, где можно их найти. Наконец в пятницу, 15 марта, против Милошевича выступил первый серьезный свидетель, лорд Пэдди Эшдаун, член британской Палаты лордов. Он вел мирные переговоры в бывшей Югославии. Лорд Эшдаун рассказал о том, как Франьо Туджман показывал ему карту Хорватии и Сербии, причем Босния и Герцеговина были практически поделены между ними. Он рассказал об убийствах сербов в Косово. Лорд Эшдаун дал важнейшие показания о природе вооруженного конфликта в Косово в 1998 году, поскольку сам был свидетелем операции югославской армии, во время которой были сожжены албанские деревни:

> Перед нами развернулся настоящий амфитеатр холмов, и каждая деревня была как на ладони. Мы слышали приказы открыть огонь и видели взрывы. Я сказал [Милошевичу], что то, чему я был свидетелем, нельзя назвать иначе, как боевые действия подразделений югославской армии. Эти действия можно было назвать только карательными, направленными на лишение невинных гражданских лиц их собственности. Военные не делали никаких различий. Подобную операцию нельзя было назвать направленной против вооруженного противника. По моему мнению, она являлась прямым нарушением международного права и наносила огромный ущерб сербам, его народу, а, кроме того, была абсолютно бесполезной… [Милошевич]

> сначала все отрицал. Он утверждал, что ничего подобного не происходило. Но я сообщил ему, что все это было в действительности. Буквально вчера я видел все это собственными глазами… Помню, как сказал, что подобные действия, на мой взгляд, — откровенное нарушение Женевской конвенции.[20]

Наконец-то я могла вздохнуть с облегчением.

На протяжении нескольких следующих месяцев поиск свидетелей по делу Милошевича и сбор важных документов (в частности, записей его бесед с высшим военным командованием, руководителями разведки и полиции) стали главным предметом обсуждения на моих встречах в Вашингтоне, Нью-Йорке и европейских столицах, а также в Белграде, Подгорице, Загребе, Сараево и Приштине. Но при этом мы не прекращали требовать выдачи скрывающихся преступников. Я говорила об этом в октябре 2001 года, когда ужинала с Уильямом Монтгомери, послом США в Белграде. Он полагал, что США и Великобритания прилагают все усилия для ареста Караджича. Но эти слова заставили меня усомниться в его искренности. «Полагаю, Коштуница согласится на то, чтобы Караджич сдался добровольно», — сказал Монтгомери, однако, уточнил, что произойти это может лишь при условии, что трибунал после ареста согласится освободить Караджича до суда. — Для Коштуницы он герой…» Еще интереснее сложилась встреча с французским министром обороны Аленом Ришаром. Мы встретились в Париже, в отеле «Бриен». Ришар по-прежнему был очарован Коштуницей и не утруждал себя дипломатическими любезностями. «Я знаю вашу позицию, — укоризненно сказал он. — Я читал об этом в прессе… Коштуница может изменить Югославию… Ваши следствия и обвинения бесконечны. Настало время подвести черту».

«Да, — подумала я, — но не по другую сторону безнаказанности…»

В начале весны 2002 года мы с советниками вернулись в Вашингтон. Настало время определить, действительно ли Сербия и Черногория эффективно сотрудничают с трибуналом. От этого зависело решение Госдепартамента о предоставлении финансовой поддержки этим республикам. Кроме того, Вашингтон мог повлиять и на другие страны, участвующие в программе международной помощи. Первым нашим собеседником был самый верный сторонник Трибунала в администрации Буша, госсекретарь Колин Пауэлл.

Я сообщила генералу Пауэллу о том, что сотрудничество с

Белградом практически заморожено. Кроме выдачи Милошевича, мы в течение года практически ничего не добились. Белград соглашается сотрудничать только в том случае, если ощущает реальное международное давление. Но сейчас, когда начались разговоры о том, что трибунал сворачивает свою работу, Коштуница и другие белградские политики решили, что с сотрудничеством лучше не спешить. Федеральное правительство Югославии, в том числе и министры, которые жаловались на угрозы со стороны Коштуницы, отказывались предпринимать какие-либо действия. Весьма ограниченным было взаимодействие с трибуналом и правительством Сербии под руководством премьер-министра Джинджича. На мои запросы о получении доступа к ряду архивов не поступало никакого ответа. «Вместо этого, — рассказала я, — нам предложили неограниченный доступ к менее важным архивам. По большинству дел сербские и югославские власти предоставляют нам только незначительную информацию. Не стоит и говорить о том, что помощники Милошевича в Белграде с такими сложностями не сталкиваются». Я сообщила Пауэллу о том, что белградские власти удовлетворили только один из 77 запросов о допросе потенциальных свидетелей по делу Милошевича. Мы узнали, что Коштуница лично запугал по меньшей мере одного важного свидетеля, после чего тот отказался от встречи с сотрудниками прокурорской службы. Я говорю о Зоране Лиличе. Этот человек был президентом Югославии. Вместе с Милошевичем он входил в состав Верховного совета обороны, самой влиятельной политической организации, осуществлявшей руководство вооруженными силами Югославии.

Я была уверена в том, что и другим свидетелям советовали не сотрудничать с трибуналом. Более того, федеральные и сербские власти имели абсолютно точные сведения о местонахождении многих скрывающихся от правосудия преступников. Эти люди спокойно жили на территории Сербии или Черногории. Вплоть до самого недавнего времени Ратко Младич с ведома федерального правительства пользовался официальной защитой югославской армии. Я посоветовала госсекретарю Пауэллу не подтверждать готовность Белграда к сотрудничеству. Любые подвижки в отношении принятия Сербии и Черногории в программу «Партнерство ради мира» (программы НАТО по подготовке стран Восточной Европы и бывших советских республик к членству в этой организации) Белград воспримет как знак того, что международное сообщество не собирается оказывать давление на страну и что можно и дальше вести уклончивую политику.

Госсекретарь Пауэлл снова оказал трибуналу всемерную

поддержку. Он согласился оказать влияние на белградские власти. «В прошлом году США и я лично отнеслись к процессу сертификации очень серьезно, — сказал он. — Я придаю ему огромное значение и собираюсь уведомить об этом [белградские власти]. Я сообщил им, что мы разочарованы, что нас не удовлетворяет развитие сотрудничества с трибуналом с прошлого года, и что это затруднит процесс сертификации». Однако участие в программе «Партнерство ради мира» — совершенно другой вопрос: «Мы должны учитывать интересы трибунала по Югославии, но с программой «Партнерство ради мира» они не связаны… Здесь нужно учитывать совершенно другие факторы… Можете быть уверены, что США не прекратят давление на Белград с требованием ареста Караджича и Младича, но на их аресте наша поддержка не закончится. Я позабочусь о том, чтобы поддержка трибунала продолжалась и дальше».

В тот же день я обратилась к юридическому советнику госсекретаря Уильяму Тафту с просьбой обеспечить выступления бывших американских дипломатов, правительственных чиновников и военных на процессе Милошевича в качестве свидетелей обвинения. Я гарантировала, что мы сможем представить эти показания судебной палате и обеспечить полную безопасность их конфиденциальных источников. В списке потенциальных свидетелей на тот момент значились вице-президент США Альберт Гор (он согласился дать показания, но ему не позволили этого сделать), госсекретарь Мадлен Олбрайт (она отказалась от дачи показаний), посол США Ричард Холбрук, автор Дейтонского мирного соглашения (посол согласился приехать, но судьи его не вызвали), и генерал Уэсли Кларк. Тафт ответил, что Соединенные Штаты должны рассмотреть каждый запрос. Решение может быть принято только после того, как прокурорская служба предоставит список вопросов к каждому из этих свидетелей. «В настоящее время, — сказал он, — мы выступаем против того, чтобы наши свидетели давали показания публично… Без анализа вопросов невозможно оценить потенциальный риск… Мы хотим точно согласовать диапазон вопросов. Конфиденциальность — ключевой элемент дипломатии. Мы координируем свои действия с нашими союзниками и должны учитывать их интересы».

Ближе к вечеру мы встретились с Грегом Шульте, старшим офицером Совета национальной безопасности по странам юго-восточной Европы. Шульте извинился за то, что когда-то пообещал арестовать Радована Караджича к ноябрю 2001 года. Террористическая атака 11 сентября заставила Соединенные Штаты направить все ресурсы на решение других проблем. Но

теперь США вместе со своими союзниками сосредоточатся на аресте Караджича. «Мы снова усилим активность», — пообещал Шульте. Он рассказал о двух неудачных попытках поимки Караджича и сообщил, что Вашингтон усилит давление, чтобы сделать жизнь беглеца максимально затруднительной. «С Младичем ситуация гораздо сложнее, — продолжил мой собеседник. — Это дипломатическая проблема. Мы должны выяснить его местонахождение, чтобы предъявить претензии Коштунице». Через несколько недель Вашингтон объявил, что оценка степени сотрудничества Федеративной Республики Югославия с трибуналом откладывается до конца июня. За это время США собирались усилить давление на Белград и вынудить его к полноценному сотрудничеству.

Отправляясь в Белград 18 апреля 2002 года, я собиралась использовать эту информацию с тем, чтобы убедить правительство арестовать лиц, разыскиваемых трибуналом, предоставить документы, затребованные прокурорской службой, и позволить следователям выявлять и допрашивать важных свидетелей. За неделю до этого федеральный парламент Югославии наконец-то одобрил закон о сотрудничестве с трибуналом. Это был красный день календаря! Но в законе содержалась статья, позволявшая властям арестовывать только тех лиц, обвинение которым со стороны трибунала было предъявлено до вступления закона в силу. (Совет безопасности ООН четыре года назад принял резолюцию, согласно которой никакой местный закон не может препятствовать сотрудничеству.) В тот же день, когда был одобрен закон, один из важнейших обвиняемых совершил самоубийство прямо на ступенях лестницы перед зданием парламента. Бывшего министра внутренних дел Влайко Стоилковича обвиняли в том, что он играл ключевую роль в высылке этнических албанцев из Косово в 1999 году. В Распоряжении трибунала имелись документы, согласно которым он имел непосредственное отношение к перевозке трупов казненных албанцев, в том числе и женщин, к местам массовых захоронений на территории военных баз в Сербии.

Направляясь из аэропорта к зданию сербского правительства, я видела поблекшие транспаранты с надписями «*puttana*». В воздухе явно ощущалась напряженность… а может быть, кто-то хотел создать у меня такое впечатление. Полиция блокировала боковые улицы. Наш кортеж ехал по главным улицам Белграда, что было весьма необычно. Позже я узнала, что полиция получила информацию о готовящемся покушении. Сообщалось, что в мою машину должен был врезаться другой автомобиль, и это можно

было бы представить как обычное дорожное происшествие.

Для привлечения в качестве свидетелей политиков, военных, разведчиков и полицейских необходимо было разрешение белградских властей. Но те проявляли непреклонность. Свидетелям не позволялось разглашать информацию, которая составляла «государственную тайну». Перед каждым допросом потенциальным свидетелям напоминали о том, что разглашение государственной тайны — преступление, преследуемое по закону. После допросов большая часть свидетелей проходила новый допрос относительно сохранения государственной тайны. (Однажды наши следователи получили доступ к архиву полиции. Пожилая женщина-библиотекарь помогала им ориентироваться в документах. Она сказала, что боится, как бы ее не привлекли к суду за то, что она помогала следователям находить нужные бумаги.) Надо сказать, что подобные «государственные секреты» не несли никакой угрозы безопасности Федеративной Республике Югославия. Любой потенциальный враг отлично знал все слабые стороны югославской системы национальной безопасности. Натовские бомбардировки 1999 года настолько подорвали боеспособность югославской армии, что вся информация о положении дел до бомбардировок полностью утратила актуальность. Федеральные власти и даже политики, не имевшие оснований опасаться обвинений со стороны трибунала, боялись другого: они опасались, что свидетели могут сообщить трибуналу информацию о причастности режима Милошевича к войне в Хорватии в 1991 году и к геноциду в Боснии и Герцеговине с 1992 по 1995 годы. Республика Хорватия и Республика Босния и Герцеговина уже подали иски в Международный уголовный суд против Федеративной Республики Югославия, то есть против двух республик, входящих в состав этого государства, Сербии и Черногории. В иске содержалось требование возмещения ущерба, причиненного военными действиями. Свидетельства, доказывающие причастность Милошевича к событиям в Хорватии и Боснии и Герцеговине, могли быть использованы хорватскими и боснийскими юристами для поддержки этих исков. Например, когда мы попросили разрешения допросить генералов югославской армии (в том числе генерала Момчило Перишича, который после Косово порвал с режимом Милошевича и впоследствии был арестован по подозрению в шпионаже, и начальника генерального штаба, генерала Небойшу Павковича), федеральные власти в Белграде отказали наотрез. Еще более опасными, с точки зрения властей, были документальные свидетельства причастности Милошевича к преступлениям, совершенным в Хорватии и Боснии и Герцеговине: например,

расшифровки совещаний Верховного совета обороны, на которых Милошевич обсуждал политические вопросы с высшими руководителями армии, полиции и разведки.

Мои попытки способствовать получению разрешений на допрос свидетелей и доступ к документальным доказательствам велись параллельно с международной кампанией по вынуждению Белграда выдать скрывающихся преступников, в том числе Ратко Младича и Радована Караджича. Я хотела добиться результатов за дни или месяцы, а не за месяцы и годы. Всего несколькими неделями раньше во время совещаний в Гааге представители разведки дружественной страны сообщили мне, что Сербия готова выдать Младича Гааге в обмен на обещание защитить от преследования генерала Павковича и принять Сербию в НАТО и Евросоюз. Во время встречи с представителями трибунала в Белграде министр внутренних дел Душан Михайлович подтвердил возможность выдачи Младича. Он сказал: «Я знаю, как это сделать, и могу этому способствовать». Через несколько недель Джинджич сообщил прокурорской службе, что поддерживает выдачу Младича, но для этого необходимо, чтобы Коштуница отдал Павковичу приказ о задержании генерала. Спустя неделю, 28 февраля 2002 года, Младич был официально уволен с военной службы в югославской армии и получил выходное пособие. Прошла еще неделя, и Джинджич сообщил, что Младич вылетел в Боснию и Герцеговину. На протяжении пяти лет Белград настаивал на том, что после этого Ратко Младич на территории Сербии не появлялся.

18 апреля 2002 года я встретилась с федеральным министром юстиции Саво Марковичем, федеральным министром иностранных дел Гораном Свилановичем и министром внутренних дел Сербии Душаном Михайловичем. Разумеется, все они заверили меня, что не имеют представления о местонахождении Ратко Младича. Разговор быстро перешел на принятие нового закона о сотрудничестве. Но мне было очевидно, что все останется по-прежнему, пока кто-нибудь в Белграде, кроме Зорана Джинджича и его союзников, не проявит реальной воли к сотрудничеству. Маркович даже имел наглость заявить, что Федеративная Республика Югославия «выполнила все условия по сотрудничеству с прокурорской службой», и упрекнул меня за то, что служба не выдвигает обвинений против албанцев и преступников других национальностей.

Во время встречи с Михайловичем мы передали ему список из 23-х обвиняемых. Белград должен был арестовать этих людей и передать их трибуналу. Мы узнали, что генерал Никола Ойданич, занимавший во время этнических чисток в Косово в 1999 году

должность начальника генерального штаба югославской армии, собирается сдаться добровольно. Мы обсудили возможность встречи со Сретеном Лукичем, который в 1999 году руководил расквартированными в Косово сербскими внутренними войсками. Нам сообщили, что полковник Винко Пандуревич, которого трибунал обвинял в геноциде и других преступлениях, связанных с событиями в Сребренице, более не приезжал в Сербию из Боснии; что Стоян Жуплянин, обвиненный в участии в этнических чистках в западной Боснии и казнях мусульман в концентрационных лагерях летом 1992 года, «исчез»; что Душан Кнежевич, разыскиваемый за преступления, связанные с этническими чистками в западной Боснии, явился в сербскую полицию Весь обвешанный динамитом; что Веселин Шливанчанин, бывший майор югославской армии, обвиняемый в убийствах раненых и других пленных, которых забрали из вуковарского госпиталя, заявил, что не сдастся живым; что бывший полковник югославской армии Миле Мркшич, обвиненный в убийствах в Вуковаре, болен; что Мирлослав Радич, бывший капитан югославской армии, также принимавший участие в вуковарских событиях, собирается жениться на судье белградского суда; что генерал Момчило Перишич безуспешно пытался найти Младича и убедить его сдаться; что Радован Караджич вообще находится за пределами Сербии. После этой удивительной смеси правды, полуправды и лжи, Михайлович спросил, «действительно ли нам нужно» арестовывать Милана Мартича, которого трибунал обвинял в числе прочего в изгнании хорватов с населенных сербами территорий Хорватии и в ракетном обстреле жилого центра Загреба.

Когда встреча закончилась, я испытала истинное облегчение. Кроме того, я ощущала злорадное удовлетворение от того, что заставила и моих советников тоже выслушивать эти пустые обещания и оправдания. Вместе с моим помощником, Антоном Никифоровым, я отправилась в офис премьер-министра Сербии, Зорана Джинджича, которого в тот день не было в Белграде. Меня провели в личный кабинет премьера, где Джинджич установил беговую дорожку, чтобы быть в хорошей физической форме, и устроил небольшой салон для конфиденциальных встреч. Здесь меня ожидал генерал Перишич в штатском. Встреча должна была пройти тайно. Джинджич устроил ее для того, чтобы я попыталась лично убедить Перишича дать показания против Милошевича. «Я хочу от вас только одного, — сказала я. — Вы должны сказать правду перед судом». Перишич явно нервничал. Он говорил очень медленно, без каких-либо эмоций, но очень расчетливо. Генерал отрицал свое участие в хорватских событиях

1991 года. Он сказал, что обсуждал с Милошевичем ситуацию в Боснии, потому что «Милошевич гораздо жестче относился к боснийским сербам, чем к боснийским хорватам или мусульманам». О событиях в Косово он не мог сказать ничего. Перишич объяснил, что участие в процессе над Милошевичем станет нарушением его политического и морального кодекса. Он считал, что Милошевича следует судить в Сербии, а не в Гааге. Он заявил, что будет свидетельствовать против Милошевича в Сербии «за все то, что он сделал сербам». Я спросила Перишича, не связан ли его арест по обвинению в шпионаже с трибуналом и действительно ли он передал американскому дипломату документы, связанные с ним. Перишич отрицал какую-либо связь его ареста с трибуналом. Он сказал, что арест явился результатом политической игры лиц из окружения президента Коштуницы и офицеров югославской армии, которых он назвал ставленниками Милошевича.

Вторая тайная встреча, организованная Джинджичем, состоялась в том же кабинете сразу после ухода Перишича. Я встретилась с генералом Павковичем. К нему у меня было три вопроса. Где Ратко Младич? Готов ли Павкович подвергнуться допросу в качестве подозреваемого свидетеля, то есть свидетеля, которому заранее известно о том, что ему также могут быть предъявлены обвинения? Готов ли он стать свидетелем обвинения в деле Милошевича? Относительно Младича генерал не мог сказать мне ничего нового. Он заявил, что Младич исчез два месяца назад, и с тех пор у него не было контактов ни с ним самим, ни с его посредниками. Павкович утверждал, что югославская армия никогда не защищала Младича и не оказывала ему и его телохранителям финансовой поддержки. Кстати, количество телохранителей Младича Павкович оценивал от 30 до 130 человек. Генерал сказал, что, будучи начальником генерального штаба югославской армии, он запретил Младичу появляться на армейских мероприятиях. Павкович добавил, что полгода тому назад аннулировал специальный пропуск, который предоставлял Младичу неограниченный доступ к материальной базе югославской армии. Теперь, по словам Павковича, Младич мог доверять лишь немногим. Павкович, как и многие из тех, кто согласился на допрос с целью выяснить, какие обвинения могут быть выдвинуты против них лично, не возражал против статуса подозреваемого свидетеля. Он заявил, что готов ответить на все вопросы прокурора, связанные с обвинениями против Милошевича по событиям в Косово. Однако идея дать показания в суде его явно не привлекала. Он сказал, что окажется плохим свидетелем против Милошевича, поскольку «его слова будут,

скорее, в его защиту». Сидя напротив генерала, я вспомнила ту роль, которую Павкович сыграл в изгнании этнических албанцев из Косово в 1999 году. Тогда я записала в своем блокноте: «Павкович — обвин.».

Вечером того же дня мы встретились с еще одним важным свидетелем. Коштуница не советовал ему давать показания. Этот человек мог предоставить прокурорской службе ряд документов, которые явно доказывали причастность Милошевича и Югославии в целом к войне в Боснии и Герцеговине. Я говорю о Зоране Лиличе, который был президентом Федеративной Республики Югославии в то время, когда Милошевич возглавлял Сербию. Лилич пришел на встречу в элегантном итальянском костюме и был очень похож на актера Роберта Митчема. Мы встретились в отеле «Хайатт». На встрече присутствовал также мой помощник, Антон Никифоров.

Мы расположились вокруг журнального столика в вестибюле отеля. Это была не первая встреча Лилича с сотрудниками трибунала. Годом раньше, осенью 2001 года, в дверь его дома позвонили. Открыла жена. Сотрудник трибунала сообщил, что его дочери обычно ходят в школу мимо ее дома, и им ужасно понравился пудель Лиличей, одетый в красный вязаный свитер и ботиночки. Собаку выгуливали телохранители бывшего президента. Сотрудник трибунала оставил госпоже Лилич свою визитку. Через час Лилич позвонил и согласился на встречу.

Примерно в то же время прокурорская служба предложила сократить проект обвинительного заключения против Милошевича в части преступлений, совершенных в Боснии и Герцеговине. Сотрудники службы чувствовали себя неловко. Они искали доказательства причастности Милошевича к насилию в Боснии и Герцеговине, но понимали, что хотя собранного материала и достаточно для возбуждения дела и составления обвинительного заключения, но добиться приговора по обвинению в геноциде на его основании не удастся.

Геноцид — самое сложное международное преступление. Доказать его очень трудно. Прокурор должен абсолютно однозначно доказать наличие у обвиняемого намерения физически уничтожить группу людей. Люди, имеющие подобное намерение, особенно такие изощренные, как Милошевич, никогда не говорят об этом публично. Мои ближайшие советники, в том числе Жан-Жак Жорис и Флоренс Хартманн, которые знали о конфликте в Югославии больше, чем все прокуроры, работавшие над делом Милошевича, посоветовали мне не отступать и заставить его ответить за войну в Боснии и Герцеговине и другие преступления — за осаду и обстрел Сараево и убийства в

Сребренице. Связав эти преступления с насилием в других регионах, можно было говорить о геноциде. Мне представили черновик обвинительного заключения, но я сочла его неудовлетворительным. Преступления были слишком частными. Исторический контекст отсутствовал. Я потребовала все переделать. В новом проекте обвинительного заключения присутствовало обвинение в геноциде и другие обвинения, связанные с событиями в Сребренице и Сараево. Когда мы представили это заключение судебной палате, судьи его приняли, тем самым подтвердив, что мы собрали достаточно доказательств для возбуждения дела.

Однако осенью 2002 года Джеффри Найс начал утверждать, что доказательства геноцида и преступлений в Сребренице и Сараево не позволят нам добиться осуждения Милошевича. Однажды после встречи со мной Найс совершенно вышел из себя. Жорис рассказал, что Найс называл меня «сукой» и добавил: «Она называет себя юристом, хотя ее представление о законе весьма ограничено…». Найс и товарищ прокурора Грэм Блуитт поставили под вопрос мою этику. Блуитт даже сделал это публично. Жорис, Хартманн и другие сотрудники требовали оставить события в Сребренице, осаду Сараево и геноцид в обвинительном заключении против Милошевича. Найс искал контраргументы. Когда меня не было в Гааге, он созвал совещание, чтобы обсудить обвинения по Сребренице и Сараево с аналитиками прокурорской службы: историками, лингвистами, специалистами по Балканам и другими людьми, знавшими о Югославии больше всех остальных, хотя и не всегда работавшими над делами по Боснии и Герцеговине и делом Милошевича. Найс сообщил, чтобы аналитики не готовились к совещанию. Когда все собрались, он приказал руководителю следствия, Патрику Лопес-Терресу покинуть зал. Аналитики почти единодушно настаивали на том, что Сребреница и Сараево должны остаться в обвинительном заключении. Только так трибунал может подтвердить свою значимость. Если следствие еще не собрало достаточных доказательств, то это проблема следствия, поскольку доказательства этих преступлений явно существуют.

И снова мы столкнулись с различиями позиций англо-саксонского и континентального права. В системе англо-саксонского права прокуроры имеют большую свободу действий в отношении обвинений, выдвигаемых против обвиняемого. В системе же континентального права прокуроры обязаны представлять все обвинения, подкрепленными достаточными для возбуждения дела доказательствами. Старший прокурор, курирующий боснийскую часть обвинений против Милошевича,

Дермотт Грум, после анализа собранных Доказательств сообщил мне о том, что их вполне достаточно для возбуждения против Милошевича дела по геноциду. Но Найс и Грум, работавшие в системе англо-саксонского права, советовали мне сосредоточиться на других серьезных преступлениях, включенных в обвинительное заключение. Они полагали, что однозначно доказать наличие намерения совершить геноцид будет очень трудно, особенно, если принять во внимание все остальные обвинения, над которыми мы работаем. Отказ от такого обвинения был бы проявлением разумной осторожности и позволил бы направить все силы на другие участки работы.

Гораздо комфортнее я чувствовала себя с сотрудниками, привыкшими к системе континентального права. У нас было достаточно доказательств для возбуждения дела по обвинению в геноциде. Я была твердо намерена представить эти доказательства судьям судебной палаты, чтобы решение принимали они. Я понимала обеспокоенность Найса и Грума, но решение оставалось за мной, и я категорически отказалась исключить из обвинительного заключения пункты о геноциде и о преступлениях, совершенных в Сараево и Сребренице. Это решение я приняла, не задумываясь о последствиях. Старшим прокурорам я объяснила, что не могу позволить принять окончательное решение о том, что Милошевич невиновен в геноциде и не причастен к событиям в Сараево и Сребренице. У нас достаточно доказательств, чтобы предоставить решение этого вопроса судьям судебной палаты. Определение виновности обвиняемого — их прерогатива. Если эти обвинения не будут включены в обвинительное заключение, я сложу с себя обязанности прокурора. «Пусть судьи оценивают доказательства, — сказала я. — Определить, виновен ли он, должны судьи, а не прокурор».

Более того, я не хотела выдвигать против Милошевича и ему подобных обвинений в стиле Аль Капоне, то есть обвинять их в уклонении от уплаты налогов. Я не хотела, чтобы Милошевич провел в тюрьме несколько лет по мелкому обвинению, а нечистоплотные историки использовали этот факт для того, чтобы приуменьшить его роль в событиях, которые принесли боль и страдания миллионам людей. Осенью 2002 года все мы знали, что располагаем недостаточным количеством доказательств для обеспечения судебного решения. Если Милошевич решит оспорить доказательства, а мы не найдем новых фактов, то он сможет продемонстрировать обоснованное сомнение и потребовать оправдательного вердикта. «Очень важно, чтобы мы представили все наши доказательства в зале суда, то есть

публично, — сказала я. — Тогда мы покажем, что сделали все, что было в наших силах». Мы продолжали собирать доказательства, зная, что в Белграде есть материалы, убедительно доказывающие причастность Милошевича к этим событиям. Если бы мы отказались от обвинений в геноциде, а потом получили доказательства из Белграда, то уже не смогли бы использовать их столь же эффективно. В конце концов, Джеффри Найс согласился включить обвинение в геноциде в обвинительное заключение. Несмотря на враждебность, которая впоследствии омрачила наши отношения, этот поступок был очень мужественным.

Я вспомнила о важности обвинений в геноциде и в причастности Милошевича к событиям в Сараево и Сребренице в белградском отеле «Хайатт», где встречалась с Зораном Лиличем. Он с энтузиазмом отнесся к идее дачи показаний, хотя я сомневалась в искренности его намерений. Лилич с похвалой отозвался о сотрудниках прокурорской службы, в том числе о Джеффри Найсе и его ближайших помощниках. Этих людей он назвал упорными и настойчивыми профессионалами. Лилич попросил обеспечить защиту ему и членам его семьи. Он хотел, чтобы его уведомили о дне дачи показаний не позже, чем за десять дней, причем официальной повесткой, которую трибунал должен был направить правительству. Во время общения с сотрудниками прокурорской службы Лилич подтвердил существование записей заседаний Верховного совета обороны. За несколько недель аналитики, работавшие над делом Милошевича, Нена Тромп, Юлия Богоева и Александра Миленова, выяснили, что эти записи содержат не только повестку дня, но и детальную стенограмму самих заседаний. Такие стенограммы стали бы ценнейшим доказательством причастности Белграда к событиям в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Но сначала их нужно было получить. За несколько недель прокурорская служба направила в Белград официальный запрос о сотрудничестве. Мы просили белградские власти обеспечить нам доступ к этим и другим документам. Этот запрос вместе с запросом о разрешении допроса Зорана Лилича, который был свидетелем встреч Милошевича с руководителями армии и разведки, стал для нас серьезной проблемой. Мы должны были преодолеть сопротивление белградского правительства, усилившееся из-за того, что подобная информация могла быть использована и в Международном уголовном суде, где против Югославии были выдвинуты иски. После нашей встречи Лилич сказал, что пишет книгу о Милошевиче и его жене, Мире Маркович. Мира Маркович бежала в Россию, потому что в Белграде против нее были выдвинуты уголовные обвинения. Лилич сказал, что Коштуница

проводит ту же политику, что и Милошевич, но в «другой упаковке». По его мнению, Джинджич не мог ничего сделать для того, чтобы отстранить от власти или изолировать преступников эпохи Милошевича. Вот почему многие, в том числе и друзья Лилича, боялись сотрудничать с трибуналом. «Эти преступники, — сказал он, — представляют главную угрозу для тех, кто готов сотрудничать с вами».

Во многих отношениях открытие процесса против Слободана Милошевича в феврале 2002 года ознаменовало собой начало конца трибунала по бывшей Югославии. Тогда прокурорская служба планировала завершить, по меньшей мере, 16 расследований, и к концу 2004 года передать в суд дела 50-ти высокопоставленных преступников. Суды должны были завершиться в 2008 году.

23 июля 2002 года я обратилась в Совет безопасности ООН и предупредила, что трибунал не сможет справиться со своими задачами, если международное сообщество не вынудит Сербию, Хорватию и Республику Сербскую арестовать разыскиваемых преступников и сотрудничать с нами в других сферах. «В последнее время в Белграде произошли определенные подвижки, — сказала я. — Но… отношение властей к сотрудничеству по-прежнему остается явно недостаточным. Эти люди делают минимум возможного, и только ради того, чтобы создать у международного сообщества благоприятное представление о ходе процесса. По ряду серьезнейших дел не сделано абсолютно ничего…»

Зоран Джинджич пытался хоть чем-то порадовать меня. Мы встретились с ним 19 июля. «Все лучше, чем Кажется со стороны», — заметил он. Но потом совершенно неубедительно оценил позицию Коштуницы и армии. «У Коштуницы есть свои люди в армии. Начальник генштаба Павкович боится трибунала. Служба военной разведки подрывает доверие к закону. Они контактируют с Младичем через Ако Томича», — сказал Джинджич, имея в виду генерала, возглавлявшего военную разведку. Дальше он заговорил о войнах на Балканах: «Убийства не были систематическими, как во время войны с Гитлером, когда тысячи людей, психопатов, были готовы убивать за тысячу германских марок… Эта война — чудовищная жестокость, состоящая из тысяч мелких жестокостей… Милошевич хотел очистить Косово от албанцев. Он не отдавал приказа убивать. Приказ заключался в том, чтобы сделать то, что необходимо. За два года люди изменились. Они не хотят вспоминать. Они начали верить в собственную ложь. Можно надеяться только на то, что вы задержите главных преступников. Мы можем задержать

шестьдесят или семьдесят палачей. Но десять тысяч останутся на свободе. Но это все, что мы можем сделать. Милошевич выпустил на волю ненависть, которая копилась пятьсот лет. Нас до сих пор окружает очень негативная энергия».

Тем временем Коштуница прилагал все усилия к тому, чтобы убедить США и Евросоюз, что в Югославии все нормально. В середине сентября я беседовала по телефону с генеральным секретарем НАТО, лордом Робинсоном. Я слышала, что министр иностранных дел Югославии Горан Свиланович и начальник генштаба югославской армии собираются нанести визит в штаб-квартиру НАТО. Разумеется, их главная цель заключалась в том, чтобы добиться включения Югославии в программу «Партнерство ради мира», что стало бы первым шагом на пути принятия страны в НАТО.

«Вы обещали, что без арестов никаких разговоров о «Партнерстве ради мира» не будет, — напомнила я лорду Робинсону. — С момента выборов никто не был арестован. Если Коштуница добьется принятия страны в программу, трибунал никогда не получит Младича. У вас есть возможность выступить на стороне правосудия. Скажите им, что ценой «Партнерства ради мира» будет Младич».

Робинсон был очень обаятельным человеком. «Вы так убедительно говорите, Карла, — сказал он. — С этими людьми вы общаетесь так же?» Потом он развеял мои опасения: «Нет, Югославию не примут в программу «Партнерство ради мира». Обещаю, пропуска они не получат. Я пересмотрю программу переговоров и сделаю ее более жесткой. Мы будем требовать не только Младича, но и вуковарскую тройку». Лорд Робинсон имел в виду трех офицеров Югославской национальной армии,[21] которых обвиняли в убийстве военнопленных, захваченных в Вуковаре в ноябре 1991 года, в том числе и раненых из городского госпиталя.

Робинсон сдержал слово. Но, несмотря на мои призывы сделать сотрудничество с трибуналом главным условием нормализации отношений с ФРЮ, 24 сентября ассамблея государств-членов Совета Европы проголосовала за принятие Югославии. И это сделала организация, основная задача которой заключалась в защите демократии, прав человека, социальных прав, языковых прав и прав средств массовой информации! Возможно, это было сделано для того, чтобы на предстоящих выборах президента федерации победил более умеренный кандидат. Если так, то эта стратегия провалилась. 29 сентября большинство голосов набрал Коштуница.

2 октября 2002 года Биляна Плавшич объявила о том, что

признает себя виновной. Мы получили фантастическую возможность. Трибунал обвинял Плавшич в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Она была ближайшей соратницей Радована Караджича и Момчило Крайишника. Ей было позволено сидеть в присутствии Слободана Милошевича. Она участвовала в совещаниях по разделу Боснии и Герцеговины и в этнической чистке значительной части территории страны. Она была свидетелем общения Караджича и Младича. Биляна Плавшич могла знать все о связях Милошевича с политическим и военным руководством боснийских сербов. Я хотела, чтобы она стала ключевым свидетелем против Милошевича, Караджича, Крайишника и других обвиняемых лидеров Сербии и боснийских сербов.

Впервые Плавшич обратилась к нам в Белграде, в конце 2001 года. Она сказала, что узнала о тайных обвинениях против нее и готова сдаться добровольно. Я встречалась с ней вскоре после того, как она прибыла в Гаагу. Мы сидели в моем кабинете и курили. Я помню, как протянула ей пачку своих американских сигарет, полагая, что в голландской тюрьме ей нелегко достать настоящие «Мальборо». Такой жест мог внушить доверие. Биляна пыталась разговаривать со мной, как женщина с женщиной. В своей прямой твидовой юбке она напоминала истинную британскую леди. Она сообщила, что является доктором биологии, и попыталась обосновать превосходство сербского народа. Эти откровения были тошнотворными, и я закончила наш разговор. Мне захотелось добиться для этой женщины пожизненного заключения.

После того как Плавшич провела в заключении несколько месяцев, мы с удивлением узнали от ее адвокатов, что она готова признать себя виновной, но только не в геноциде. Два прекрасных прокурора, Алан Тигер и Марк Хармон, обсудили все условия, и я согласилась с ними. Мы исключили обвинение в геноциде из обвинительного заключения, а Плавшич признала все остальные факты. Моя главная ошибка заключалась в том, что я не заставила ее подписать обязательство свидетельствовать против других обвиняемых. Мы обо всем договорились на словах и были обмануты. Я думала, что мне удалось установить с Плавшич личный контакт. Наши отношения, несмотря на весь бред о расовом превосходстве, казались мне настолько сердечными, что я решила довериться обвиняемой. Я снова совершила ошибку. Во время заседания Биляна Плавшич поднялась и зачитала обращение к суду, полное признаний собственной вины, но исключительно общего характера. Никаких важных деталей она не сообщила. Я слушала ее с ужасом, понимая, что она не сказала

ничего важного. Прокурор потребовал приговорить ее к 25 годам заключения, судебная палата приговорила ее к 11 годам, и она подала апелляцию.

Позже прокурорская служба вызвала Плавшич в качестве свидетеля обвинения против Момчило Крайишника, третьего по значимости после Радована Караджича и Ратко Младича человека на контролируемых сербами территориях Боснии. Она отказалась. Дермот Грум настаивал на том, чтобы принудить ее давать показания против Милошевича. Я отправила Грума и Равного следователя по Боснии Берни О'Доннела в Швецию, где Плавшич отбывала наказание. Она заявила, что ничего не знает о преступлениях и стала жертвой обстоятельств, и признала свою моральную, но не юридическую ответственность за преступления, совершенные сербами в Боснии и Герцеговине. Впоследствии я добилась перевода Плавшич в Гаагу и допросила ее в своем кабинете в присутствии Дермота Грума. Но на этот раз она отказалась даже от тех заявлений, которые сделала, признавая себя виновной, и начала заявлять о полной своей невиновности. Я заметила, что адвокат оказал ей плохую услугу, посоветовав признать свою вину. Я считала, что она нарушила условия соглашения, и сказала своим сотрудникам: «Мы должны передать судебной палате все то, что говорит нам госпожа Плавшич. Давайте направим в суд запрос о возобновлении дела Биляны Плавшич…» Старшие прокуроры заявили, что это невозможно. Что сделано, то сделано.

«Нет, нет, нет, — возразила я. — Составляйте запрос». Я направила его президенту трибунала, но он вернул документ, заявив, что решение этого вопроса не входит в его юрисдикцию. Тогда я передала запрос судебной палате, которая признала Биляну Плавшич виновной. Ответа я ожидаю до сих пор.

21 октября 2002 года, накануне поездки в Нью-Йорк и выступления перед Советом безопасности ООН, я вернулась в Белград, чтобы в очередной раз потребовать от федеральных и сербских властей полного сотрудничества с трибуналом. Министр иностранных дел и руководитель комитета по сотрудничеству Горан Свиланович оспаривал мои утверждения о том, что его правительство ничего не делает для трибунала. Список проблем до боли напоминал тот, что я уже привозила в Белград в прошлый раз. Мы снова требовали ареста скрывающихся обвиняемых, жаловались на противодействие со стороны югославской армии, на ограничение доступа к свидетелям, в том числе к Зорану Лиличу на угрозы в адрес свидетелей и недопустимые по тону выступления местных политиков, пытающихся добиться популярности. (Коштуница даже заявил, что его страна слишком

активно сотрудничает с трибуналом!)

«У меня складывается впечатление, что позиция Коштуницы очень близка к позиции Милошевича, и что стремление к сотрудничеству неуклонно угасает», — сказала я. Когда руководитель следствия Патрик Лопес-Террес вручал сербам копии новых обвинительных заключений и ордеров на арест тех, кого обвиняли в убийствах в Сребренице, на лицах чиновников застыло изумление. Мы требовали арестовать Любишу Беару, Вуядина Поповича, Любомира Боровчанина и Драго Николича. И как же, думала я, югославские власти по противоречивой 39-й статье закона о сотрудничестве смогут отказать в аресте обвиняемых, руки которых по локоть в крови? Я сообщила властям, что мы получили информацию об уничтожении разыскиваемых нами документов.

Свиланович решил меня предостеречь. Он сказал, что, если я сообщу Совету безопасности ООН об отказе Югославии от сотрудничества, это не принесет никакой пользы. Югославское правительство обратится в Совет безопасности со своей версией развития событий. Свиланович заверил меня в том, что Коштуница не имеет никакого отношения к тому, что мы до сих пор не получили разрешения на выступление Зорана Лилича в качестве свидетеля по делу Милошевича. Югославский министр продолжал заявлять, что с арестом обвиняемых нет никаких политических проблем.

К тому времени у нас было уже 24 обвиняемых, продолжающихся скрываться. Югославские власти имели на четыре обвинительных заключения больше, чем у них было, когда наш самолет приземлился. Нам сообщили, что арест обвиняемых осложняется лишь их поисками. Некоторые из них находятся за пределами Сербии, кто-то — в Черногории, а кто-то — в Казахстане и других советских республиках. Разумеется, никто не знает о местонахождении Караджича и Младича. Наши следователи могут посетить бывшую штаб-квартиру «красных беретов», полувоенной организации, созданной Милошевичем в рамках органов госбезопасности Сербии. Нам сказали, что мы не получим прямого доступа к архивам госбезопасности. Из-за планов резкого сокращения численности аппарата, многие очень недовольны этим. В конце концов, мы узнали, что никакой информации о расследовании массовых захоронений в Батайнице нет.

Выступая перед Советом безопасности ООН с резкой критикой в адрес югославских властей, я не испытывала никаких угрызений совести. 30 октября я в третий раз выступала в ООН и жаловалась на то же самое. Меня беспокоило, что члены совета

уже устали от моих жалоб. У них появилось нечто вроде «трибунальной усталости». Я была уверена в том, что, если из-за этого давление на Белград ослабеет, то уклончивая стратегия югославских властей восторжествует, и жертвы Боснии и Герцеговины, Хорватии и Косово могут не рассчитывать на правосудие.

[Федеративная Республика Югославия] не демонстрирует ни малейшего желания отвечать на какие-либо запросы, связанные с югославской армией, — сказала я. — Обвиняемые военные остаются на свободе. Зловещие фигуры, подобные Ратко Младичу, пользуются защитой. Вы, несомненно слышали и будете слышать заверения в том, что Ратко Младич находится не в [Федеративной Республике Югославия]. Постоянно отрицая, что Младич живет в Сербии, в частных беседах государственные чиновники признают, что он находился в Сербии «вплоть до недавнего времени»… Мы уже наслушались достаточно. По моей просьбе президент Жорда формально уведомил Совет о нежелании [Федеративной Республики Югославия] выполнять свои обязательства по уставу трибунала.

Военные архивы для нас закрыты, даже по тем делам, жертвами которых являются сербы. *Поведение югославских властей совершенно однозначно. Объяснить его можно одним сделанным, но ни разу не повторенным заявлением о том, что трибунал не получит ничего, что может повредить позиции Федеративной Республики Югославия в Международном уголовном суде, где Босния и Хорватия требуют репараций. Подобные соображения абсолютно неуместны.*

…Хуже всего то, что, после того как нам много раз повторяли, что доступ к определенным военным документам невозможен до принятия закона о сотрудничестве, недавно мы узнали об уничтожении ряда запрашиваемых документов по условиям местного постановления, требующего автоматического уничтожения документов по истечении десятилетнего срока хранения. Если бы последствия этого не были столь серьезны, то подобное откровенное нарушение международных обязательств выглядело бы почти комично. Мы не можем позволить, чтобы подобное продолжалось.

…Мы начинаем получать доступ к важным свидетелям и «надежным источникам», как я это называю. Но на пути этих людей возникают новые преграды: им говорят, что общение с моими сотрудниками связано с риском уголовного преследования по местным законам, охраняющим государственную и военную тайну.

Чтобы эти свидетели получили разрешение дать показания,

мы должны направить официальные повестки югославским властям. Однако конкретные повестки ключевым свидетелям не содержат полной информации и не могут служить для этих людей надежной защитой. Хуже того, очень важному свидетелю по делу Милошевича недавно угрожали уголовным преследованием со стороны федеральных властей только за то, что он побеседовал с нашими следователями. Это был зловещий сигнал тем, кто настроен сотрудничать с трибуналом. Но боюсь, что это не помешает [Федеративной Республике Югославия] утверждать, что она сотрудничает с трибуналом и обеспечивает нам и нашим свидетелям всю необходимую помощь. Если это будет продолжаться, трибунал не сможет получить крайне важных доказательств.

Одно должно быть совершенно ясно. От нас нельзя требовать быстрой подготовки обвинительных заключений и проведения судов над виновными лидерами, если в то же время нам приказывают быть терпеливыми и не раскачивать лодку. Это явное противоречие.

Совет безопасности не раз подчеркивал, что государства не имеют права включать в свои местные законы условия, которые ведут к уклонению от международных обязательств. Международное сообщество и Совет безопасности должны указывать на этот принцип [Федеративной Республике Югославии] при любой возможности, причем не только на словах, но и на деле.[22]

Через месяц мы получили информацию о том, что генеральный секретарь ООН Кофи Аннан собирается посетить Белград. Я не помню, с чем связывалась эта поездка, но это была явная попытка федеральных властей вернуть страну в международное сообщество, не прилагая никаких усилий для сотрудничества с трибуналом, учрежденным ООН. Я заявила, что отправлюсь в Белград в тот же день. Я пригласила Аннана посетить офис трибунала в Белграде и сказала, что подобный жест поднимет моральный дух сотрудников и станет серьезным сигналом для местных властей. Аннан прибыл в офис в сопровождении специального эскорта безопасности. Мы приняли его в простом зале совещаний на первом этаже и вкратце познакомили с нашей деятельностью. Мы в очередной раз заявили о нежелании белградского правительства сотрудничать с трибуналом. Для того чтобы ни я, ни Аннан не забыли об этом визите, руководитель белградского офиса, болгарин Деян Михов, подарил нам кофейные чашки с логотипом ООН и надписью «ICTY Field Office Belgrade».[23] (Надпись смылась после первого же мытья в посудомоечной машине.) Во время той встречи я

постоянно думала, как далеко от нашего офиса находится логово Ратко Младича. Вспомнила я и о том, что Аннан возглавлял департамент миротворческих операций ООН в то самое время, когда Младич приказал своим солдатам, не обращая внимания на миротворцев ООН, вторгнуться в «безопасную зону» Сребреница и расстрелять тысячи мусульманских пленников.

После отъезда Аннана у меня был свободный вечер в Белграде. Я использовала это время для встречи с лидерами организации, которая больше любой другой препятствовала нашей работе. Я говорю о югославской армии. Это была не беседа (атмосфера была слишком напряженной), а ряд монологов. Мы встретились к крохотном конференц-зале в здании штаба югославской армии в центре Белграда. Не помню, остался ли на стене след в том месте, где когда-то висел непременный портрет Тито. Но тут я вспомнила о Младиче и снова подумала, что он где-то рядом.

Во встрече принимали участие генерал Бранко Крга, назначенный Коштуницей начальник генштаба, руководитель армейской комиссии по сотрудничеству с Международным трибуналом генерал Златое Терзич, отставной генерал Радомир Гойович, который долгое время исполнял обязанности главного военного прокурора и президента военного суда, а также генерал Ако Томич, массивный, грузный человек, руководивший службой безопасности генерального штаба, доверенное лицо Воислава Коштуницы и, по слухам, ангел-хранитель генерала Младича.

Высокопоставленные правительственные чиновники сообщили нам, что Ратко Младича охраняет югославская армия и что его арест — это дело армии, а не гражданских властей. Поэтому я сразу перешла к делу и вручила генералу Крге копию обвинительного заключения Младича. Я сказала, что нам нужны четкие ответы на два вопроса. Что сделала (если вообще что-то сделала) югославская армия для установления местонахождения Младича? И собирается ли генерал выяснить его местонахождение и арестовать его?

Офицеры югославской армии, воспитанные в коммунистической традиции, редко просто отвечают на простые вопросы. Генерал Крга прочитал мне целую лекцию о том, какую роль югославская армия играет в государственной структуре ФРЮ, и о регулировании действий армии «соответствующими правилами». (Я знала, что югославская армия, наряду со службой госбезопасности и разведки, долгое время являлась государством внутри государства. Руководители армии отлично умели создавать для себя «соответствующие правила», позволявшие им делать все, что угодно. Я слышала даже о том, что руководители

высшего звена получали приличный доход от незаконной торговли оружием, антиквариатом и серебром.) Генерал Крга несколько раз заверил меня, что югославская армия не прячет никого из обвиняемых, в том числе и Младича. Он заметил, что об этом «не раз сообщалось» ряду «иностранных представителей». Кроме того, их приглашали осмотреть места, где предположительно скрывались подозреваемые, чтобы они могли лично убедиться в том, что Младича там нет. Но стоило генералу сказать, что югославская армия заинтересована в задержании лиц, ответственных за совершенные преступления, и что она уже инициировала несколько дел по военным преступлениям, как он тут же подчеркнул, что армия не может нести ответственность за арест отставных офицеров, в том числе и генералов, поскольку теперь они являются гражданскими лицами.

Генерал Терцич добавил, что арестами отставных военных, обвиняемых трибуналом, должны заниматься гражданские власти. Он сказал, что армия сотрудничает с трибуналом: генералу Небойше Павковичу, генералу Александру Васильевичу и другим отставным генералам выданы официальные разрешения. Эти люди получили разрешение общаться со следователями. Но он неодобрительно высказался в адрес Васильевича, который начал сотрудничать с прокурорской службой до получения официального разрешения.

Я снова перешла к главной теме нашей встречи и спросила, где находится Младич. Готова ли армия разыскать его? Генерал Гойович ответил, что отставные офицеры не подпадают под юрисдикцию югославской армии. Армия не может вести в их отношении никаких уголовных расследований, в том числе и разыскивать их для вручения ордеров на арест. Этим должна заниматься полиция.

«Генерал, — вспылила я, — министр внутренних дел, Душан Михайлович, сказал мне, что полиция не может арестовать Младича, поскольку он находится под защитой югославской армии… Из надежных источников мы получили информацию о том, что Младич посещает военные объекты, для прохода на которые у него есть специальный пропуск… Даже Павкович это подтвердил… И у нас есть информация о том, что он лечился в [главном военном госпитале в Белграде] и часто останавливается в загородном доме отставного генерала».

Генералы Крга и Томич постоянно повторяли, что поиск и арест Младича — это проблема министра внутренних дел Михайловича. Томич указал на то, что полиция могла арестовать Младича, когда он входил или выходил из военного госпиталя в Белграде, если, конечно, он вообще там был, что Томич с плохо

скрываемой усмешкой категорически отрицал.

Руководитель следствия Патрик Лопес-Террес указал на то, что трибунал выдвинул обвинения против преступников в то время, когда они еще служили в югославской армии, и армия не стала их арестовывать. Он добавил, что армия должна располагать информацией, которая помогла бы выяснить местонахождение этих людей. Готова ли она помогать полиции в этих действиях? Томич уклонился от четкого ответа. Он в очередной раз повторил, что искать преступников — не дело армии, а потом добавил, что наша информация о Младиче и его действиях, в том числе и совершенно надежная информация о том, что Томич встречался с Младичем, абсолютно не соответствует действительности. «Младич не мог лечиться в [военном госпитале в Белграде], он не мог пройти туда незамеченным», — заверил нас Томич. Но мою просьбу проверить документы и выяснить, лечился ли Младич в военном госпитале в последние несколько месяцев, он тут же отклонил.

Я снова попыталась получить от генералов нужную мне информацию: «Располагает ли разведка и контрразведка информацией о том, где Младич мог находиться в Сербии прежде? Могут ли они предоставить нам такую информацию?» Я четко дала понять, что югославская армия может и не мечтать попасть в программу НАТО «Партнерство ради мира», пока Младич остается на свободе, а армия ничего не делает для того, чтобы его задержать. «Однако в случае позитивной реакции я поддержу позицию Югославии в соответствующих международных организациях», — добавила я.

Крга и Томич продолжали вести разговор в том же духе. Я спросила Кргу, отрицает ли он тот факт, что Младича видели в белградском ресторане «Милошев Конак» в день моего последнего приезда в Белград. В разговор вступил Гойович. Он начал рассказывать мне сказки о старинной балканской традиции «гайдуков», когда преступники, повстанцы и борцы за свободу скрывались в горах. «Младич может долгое время скрываться в горах, получая помощь от местного населения», — сказал он и добавил, что Младич не признает трибунал и непременно будет сопротивляться любым попыткам ареста.

«Платит ли армия разыскиваемым преступникам пенсию из военного социального фонда?» — спросил Лопес-Террес. Терзич и Гойович ответили, что эта информация не поможет найти обвиняемых, так как деньги перечисляются на счета через национальную почту, и их может получить любой, кто имеет доверенность. Потом они нагло солгали, заявив, что Младич не получает пенсии от югославской армии: ведь он, как и Винко

Пандуревич, один из обвиняемых в преступлениях в Сребренице, — отставной офицер армии боснийских сербов.

Генералы сказали слишком много. Лопес Террес немедленно представил копию формального ответа югославской армии и министра иностранных дел Югославии о том, что армия выплачивает пенсию Пандуревичу. С каждой минутой атмосфера становилась все более холодной. Терзич отрицал тот факт, что после увольнения из армии боснийских сербов Пандуревич работал инструктором в военном училище югославской армии. Он пытался заставить нас поверить в то, что Пандуревич был всего лишь курсантом. Казалось, генералы не понимают разницы между доказуемыми фактами и миром фантазий, в котором они жили. Затем они попытались жаловаться на то, что ответы на требования трибунала о сотрудничестве дорого обходятся армии. Особенно велики, по их словам, были расходы на копирование документов. Жаль, что эти слова не были записаны на пленку, чтобы вся Югославия услышала, как ее генералы жалуются на дороговизну копирования документов. «Пресвятая Мадонна!», — подумала я. Через несколько минут генерал Крга прекратил этот идиотизм и закончил разговор. Но еще до ухода генералов я успела сообщить им, что рассчитываю на помощь югославской армии в поисках Младича.

На следующий день вся сербская пресса обрушилась на меня за то, что я вместе с генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном испортила Белграду прекрасный солнечный день.

Не стоит и говорить, что встреча с генералами не принесла ничего, кроме возможности пообщаться с людьми, возглавлявшими югославскую армию. Правительство было очень раздражено. Наши попытки получить стенограммы заседания Верховного совета обороны ни к чему не привели. 13 декабря 2002 года терпению пришел конец. Настало время привлекать судей. Джеффри Найс направил в судебную палату, занимающуюся делом Милошевича, запрос под номером 54 bis. Прокурорская служба требовала заставить белградское правительство предоставить эти и другие важные документы. Найс писал:

… широта и глубина материала и помощь, требуемая для решения ключевых проблем дела против Обвиняемого. Например, документы, хранящиеся в [Федеративной Республике Югославии] — в государственных архивах обязательно имеются доказательства участия политических, военных и полицейских органов Республики Сербия и [Федеративной Республики Югославии] в конфликтах в Косово, Хорватии и Боснии и Герцеговине. Более того, такие документы, как официальные

приказы, доклады, военные и полицейские отчеты, стенограммы заседаний, заказы на поставки, инвентарные описи, платежные ведомости и корреспонденция могут стать важнейшими доказательствами в деле, которое затрагивает все уровни политической, военной и полицейской иерархии…

11 сентября 2002 года прокурорская служба информировала судебную палату, что нет никаких сомнений в том, что такие документы существуют и находятся в распоряжении властей [Федеративной Республики Югославии]. Нет никаких оправданий тому, что [Федеративная Республика Югославия] отказывается предоставить эти документы. Сообщаем также, что 27 ноября 2002 года советник министра иностранных дел и президент Национального совета по сотрудничеству с [трибуналом по бывшей Югославии] Владимир Джерич подтвердил существование ряда документов во время встречи с сотрудниками [прокурорской службы].

Найс также сообщал, что во время ноябрьской встречи Джерич сообщил прокурорской службе о том, что, хотя Федеративная Республика Югославия действительно располагает рядом запрашиваемых документов, прокурорская служба может их получить только в том случае, если согласится не обнародовать их публично. Джерич сказал, что подобные документы могут рассматриваться только на закрытых заседаниях. Он отметил, что прокурорская служба должна инициировать и поддержать просьбу о подобных мерах в отношении всех полученных документов, причем еще до того, как ей будет позволено ознакомиться с ними. Найс полагал, что обвинение может обеспечить такие меры в отношении отдельных документов в рамках рассмотрения определенных дел, но не должно брать на себя подобные обязательства в отношении всех документов. Такой подход противоречил бы основной цели трибунала, которая заключалась в открытом и прозрачном отправлении судопроизводства, и нарушал бы устои политики прокурорской службы.

Наш запрос вывел из себя министра иностранных дел Свилановича, так как содержание его переговоров с прокурорской службой стало достоянием публики. Кроме того, стало известно, что Белград скрывает стенограммы заседаний Верховного совета обороны, чтобы их содержание не стало известно Международному уголовному суду. В среду 18 декабря президент Совета безопасности ООН выпустил заявление о несоблюдении ряда резолюций. Это заявление призывало все государства и в первую очередь Федеративную республику Югославию в полном объеме сотрудничать с Международным трибуналом.

Свиланович с горечью заявил, что обвинения в адрес его страны несправедливы. Он в очередной раз попытался использовать сложившуюся обстановку, чтобы представить Сербию в роли невинной жертвы. Журналисту белградской газеты *National* Свиланович заявил, что трибунал — это петля на шее страны, серьезное препятствие на пути вступления в международные организации. «Без прояснения этой части нашего прошлого невозможно даже представить себе членство в Европейском Союзе», — заявил он. Впрочем, Свиланович продолжал лгать при каждом удобном случае. Он заявлял, что прокурорская служба требует неограниченного доступа ко всем архивам, хотя нам нужны были лишь документы Верховного совета обороны и другие документы подобного рода. Свиланович говорил о том, что сотрудничество с трибуналом никогда еще не складывалось настолько плохо. С плохо скрываемой мстительностью он посоветовал трибуналу оценить собственную работу и подумать о том, чего удалось достичь с помощью публичной критики в адрес Белграда.

Следующее публичное заявление о неудовлетворительном сотрудничестве Федеративной Республики Югославия с Международным трибуналом я сделала лишь 20 декабря. Я рассказала о том, что Свиланович отказался даже разговаривать со мной и заявил, что прокурорская служба «предала доверие белградских властей».

«Этого уже переходит все пределы, — сказала я, объясняя, что прокурорская служба располагает ограниченным временем для представления своих доказательств на каждом процессе. — Трудности в доступе к документам и свидетелям, с которыми прокурорская служба столкнулась в деле Милошевича, достигли такой степени, что ждать уже стало невозможно. Судебная палата должна быть проинформирована о возникших перед нами проблемах. Хочу повторить, что в условиях ограниченного времени, выделенного судебной палатой на конкретное дело, прокурорская служба должна иметь возможность представить в суде наиболее важных свидетелей и самые важные документы».

В конце февраля 2003 года я впервые приехала в Государственный Союз Сербии и Черногории — государство-преемник Федеративной Республики Югославия. Разведка дружественной страны сообщила мне, что действующий начальник генерального штаба национальной армии, генерал Крга подтвердил, что Ратко Младич живет в Сербии, находится под охраной собственных телохранителей и имеет полный доступ ко всем возможностям, которыми располагает армия. Мне сообщили также, что президент Коштуница осведомлен об этом.

Сначала я отправилась в Черногорию. Мне хотелось убедить премьер-министра Мило Джукановича свидетельствовать против Милошевича. Именно Джуканович в свое время привел его к власти. Джуканович начал жаловаться на то, что Коштуница и армия мешают проведению реформ и блокируют сотрудничество Сербии и Черногории с Гаагой. «Черногория будет страдать из-за последствий отказа Сербии сотрудничать с трибуналом, — сожалел черногорский премьер. — Черногория не хочет более быть заложником политики Сербии». Мне стало ясно, что новая конфедерация долго не проживет.

Однако выступить свидетелем на суде Джуканович отказался. «Милошевич никому не позволял сближаться с собой. Я не был посвящен в серьезные вопросы, — сказал он. — Милошевич никогда мне не доверял. О его реальных планах знали лишь несколько человек в Белграде». Джуканович опасался, что выступление на суде может повредить его политической карьере в Черногории. Он объяснил, что хочет реформировать страну, но располагает весьма ограниченным временем и незначительным большинством в парламенте. Он просил меня войти в его положение и поддержать усилия по сохранению стабильности в Черногории. «Даже среди моих сторонников есть люди, настроенные против трибунала», — сказал Джуканович, но все же пообещал помочь прокурорской службе в ее работе и предоставить любую информацию, какая окажется в его распоряжении.

Черногорские официальные лица, с которыми мы встречались, категорически опровергли утверждения Душана Михайловича и других белградских политиков о том, что разыскиваемые преступники, в том числе Караджич и Младич, находились в Черногории или приезжали на территорию республики. Лидеры заявили, что «кто-то» пытается возложить всю вину на Черногорию. Черногорская полиция и служба государственной безопасности внимательно следят за всеми, кто пересекает границу, а также наблюдают за теми местами, где мог бы появиться Караджич. Политики Черногории жаловались на то, что разведки других стран, в особенности США и Франции, не сотрудничают друг с другом. Еще более печальной, по их оценке, была политическая стагнация в Белграде. В такой обстановке ни один политик не рискнул бы сделать серьезный шаг, не говоря уже об аресте тех, кого разыскивал трибунал. Черногорцы полагали, что Джинджич выдвинет свою кандидатуру на пост президента Сербии, сформирует совет министров и проведет реформы. Реформа армии поможет решить проблему Ратко Младича.

В Белград я приехала 17 февраля. Я снова предупредила власти Государственного Союза и Сербии о том, что они обязаны выполнять свои международные обязательства. На встрече с министром иностранных дел Сербии и Черногории Свилановичем и председателем Национального комитета по сотрудничеству с трибуналом я сразу же заявила: «В очередной раз мне хотелось бы вернуться из Белграда и заявить, что я удовлетворена ходом сотрудничества. Однако на этот раз мне это не удастся». Слишком много серьезных проблем возникло у прокурорской службы в связи с делом Милошевича. Получил ли Зоран Лилич разрешение свидетельствовать против Милошевича? Почему выдача подобных разрешений настолько затянулась? Почему разрешение на расследование связи Милошевича с преступлениями в Косово было получено только сейчас, спустя несколько месяцев после запроса? Где запрошенные нами отчеты полиции по разыскиваемым лицам, которые, как нам известно, проживают в Сербии? Почему не отменена 39-я статья закона о сотрудничестве, противоречащая резолюции Совета безопасности ООН? Почему Душан Михайлович заявил в национальном парламенте, что полиция не будет арестовывать новых обвиняемых? Когда мы получим необходимый нам доступ к архивам? Где стенограммы заседаний Верховного совета обороны и другие документы, которые доказывают причастность Милошевича к войне в Боснии и Герцеговине и к проводимому в этой стране геноциду? Где личное дело Ратко Младича?

Я предвидела, что Сивланович сразу же заговорит о необъективности трибунала, и сообщила ему, что вскоре будет выдвинуто первое обвинение против членов албанской милиции в Косово, Армии освобождения Косово. Арест Фатмира Лимая и двух других командиров АОК был делом дней. Их обвиняли, в том числе, в убийствах, бесчеловечном отношении, пытках и избиениях сербских гражданских лиц и албанцев, содержащихся в концлагерях АОК.

Министр иностранных дел Свиланович высказал свое недовольство прокурорским запросом с требованием доступа к документам Верховного совета обороны и другим архивам. Он полагал, что информация представлена в запросе некорректно и раскрывает содержание конфиденциальных консультаций между Джеффри Найсом и представителями белградского правительства. Свиланович отметил, что, если Милошевич будет обвинен в геноциде, то позиции Боснии и Герцеговины и Хорватии в Международном уголовном суде значительно укрепятся.

«Послушайте, — сказала я. — Мне нужны эти документы. Я

должна немедленно увидеть оригиналы… Вы можете обратиться в судебную палату с требованием обеспечения соответствующей защиты».

Свиланович сообщил, что Белград удовлетворил 113 из 126 запросов, направленных прокурорской службой. Жаловался только Лилич. Свиланович полагал, что прокурорской службе не следует возражать против условного освобождения Милана Милутиновича, который был арестован по обвинению в причастности к этническим чисткам в Косово. По мнению Свилановича, это способствовало бы укреплению «уверенности» и созданию «позитивного климата», а также доказало бы уважение к гарантиям, которые государство дало обвиняемым, согласившимся сдаться добровольно. Свиланович закончил встречу заверениями в том, что Белград изменит политику сотрудничества с трибуналом. Он сказал, что «ключевые фигуры», явно имея в виду Зорана Джинджича, испытывают серьезное давление со стороны противников сотрудничества.

За несколько дней до этой встречи Зоран Джинджич повредил ногу во время игры в футбол. Мне это показалось странным. Премьер-министр страны играет в футбол и получает перелом щиколотки — очень серьезную травму, которая может помешать исполнению им своих обязанностей. Но все же он принял меня в своем кабинете. Джинджич был в деловом костюме, но на костылях, с загипсованной ногой.

Как всегда, мне было интересно узнать новости о тех, кого разыскивал трибунал. Полиция вышла на след сербского командира Шливанчанина, принимавшего активное участие в вуковарской трагедии. Руководитель Сербской радикальной партии, самопровозглашенный «дуче» Воислав Шешель, который советовал своим чернорубашечникам выковыривать хорватам глаза ржавыми ложками, скоро будет передан трибуналу. (На самом деле Шешель через неделю сдался добровольно и пообещал «уничтожить зловещий трибунал». У Джинджича была только одна просьба относительно Шешеля: «Заберите его и никогда не возвращайте назад». Он предупредил меня, что выходки Шешеля в зале суда могут быть более губительны, чем выступления Милошевича.) Горцы продолжали укрывать Караджича на неохраняемом участке границы между Боснией и Герцеговиной и Черногорией. Ходили слухи о том, что Младич скрывается где-то в районе границы Сербии с Румынией, и что власти пытаются убедить его сдаться добровольно. Обвинения в том, что генерал Перишич поддерживает контакт с Младичем, Джинджич категорически отверг. Он сказал, что «информированные Друзья» сообщили ему, что Младич окружен

и, возможно, даже содержится в заключении. Те, кто его охраняет, предпочтут скорее убить генерала, чем допустят его арест. Эти люди (Джинджич назвал их «сумасшедшими») связаны с преступниками и близки к ряду офицеров армии и полиции. Дружественная разведка сообщала нам о местонахождении Младича, но действия полиции не принесли никакого позитивного результата. Полиция заявляла о том, что постоянно следит за женой и сыном Младича, а также за их квартирой. Однако Джинджич пожаловался на то, что полиция не дает ему точной информации по Младичу. «С Младичем элемент неожиданности не сработает, — сказал он. — Слишком велико давление. К нему приковано слишком много внимания». Джинджич предложил на время оставить Младича в покое, начать считать его мелким преступником и трусом, не проявлять к нему интереса. Это позволило бы ему расслабиться, и его можно было бы взять в тот момент, когда он меньше всего ожидал бы этого. Джинджич снова пообещал мне арестовать Младича еще до лета.

Он полагал, что Сербии необходимо как можно быстрее решить все проблемы с трибуналом. Время для сотрудничества было самым благоприятным, хотя некоторые члены правительства выступали против, так как подобная политика связана с определенным политическим риском. После расформирования Федеративной Республики Югославии Воислав Коштуница остался без должности. Вскоре новый парламент Сербии и Черногории пересмотрит законы, регулирующие отношения с трибуналом, что значительно облегчит сотрудничество.

Затем я передала Джинджичу информацию, которая могла стать испытанием для его энтузиазма в отношении сотрудничества с трибуналом. Я сообщила ему, что прокурорская служба вскоре выдвинет обвинения против четырех генералов, принимавших участие в массовых убийствах и этнических чистках в Косово, в том числе в резне в деревне Мея. Жертвы этого преступления были перевезены в рефрижераторах на военно-воздушную базу в Батайнице, близ Белграда. Я сказала Джинджичу о том, что обвинение будет выдвинуто против Сретена Лукича, который командовал милицией в Косово, а впоследствии сыграл ведущую роль в свержении и аресте Милошевича. Джинджич отнесся к моему сообщению довольно нервно. Он ответил, что подобные обвинения могут породить серьезные политические проблемы, и просил меня отсрочить их обнародование, но я отказалась. «Косово — это реальная проблема для нашей страны, — сказал Джинджич. — Край медленно, но неуклонно движется к независимости.

Международное сообщество вынуждает Сербию не только примириться с этим, но еще и заботиться о Косово — этот регион во многом зависит от ресурсов и бюджета всей страны». Никто в Сербии не рискнет открыто высказаться по решению этой проблемы. Джинджич добавил, что, если трибунал выдвинет обвинения против сербских командиров в связи с преступлениями в Косово, его правительство открыто откажется от сотрудничества, поскольку в противном случае лишится поддержки полиции. В этом вопросе Джинджич был непреклонен. Правительство выступит против любых обвинений, основанных на «прямой ответственности», то есть на непосредственной отдаче приказов совершать военные преступления. Правительство не примет обвинений в адрес высокопоставленных офицеров, в том числе против Лукича.

Способствуя свержению Милошевича в октябре 2000 года, Джинджич и некоторые оппозиционные политики пошли на компромисс с Лукичем и другими офицерами югославской армии, полиции и разведки. Сотрудники этих служб давным-давно срослись с местной мафией. Такова была преступная природа режима Милошевича. За войнами в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово стояла организованная преступность. Джинджич говорил, что хотел бы разрубить этот гордиев узел. Он сам и черногорский премьер Джуканович собирались установить правительственный контроль над армией и провести чистку офицерского корпуса. «Армия — главная проблема трибунала, — сказал мне Джинджич, — основное препятствие на пути реформ. Она защищала социализм и титовскую Югославию, а теперь защищает себя от любых реформ и контроля со стороны гражданского общества. Реформы будут способствовать сотрудничеству». Джинджич также заявил, что планирует уничтожить сеть организованной преступности и связанных с ней сотрудников службы государственной безопасности. Премьер-министр уже уволил руководителя службы госбезопасности и его заместителя, потому что они не смогли справиться с задачей поиска и ареста Младича.

Я посоветовала Джинджичу быть осторожнее и передала внутренний документ трибунала, где сообщалось о заговоре с целью его убийства. Этот документ был составлен моими информаторами в Белграде, и в нем содержались имена людей, которые непосредственно участвовали в заговоре.

— Я знаю об этом, — улыбнулся Джинджич. — Они не хотят, чтобы я проводил реформы… Но не бойтесь, я могу за себя постоять.

— Но все же, — настаивала я, — к этому нельзя подходить

легкомысленно. Вы должны отнестись к подобной угрозе серьезно… Опыт подсказывает мне, что никогда нельзя предугадать, как развернутся события. Возможно, эта информация ложна. Возможно, в ней есть зерно истины…

Через четыре дня после нашей встречи была совершена неудачная попытка покушения на Джинджича. Убийца направил грузовик на его автомобиль. А 12 марта 2003 года более опытный киллер, устроившийся на крыше дома, расположенного напротив здания сербского правительства, направил снайперскую винтовку в спину Зорана Джинджича и спустил курок.

Я находилась в своем кабинете, когда Антон Никифоров, мой помощник, сообщил о том, что на Джиндича совершено покушение. Немного позже мы узнали, что премьер убит. Это был шок. Но никто из нас не удивился. Смерть Джинджича потрясла меня не так, как убийство Фальконе. Фальконе был моим коллегой, он принадлежал к той же команде. Джинджич был просто знакомым мне сербским политиком. Он был готов пойти на риск ради сотрудничества с трибуналом. Я помнила о том, как он рассказывал мне о трупах албанцев, убитых в Косово и захороненных на территории военной базы. Я помнила, как он начал работу с теми, кто согласился сдаться трибуналу добровольно. Но для меня Джинджич всегда оставался человеком, с которым не приходилось вести переговоры, которого нужно было вынуждать совершать аресты, выдавать документы и разрешения на допрос свидетелей. Я подумала о его детях. Я вспомнила его жену, Ружицу и, как отправила ее по магазинам в Лугано. Я вспомнила, как Джинджич ради блага своей страны и своего народа был готов выдать Милошевича Гааге, даже если для этого его придется похитить. Я вспомнила, как он смеялся: «Дайте мне миллиард, и вы получите Милошевича».

Глава 7
Борьба в Кигали: 2000–2001 годы

Мои первые поездки в Руанду начинались с долгих бесед со следователями прокурорской службы. Час за часом, день за днем мне открывалась ужасная трагедия, осмыслить масштабы которой было очень трудно. Наши встречи всегда начинались с гор трупов тутси и сбора свидетельских показаний и вещественных доказательств вины хуту. Но во время одной из первых бесед я узнала и о другой стороне руандийской трагедии. Мне рассказали о том, что в начале июня 1994 года высокопоставленные служители католической церкви Руанды были окружены в кирпичном соборе города Кабгайи. Тысячи напуганных людей, тутси и хуту, построили хижины и разбили палатки вокруг комплекса зданий собора. В церковной больнице лежали и тутси, и хуту с резаными и пулевыми ранениями. Каждую ночь войска хуту входили на территорию комплекса и отправляли тутси на казнь. Тела казненных валялись повсюду. Католические священники были и среди жертв, и среди преступников. Одним из раненых в больнице оказался священник, которого ранили, когда он пытался остановить хуту, пришедших за людьми, укрывшимися в его церкви. Одним из тех, кого обвиняли в геноциде, был священник Эммануэль Рукундо, хуту по национальности.

Солдаты хуту и вооруженные мачете члены местной милиции покинули Кабгайи. В четверг, 2 июня 1994 года в соборный комплекс вошли солдаты тутси из Руандийского патриотического фронта. К полудню весь комплекс — собор, больница, школа, семинария, жилые помещения — был окружен. Перед обедом солдаты РПФ разрушили стены. Перед солдатами предстали архиепископ Кигали, два епископа и несколько сопровождавших их священников. Солдаты вывели священнослужителей на открытую площадь перед собором и держали их там под прицелами автоматов под палящим солнцем. Той же ночью они вывезли захваченных священников за 15 километров к югу, в Руханго, и продержали там до воскресенья, 5 июня. Воскресным утром их перевезли в Гакуразо. Священники отслужили в местном монастыре святую мессу. Напряженность нарастала, их подвергли допросу. Двое солдат угрожали убить захваченных священнослужителей. Первые выстрелы прозвучали между семью и восемью часами вечера. Были убиты архиепископ Кигали, два епископа, аббат, девять священников и три местные девушки.

Одному священнику удалось бежать.[24]

Эти священнослужители не были виновны в геноциде. Хуту не убили архиепископа и остальных за то, что те сопротивлялись геноциду. Убийцами стали члены Руандийского патриотического фронта, то есть тутси. А ведь РПФ всегда объявлял себя спасителем Руанды! Дипломаты, журналисты и защитники прав человека всегда утверждали, что РПФ — хорошо организованная и дисциплинированная сила. Через несколько дней после убийства в Гакуразо РПФ объявила о том, что в этом преступлении виновны члены Фронта. Было сообщено, что власти разыскивают солдат, подозреваемых в причастности к убийствам, а один из них был застрелен. От руандийских правительственных чиновников я услышала официальную версию событий. Убийство священников было актом мести. Никто из офицеров не подстрекал солдат и не отдавал приказа о расстреле. К этим утверждениям я отнеслась скептически. Священников, в том числе самых высокопоставленных, четыре дня держали в заключении. Этого времени было вполне достаточно, чтобы командование хорошо дисциплинированной милиции узнало о захвате и о местонахождении пленных. При желании преступление можно было предотвратить… или отдать приказ о совершении казни.

Во время военной кампании против хуту в 1994 году войска РПФ совершали и другие нарушения международного гуманитарного права. Они убивали тысячи безоружных гражданских лиц. Верховный комиссар по правам человека ООН, экспертная комиссия ООН, правозащитная организация Human Rights Watch и Международная федерация правозащитных организаций фиксировали эти нарушения международного гуманитарного права. По сведениям организации Human Rights Watch, преступления были настолько систематическими, распространенными, многочисленными и постоянными, что командиры милиции должны были о них знать. Даже если эти командиры не отдавали приказов о массовых казнях, они не предприняли никаких действий, чтобы предотвратить совершение преступлений, призвать солдат и офицеров к порядку и наказать виновных. В начале ноября 1994 года РПФ объявил об аресте 25-ти солдат, подозреваемых в подобных преступлениях. Восемь из них обвинялись в убийствах гражданских лиц с июня по август 1994 года. К концу года военные прокуроры завершили расследование двадцати подобных дел. Майор, капрал и четверо солдат, обвиняемых в этих преступлениях, были отданы под суд и осуждены в 1997 и 1998 годах. Майор был приговорен к пожизненному заключению, остальные получили от двух до пяти

лет.

К 1999 году, когда я начала работать в Гааге, трибунал по Руанде уже пролил свет на внутренний механизм геноцида в этой стране. Но трибунал довольно жестко, хотя и справедливо, критиковали за то, что он откровенно находится на стороне победителей. Создание трибунала позволило международному сообществу снять с себя ответственность за собственное бездействие в предотвращении и остановке геноцида. Несмотря на достоверные доказательства преступлений, совершенных тутси, трибунал обвинял в геноциде только хуту. В числе обвиняемых был и так называемый «белый хуту», Жорж Руджио, бывший журналист телерадиокомпании «Тысяча холмов», которого признали виновным в призывах к геноциду. В 1994 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 955, согласно которой международный трибунал учреждался «с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года». Совершенно очевидно, что трибунал должен был рассматривать и преступления, совершенные в 1994 году на территории Руанды членами РПФ. Таким образом, трибунал был создан для расследования военных преступлений, совершенных *обеими сторонами* конфликта в Руанде. Если доказательства будут признаны достаточными, то осуждены должны были быть преступники с *обеих сторон*. Задача трибунала заключалась также в том, чтобы способствовать примирению общин тутси и хуту. Отказ от расследования преступлений РПФ являлся однозначным признаком того, что лидеры тутси останутся безнаказанными, что они стоят выше закона, что невинные жертвы их террора останутся не отмщенными. Подобный подход не мог благотворно сказаться на будущем Руанды и тысяч руандийцев, рассеянных по другим странам Африки.

В ноябре 1999 года я узнала из газет, что французский судебный следователь, Жан-Луи Брюгьер, начал расследование чудовищного акта насилия, который предшествовал и, возможно, стал поводом к началу геноцида в Руанде. Речь шла о загадочном ракетном залпе, сбившем французский самолет, на борту которого находились президент Руанды Жювеналь Хабьяримана, хуту по происхождению, и президент Бурунди Сиприен Нтарьямира. Трагедия произошла на подлете к аэропорту Кигали, 6 апреля 1994 года. При этом погибли трое французских членов

экипажа. Их родственники подали официальный запрос, и следователь Брюгьер открыл дело.

Я знала Брюгьера с середины 90-х годов. Он приобрел известность своими расследованиями деятельности террористических групп, в том числе группы самого известного террориста Карлоса по кличке «Шакал». Венесуэлец по происхождению, Карлос был членом Народного фронта освобождения Палестины. На его счету такие преступления, как захват заложников в штаб-квартире ОПЕК в Вене и многие другие. Ильич Рамирес Санчес (таково настоящее имя Карлоса) был схвачен в Судане и доставлен в Париж. В 1997 году суд приговорил его к пожизненному заключению за убийства и другие преступления. Я принимала участие в расследовании деятельности швейцарских сторонников Карлоса, которых допрашивал Брюгьер. Узнав о том, что он расследует инцидент в Руанде, я поинтересовалась у своих помощников, занимался ли этим делом Международный трибунал. Конечно, нет, и по вполне разумным соображениям. Моя предшественница, Луиза Арбур, проанализировала это событие и решила, что если прокурорская служба сможет доказать, что самолет был сбит тутси, будет слишком трудно убедить трибунал начать дело: убийство президента хотя и является преступлением, но не обязательно военным. Юрисдикция же трибунала ограничивалась только военными преступлениями.

Я была согласна с оценкой Арбур. Доказать, что убийство президента Хабьяримана — военное преступление, прокурорская служба могла только в том случае, если бы удалось подтвердить, что лица, сбившие самолет, сознательно рассчитывали на то, что это событие станет поводом к геноциду и принесет им политические дивиденды. Такой сценарий был под силу только политику макиавеллевского масштаба, или почти макиавеллевского. Многие руандийцы и в особенности хуту, журналисты и правозащитники долгие годы требовали расследования этой тайны. Я не была готова начинать настолько сложное расследование и выдвигать обвинение против тех, кто сбил самолет президента Хабьяримана. Вместо этого я предпочла Детально исследовать доказательства и представить их на рассмотрение судебной палате, которая и должна была принять решение о выдвижении обвинения. Но я не была готова и к тому, чтобы использовать ограниченные ресурсы трибунала для расследования этого дела. Теперь же эту задачу взяли на себя французы.

Я позвонила Брюгьеру и сказала, что готова всемерно способствовать его расследованию. Я сообщила, что прокурорская

служба располагает документами, связанными со сбитым самолетом. Если Брюгьер хочет получить копии документов или допросить кого-то из обвиняемых трибуналом по Руанде, он может направить нам письменную просьбу. Брюгьер прислал официальный запрос. В дальнейшем мы решили, что следствие и сбор доказательств будут вести французские власти, а потом можно будет решить, выдвигать ли обвинение во Франции или предоставить эту задачу прокурорской службе Международного трибунала. К маю 2000 года один из обвиняемых, бывший редактор националистической газеты Хассан Нгезе, прокричал из камеры, что у него есть информация о ракетном залпе. Я дала Брюгьеру разрешение допросить Нгезе в Аруше. Мы не делали тайны из этого визита, что позволило трибуналу вздохнуть с облегчением.

Мои первые встречи с Полем Кагаме, человеком, который командовал Руандийским патриотическим фронтом и занял ведущее положение в послевоенной Руанде, не были связаны с расследованием его деятельности или деятельности его бывших товарищей по оружию. Впервые мы встретились 10 февраля 2000 года. Я только что вернулась из засыпанной костями церкви в Нтараме. Наша встреча состоялась в последние минуты моего пребывания в руандийской столице. Кагаме номинально являлся вице-президентом страны. Я изо всех сил старалась смягчить настроение руандийских политиков после того, как апелляционная палата трибунала приняла решение об освобождении Бараягвизы. Я могла лишь заверить Кагаме, что за три дня постараюсь предпринять все возможные действия для того, чтобы отменить это решение и выдвинуть против Бараягвизы обвинение. Кагаме заверил меня в том, что руандийские власти готовы к всемерному сотрудничеству, но ему хотелось видеть результаты… как, впрочем, и мне.

Наша вторая встреча произошла в пятницу, 12 мая, через месяц после того как Кагаме официально вступил в должность президента страны. Мы снова встретились в последнюю минуту, хотя мой офис запрашивал разрешение несколько недель тому назад. Водитель доставил меня и нового руководителя следствия, Лорана Вальпена, в охраняемый район города, где жил президент Руанды. Кабинет Кагаме выглядел очень скромно, и я сразу это оценила: президент проявлял солидарность с рядовыми гражданами, живущими в условиях чудовищной бедности и все еще переживающими последствия геноцида. К тому времени против Бараягвизы были выдвинуты обвинения в геноциде, и я решила использовать этот факт для того, чтобы добиться большего сотрудничества с трибуналом. Во время нашей встречи

я представила Кагаме Вальпена. Я явно недооценила важность того, чтобы руандийские власти не чинили бюрократических препятствий свидетелям, которым нужно было для дачи показаний прибыть в Арушу. Я рассказала Кагаме об усилиях прокурорской службы по расследованию деятельности новых подозреваемых. Мы стремились ускорить судопроизводство, объединяя ряд дел по тематическому принципу: связанные со средствами массовой информации, с военными, с правительственными чиновниками. Это позволило бы нам одновременно рассматривать дела нескольких обвиняемых. Важной проблемой оставалось задержание разыскиваемых преступников. Кагаме постоянно повторял нам, что главные виновники геноцида скрываются в Африке и Европе. Я упомянула имя Фелисьена Кабуги, самого богатого и одного из самых разыскиваемых трибуналом преступников. Кабуга жил в Найроби под покровительством президента Кении Даниэля арап Мои. Нам не удавалось арестовать Кабугу, но мы знали, что у президента Кагаме сложились дружеские отношения с президентом арап Мои. «Почему бы вам не попросить арап Мои выдать Кабугу?» — саркастически спросила я. Кагаме ответил, что это дело трибунала, а не его. «У меня достаточно других дел», — заявил он. (Спустя год я узнала, что собственность Кабуги в Руанде была возвращена его семье. США объявили награду в 5 млн долларов за информацию о местонахождении Кабуги. Службы трибунала развесили по всему Найроби плакаты с его изображением и сообщением о награде. К 2007 году Кабуга все еще оставался на свободе.) Я сообщила президенту Кагаме, что буду просить судей трибунала в ближайшем будущем проводить суды на территории Руанды. Кагаме поблагодарил прокурорскую службу за опротестование решения апелляционной палаты об освобождении Бараягвизы. Он вновь заверил меня, что Руанда безоговорочно выполнит свои обязательства в отношении трибунала.

Через три недели я сообщила Совету безопасности ООН, что абсолютно удовлетворена сотрудничеством Кигали с Международным трибуналом. В тюрьме трибунала в Аруше находилось 42 обвиняемых, в том числе восемь бывших министров, четверо высокопоставленных военных и трое журналистов. 13 подозреваемых были в розыске, восемь — осуждены, трое из них признали себя виновными. 35 заключенных ожидали суда. Все они были хуту если относить к ним и единственного белого.

Во время моей работы в Аруше и Кигали той осенью Лоран Вальпен снова обратил внимание на то, что следственные бригады, занимающиеся поиском скрывающихся от правосудия

обвиняемых, получают от свидетелей в Европе и Африке все больше информации о преступлениях, совершенных членами РПФ во время геноцида и после него. Количество убитых исчислялось десятками тысяч. Вальпен открыл дела по 13 случаям, в том числе и по делу об убийстве архиепископа и других священников в Гакуразо. Мы знали, что следствие против РПФ не вызовет восторга в Кигали. Президент Кагаме и другие лидеры тутси всеми силами стремились доказать легитимность своей власти после победы РПФ в 1994 году. Они представляли захват страны как справедливую борьбу против чудовищного геноцида. После победы высокопоставленные офицеры РПФ заняли ведущие посты в армии Руанды. Кагаме и другие политические лидеры с удовольствием поставили своих товарищей по оружию на ключевые посты в офицерском корпусе. Режим Кагаме полностью зависел от поддержки армии. Армия Руанды продолжала вести войну против экстремистов хуту, которые снова вооружились и смешались с сотнями тысяч беженцев в восточных пограничных регионах Заира, ныне Демократической Республики Конго.

Вальпен советовал начать тайное расследование деятельности РПФ и не ставить об этом в известность власти Руанды. Он опасался, что, если президент Кагаме и другие лидеры тутси узнают о «специальном расследовании», работа следственных бригад заметно осложнится и станет более рискованной. Впрочем, руандийские власти и так уже следили за каждым шагом следователей. (Вальпен развлекал нас историями о том, как он неожиданно сворачивал за угол, останавливался, притворяясь, что завязывает развязавшийся шнурок, и тут на него налетал приставленный к нему руандийский шпик.) Мы знали, что руандийская разведка получила оборудование из США и активно использует его для прослушивания наших телефонов и факсов, а также отслеживания интернет-трафика. Мы подозревали, что руандийские власти контролируют и наши компьютерные системы, а также имеют своих агентов среди переводчиков и других сотрудников офиса в Кигали. Вальпен знал, что США, по вполне очевидным причинам, не хотят, чтобы следователи трибунала имели ультрасовременные швейцарские мобильные телефоны, недоступные для прослушивания. Другими словами, руандийцы уже абсолютно точно знали, чем занимаются следователи трибунала.

Чтобы специальное расследование увенчалось успехом, нам необходимо было получить соответствующие документы и найти свидетелей, в том числе инсайдеров. Все это можно было сделать только в Руанда Я полагала, что провести такое расследование без сотрудничества руандийских властей невозможно. В конце

концов, резолюция Совета безопасности ООН требовала, чтобы власти Руанды, равно как и власти Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины, в полном объеме сотрудничали с Международным трибуналом. Решение зависело от меня, и я решила уведомить правительство Руанды о специальном расследовании и потребовать сотрудничества. В течение нескольких недель прокурорская служба направила правительству Руанды официальный запрос о помощи в сборе информации в рамках специального расследования.

9 декабря 2000 года я лично сообщила президенту Кагаме, что прокурорская служба начинает расследование военных преступлений, совершенных членами РПФ. Наша встреча началась в скромном кабинете Кагаме в президентском районе. Когда разговор зашел о членах бывшей милиции тутси, Кагаме пригласил меня в соседнюю комнату, где стояли два дивана. Я села на один, президент устроился на втором. Советники при этом разговоре не присутствовали. Мы говорили по-английски. Я сказала, что следователи трибунала собрали доказательства по 13 массовым убийствам гражданских лиц, совершенным членами РПФ в Руанде в 1994 году. Кагаме не пытался отрицать этого. Он сказал, что военные прокуроры Руанды уже провели свои расследования, но и он, и я отлично понимали, что у руандийских властей на это было почти семь лет, этого времени вполне достаточно, чтобы осудить виновных. Кагаме понимал также, что категорически отказаться сотрудничать с трибуналом в расследовании этих преступлений невозможно. Он согласился сотрудничать, и его намерения казались искренними, но он посоветовал мне не начинать следствия сразу по всем 13-ти делам, поскольку это породит для него проемы с руандийской армией. Я испытала огромное облегчение, поскольку трибуналу и так не хватало сил на то, чтобы одновременно вести 13 дел. «Мы начнем с трех», — сказала я. Первое дело касалось убийства архиепископа и других священников в Гакуразо. Я попыталась сразу же занять господствующие высоты, говоря Кагаме о том, насколько важно для Руанды расследование преступлений, совершенных тутси. Я пыталась объяснить, что это следствие будет способствовать примирению хуту и тутси, докажет, что два народа могут забыть о разногласиях и жить в мире, процветании и демократии… Это покажет, что никто не может совершать преступления безнаказанно. Однако я понимала, что беспокойство Кагаме относительно армии небезосновательно. Возможно, он сам боялся оказаться под следствием. В конце нашей встречи я попросила Кагаме предоставить нам документы, собранные руандийскими военными прокурорами по убийству в

Гакуразо и по двум другим делам. Он сказал, что получить их можно у главного военного прокурора Руанды.

Получив согласие президента Кагаме, я не стала даром тратить время и сразу же договорилась о встрече с военным прокурором Руанды, подполковником Андре Руигамбой. Мы приехали вместе с Лораном Вальпеном. Руигамба встретил нас в военной форме. Он был предельно вежлив. Однако вместо того чтобы передать документы, руандийский прокурор сообщил нам, что этими расследованиями занимается он, и что они не имеют отношения к работе трибунала. Я заметила, что президент Кагаме согласился сотрудничать с трибуналом в отношении расследований деятельности РПФ. Подполковник Руигамба по-прежнему отказывался предоставить нам доступ к файлам, документам, архивам и свидетелям. Я объяснила, что трибунал обладает приоритетом в рассмотрении преступлений, связанных с геноцидом 1994 года в Руанде. Руанда обязана сотрудничать с трибуналом согласно международному праву. Наконец, Руигамба начал сдаваться, но сказал, что должен посоветоваться с президентом, прежде чем передавать нам какие-либо документы. Похоже, он считал, что я упоминаю имя Кагаме просто для того, чтобы произвести на него впечатление. Выходя из кабинета Руигамбы, мы с Вальпеном были настроены весьма скептически. Я предположила, что, прежде чем позвонить президенту Кагаме (если такой звонок вообще состоится), руандийский прокурор бросится к своему военному руководству, то есть к бывшим командирам РПФ, у которых есть все основания опасаться того, что их имена появятся в международных ордерах на арест.

Я не хотела давать Кагаме возможности одуматься. Через четыре дня после нашей встречи я провела пресс-конференцию в Аруше, где публично заявила, что Рубикон перейден. Открывая следствие по преступлениям, предположительно совершенным членами РПФ, Международный трибунал полностью выполнит свои обязательства. Обвинительные заключения могут быть готовы в течение года. О своей встрече с президентом Кагаме я сказала так: «Мы подробно обсудили проблемы сотрудничества, говорили о расследовании массовых Убийств, совершенных другой стороной, то есть солдатами [Руандийского патриотического фронта]…. Без помощи [Руанды] мы не добьемся результатов в этих расследованиях. Нам необходим доступ к документам и Возможность работы со свидетелями. Будем реалистами: без сотрудничества мы ничего не добьемся. Я постепенно, шаг за шагом, продвигаюсь вперед. Я не строю предположений, а работаю с фактами». Последняя часть пресс-конференции была направлена на то, чтобы показать

руандийским властям, что они — не единственные, кто обязан сотрудничать с трибуналом. Я сообщила о том, что две африканские страны укрывают десяток разыскиваемых трибуналом преступников. Хотя я не назвала эти страны, но имела в виду Кению, где скрывался Фелисьен Кабуга, и Демократическую Республику Конго. «В поиске, аресте и выдаче этих людей мы полностью зависим от доброй воли правительств этих стран», — сказала я. Самое печальное заключалось в том, что некоторые обвиняемые уже успели получить паспорта с новыми именами и иным гражданством.

Мое выступление затронуло чувствительную струну в Кигали. Генеральный прокурор Руанды, Жерар Гахима, сообщил прессе, что международное право требует, чтобы правительство сотрудничало с трибуналом, и правительство исполняет свои обязательства в полной мере. Генеральный секретарь РПФ, Шарль Муриганде, заявил журналист африканской газеты: «Без подобных действий установить должную дисциплину в армии невозможно. Наша армия состоит не из ангелов, а из живых людей, способных совершить преступление».

Несмотря на эти оптимистические заявления, мы так и не получили ответа на свой запрос относительно документов. Ни комментариев, ни реакции — ничего. Месяц шел за месяцем, и в руандийских туманах я отчетливо видела новую *muro di gomma*. Реальность была еще хуже: Руанда снова начала чинить препятствия свидетелям обвинения. Эти люди не могли попасть в Арушу чтобы дать показания против обвиняемых в геноциде.

6 апреля 2001 года, в день седьмой годовщины взрыва президентского самолета в небе над Кигали, в день седьмой годовщины начала геноцида, около 300 демонстрантов, преимущественно хуту, собрались у дверей моего офиса в Гааге. Они заявляли, что трибунал по Руанде пристрастен. Демонстранты вручили петицию с требованием, чтобы трибунал расследовал военные преступления, совершенные не только хуту, но и туте и. Через три дня я была в Кигали. На встрече с президентом Кагаме и другими правительственными чиновниками я говорила о том, что Руанда прекратила сотрудничество с трибуналом и не способствует расследованию преступлений, совершенных членами РПФ. Военный прокурор не предоставил нам никаких документов. Свидетелей обвинения не выпускают из страны. Люди приезжают в аэропорт Кигали, чтобы вылететь в Арушу, но пограничники не позволяют им подняться на борт самолета, утверждая, что у них нет каких-то документов, о которых никто раньше не слышал. Наша встреча снова проходила на территории президентского комплекса — в

конференц-зале, расположенном рядом со скромным кабинетом, где мы с Кагаме беседовали тремя месяцами ранее.

«Что вы делаете?» — спросила я президента после обмена дипломатическими любезностями. На Кагаме был элегантный серо-голубой костюм. Его жесты были резкими и уверенными. Он всеми силами стремился произвести благоприятное впечатление. Кагаме сказал нам, что выезд руандийцев за границу, причем не Только свидетелей трибунала, отныне регулируется Новыми законами. Он заверил нас, что особые потребности свидетелей трибунала будут учтены. Эта проблема была настолько мелкой, настолько смехотворной и насколько легко разрешилась, что я на минуту подумала, что она совершенно не связана с расследованием в отношении командиров тутси. Связь выяснилась лишь позже.

Затем мы перешли к главной теме нашей беседы. «Ваш военный прокурор нам не помогает, — сказала я. — Подполковник Руигамба не ответил на наш запрос». Руигамба сидел тут же и ничего не говорил.

Кагаме изобразил удивление. Он повернулся к подполковнику и строго сказал: «Пожалуйста, сотрудничайте с прокурором дель Понте. Дайте ей все, что она хочет». Кагаме говорил абсолютно категорично. Никаких возражений не последовало. Военный прокурор не произнес ни слова. «Решения принимаю я, — сказал Кагаме. — И я решил, что мы будем сотрудничать в этом расследовании».

Военный прокурор кивнул… Воплощенная смиренность!

«Bene, — подумала я. — Problema risolto».[25]

В тот же понедельник днем состоялась пресс-конференция. С руандийскими журналистами, представителями *BBC, Reuters* и других агентств встретились президент Кагаме, генеральный прокурор Рахима, подполковник Руигамба и я. Руандийцы заявили миру, что готовы сотрудничать с трибуналом по расследованию военных преступлений, совершенных членами РПФ с 1994 года. Подполковник Руигамба говорил довольно уклончиво: «Мы подтвердили нашу готовность сотрудничать с трибуналом в отношении подозреваемых в геноциде и других преступлениях против человечности». Я сказала, что удовлетворена сотрудничеством со стороны правительства Руанды особенно в отношении расследования действий офицеров РПФ, которые могут быть причастны к нарушениям международного гуманитарного права. Рахима заявил, что правительство поддерживает работу прокурора трибунала и что диалог по всем проблемам, представляющим взаимный интерес, продолжается.

Через неделю или около того, я получила секретный факс от Вальпена, который снова встречался с Руигамбой. Военный прокурор больше не юлил. Он отказался сотрудничать. «Вы неправильно поняли слова президента», — сказал Руигамба Вальпену.

Весной и летом 2001 года следователи трибунала по Руанде продолжали работать в рамках специального расследования. Они собирали доказательства геноцида и выслеживали обвиняемых, скрывающихся от правосудия, в Африке и Европе. Было совершенно очевидно, что никто из обвиняемых хуту не скрывается в Руанде. Эти люди испытывали настоящий ужас перед руандийскими властями, которые уже задержали по меньшей мере 115 тысяч подозреваемых в геноциде. Не стоит и говорить, что условия в руандийских тюрьмах были просто чудовищные. С декабря 1996 года руандийские суды вынесли около 3 тысяч приговоров. 500 человек были приговорены к смертной казни, 700 — оправданы. В апреле 1998 года 22 человека были казнены публично.

Кенийское правительство не арестовывало Фели-Сьена Кабугу но это не означает, что власти этой страны не прислушивались к требованиям трибунала о поиске и аресте других подозреваемых, скрывающихся на территории Кении. 25 апреля 2001 года кенийская полиция арестовала в Найроби руандийского епископа англиканской церкви и передала его трибуналу. Епископа обвиняли в геноциде, заговоре с целью геноцида и участии в массовых казнях. В обвинительном заключении против 47-летнего епископа Сэмюэля Мусабьямана говорилось, что он принимал участие в геноциде в регионе Гитарама, в центральной Руанде. Он платил хуту, которые и убивали людей. От своих подчиненных епископ требовал, чтобы они составляли списки беженцев, прибывающих в его епархию Шиогве, в соответствии с их этнической принадлежностью. Впоследствии по этим спискам беженцев тутси находили, хватали и убивали. Правительство Руанды приветствовало арест епископа. «Мы с энтузиазмом приветствуем арест епископа Мусабьямана, — заявил министр юстиции Жан де Дье Мусио. — Это один из множества в разной степени виновных в геноциде, которые безнаказанно скрываются в странах Запада, в частности в Бельгии, Франции, Италии и Швейцарии».

Он был прав. Мы решили исправить ситуацию. Трибунал не передавал списки подозреваемых Интерполу — самой большой в мире международной полицейской организации, которая доказала свою эффективность. Вальпен дважды встречался в Лионе с представителями Интерпола. Была достигнута

договоренность включить лиц, на арест которых трибунал выдал ордера, в список наиболее разыскиваемых преступников. Вальпен также предложил выделить дела священников в отдельное судопроизводство, поскольку прокурорская служба пытается организовать тематические процессы — по делам журналистов, военных и политических лидеров.

С помощью Интерпола следственная бригада обнаружила четырех руандийцев, обвиняемых в геноциде и скрывшихся в Европе. Два католических священника жили под вымышленными именами, один — в Швейцарии, второй — в Италии. Бывший министр финансов Руанды поселился в Бельгии, а известный певец обосновался в Нидерландах, в десяти минутах езды от моего любимого гольф-клуба. Вальпен и европейская полиция разработали план одновременных скоординированных арестов, чтобы арестовать как можно больше обвиняемых и не спугнуть остальных. Я собиралась использовать эту операцию для того, чтобы показать Кагаме и руандийским военным: трибунал делает все, что в его силах, для ареста подозреваемых в геноциде.

Аресты проходили 12 июля 2001 года в трех странах. В Швейцарии полиция задержала бывшего капеллана руандийской армии Эммануэля Рекундо. Католического священника обвиняли в причастности к убийствам тутси в Кабгайи. В обвинительном заключении числилось четыре факта геноцида, соучастие в геноциде, убийство и преступления против человечности. Рекундо стал первым католическим священником, арестованным трибуналом по Руанде. В Бельгии полиция арестовала бывшего министра финансов Руанды Эммануэля Ндиндабахизи. Ему было предъявлено обвинение в геноциде, преступлениях против человечности и убийстве. В голландском Лейдене полиция арестовала Симона Бикинди, популярного руандийского музыканта. Его обвиняли в участии в массовых казнях тутси и содействии организации «Interahamwe».

Планировался и четвертый арест. Но власти Италии отказались исполнить требования ордера, утверждая, что это не входит в их компетенцию. В течение нескольких месяцев мы с Вальпеном вели переговоры с Ватиканом и итальянским правительством об аресте обвиняемого. Речь шла об еще одном католическом священнике, Атанасе Серомбе. Он работал в приходе Ньянге. В обвинительном заключении утверждалось, что Серомба принимал участие в убийстве 2 тысяч человек, укрывшихся в его церкви. Стены были снесены бульдозерами, крыша рухнула, а члены милиции хуту расстреливали всех, кто пытался бежать. Серомба скрылся в Конго, а затем с помощью монахинь и священников получил предложение «учиться» в Риме.

Под вымышленным именем Серомба занимал должность помощника приходского священника во флорентийской церкви, а в 2000 году перебрался в Сан-Мауро-а-Синья. Я подписала обвинительное заключение по его делу 8 июня 2001 года. Серомба отрицал свою причастность к резне в Ньянге, называл обвинения в свой адрес политически ангажированной ложью. Неудивительно, что ему хотелось, чтобы его оставили в покое. Он заявил, что объяснится на проповеди в воскресенье, после чего его должны были арестовать. В церкви собрались все прихожане, которые, как писали в газете *The Guardian*, хотели узнать, будут ли считаться действительными заключенные им браки и другие церковные акты, если выяснится, что он действительно принимал участие в геноциде в Руанде. Серомба никаких разъяснений не дал. Он просто не появился. Церковные власти спрятали его.

Я была, мягко выражаясь, в ярости. Я заявила журналистам: «Италия, очевидно, не имеет представления о том, что обязательство исполнить наш ордер на арест является международным обязательством, и местные законы здесь не причем. В свете обвинений, выдвинутых против обвиняемого, я искренне надеюсь на то, что Италия докажет свою способность исполнять взятые на себя обязательства». Слободан Милошевич был передан в Гаагу несколькими неделями раньше, и я могла провести очевидную параллель: «Это скандал. Белград передал нам Милошевича, а Рим не позволяет арестовать этого обвиняемого».

Итальянские журналисты полагали, что правительство не исполнило ордер на арест под давлением Ватикана. Католическая церковь отчаянно пыталась скрыть ту роль, которую некоторые священники сыграли в геноциде в Руанде. В середине июня 2001 года Ватикан подверг сомнению объективность бельгийского суда, который признал двух руандийских монахинь виновными в преступлениях, связанных с геноцидом. Сестра Жюльенна Кисито и сестра Гертруда Муканганго были приговорены к 12 и 15 годам заключения соответственно за участие в убийствах тысяч гражданских лиц, укрывшихся в их монастыре. Свидетели показали, что эти монахини активно помогали эскадронам смерти разыскивать прячущихся тутси. Они же принесли бензин, с помощью которого было подожжено здание, где прятались гражданские лица. Представитель Ватикана, Жоакин Наварро Вальс, заявил: «Святейший престол не может не выразить удивления в связи с тем, что ответственность за действия, осуществленные столь многими людьми и группами, принимавшими участие в ужасном геноциде в сердце Африки, возложена на столь немногих».

Я отправилась в Ватикан, где пыталась убедить церковные власти воздействовать на Серомбу и заставить его сдаться трибуналу. Переговоры ни к чему не привели. Представитель Ватикана заявил, что Серомба хорошо работал в Сан-Маура-а-Синья и что церковь не может ничего сделать в данной ситуации. Арест священника — дело светских властей. В то же время католическая церковь была очень заинтересована в расследовании убийств в Гакуразо, где погибли архиепископ Руанды и другие высокопоставленные священники.

Об аресте Серомбы я дважды беседовала с премьер-министром Италии Сильвио Берлускони. Последняя встреча состоялась в октябре 2001 года. Премьер-министр заверил меня, что, если дело не решится в течение нескольких месяцев, он издаст специальный указ по этому поводу. Я вздохнула с облегчением. После нашей встречи Берлускони предложил мне побеседовать тет-а-тет. Конечно, я согласилась. Он заговорил о расследованиях миланского следователя Ильды Бокасссини начала 90-х годов, которая обвиняла политических лидеров Италии в коррупции и стремилась сделать финансовые потоки в стране прозрачными: «Вы помогали этим итальянским следователям, а они все коммунисты. Они красные, и у них нет доказательств. Они все придумывают… Почему вы им помогали? Это нужно остановить…» Берлускони открыто критиковал меня в прессе, хотя я находилась в Швейцарии. Теперь же он делал вид, что я действовала из лучших побуждений, но была обманута Бокассини и другими итальянскими следователями.

Нам пришлось несколько месяцев ждать ареста Серомбы. Наконец, он поднялся на борт самолета, доставившего его в Арушу, где он был помещен в тюрьму ООН. Флорентийская епархия издала специальное заявление, в котором говорится, что решение Серомбы сдаться проистекает из желания «пролить свет на тяжкие обвинения в его адрес, о которых он узнал только из газет». Должна сказать, что судебная палата признала Серомбу виновным в геноциде и массовых убийствах. Его приговорили к 15 годам заключения.

К осени 2001 года руандийское правительство и военные так и не предоставили нам документов об убийствах, предположительно совершенных РПФ в 1994 году. В конце 2001 или в начале 2002 года я прилетела в Кигали, чтобы встретиться с генеральным прокурором Руанды, тем самым человеком, который заверял весь мир в том, что его страна готова сотрудничать со следователями трибунала. В ходе разговора мне стало ясно, что Гахима в курсе всех наших действий и результатов расследования. Он знал, куда направляются наши следователи, и

какие показания им удалось собрать. Из-за этого возникали проблемы защиты свидетелей и обеспечения безопасности следователей. Я отозвала троих следователей из Кигали в Арушу, чтобы вести специальное расследование за пределами Руанды.

К концу 2001 года мы знали о том, что Брюгьеру расследовавшему катастрофу президентского самолета, удалось собрать достаточное количество доказательств. Вскоре должны были быть выписаны ордера на арест ряда офицеров РПФ, которые ныне занимали высокие посты в армии Руанды. Брюгьер предупредил нас, что мы можем столкнуться с проблемами со стороны Кагаме и других членов руандийского правительства.

17 мая 2002 года я встретилась с Брюгьером на военном аэродроме близ Парижа. Он еще не завершил свое расследование, однако, сообщил мне, что располагает доказательствами причастности к убийству президента Кагаме. В подробности он вдаваться не стал, но я попросила его предоставить моим сотрудникам доступ к доказательствам, чтобы мы могли правильно оценить имеющийся материал. Брюгьер согласился. Он сказал, что ему удалось найти надежных свидетелей, охрана которых обеспечена. Но и тут имелись сложности, поскольку министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин не желал дальше обеспечивать охрану свидетелей. «Я знаю Ведрина, — сказала я. — С ним лучше ни на чем не настаивать…» И Брюгьер, и мы нашли свидетелей в Демократической Республике Конго и в Уганде. Прокурорская служба пыталась обеспечить безопасность других потенциальных свидетелей, которым нужно было покинуть Руанду. Несколько свидетелей выехали из страны, но теперь хотели вернуться домой. Впоследствии мы узнали, что они рассказали властям в Кигали все, что сообщили нашим следователям.

Весной 2002 года я отправилась в Руанду, где отмечалась очередная годовщина геноцида. Правительство страны нам совершенно не помогало. Теперь мы с моими помощниками почувствовали, что нам здесь совершенно не рады. Нам пришлось три часа ехать на машине к месту массовых казней. Президент Кагаме был уже там. Рядом с ним стоял генеральный прокурор Рахима. Тут же находились и все те, с кем мы так часто встречались. Никто на нас не смотрел. Никто с нами не здоровался. Я села на отведенное мне кресло в дипломатическом секторе и стала слушать речи на языке киньяруанда. Я ничего не понимала, ничего не чувствовала, кроме подавленности и раздражения. Было очень жарко и мне приходилось постоянно пить воду, чтобы избежать обезвоживания. Обратная дорога заняла еще четыре часа. Я чувствовала неприязненное отношение

к себе и к трибуналу. Я знала, что-то упущено…

Глава 8
Борьба в Белграде: 2003–2004 годы

Холодным весенним днем я посетила могилу Зорана Джинджича. Я просила правительство не позволять журналистам устраивать цирк и нарушать покой нового белградского кладбища Ново Гробле. В этом вопросе министр иностранных дел Горан Свиланович пошел мне навстречу и сдержал слово. Власти оцепили кладбище силами полиции, а на крышах разместили снайперов. Мои помощники и я принесли на могилу цветы. Букеты гвоздик, пастельного цвета гербер, красных, желтых и белых роз с зеленью покрыли мраморную плиту. Я зажгла свечу, как это принято у православных. В полном молчании мы постояли у могилы. Потом я коснулась креста, простилась еще с одним хорошим, смелым человеком и пошла прочь.

Я хотела присутствовать на похоронах Джинджича. Мне хотелось отдать дань памяти и уважения вместе с сотнями тысяч людей, которые в молчании провожали его в последний путь. Похороны Джинджича стали красноречивой демонстрацией отвращения народа к преступной мафии, разъедающей страну, экономику, правительство и в особенности службы безопасности. Свиланович первым посоветовал мне не появляться на похоронах. Он сказал, что мое присутствие будет расценено как провокация и может помещать дальнейшему сотрудничеству с трибуналом. Министр иностранных дел заявил временно исполняющему обязанности дипломатического представителя Швейцарии в Белграде Жану-Даниэлю Рушу, что мое желание присутствовать на похоронах — циничная попытка в очередной раз привлечь внимание журналистов. Это было отвратительно. Я позвонила министру внутренних дел Душану Михайловичу, и он пригласил меня присутствовать на похоронах. Но затем Белград неожиданно сообщил мне, что семья Джинджича возражает против моего присутствия. Я не могла этому поверить. Мой помощник, Антон Никифоров, связался с женой Джинджича, Ружицей, и она сказала, что семья будет рада, если я приеду. После этого Михайлович проинформировал нас о том, что «все правительство» решило, что мне будет лучше воздержаться от приезда в Белград. Свиланович сообщил, что на любом пограничном пункте Сербии ко мне отнесутся как к персоне нон грата.

Свиланович и другие белградские политики решили использовать убийство Джинджича в качестве оправдания своего

нежелания сотрудничать с трибуналом. Они утверждали, что Джинджича убили за то, что он пошел на сотрудничество. Это чудовищное объяснение. Убийцами Зорана Джинджича двигали совершенно ясные мотивы, и главным из них было желание сохранить привилегированное положение, которое позволяло безнаказанно творить любые преступления. Убийцы принадлежали к «красным беретам» — элитному военному подразделению службы безопасности, созданной Милошевичем. Это подразделение принимало участие в этнических чистках в Хорватии, в геноциде в Боснии и Герцеговине, в убийствах мирных албанцев в Косово. «Красные береты» парадом проходили по Белграду, словно они были героями. Эти люди занимались рэкетом, транспортировкой наркотиков, незаконной торговлей оружием. Они контролировали проституцию и совершали заказные убийства. Словом, они занимались всем, что приносит прибыль организованной преступности. Командир подразделения Милорад Улемек Лукович дезертировал из Французского иностранного легиона. Себя он называл «легия», то есть легионером. Именно он организовал покушение на Джинджича. В годы накануне падения Милошевича непосредственными начальниками Луковича были Френки Симатович и Йовица Станишич. Эти люди развязали насилие в Югославии с целью создания Великого Сербского государства. Последствия их действий были катастрофическими.

Я не собиралась ослаблять давления на Сербию после убийства Джинджича, иначе это можно было бы расценить как поощрение капризного ребенка за дурное поведение. Я собиралась использовать все возможности, возникшие вследствие этого преступления, чтобы добиться арестов Младича и Караджича, а также двадцати других обвиняемых, все еще находящихся на свободе в Сербии. Мне нужно было завершить формулировку обвинительных заключений против Станишича, Симатовича и других высокопоставленных сотрудников службы безопасности и руководителей армии. Кроме того, мы должны были как можно быстрее получить документальные доказательства причастности этих людей к преступлениям, совершенным в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово.

Такая возможность вскоре представилась. После убийства Джинджича белградские власти развернули общенациональное наступление на организованную преступность. Операция получила кодовое название «Сабля». Полиция провела сотни арестов. Были раскрыты многие остававшиеся нераскрытыми преступления, в том числе политические убийства и убийства в гангстерском мире. Все эти преступления были связаны с

Милошевичем, его женой и его ставленниками. Однако я с разочарованием узнала, что в результате операции «Сабля» не был задержан ни один из тех, кого разыскивал трибунал. Джинджич много раз обещал мне, что добьется ареста Младича. Меня беспокоило, что его преемник на посту премьера, Зоран Живкович, не захочет исполнять наказов своего предшественника.

2 апреля 2003 года Свиланович и министр внутренних дел, Душан Михайлович, человек, обещаниям которого я больше не верила, тайно прибыли в Гаагу. Мы встретились с ними в тот же день в официальной резиденции посла Белграда в Нидерландах. Услышав ритуальные заклинания «взаимная помощь», «общность интересов» и «сотрудничество», я совершенно не удивилась. Свиланович заявил, что властям Белграда и прокурорской службе нужно найти общие интересы. Ему нужна была помощь трибунала. Министр сказал, что настало время достичь взаимного соглашения относительно высокопоставленных лиц, являющихся объектами наших расследований. Пока мы разговаривали, госпожа посол принесла нам воду и сок. Судя по всему она не хотела, чтобы обслуживающий персонал слышал наш разговор.

Помедлив несколько минут, я согласилась назвать Имена тех, кому мы собираемся предъявить обвинения: генерал Павкович, генерал Джорджевич, генерал Лазаревич и генерал Лукич по Косово; Йовица Станишич, Френки Симатович и генерал Перишич по Хорватии и Боснии; Горан Хаджич по Хорватии. Следственные бригады уже готовят список второй очереди.

Свиланович спросил, не можем ли мы исключить Лукича, Павковича, Лазаревича и Перишича из своего списка или позволить судить их в Сербии. Я спросила, хочет ли министр оставить их безнаказанными. «Да», — ответил он. Свиланович сказал, что Белград еще даже не обсуждал возможности выдвижения обвинений против Лукича и Лазаревича, а Павкович необходим для того, чтобы обеспечить правительству поддержку армии.

Министр внутренних дел Михайлович повторил все то, что Джинджич говорил мне в феврале. Он настаивал на том, что сербское правительство не примет от трибунала никаких обвинений, основанных на «ответственности командования». Приняты будут только обвинения, основанные на «прямой ответственности», то есть обвинения против тех, кто отдавал непосредственные приказы о совершении военных преступлений. Но если трибунал выдвинет обвинения против высшего командования — Лукича, Павковича, Лазаревича и Перишича, — сербское правительство выступит против. Обвинения против Сретена Лукича и генерала Лазаревича могут иметь трагические

последствия для Сербии.

Судя по всему, министры имели намерение направить дискуссию в определенное русло, чтобы предотвратить требования прокурорской службы об аресте и выдаче высокопоставленных офицеров армии и службы безопасности. Они пытались доказать нам, что «лучшее» — враг «хорошего», и хотели представить наше стремление выдвинуть обвинения против высшего командования как обычный каприз или прихоть. Было совершенно ясно, что попытки спасти Лукича, Лазаревича, Павковича и других генералов от ареста продиктованы исключительно соображениями политической целесообразности. Скорее всего, эти офицеры или их друзья принимали участие в полицейской операции, проведенной после убийства Джинджича. Когда любое правительство начинает борьбу с коррупцией с ареста полицейских с запятнанной репутацией, с некоторыми из таких людей происходят чудесные превращения. Возможно, в том, чтобы снять их с крючка и есть определенная политическая целесообразность. Но кто ответит за тысячи жертв этих генералов, которые, согласно обвинению, исполняли волю Милошевича?

Министры пытались убедить меня в том, что полиция и армия во время проведения операции в Косово стали всего лишь жертвами обмана, а реальными виновниками происходящего были Милошевич, Никола Шайнович, местные лидеры партии Милошевича и убежденные националисты всех рангов. Конечно, во всем был виноват Милошевич. Вторым главным виновником являлся министр внутренних дел Влайко Стоилкович, который годом раньше совершил самоубийство на ступенях здания парламента. Кроме того, вина лежит еще на двух министрах: руководителе службы госбезопасности Раде Марковиче, непосредственно связанном с Милошевичем; и руководителе службы общественной безопасности генерале Джорджевиче, по слухам, бежавшем в Россию. Михайлович Повторил, что Сретен Лукич, который, по нашим сведениям, командовал полицейскими подразделениями в Косово, был на «два или три уровня» ниже Джорджевича. Министр внутренних дел лично поручился за Лукича. «Мы уверены, — утверждал Михайлович, — что Лукич — честный человек. Он не обогатился в годы правления Милошевича». По его словам Лукич не входил в ближний круг Милошевича, и тот не выдвигал его на более высокие посты. Партия Милошевича обвиняла Лукича в том, что он защищает албанцев. Лукич не отдавал приказов, на основании которых его можно было бы обвинить в преступлениях, и лично арестовал убийц Зорана Джинджича. По мнению Михайловича, Лукич

никоим образом не был связан с «красными беретами», виновными в убийстве Джинджича и во многих других политических убийствах.

Тут в разговор вступил министр иностранных дел Свиланович, и о генералах на время забыли. Он сказал, что правительство хочет как можно быстрее передать трибуналу двух разыскиваемых прокурорской службой лиц. Эти люди долгие годы командовали Луковичем и «красными беретами». Речь шла об Йовице Станишиче и Френки Симатовиче, арестованных в ходе операции «Сабля». «Мы не можем задерживать их долго, — сказал Свиланович. — Ускорьте процесс обвинения, чтобы мы могли отправить их в Гаагу». Свиланович объяснил, что парламент вскоре внесет изменения в закон о сотрудничестве с трибуналом и исключит из него статью, запрещающую арест и выдачу лиц, обвинение которым было выдвинуто после принятия закона. Я согласилась немедленно ускорить выдвижение обвинений против Станишича и Симатовича, но при этом категорически отказалась отзывать обвинения против генералов и других лиц.

Затем Михайлович сказал, что полиция использовала операцию «Сабля» для того, чтобы найти скрывающихся от трибунала на территории Сербии боснийских сербов. Он подчеркнул, что армия активно участвует в этом процессе под руководством генерала Крги и нового руководителя военной разведки. Разведка получила недвусмысленный приказ выявить всех разыскиваемых, имевших связи с армией, в том числе и двух офицеров армии боснийских сербов, которых обвиняли в том, что они принимали участие в резне в Сребренице: Любишу Беару и Винко Пандуревича.

Михайлович сообщил нам, что армия лишила Младича поддержки. Младич некоторое время находился в Боснии, вместе с Караджичем, но потом Караджич отослал его, и Младич вернулся в Сербию. Министр внутренних дел отказался рассказать, куда ведут следы Младича, но зато впервые подтвердил тот факт, что разыскиваемый нами преступник скрывается в Сербии, а Караджич — в Боснии и Герцеговине. Вскоре мы узнали, что, даже по версии Михайловича югославская армия обеспечивала Младичу укрытие, транспорт, медицинские услуги и финансовую поддержку. Михайлович сообщил, что сербская полиция готова сотрудничать с иностранными разведками в деле поиска и ареста Караджича и Младича. Задача облегчается тем, что Коштуница и его люди более не имеют властных полномочий.

По залу посольской резиденции продолжали кружиться обещания об аресте других разыскиваемых трибуналом лиц. Если

Шливанчанин, которого обвиняют в причастности к убийствам пленных в Вуковаре, в течение ближайших недель не сдастся добровольно, его арестуют и выдадут Гааге. Правительство не будет возражать против обвинений в адрес генерала Джорджевича. Настало время скоординировать следственные усилия и раскрыть военные преступления в Косово. Правительство хочет допросить Шешеля и Милошевича в тюрьме трибунала.

Я воспользовалась случаем, чтобы в очередной раз потребовать от Белграда обеспечить доступ следователей и юристов прокурорской службы к потенциальным свидетелям и документам, речь о которых шла более года. Более всего нас интересовали стенограммы заседаний Верховного совета обороны. Как всегда, никакого внятного ответа я не получила. В конце разговора Михайлович совершенно в стиле «Миссия невыполнима» объявил, что наша встреча была абсолютно неофициальной и сугубо конфиденциальной.

Парламент Государственного Союза Сербии и Черногории изменил закон о сотрудничестве с Международным трибуналом и удалил пресловутую 39-ю статью, вызывавшую столько нареканий. 19 мая я вернулась в Белград, чтобы обсудить новые аресты и развитие следственного процесса. Преемник Джинджича на посту премьер-министра Сербии Зоран Живкович сказал, что его правительство хочет к концу года разрешить все проблемы, связанные с трибуналом, в том числе с арестами и выдачей разыскиваемых, которые скрываются на территории Республики Сербия. Он объяснил, что правительство проводит радикальную реформу национальной армии, на которую потребуется полгода. Реформа поможет преодолеть сопротивление аресту Ратко Младича. Живкович предоставил мне письменные отчеты разведки о местонахождении Младича и Шливанчанина. (Шливанчанин находился под постоянным наблюдением и угрожал взорвать себя.) Сербский премьер подтвердил, что готов в ближайшем будущем выдать Гааге Станишича и Симатовича.

Живкович вновь попросил меня не выдвигать обвинений в адрес генерала Перишича, Сретена Лукича, генерала Павковича и генерала Лазаревича, чтобы не подрывать стабильность политической обстановки в Сербии. «Это невозможно», — ответила я. Я не могла обещать прекратить расследование в отношении этих четверых. Если следователи соберут достаточно доказательств их вины, я передам обвинительные заключения в судебную палату. Однако я была готова проявить гибкость и некоторое время не выдвигать обвинений, а затем уведомить об этом Живковича: «Мы могли бы обсудить этот вопрос после

арестов Младича, Шливанчанина и других разыскиваемых». К этому времени я ясно дала понять сербскому премьеру, что одних лишь добрых намерений и попыток недостаточно. Я вновь заявила о том, что мы до сих пор не получили доступа к важным документам, в том числе к личному делу Ратко Младича и к расшифровкам радиоперехватов переговоров албанской милиции в Косово, то есть АОК.

Затем меня ожидал обед с министром иностранных дел Свилановичем, министром обороны Борисом Тадичем и их заместителями. Тадич сразу же заявил, что арестовывать тех, кого разыскивает трибунал, должна полиция, а не армия и не министерство обороны. Я сразу почувствовала себя в знакомой обстановке. Я предупредила Тадича о том, что генерал Крга уже пытался объяснить мне, что армия не должна заниматься поиском и арестом преступников, а бывший министр внутренних дел Душан Михайлович полагал, что полиция не может арестовывать военных. На это Тадич сказал лишь то, что армия и полиция тесно сотрудничают и «расследуют» дело Младича.

После разговора о выдаче потенциальным свидетелям разрешений давать показания против Милошевича Свиланович снова начал критиковать меня за публичные заявления, сделанные в США. Когда меня спросили об аресте разыскиваемых лиц, я откровенно заявила, что не знаю, кому в Белграде можно доверять. Свиланович назвал мои слова «вызовом правительству» и заверил меня, что «двери Белграда всегда открыты», и нет необходимости выносить наши разногласия на публику. Я не могла оставить это замечание без комментариев, но мне все же удалось удержаться в дипломатических рамках. «Так много деклараций… так много заявлений о политической воле… так много обязательств… и так мало результатов, — сказала я. — Власти должны сотрудничать… Они должны дать нам что-то, а не только просить».

Я уже напомнила Свилановичу о наших постоянных просьбах обеспечить доступ к стенограммам заседаний Верховного совета обороны. Прокурорская служба знала, что эти документы помогут точно доказать связь Милошевича и других политических лидеров Белграда с военными преступлениями, совершенными в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово. Я потребовала от Свилановича выдать эти документы. Он отказался, сказав, что, как он уже много раз говорил во время наших личных встреч и в прессе, эти документы не должны попасть в руки судей Международного суда, рассматривающих иски Хорватии и Боснии и Герцеговины против Федеративной Республики Югославия, преемник которой — новый Государственный Союз Сербии и

Черногории. Однако Свиланович снова подтвердил, что правительство готово предоставить их в том случае, если судебная палата обеспечит «защитные меры». Подобные документы могут рассматриваться только на закрытых заседаниях судьями трибунала и не могут обсуждаться публично, поскольку в этом случае они станут доступными для Международного уголовного суда. Свиланович предложил, чтобы прокурорская служба либо направила в судебную палату, рассматривающую дело Милошевича, запрос с требованием обеспечения защитных мер данных документов, либо в письменной форме поддержала запрос белградского правительства об обеспечении подобных мер. Я заявила, что требовать защиты документов — дело правительства, а не прокурорской службы.

24 мая 2003 года я сообщила об этом в письменной форме, отправив Свилановичу письмо, в котором объясняла, что для расследования дела Милошевича необходимы документы, связанные с работой Верховного совета обороны. Зоран Лилич сообщил Джеффри Найсу об этих документах несколько месяцев назад. Необходимо, чтобы он как можно быстрее получил разрешение давать показания. Сербы были готовы предоставить материалы, которые помогли бы нам обвинить Милошевича в геноциде. Я понимала, что, если не разрешить данную политическую ситуацию, обвинение не получит необходимых документов в течение многих месяцев, а то и лет. Я была готова заявить, что не возражаю против *разумных* защитных мер согласно процедурному правилу 54 bis, которое позволяет защищать материалы, связанные с интересами *национальной безопасности*. Я направила Свилановичу письмо, в котором четко разъясняла свою позицию:

> Будучи президентом Национального совета по сотрудничеству (НСС) с [трибуналом по бывшей Югославии], Вы предложили, чтобы для получения вышеупомянутых документов в целях судопроизводства прокурор обязался поддержать требование Сербии и Черногории об обеспечении защитных мер в отношении тех документов или их части, относительно которых, по мнению правительства, такие меры необходимы.
>
> Рассмотрев Ваше предложение и действуя в духе сотрудничества и доброй воли, а также в духе наших переговоров в Белграде, я подтверждаю свою готовность поддержать в целом требование Сербии и Черногории об обеспечении защитных мер в отношении документов или частей документов, связанных с работой [Верховного

совета обороны] с момента президентства З[орана] Лилича (1993–1997), относительно которых, по мнению правительства, такие меры необходимы.

Совершенно очевидно, что подобные защитные меры должны быть разумными и должны учитывать интересы прозрачности судопроизводства. Очевидно и то, что Сербия и Черногория обязаны ходатайствовать перед судебной палатой в поддержку обеспечения защитных мер. Судебная палата может принять или отвергнуть это ходатайство… В любом случае правило 54 bis… обеспечивает применение подобных защитных мер в тех случаях, *когда затрагиваются вопросы национальной безопасности*.

В отношении документации [Верховного совета обороны], затребованной обвинением, я считаю, что после получения данного письма моим сотрудникам должен быть обеспечен немедленный и полный доступ к упомянутым документам. После ознакомления с архивами персонал [прокурорской службы] составит список документов, необходимых для судопроизводства. Затем НСС изучит его и определит, в отношении каких документов или частей документов правительству необходимы гарантии защитных мер. Остальные документы из этого списка должны быть представлены немедленно.

Я также прошу Вас, в целях обеспечения ускорения подготовки затребованных материалов к судебным заседаниям, обеспечить [обвинению] немедленный доступ ко всем документам, отобранным сотрудниками прокурорской службы и просмотренным НСС, разумеется, с указанием тех документов, в отношении которых требуются защитные меры. Тогда [прокурорская служба] сможет обработать и подготовить все документы, в том числе и защищаемые, для суда. Сотрудники [прокурорской службы] будут работать с защищаемыми документами самым конфиденциальным образом, *хотя решение об использовании их в суде и об обеспечении их защиты будет принято судебной палатой.* [26]

Когда белградские юристы встретились с судьями судебной палаты по вопросу обеспечения защитных мер в отношении документов, связанных с работой Верховного совета обороны, они предъявили и это письмо, хотя его ни в коей мере нельзя было считать ни соглашением, ни сделкой.

Вскоре Белград арестовал и передал трибуналу ряд обвиняемых. 17 мая был передан Мирослав Радич, которого обвиняли в участии в казни пленных из вуковарского госпиталя. 30 мая мы получили Френки Симатовича. 11 июня был передан Йовица Станишич. 13 июня в своем доме был арестован Шливанчанин. 4 июля добровольно сдался бывший начальник зловещего концлагеря Омарска Зелко Меякич. 15 августа был выдан Митар Рашевич, начальник охраны печально известной тюрьмы в Фоче. 25 сентября добровольно сдался Владимир Ковачевич, которого обвиняли в артиллерийском обстреле Дубровника.

16 июня в Гаагу прилетел Зоран Лилич. Он не был арестован и не помещен в тюрьму трибунала с Милошевичем и другими обвиняемыми. Он должен был стать самым высокопоставленным сербским свидетелем обвинения по делу Милошевича. Впрочем, Лилич не подтвердил причастности Слободана Милошевича к геноциду. Он даже дружески перебранивался с ним во время перекрестного допроса. Однако его показания, особенно во время прямого допроса, были весьма полезны для обвинения. По мнению аналитиков обвинения, показания Лилича доказывали, что Милошевич играл в Верховном совете обороны ведущую роль. Именно Милошевич создал тайный механизм выплат сотням офицеров югославской армии (в том числе и Ратко Младичу), которые возглавили вооруженные силы сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Лилич подтвердил тот факт, что печально известные «красные береты» влияли на работу министерства внутренних дел в Белграде, и что этим подразделением командовал Станишич, который непосредственно подчинялся Милошевичу. Показания Лилича доказали, что Белград и сербы в Хорватии и Боснии и Герцеговине создали специальный совет по координации «государственной политики». Благодаря показаниям Лилича стало ясно, что руководители боснийских и хорватских сербов, в том числе и Ратко Младич, часто встречались с Милошевичем. Генерал Перишич решал с Милошевичем военные вопросы и вне Верховного совета обороны. Но самыми важными и губительными для Милошевича стали те стенограммы заседаний Верховного совета обороны, которые представил в качестве доказательства Лилич. Это была лишь малая часть тех документов, которые прокурорская служба запрашивала у белградского правительства.

Борьба за эти документы велась за закрытыми дверями. 5 июня 2003 года судебная палата гарантировала защиту документов и отдала приказ об их выдаче. К сожалению, эти защитные меры, а также требования конфиденциальности не

позволяют мне даже сейчас раскрыть детали юридических аргументов и правил, которыми судебная и апелляционная палаты руководствовались, обеспечивая защиту этим документам. Однако я могу сказать, что ни Джеффри Найс, ни я, ни другие члены прокурорской службы не считали меры, соблюдения которых потребовало сербское правительство, справедливыми, поскольку данные документы никак не затрагивали вопросов «национальной безопасности», предусмотренных правилом 54 bis. В заявлении для прессы бывший юридический советник Вилановича Владимир Джерич сообщил, что правительство требует гарантий конфиденциальности представленных документов с целью защиты «национальных интересов». Под «национальными интересами» имелся в виду исход дела, рассматриваемого Международным уголовным судом. Правило 54 bis к таким случаям неприменимо. Тот факт, что решение о защитных мерах принималось судебной и апелляционной палатами, доказывает, что обвинение посчитало данные защитные меры необоснованными, и подало протест. Но даже после того как 5 июня 2003 года судебная палата приняла решение о защите документов, прокурорская служба начала получать их далеко не сразу. Для получения необходимых документов приходилось постоянно посылать бесконечные просьбы и запросы в Белград.

Летом 2003 года имена Караджича и Младича постоянно оставались на слуху. 25 июня в Париже я встречалась с президентом Жаком Шираком. Встреча состоялась в кабинете президента в Елисейском дворце. Дворец производил величественное впечатление — мраморные колонны, сверкающие золотом канделябры, изысканная мебель… Все это напоминало о Людовике XV, маркизе Помпадур, множестве придворных, революционеров, президентов и министров прошлого… Во время нашей предыдущей встречи Ширак упомянул имя президента России Бориса Ельцина. По его словам, Ельцин заявил, что Россия не позволит трибуналу арестовать Радована Караджича. Ширак сказал, что Ельцин посоветовал Караджичу покинуть Сербию и укрыться в Беларуси. «Я готов вывезти его из Боснии на вертолете», — сказал Ельцин. В тот раз я приехала в Енисейский дворец одна, захватив с собой особо важные документы, которые хотела показать французскому президенту. Мне не хотелось ставить его в неловкое положение в присутствии моих помощников. Вплоть до момента нашей встречи эти документы оставались секретными. Но обвинение намеревалось предъявить их Милошевичу, поскольку судьи, рассматривавшие дело, могли счесть содержащуюся в них информацию оправдательной.

Милошевич и его теневые помощники явно намеревались использовать эти документы в качестве доказательств и сделать их публичным достоянием. Я хотела оказать Шираку услугу и ознакомить его с ними заранее.

Речь шла о расшифровках перехваченных телефонных переговоров сербских лидеров, в том числе и Милошевича. Эти переговоры велись в декабре 1995 года, то есть именно в тот момент, когда в Париже было окончательно подписано Дейтонское мирное соглашение. В это время боснийские сербы удерживали в качестве заложников двух французских пилотов и выдвигали Франции ряд условий их освобождения. Освобождением пилотов занимались сотрудники президента Жака Ширака.

Я показала Шираку запись разговора между президентом Сербии Зораном Лиличем и командующим югославской армией генералом Момчило Перишичем. Разговор состоялся 10 декабря 1995 года, за два дня до освобождения пилотов. Эта беседа была довольно интересной. С первого предложения слова Перишича подтверждали обвинения трибунала в адрес Младича:

Перишич: Для [Младича] очень важно, чтобы [трибунал] снял этот груз с его плеч. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Лилич: Ну конечно, все ему это обещали, [Момчило]…

Перишич (чуть позже): Посмотрим, что он скажет. Если [трибунал] откажется от обвинений против него, проблемы не будет. Он готов немедленно решить проблему. Я говорил ему, что…

Лилич: Разве твоих и моих слов недостаточно? И слов Ширака и Слободана [Милошевича]? Перишич: Хорошо, я все проверю.[27]

Я спросила Ширака: «Действительно ли вы обещали не арестовывать Младича, если пилотов освободят?» У Ширака очень искренний взгляд. Его глаза нравятся женщинам. Он посмотрел на меня и ответил: «Конечно, нет».

Ширак признал, что действительно обсуждал с Милошевичем вопрос освобождения пилотов, но категорически отрицал какую-либо сделку, не говоря уже о том, чтобы обеспечить Младичу, которого обвиняли в убийстве 8 тысяч мужчин и мальчиков в Сребренице, иммунитет от преследования. «Как я мог заключить подобное соглашение?» — риторически вопрошал Ширак. Франция не могла обеспечить Младичу иммунитет от ареста, потому что в Боснию в качестве миротворческих сил по Дейтонскому мирному соглашению вошли не французские войска, а силы НАТО.

Впрочем, упоминание о возможной сделке явно возбудило

Ширака. Он словно пытался доказать мне, что никакой сделки не существовало. Он сразу же поднялся, подошел к столу, набрал телефонный номер и вызвал главнокомандующего армией Франции.

«Генерал, — сказал он. — Младич все еще на свободе Это неприемлемо. Его нужно арестовать немедленно. Франция должна сделать все необходимое, чтобы он был арестован».[28] Ширак приказал бросить все силы на поиски Младича.

Я вернулась в Гаагу окрыленной. Тон Ширака, его твердость, однозначность его указаний… Я была уверена, что Младич вот-вот окажется в тюрьме трибунала, может быть, даже до моего возвращения в Нидерланды. Но… *Le mur du coutchouc. Muro di gomma* по-французски…

Через неделю в Вашингтон прибыла делегация Сербии, возглавляемая премьер-министром Живковичем. Вместе с ним прибыл министр иностранных дел Свиланович. Делегацию принимал госсекретарь Пауэлл, глава Совета национальной безопасности Кондолиза Райс, посол Пьер Проспер и другие официальные лица. Я была уверена в том, что сербы приехали с теми же обещаниями, какие давали мне, и с теми же просьбами о помощи. Вскоре мы узнали, что главной темой переговоров был арест Младича. Вашингтон пообещал помощь в аресте, но ясно дал понять, что американская помощь Сербии и Черногории целиком и полностью зависит от решения этого вопроса.

14 сентября я получила известие от Зорана Живковича. Сербский премьер заверял меня, что арест Младича становится главной заботой белградского правительства. Правительство выделило целое подразделение из тридцати человек, единственной задачей которого стала поимка беглого генерала. В состав подразделения входили сотрудники разведки и полиции, а также военные. Живкович сказал, что правительство выделило все необходимые технические и оперативные средства. Под постоянным электронным и личным наблюдением оказалось множество людей, которых подозревали в связях с Младичем — его родственники, друзья и бывшие товарищи по оружию. Спецподразделение получило полномочия проводить операции в любом месте Сербии и использовать для этого любые средства, в том числе и военные. Через три недели белградские власти сообщили, что от дружественной разведки были получены сведения о местонахождении Младича. Несколько сотен полицейских и спецназовцев были брошены туда, но Младича там не оказалось. Я не понимала, почему трибунал никак не участвовал в этой операции. Рассказанная история казалась мне не более достоверной, чем информация о натовских операциях,

которую мы получали через газеты и во время дипломатических переговоров. Я не знала, кому верить. Я начала думать, что все эти операции — всего лишь театральные попытки доказать нам, что какие-то действия предпринимаются, хотя на самом деле не делалось ничего. Результатов не было.

Я весьма скептически отнеслась к сообщениям о крупной операции по поимке Младича и 3 октября вылетела в Белград. Этот визит оказался самым неприятным за все время моей работы на посту главного прокурора Международного трибунала. Я со скептицизмом относилась к любой информации, поступающей из Белграда. К тому времени мне уже было ясно, что реформистский запал в Сербии ослаб. Армия сохраняла свои позиции, несмотря на увольнение более двадцати генералов. В разведке продолжали служить люди, совершившие военные преступления в прошлом и сохраняющие связи с организованной преступностью в настоящем. Заслуживающие доверия журналисты и сотрудники «Международной кризисной группы» называли имя нового руководителя военной разведки. Момира Стояновича подозревали в причастности к убийству 129 гражданских лиц в Косово в 1999 году.[29] Однако неослабевающее давление со стороны Соединенных Штатов и Евросоюза вынуждало Белград все же сотрудничать с Международным трибуналом.

Главными темами наших переговоров на этот раз стали арест Младича и иски к Белграду, рассматриваемые Международным уголовным судом. Очень скоро стало очевидно, что сербы собираются арестовать Младича и отдать его в руки трибунала за геноцид в Боснии и Герцеговине, а затем использовать этот факт для того, чтобы боснийское правительство отозвало свой иск к Сербии в Международном уголовном суде. Во время первой же встречи с президентом Государственного Союза Сербии и Черногории Светозаром Маровичем и представителем министерства иностранных дел Владимиром Джеричем мои подозрения подтвердились. Свиланович поручил Джеричу контролировать процесс доступа к документам, чтобы информация о причастности Сербии к геноциду в Боснии и захвату территорий в Хорватии не стала достоянием общественности и, в особенности, не дошла до Международного уголовного суда.

Маровић был черногорцем. Во время моего визита отношения между Черногорией и Сербией были далеки от идеальных, поэтому его меньше всего волновали юридические проблемы Сербии. Тем не менее, Маровић решил польстить мне, сказав, что понимает мое неудовольствие состоянием отношения Белграда и Международного трибунала. Он предложил мне прислать

наблюдателей, которые могли бы следить за усилиями федерального правительства по преодолению препятствий к сотрудничеству. Я сказала, что хотела бы видеть какие-то изменения. Прокурорская служба все еще не получила ответов на 79 запросов о вызове свидетелей, и это совершенно недопустимо. Я сообщила президенту о том, что Белград требует защитных мер в отношении определенных документов, и что потребуется слишком длительное время на то, чтобы эти документы прошли все необходимые бюрократические процедуры. В этот момент в наш разговор вмешался Джерич. Он сообщил, что выдача разрешений задержана *всего лишь* по 72 запросам (его слова лишний раз подтвердили мою правоту). Затем Джерич заявил, что белградское правительство обратилось к судебной палате с запросом об обеспечении защитных мер в отношении лишь некоторых документов, связанных с работой Верховного совета обороны. Я спросила, не предоставит ли нам правительство те документы, в отношении которых защитные меры не нужны? Юристы и следователи могли бы начать работу с ними. Но на мои слова никто не обратил внимания. Я в очередной раз напомнила об ограничении доступа сотрудников трибунала к другим архивам. Но Джерич снова заявил, что осторожность его правительства объясняется сложностью положения Сербии в Международном уголовном суде.

Мне пришлось вновь заговорить о проблеме разыскиваемых обвиняемых, которые совершенно свободно передвигаются по территории Сербии и Черногории. Маровић сказал, что власти сосредоточили все усилия на Младиче. Он полагал, что Младич все еще окружен «опасными людьми, которые готовы биться до последнего». Я понимала, что позицию президента по-прежнему определяет армия. «А что вы можете сказать о личном деле Младича? — спросила я. — Бумаги же не скрываются, не так ли?» Маровић пробурчал что-то невнятное, позвонил кому-то и приказал доставить документы. Разумеется, этих документов мы так и не получили. Маровић сообщил об увольнении со службы 22 генералов. Он даже предложил мне задержаться в Белграде, полагая, что мое присутствие будет способствовать развитию сотрудничества.

Следующим в моей *sheda di ballo* числился министр иностранных дел Свиланович. При нашей встрече вновь присутствовал Джерич. После разговора свидетелях я сказала Свилановичу, что отношение Белграда к нашим просьбам о допуске в архивы просто скандально… Мы не получали определенного ответа в течение семи месяцев. Единственное разрешение, которое нам дали, касалось изучения документов,

относящихся к периоду после завершения конфликта в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Хорошо еще, что судьи, рассматривающие дело Милошевича, заседают лишь три дня в неделю: дополнительное время делает тактику затягивания, избранную Белградом, менее эффективной.

Свиланович снова сослался на проблемы Сербии в Международном уголовном суде. Он настаивал на том, что Белграду нужно сначала «разобраться с этим вопросом». Затем он предложил мне не направлять новых запросов о получении доступа к архивам. Свиланович сказал, что у обвинения нет шансов добиться Желаемого, и новые прокурорские запросы «не помогут делу», то есть приведут лишь к дальнейшему ухудшению сотрудничества. Возможно, министр хотел вывести меня из себя, и это ему удалось. Правительство только начало предоставлять трибуналу важные документы, и этот процесс начался лишь *после* того, как Джеффри Найс направил в судебную палату запрос о выдаче обязательного для исполнения указания о предоставлении документов Верховного совета обороны. Это произошло почти год тому назад. Свиланович снова заговорил об иске, предъявленном Сербии в Международном уголовном суде, и это явно показывало, что ему известно о содержании документов. Судя по всему, если бы они попали в руки судей Международного суда, для Сербии это стало бы катастрофой.

«Не забывайте, — напомнил мне Свиланович, — вы обвиняете в геноциде Милошевича». Разумеется, если бы трибунал по Югославии признал Милошевича виновным в геноциде, это ослабило бы положение Сербии в Международном уголовном суде. «Вот почему, — сказал Свиланович, — власти твердо намерены арестовать Младича». Он полагал, что всю ответственность за геноцид в Сребренице и другие преступления, совершенные сербами в Боснии, можно будет возложить на Младича. Именно ему предстояло стать козлом отпущения, а Белград смог бы убедить правительство Боснии и Герцеговины отозвать иск. Для этого были основания: после ареста майора Югославской национальной армии Шливанчанина, который командовал сербскими войсками, захватившими Вуковар, изгнавшими население и казнившими 260 безоружных военнопленных, Белграду стало гораздо легче вести переговоры с Загребом. Свиланович имел в виду, что проще стало убедить Хорватию отозвать свой иск из Международного уголовного суда. «Самое важное для нас — избежать ответственности государства», — настаивал Свиланович. Он сказал, что правительство хотело бы разрешить все сложные проблемы с трибуналом до конца года. «Я имею в виду Младича!» —

воскликнул министр. Мне нечего было сказать, кроме того, что в своем отчете перед Советом безопасности ООН я весьма критически оценю состояние дел по сотрудничеству с трибуналом со стороны Государственного Союза Сербии и Черногории. На этом наш разговор закончился.

Затем у меня была назначена еще одна неприятная встреча — с премьер-министром Сербии Зораном Живковичем. Мне предстояло исполнить роль гонца с дурными вестями. К этому времени мы знали, что неожиданная одержимость Белграда арестом Младича подпитывается энергией Соединенных Штатов. Это было бы замечательно, если бы мы знали, что делают и к чему стремятся США. Что произойдет, когда Младич будет арестован? Станут ли США участвовать в игре, затеянной Свилановичем? Посоветуют ли они Боснии отозвать свой иск против Сербии и Черногории? Почему Вашингтон так озабочен арестом Младича, а не Караджича? Ответов на эти вопросы мы не знали. Вашингтон держал нас в неведении. Усевшись напротив меня в своем кабинете, Живкович заговорил точно так же, как Маркович и Свиланович. Он подчеркнул роль правительства Сербии в усилиях по выслеживанию и аресту разыскиваемых обвиняемых, скрывавшихся на территории республики. Премьер указал на то, что никаких политических препятствий к аресту обвиняемых, в том числе и генерала Младича, нет. Живкович сказал, что во время последней поездки в США согласился принять помощь Вашингтона по выслеживанию Младича, и упомянул о множестве арестов, произведенных неделей ранее. Он пообещал, что кампания продолжится до конца года, пока Младич не будет арестован или пока не возникнет твердого убеждения в том, что он более не находится на территории Сербии. «Могут ли сотрудники прокурорской службы принять участие в работе по задержанию Младича?» — спросила я. Живкович ответил, что лично он не возражает, но нужно получить согласие США.

«Правительство, — добавил он, — готово арестовать любых обвиняемых, если их удалось выследить. За исключением тех, дела которых трибунал согласен передать сербскому суду». Единственная проблема, по его словам, заключалась в технических сложностях выявления местонахождения обвиняемых.

Этими словами Живкович явно показал реальное состояние дел с задержанием обвиняемых. С этого момента я больше не хотела выслушивать рассказы о том, как под ногами Младича и других обвиняемых будет гореть сербская земля, о крупномасштабных полицейских операциях, в ходе которых

почему-то никто не был арестован, и о том, что сотрудничество с трибуналом зависит от рассмотрения дела о геноциде в каком-то другом суде. Я была готова проверить волю Сербии к сотрудничеству. Я показала Живковичу несколько ордеров на арест и предъявила документ о четырех новых обвинительных заключениях против генералов Лукича, Джорджевича, Павковича и Лазаревича. Этих людей обвиняли в проведении массовых этнических чисток в Косово в 1999 году, в насильственном выселении сотен тысяч людей из собственных домов, свидетелем чему был весь мир. Я попросила Живковича подписать расписку в получении обвинительных заключений и тем самым подтвердить, что он ознакомлен с сутью обвинений и получил на руки ордера на арест генералов. Живкович буквально утратил дар речи.

«Что это? — не скрывая удивления, спросил он, рассматривая ордера на арест генералов. В расписке оставалось свободное место для его подписи. — После этого мы вряд ли сможем успешно сотрудничать…»

Живкович просто не мог произнести имени Сретена Лукича. Потом он заговорил по-сербски так быстро, что мой переводчик, Антон Никифоров, начал путаться в переводе. Живкович сказал, что правительству необходима новая полиция. Он вспомнил, что Джинджич и Свиланович уже обсуждали со мной всю сложность обвинений в адрес Лукича, занимавшего второй по значимости пост в сербской полиции. Этот человек провел множество успешных операций. Ему удалось задержать убийц Джинджича. «Обвинения в адрес Лукича означают, что в сербской полиции никто не будет заниматься запросами трибунала», — сказал Живкович.

Он перешел к трем другим обвинительным заключениям. С Джорджевичем не будет никаких проблем. Павкович отдан под суд по другим обвинениям. Лазаревич все еще занимает высокий пост в армии. «Его арест, — сказал Живкович, — породит хаос в армии в период реформ… Обвинительное заключение сведет на нет наши усилия по аресту Младича. Если бы Милошевич хотел причинить вред нашему правительству, то в первую очередь подумал бы об этом».

Замешательство Живковича меня удивило. Ведь я уже несколько месяцев назад сообщала белградским властям о том, что подобные обвинения готовятся. Я подчеркнула, что, поскольку доказательства вины этих четырех лиц оказались достаточными для составления обвинительного заключения, у меня не было иного выбора. Я должна была это сделать вне зависимости от политических соображений.

Живкович не мог противиться неизбежному. Он сказал, что

Совет безопасности ООН заинтересован только в арестах Караджича, Младича и хорватского генерала Готовины. Он в очередной раз заявил, что трибунал не выдвигает обвинений против лидеров косовских албанцев, совершивших преступления против сербов. Премьер обвинил меня в том, что я пытаюсь свергнуть сербское правительство. «Лукич может арестовать меня и вас, — сказал он. — Но я не могу арестовать его… Это обвинительное заключение станет настоящей бомбой… Не трогайте Лукича».

Я сказала Живковичу, что судья уже утвердил обвинительные заключения, и не исполнить их невозможно.

«Вы — не просто почтальон», — заявил премьер и добавил, что вскоре мне придется общаться с новым премьер-министром, так как он сам «не настолько сумасшедший, чтобы арестовать шефа собственной полиции» и подвергнуть опасности жизнь своих людей.

Я подумала: «Если Лукич совершенно невиновен, если он — благородный человек, то почему же премьер так его боится?» Вслух мне пришлось выразить свое глубокое разочарование. Наша беседа происходила в пятницу. Я сообщила Живковичу, что обвинительные заключения будут обнародованы в следующий понедельник, и подчеркнула, что трибунал не сможет ничего добиться, если будет согласовывать свою работу с политическими условиями в странах, подобных Сербии.

Живкович ответил, что правительство его страны не сможет продолжить сотрудничество с трибуналом, и это — моя вина. Он сказал, что такое сотрудничество требует сотрудничества с полицией. Никто, ни полиция, ни армия, не станут арестовывать Лукича и даже Младича.

В конце разговора сербский премьер признал, что Свиланович говорил ему об обвинительных заключениях за день до нашей встречи, и я поняла, что его шок при виде этих документов был наигранным. Но подписать расписку и принять обвинительные заключения и ордера на арест Живкович отказался, сказав, что не имеет полномочий контактировать непосредственно с трибуналом. Он посоветовал мне снова обратиться к… Свилановичу.

Покинув здание сербского правительства, я направилась в резиденцию посла Швейцарии в Сербии и Черногории, чтобы встретиться с группой дипломатов, аккредитованных в Белграде. Но перед этим брифингом я по собственной инициативе встретилась с послом США Уильямом Монтгомери. Я рассказала ему о четырех обвинительных заключениях и спросила, должен ли, по его мнению, трибунал обнародовать их, или пока оставить

в тайне.

«Обнародуйте эти обвинения», — однозначно ответил посол. Он объяснил, что в политическом отношении для этого наступил наиболее благоприятный момент. Обвинительные заключения покажут сербскому народу, какие люди управляли страной. «Правительство в любом случае должно пасть, — сказал он. — Это только ускорит неизбежное».

После брифинга в швейцарской резиденции мы отправились в квартал, который в Белграде называют «парламентским клубом». Это комплекс домов на улице Толстого, неподалеку от бывшей резиденции Слободана Милошевича. Здесь всегда жили известные иностранцы. Во время короткой беседы с министром обороны Борисом Тадичем я заметила, что он испытывает настоящий ужас перед предстоящим реформированием армии. Он заверил меня, что не располагает информацией о местонахождении Младича и о том, что армия обеспечивает его защиту. «Вы должны мне верить», — воскликнул он, а потом заметил, что, по слухам, Младич находится в Боснии и Герцеговине или в России. С несчастным видом Тадич попросил меня воздержаться от постоянной критики в адрес армии.

Когда Тадич уехал, прибыл Свиланович. Разговор снова зашел о четырех обвинениях. Свиланович сказал, что эти обвинительные заключения осложнят сотрудничество с трибуналом и переговоры по Косово, которые начинаются в Вене. Он снова напомнил, что Лукич принимал участие во всех значимых арестах, что Павкович и Лазаревич — высокопоставленные армейские генералы, и их арест осложнит реформу армии. Свиланович просил меня «отсрочить» обнародование обвинительных заключений, чтобы правительство «могло решить, что делать». А тем временем, сказал он, «мы постараемся решить проблему Младича», словно арест Младича мог способствовать передаче дел против четырех генералов в сербский суд.

Я напомнила Свилановичу что белградские власти давно знали о существовании этих обвинительных заключений, и о том, что никогда не была согласна с передачей этих дел сербскому правосудию. Я сказала, что не могу и не буду отменять эти обвинения. Единственный вопрос заключается в том, когда они будут обнародованы.

Свиланович предложил не сообщать об их существовании до завершения переговоров по Косово, нормализации ситуации в полиции и окончания армейской реформы. Он обещал «попытаться задержать Младича» и открыть дела против генералов в сербских судах. Сербы, подобные Свилановичу,

несколько лет твердили мне, что они «пытаются» арестовать Младича, и я не придала его словам никакого значения. Я снова повторила, что местные суды не могут рассматривать дела генералов, виновных в военных преступлениях, совершенных в Косово. Я предложила Свилановичу перечислить в письменном виде все причины для сохранения обвинительных заключений в тайне. Если бы он это сделал, я обратилась бы к судье с просьбой не обнародовать документы в течение месяца или двух. Но заморозить ордера на арест было невозможно. Я предложила Свилановичу официально получить обвинительные заключения и ордера.

После перерыва прибыл заместитель премьер-министра Сербии, Чедомир Йованович, известный смутьян и близкий помощник Зорана Джинджича. Он попытался уверить меня в том, что никто в правительстве не собирается останавливать сотрудничество с трибуналом, защищать военных преступников или разрушать сложившиеся отношения. Все дело только во времени. Йованович повторил, что правительство испытывает сильнейшее давление.

«Сколько времени вам нужно?» — спросила я, но в очередной раз не получила никакого конкретного ответа.

Вместо этого Йованович сказал, что правительство «было бы готово заплатить любую цену» за отмену этих обвинений. Тут вмешался Свилановичи снова стал предлагать отсрочить обнародование обвинительных документов.

«Это невозможно, — отрезала я. — Я могу сохранить их в тайне. Но как долго?»

Йованович сказал, что самое главное — не делать никаких публичных заявлений в понедельник. Свилановичже продолжал настаивать на том, что обвинения должны остаться в тайне до тех пор, пока не будут переданы сербским судам.

«Нет», — повторила я.

Можно было подвести определенные итоги. Во-первых, Белград, а именно Свилановичдолжен принять обвинительные заключения, ордера на арест и сопутствующие документы. Во-вторых, министерство иностранных дел должно направить в трибунал письмо с перечислением причин, по которым обвинительные заключения должны оставаться в тайне. Я согласилась не возражать против просьбы правительства. Затем обвинительные заключения будут признаны тайными, и можно будет решать, как поступить дальше. Тут я решила поговорить по телефону с судьей судебной палаты. Близился конец рабочего дня. Судья сказал мне, что уже решил обнародовать обвинительные заключения в понедельник, но согласился

отсрочить это действие.

После этого Свиланович принял документы и подписал расписку. Я решила, что это дело завершено.

Однако я ошиблась.

— А теперь мне хотелось бы сказать вам что-то личное, — сказал Свиланович. — Вы нас не уважаете…

— О чем вы говорите? — удивилась я.

— Вы повышаете голос! Я — министр иностранных дел суверенного государства, а вы повышаете на меня голос!

— Вы вынудили меня повысить голос, — ответила я.

И тут Свиланович обрушился на меня с обвинениями. Я сорвала условное освобождение Милана Милутиновича, добровольно сдавшегося в январе 2003 года и обвиненного в причастности к преступлениям, совершенным в Косово. Свиланович заявил, что я продемонстрировала полное неуважение к гарантиям белградского правительства относительно обвиняемого, который сдался добровольно, словно правительственные гарантии ничего не значат в сравнении с гарантиями трибунала.

Очень осторожно я в очередной раз разъяснила Свилановичу позицию прокурорской службы относительно условного освобождения. Мы можем только рекомендовать освобождение до рассмотрения дела в суде тех обвиняемых, которые сотрудничали со следствием. Я сказала, что сожалею о том, что господин министр чувствует себя оскорбленным, но более не считаю себя связанной соглашением хранить вынесенные обвинительные заключения в тайне.

«Basta, — тихо сказала я своим помощникам. — Andiamo[31]». Я потянулась за своей сумочкой от Луи Вуиттон, поднялась и направилась к двери. Свиланович встал у меня на пути. Мои помощники даже не успели подняться с кресел.

«Bon, vous-venez?[32]» — сказала я, прежде чем они пришли в себя. Обвинительные заключения и ордера На арест остались у Свилановича.

На следующий день в белградских газетах были опубликованы все детали моего разговора с послом Монтгомери. Теперь читающая газеты сербская публика (надо сказать, что это не самая большая часть населения) знала о том, что известные генералы оказались обвиняемыми. Лукич, Джорджевич, Лазаревич и Павкович знали, что их разыскивают. Мне было интересно, откуда произошла утечка информации. Швейцария и швейцарский посол не были заинтересованы в обнародовании этих сведений, не было это и в интересах американского посла. Впрочем, впоследствии посол, словно ни о чем не помня, говорил

журналистам, что я проявила полное непонимание политических реалий в Сербии и делала только то, что он мне советовал. Судя по всему, сербы, а может быть, тот, кто был заинтересован в компромиссе, установил в резиденции швейцарского посла подслушивающее устройство. Как бы то ни было, я решила, что более нет смысла хранить обвинительные заключения и ордера на арест в тайне.

Прежде чем я составила запрос на обнародование обвинительных заключений, мне позвонил посол Пьер Проспер из отдела Госдепартамента по военным преступлениям. Он звонил из Вашингтона. Посол просил меня не предпринимать никаких шагов по обнародованию документов. Он пытался заключить какую-то сделку с сербами: арест и выдача Младича в обмен на разрешение судить четырех генералов в Белграде. Хотя Проспер никогда не сообщал прокурорской службе о подготовке какой-либо сделки, никогда не консультировался с нами и никогда не считался с независимостью трибунала, мы об этом знали. Всего через несколько часов я должна была отправиться в США и в течение четырех дней встретиться с ним в Госдепартаменте. Я не хотела поддаваться давлению, поэтому составила запрос, прежде чем вылететь из Амстердама в Нью-Йорк.

9 октября 2003 года я сообщила Совету безопасности все то, о чем говорила правительственным чиновникам в Белграде.

Я собиралась сообщить о том, что в сотрудничестве Белграда с [Международным трибуналом] наметились положительные сдвиги, — сказала я. — Но это было до моего визита в Белград на прошлой неделе. Теперь я этого сказать не могу. Белград не стремится к сотрудничеству и не проявляет готовности совершить непростые шаги, необходимые не только с точки зрения трибунала. Власти не понимают необходимости сотрудничать с трибуналом, особенно, когда приходится принимать жесткие решения или предоставлять важные документы. Мы постоянно сталкиваемся с препятствиями и негативным отношением.

Я также сообщила Совету безопасности о занятой мной позиции относительно стенограмм заседаний Верховного совета обороны.

Я с пониманием отнеслась к желанию Сербии обеспечить защитные меры в отношении ряда материалов и даже направила правительству письменные обязательства касательно дела Милошевича.

Совершенно ясно, что защитные меры должны находиться в пределах разумного и не противоречить общественным интересам и принципу прозрачности судопроизводства. Вызывает сожаление тот факт, что запрошенные документы начали поступать в мой

офис лишь в последние месяцы и только в результате выдачи судебной палатой соответствующих ордеров, а не в результате моих запросов о помощи и не добровольно…

В деле Милошевича и других делах я ощущаю явное желание властей утаить важные материалы, которые доказали бы причастность белградских властей (прежнего режима) к преступлениям, совершенным в Боснии и Герцеговине. Белград ссылается на интересы национальной безопасности, но в действительности такой подход ограничивает и замедляет доступ трибунала к важнейшим доказательствам. Это противоречит интересам правосудия и истины и не способствует скорейшему завершению процесса.[33]

Проблема разыскиваемых обвиняемых также оставалась нерешенной, хотя ряд обвиняемых, занимавших невысокое положение, сдались добровольно. Более половины из 17 разыскиваемых оставались на свободе, в том числе и Ратко Младич. Эти люди находились на территории Сербии и Черногории. Власти признавали, что семеро из них живут в Сербии. Мои сотрудники передали сербским властям точную информацию, которая позволила бы их арестовать. «К сожалению, — продолжала я, — мы получаем весьма ограниченную информацию о ходе розысков и арестов, и информация эта неубедительна». Власти Республики Сербской до сих пор не нашли и не арестовали единственного обвиняемого. Караджич ездит из Республики Сербской в Черногорию и обратно. Похоже, что в полиции и армии Республики Сербской все еще есть люди, которые активно защищают и поддерживают разыскиваемых обвиняемых и тех, кого подозревают в совершении военных преступлений.

На следующий день мы с моими советниками посетили Вашингтон. Посол Проспер снова заговорил об обвинениях в адрес четырех сербских генералов. Я сказала ему, что сербы давно знали о готовящихся обвинениях, и Белград даже наградил этих людей, которых трибунал обвиняет в причастности к массовым этническим чисткам, осуществленным прямо под носом США во время натовских бомбардировок 1999 года.

Проспер объяснил, что Вашингтон добивается от сербов ареста Младича.

— Я хочу решить эту проблему до конца года, — сказал он. Джорджевич — нет проблем… Павкович — пусть его сначала осудит Сербия… Лукич и Лазаревич — серьезная проблема. Для обвинительных заключений сейчас не время. Документы должны оставаться в тайне.

— Политические проблемы будут всегда, — возразила я. —

Если обвинения будут обнародованы, сербы больше не будут пытаться арестовать Младича.

— Мы не можем допустить, чтобы эти документы помешали нам арестовать Младича. Неужели вы не можете подождать несколько месяцев? Вы же ждали два месяца, прежде чем обнародовать имена обвиняемых?

Я объяснила, что уже направила запрос на обнародование обвинений.

— Я не признаю политических мотивов. Обнародование обвинений приведет к арестам, а сербы не хотят арестовывать генералов. Я уверена, что утечку информации в прессу организовало правительство. В общем, это больше ни для кого не секрет…

— Наша главная задача — арестовать Младича, — повторил Проспер. — Они обязались поймать его до конца года.

Госсекретарь Колин Пауэлл тоже помнил, что Живкович и Свиланович обещали арестовать Младича. Он попросил меня еще раз обдумать политическое положение Сербии. Он просил не обнародовать обвинения. Но я никогда не отзывала собственных запросов. Перед отъездом из Вашингтона я сообщила послу Просперу о своих надеждах на то, что генерал Лукич не руководит спецподразделением, которое должно арестовать генерала Ратко Младича. Это было бы странно: один сербский генерал, которого обвиняют в массовых этнических чистках, убийствах и сокрытии тел гражданских жертв, охотится на другого сербского генерала, обвиняемого практически в том же самом… При этом никто из представителей трибунала не имеет возможности даже наблюдать за ходом операции.

20 октября судебная палата обнародовала обвинения против Лукича и трех генералов, обвиняемых в причастности к насилию в Косово. В Вашингтоне было раннее утро, но посол Проспер позвонил мне, чтобы выразить свое неудовольствие. Очень скоро и посол Монтгомери начал критиковать меня за то, что я не прислушалась к его советам. 31 октября Проспер прибыл в Гаагу. Он сообщил, что Вашингтон разочарован нашей поспешностью. Обнародование обвинений в адрес четырех генералов достойно сожаления и несвоевременно. Проспер заявил, что обвинения могут помещать операции по захвату Младича. «Вы знали, что для вас в Вашингтоне всегда была открыта дверь, — сказал он. — Теперь придется стучаться».

Разговоры о «неподходящем времени» и «политических сложностях» напомнили мне те случая, когда я просила у Соединенных Штатов помощи в аресте лиц, обвиняемых трибуналом. Я вспомнила, как мне говорили о сложностях

подобных операций. Я вспомнила, как директор ЦРУ Джордж Тенет и Колин Пауэлл рассказывали мне, как сложно было захватить Мануэля Норьегу в Панаме после того, как США осуществили вторжение в страну. Я вспомнила, как Тенет и сотрудники Совета национальной безопасности объясняли, что США не делятся разведывательной информацией ни с кем, и даже с Международным трибуналом. Теперь мы оказались в классической ситуации, когда левая рука не знает, что делает правая. США ничего не сообщали нам о ходе операции по аресту Младича. (Могу только предположить, что они отлично знали, что мы никогда не согласимся с их подходом.) США без всяких проблем делились информацией с властями Сербии и Черногории, а ведь в разведках этих стран работали люди, совершившие военные преступления, укрывающие военных преступников и связанные с организованной преступностью! Нам же оставалось лишь ориентироваться по звездам и подвергаться критике, когда мы неизбежно сталкивались с чем-то, что поджидало нас в темноте.

Были и более удачные попытки придержать трибунал. Через несколько недель посол Монтгомери сообщил прокурорской службе о новой совместной операции по поимке Младича. Посол считал, что сотрудничество с местными властями складывается великолепно. Он описывал попытки активизировать усилия по аресту разыскиваемых и рассказывал, как хорошо удалось наладить оперативное сотрудничество с силами НАТО в Боснии и Герцеговине. Впрочем, Младич так и не был арестован. Через три месяца представилась возможность арестовать Караджича, и это стало проверкой способности сил НАТО реагировать в режиме реального времени. Информатор сообщил члену следственной бригады трибунала о том, что ему известно местонахождение Караджича. Это произошло близ боснийской деревни Заовине, возле границы с Сербией. «Обратитесь к натовцам, — сказал мне наш следователь. — Обратитесь к натовцам!» Это были не просто слухи. Информатор видел Караджича и проследил его путь до самого дома.

Мы сразу же позвонили в НАТО и получили ответ, не прямой, а через посольство в Гааге. Из НАТО нам сообщили, что они не могут ничего сделать. У них недостаточно информации по дому. Где он находится? Каковы обстоятельства присутствия Караджича? Сколько в доме окон? Сколько дверей? Они не могут послать вертолет со спецназовцами по погодным условиям.

Так ничего и не произошло.

Через несколько месяцев натовские солдаты ворвались в дом православного священника, отца Иеремии Старовлаха, чтобы

арестовать Караджича. Дверь выбили направленным взрывом. Отец Старовлах и его сын Александр были серьезно ранены, их пришлось подключать к системам жизнеобеспечения.

К концу января 2004 года суд над Милошевичем приблизился к завершению обвинительной части процесса. Однажды судья Мэй, который всегда отличался ясностью речи, начал запинаться и произносить странные и бессвязные слова. Слушание закончилось. После заседания мы гадали, не случился ли у судьи микроинсульт или нечто более серьезное. Вскоре стало понятно, что члены судебной палаты в курсе происходящего. Судьи объявили об отмене слушаний, назначенных на следующую неделю в связи с болезнью Милошевича. 5 февраля судья Робинсон подписал приказ о графике слушаний, которые должны были пройти до завершения обвинительной части. Согласно приказу, обвинение получало еще семь дней на представление доказательств, то есть примерно 27 часов чистого времени. В приказе говорилось, что «в интересах правосудия» обвинение должно завершить свое выступление к 19 февраля 2004 года. Оставшееся время заняли пять дней слушаний, которые длились с девяти утра до пяти часов дня. Мы с моими сотрудниками расценили этот приказ как попытку судебной палаты позволить обвинению завершить представление дела в отведенные сроки и соблюсти правила, определяющие то время, которое судебная палата может заседать в отсутствие одного из заболевших судей.

Вскоре до нас дошли слухи, что у судьи Мэя обнаружена опухоль мозга. Я решила обратиться к президенту трибунала, судье Теодору Мерону, чтобы обсудить этот вопрос. Во время короткой беседы Мерон объяснил, что все судьи знали о болезни судьи Мэя и старались принять меры к тому, что она не повлияла на ход суда над Милошевичем. Таково было волевое решение судебной палаты. 10 февраля 2004 года слушания продолжились. Судья Робинсон сделал первое заявление в связи с болезнью судьи Мэя: «Судья Мэй нездоров. Заседание будем вести мы с судьей Квоном в соответствии с условиями правила 15 bis». Во время перерыва между выступлениями свидетелей Милошевич говорил о том, что судебная палата решила отговориться нездоровьем судьи Мэя, чтобы увеличить продолжительность рабочего дня и повысить нагрузку на обвиняемого, не принимая во внимание его кардиологическое заболевание.

Милошевич: Я прошу вас, господин Робинсон, вас и только вас, принять во внимание тот факт, что господин Мэй болен и не может присутствовать, и в то же самое время в предыдущем заявлении вы подтвердили, что болен и я. Однако вы постановили, что мы должны работать дольше. Я не совсем

понимаю, что вы имеете в виду. Как, по вашему мнению, секретарь должен помочь мне в подобных условиях готовиться к процессу и вести его правильно? Вы признаете право одного человека на болезнь, и это вполне логично. Однако вы не признаете того же права, когда дело касается меня. Не могли бы вы объяснить мне этот факт?

Судья Робинсон: Приказ говорит сам за себя. Палата признает, что, поскольку вы больны, будет вполне обоснованно, чтобы секретарь оказал вам всю необходимую помощь, и я ожидаю, что он так и поступит. Палата исходит из мнения о том, что важно завершить обвинительную часть процесса в течение следующих двух недель. На этом данный вопрос можно считать закрытым.[34]

Ни Милошевич, ни его советник, не возражали против того, что теперь в зале суда находятся только двое судей. В тот день заседание продолжалось по графику и шло с переменным успехом. В воскресенье 22 февраля 2004 года судья Мерон выпустил пресс-релиз с сообщением о том, что судья Мэй подал заявление об отставке, которая и будет принята 31 мая 2004 года.[35] Через три дня после появления пресс-релиза обвинение продолжило представление доказательств.

По просьбе Милошевича эксперты суда составили запрос в судебную палату с требованием опровергнуть обвинения против него по причине отсутствия достаточных доказательств. Наша команда день и ночь работала над ответом на данный запрос. Вину Милошевича явно доказывали документы и стенограммы заседаний Верховного совета обороны, видеозапись поздравлений Милошевича в адрес Йовицы Станишича, Франки Симатовича, убийцы Джинджича Милорада Луковича и «красных беретов», успешно справившихся с заданиями на территории Боснии и Хорватии. Кроме того, значительную роль играли показания важных свидетелей, таких, как Зоран Лилич и Милан Бабич, дипломатов и других официальных лиц, которые, подобно генералу Уэсли Кларку, вели переговоры с Милошевичем. Дермот Грум, Джеффри Найс и другие юристы, опираясь на эти материалы, стремились доказать вину Милошевича и его причастность к геноциду.

16 июня 2004 года место судьи Мэя занял лорд Ян Бономи. Он сидел рядом с судьей О-Гон Квоном. Председательствовал судья Патрик Робинсон. Председательствующий объявил о своем решении отклонить запрос о завершении дела. Судьи постановили, что судебная палата получила достаточные доказательства, чтобы при отсутствии обоснованного сомнения,

утверждать следующее:

Слободан Милошевич и руководство боснийских сербов принадлежали к совместному преступному предприятию (joint criminal enterprise), целью и задачей которого являлось уничтожение части боснийских мусульман как группы.

Целью совместного преступного предприятия было совершение преступлений, отличных от геноцида, но Милошевичу было абсолютно ясно, что следствием данных деяний станет геноцид части боснийских мусульман как группы, совершенный остальными участниками совместного преступного предприятия, что и произошло.

Участники совместного преступного предприятия совершили акты геноцида в муниципальных образованиях Брчко, Приедор, Сански Мост, Сребреница, Биелина, Ключ и Босански Нови.

Милошевич оказывал пособничество и подстрекал или был соучастником геноцида, поскольку знал о существовании совместного преступного предприятия и оказывал его участникам существенную помощь, сознавая, что целью и намерением данного предприятия являлось уничтожение части боснийских мусульман как группы.

Милошевич руководил рядом людей, которые, как ему было известно или должно было быть известно, намеревались совершить или совершили геноцид части боснийских мусульман, как группы. Милошевич не предпринял необходимых мер для предотвращения геноцида или наказания виновников.

Масштаб и характер нападений сербов, их интенсивность, значительное количество мусульман, убитых в семи муниципальных образованиях, задержание мусульман, жестокое обращение с ними в местах заключения и повсеместное преследование лиц, способствовавших выживанию мусульман как группы, также являются факторами, указывающими на совершение геноцида.[36]

Судебная палата отвергла запросы по прекращению дела относительно обвинений по событиям в Косово и Хорватии.

Не без мстительного чувства я вспоминала, как Найс, Блуитт и другие сотрудники прокурорской службы осенью 2002 года убеждали меня отозвать обвинение в геноциде и решить проблему на уровне прокурорской службы, а не на уровне судебной палаты, избавив Милошевича от полной ответственности за преступления, совершенные во время войны в Боснии. Фрагменты головоломки, доказывающие его причастность, сложились правильно. Как отнеслись бы к нам те, кому удалось пережить ужасы геноцида, тысячи матерей, потерявших своих сыновей, тысячи жен, потерявших мужей,

тысячи детей, потерявших родителей, если бы мы не проявили решимости собрать убедительные доказательства и представить их в суде? Прошло два года, прежде чем мы поняли истинное значение этого важнейшего испытания. Судья Ричард Мэй скончался в Оксфорде 1 июля. Погребальная служба проходила с тем же достоинством и благородством, какое он всегда демонстрировал в зале суда. Мы были бесконечно благодарны этому человеку за его вклад в работу трибунала, за его остроумие и силу воли. Когда молитвы, гимны и выступления закончились, члены семьи, представители юридического сообщества и политики вышли из церкви и собрались на газоне. Я оглянулась и увидела, как гроб с телом судьи устанавливают на катафалк. Автомобиль медленно тронулся к кладбищу. За гробом шла только вдова судьи Мэя, леди Радмила. Все остальные остались у церкви, а затем начали расходиться. Мне было очень странно видеть, как эта великолепная, исполненная достоинства женщина одна провожает любимого мужа к месту последнего упокоения. Она казалась такой одинокой…

За несколько месяцев до этого мы с братьями провожали в последний путь нашу мать. Она была похоронена на кладбище в Биньяско. Анджела дель Понте перенесла обширный инсульт и скончалась в возрасте 83-х лет. Однажды я пришла навестить ее в больнице. У меня было ощущение, что женщина, лежащая передо мной на постели, не моя мать, какой я ее знала. Моя мама уверенно водила машину, ее волосы развевались на ветру, она вечно ругала нас за то, что мы охотимся на змей, учила меня правильно ходить и делать реверанс… А теперь она не могла ни двигаться, ни говорить… Она была уже не с нами. Я сказала своему брату Флавио, что приеду только на похороны. Гроб с телом матери был установлен в нашей библиотеке на один день и одну ночь. Такова традиция. Месса проходила в церкви Сан-Рокко, а на кладбище все, кто пришел на похороны, бросили в могилу по цветку.

Я всегда старалась как можно чаще навещать маму и звонила ей практически каждый вечер до того самого дня, когда она потеряла сознание. Мы всегда говорили о Марио. Она рассказывала о своих садоводческих успехах и неудачах. Мы обсуждали ремонт ее «гольфа». Она передавала мне последние сплетни Биньяско и Тичино. Мама редко спрашивала о моей работе, а я не любила говорить об этом. Но однажды она сказала мне: «Ты такая жесткая. Почему ты так жестока с этими людьми? Почему ты так сурова?»

Глава 9
Борьба в Кигали: 2002–2003 годы

2 апреля 2002 года, через шесть лет после задержания Теонесте Багосоры, трибунал по Руанде открыл судебное заседание. Рассматривалось дело руандийских военных, обвиняемых в геноциде. Это было самое крупное и важное дело трибунала по Руанде. Таким же было дело Милошевича для трибунала по бывшей Югославии. Полковник Багосора был фактическим руководителем армии Руанды. После ракетной атаки на самолет с президентом Жювеналем Хабьяримана 6 апреля 1994 года все политические решения в стране принимал именно он. Геноцид начался практически сразу же. К сожалению, в день открытия суда Багосора и еще трое обвиняемых отказались выйти из камер в знак протеста, поскольку их адвокат не получил переведенных на французский язык отчетов экспертов, подготовленных для обвинения, и показаний свидетелей обвинения. Судьи позволили прокурору произнести вступительную речь, но отказались принудительно приводить Багосору и остальных обвиняемых в зал суда.

«Четверо обвиняемых являются одними из главных виновников геноцида, — сказала я во вступительной речи. — Кто ответит за почти миллион смертей в течение нескольких месяцев? Кто несет ответственность за остальных жертв — изуродованных, замученных, изнасилованных, оставленных умирать?» В обвинительном заключении говорилось, что Багосора и другие обвиняемые — часть группы высших офицеров хуту, которые на протяжении нескольких лет планировали систематическое истребление тутси и умеренных хуту с целью сохранения в стране политической власти экстремистов хуту. Багосора был категорически против мирных переговоров с руководством тутси в 1993 году. Он покинул зал, заявив, что возвращается в Руанду «готовить апокалипсис».

Казалось нелогичным, чтобы лидерам руандийских тутси, так страшно пострадавшим от геноцида, захотелось сорвать суд против обвиняемых в этом преступлении хуту и в частности против полковника Багосора. Однако в начале июня 2002 года руандийское правительство, в котором преобладали тутси, ввело новые правила выезда из страны для граждан. Причина их введения не имела ничего общего с регулированием перемещений руандийцев в целом. Власти Кигали, разумеется, все отрицали, но складывалось впечатление, что новые правила

призваны ограничить свободу передвижения свидетелей, направлявшихся из Руанды в трибунал в Аруше. Несмотря на постоянные просьбы, руандийское правительство отказалось одобрить временную выдачу ряда свидетелей, показания которых были крайне важны для обвинения в геноциде.

26 июня судьи, рассматривающие дело бывшего министра информации Руанды Элиезера Нийитегека, объявили перерыв в заседаниях до августа, так как свидетели обвинения не смогли прибыть на процесс. За две недели пришлось отменить шесть слушаний. 27 июня судьи отложили до октября самый крупный процесс трибунала по делу шести обвиняемых в массовых убийствах тутси в Бутаре. И снова из Руанды не смог приехать ни один свидетель. Под угрозой оказался и «медиа»-процесс, в числе обвиняемых по которому проходил Жан-Боско Бараягвиза, человек, который чуть было не вышел на свободу в 1999 году.

Руандийское правительство тутси с успехом шантажировало трибунал, саботируя процессы над хуту, обвиняемыми в геноциде. Цель такой политики — помешать проводимому прокурорской службой специальному расследованию преступлений, совершенных в 1994 году членами Руандийского патриотического фронта тутси. К этому времени военный прокурор Руанды не предоставил обвинению никаких материалов, да и сам стал прятаться. Власти вывели тех, кто выжил во время геноцида, на улицы Кигали в знак протеста против медлительности работы трибунала. Демонстранты утверждали, что подозреваемые в геноциде работают в трибунале следователями защиты и на других должностях, что судьи позволяют защитникам унижать свидетелей, в том числе и жертв изнасилований, прямо в зале суда. Некоторые подобные утверждения имели под собой основания, но главная цель руандийского правительства заключалась в затягивании процессов по геноциду с тем, чтобы трибунал не выдвигал обвинений против руководителей и офицеров тутси. Президенту Полю Кагаме нужно было подтвердить легитимность своего режима и сохранить власть в собственных руках.

В пятницу 28 июня 2002 года мы с моими сотрудниками приехали в президентский комплекс в Кигали, чтобы решить проблему свидетелей с Кагаме. Президент заставил нас ждать 20 минут. Судя по всему, он решил сразу показать, что на этот раз не будет прибегать к ложной скромности. Он принял нас в просторном салоне, оформленном в стиле рококо — китчевый вариант стиля Людовика XV. Кагаме восседал в золоченом кресле, подобном трону. За его спиной красовался флаг Руанды. «К чему эта показуха? — подумала я. — К чему эта роскошь, когда страна

живет в нищете?» Рядом с Кагаме сидели генеральный прокурор Жерар Гахима, агент Руанды в Аруше Мартин Нгога и другие офицеры руандийской армии. Помнится, я села с левой стороны. После того как мы с президентом обменялись официальными комплиментами, началась серьезная дискуссия. Я в очередной раз сообщила Кагаме, что нам необходимы документы следствия, проведенного военным прокурором по делу об убийстве архиепископа и сопровождавших его священников, а также по делам о других преступлениях, совершенных членами РПФ в 1994 году. Признаю, что порой я бываю слишком прямолинейной и грубоватой. Но на этот раз я была сама кротость… С критикой на меня обрушился президент Кагаме.

«Нет, — заявил он, — категорически нет!» Кагаме сообщил мне, что трибунал не должен расследовать действия милиции тутси. Милицией командовал он сам, и эта милиция со временем превратилась в армию Руанды.

«Вы разрушаете нашу страну, — кричал Кагаме. — Вы должны расследовать дело о геноциде. Вы не арестовали Кабугу, так идите и ищите его… Не трогайте наших военных. Мы это делали и будем делать!»

Президент буквально вышел из себя: «Вы мешаете восстановлению нации… Я стремлюсь восстановить эту страну… Я должен поддерживать порядок внутри страны… Если вы начнете следствие, люди поверят, что у нас было два геноцида… Мы всего лишь освободили Руанду…»

Я попыталась вмешаться. Я старалась объяснить президенту Кагаме, что наш запрос был относительно скромным. Мы хотели расследовать убийство архиепископа, двух епископов, девяти священников и трех девушек, совершенное членами Руандийского патриотического фронта. РПФ признал свою ответственность. Нам нужны только факты, имена, свидетели и доказательства. Президент Кагаме перебил меня, точно так же, как во время нашей первой встречи сделал президент Югославии Коштуница. Он словно отдавал мне приказы: «Вы не поняли того, что я говорил раньше. Теперь я скажу вам, что мы сделаем. Не касайтесь этого дела… Прекратите расследование… Мы знаем обо всех ваших действиях… Мы не позволим вам сделать этого. Это принесет вред нашей стране. Да, возможно, солдаты совершали преступления. Но мы уже наказали их. И будем так поступать и впредь».

Затем Кагаме, явно имея в виду расследование убийства президента Руанды в 1994 году, проводимое Брюгьером, обрушился со знакомыми обвинениями в адрес французской армии. Французские солдаты в 1994 году повели себя в Руанде не

лучшим образом, они сознательно способствовали резне.

— Франция участвовала в геноциде, — настаивал Кагаме. — Вот и расследуйте роль Франции в этом преступлении.

— Представьте мне доказательства, — парировала я, — и я готова начать расследование. Но я не собираюсь ничего делать, опираясь лишь на одни ваши беспочвенные обвинения. Дайте мне доказательства.

Я была возмущена. Ярость, с которой Кагаме набросился на меня, поразила и моих помощников, и тех, кто был с президентом. Жерар Гахима был в ужасе. Лоран Вальпен смотрел в окно. Я заявила Кагаме, что собираюсь продолжить специальное расследование. Я сказала, что сообщу о нежелании правительства Руанды сотрудничать с трибуналом Совету безопасности ООН. На этом наша последняя беседа с Кагаме закончилась. Я отказалась даже отвечать на вопросы журналистов. Это было ошибкой. Я должна была использовать возможность объяснить миру, как правительство Руанды препятствует отправлению правосудия, чтобы заставить трибунал прекратить расследование преступлений, совершенных людьми, превратившимися в политическую и военную элиту страны.

Я покинула Кигали, не в силах отделаться от мысли о том, что безнаказанность в Руанде процветает. Эта культура возникла еще в колониальные времена и привела к массовым убийствам и явному геноциду. Не исчезла она и по сей день. Трибунал по Руанде превращался в суд победителей. Сотни тысяч вооруженных хуту за пределами страны стремились вернуться на родину точно так, как это делали тутси до апреля 1994 года. То, что ужас геноцида раньше или позже повторится, не вызывало сомнения.

Меня тревожило, что Совет безопасности ООН ничего не сделал в ответ на откровенный отказ президента Кагаме сотрудничать с нами и на откровенный саботаж работы трибунала. Я думала, что только расследование Брюгьера сможет принести какие-то плоды и положить конец безнаказанности политиков и военных. Я могла только предполагать, что либо Кагале боится оказаться в роли обвиняемого, либо руандийские офицеры — в том числе и те, кто мог оказаться под следствием трибунала или быть замешанными в деле Брюгьера, — угрожают свергнуть его, если он прикажет правительству сотрудничать со следствием. В столице давно ходили слухи о заговоре. Международное сообщество вынудило Руанду подписать мирный договор и вывести большую часть своих войск с территории соседней Демократической Республики Конго. В стране было немало вооруженных людей, и многих из них вполне можно было

обвинить в преступлениях, совершенных в Конго после геноцида 1994 года.

23 июля я выступила перед Советом безопасности ООН и сообщила, что правительство Руанды сознательно препятствует ходу судов по геноциду в Аруше. Я сказала, что это делается для того, чтобы вынудить меня свернуть расследование преступлений, совершенных членами РПФ:

Влиятельные силы в Руанде явно препятствуют расследованию преступлений, предположительно совершенных членами Руандийского патриотического фронта в 1994 году, проводимому прокурором во исполнение мандата [трибунала по Руанде]. Несмотря на заверения, данные президентом Кагаме прокурору в прошлом, никакая конкретная помощь в отношении этого расследования не оказывается, а многочисленные просьбы остаются без ответа. В настоящее время руандийские власти не проявляют искренней политической воли по оказанию помощи в работе, которую они считают политической по своему характеру, а прокурор ограничен техническими условиями своего юридического мандата.

В таких обстоятельствах прокурор не в состоянии эффективно исполнять свои обязанности и провести расследование преступлений, предположительно совершенных членами Руандийского патриотического фронта в 1994 году.

Президент трибунала, южноафриканский судья Наванетем Пиллай, официально подтвердил нежелание Руанды выполнять свои обязательства по сотрудничеству. Соединенные Штаты и другие страны в частном порядке попытались принудить Кигали к взаимодействию, и трибунал высоко оценил эти усилия. Ведь еще до геноцида в Руанде, когда тутси были беженцами в Уганде, Кагаме и другие лидеры тутси считали США и Великобританию своими главными союзниками за пределами Африки. Руководитель организации Human Rights Watch Кен Рот обратился к президенту Совета Безопасности, послу США Джону Негропонте, с просьбой предпринять все меры к тому, чтобы трибунал мог вести следствие относительно всех участников конфликта в Руанде, которых обвиняли в чудовищных преступлениях, совершенных в 1994 году. Рот объяснил, почему руандийскому правительству 2002 года нельзя доверять следствие и обвинение в адрес людей, которые в 1994 году занимали высокое положение В РПФ:

Руандийское правительство полагает, что трибунал должен рассматривать только дела о геноциде и предоставить обвинение по преступлениям, совершенным [РПФ] руандийским судам. Нас уверяют, что эти суды рассматривали дела и выносили

обвинительные приговоры членам [РПФ], совершившим преступления. Но процессов таких было немного, и приговоры, вынесенные обвиняемым, очень мягкие. Только один старший офицер, майор, был осужден за убийства, совершенные в 1994 году. В январе 1998 года его приговорили к пожизненному заключению, после того, как он признался в том, что отдал приказ об убийстве более 30 гражданских лиц. Впрочем, обвиняемый подал апелляцию и вскоре был освобожден. В июне 1998 года за совершение тяжких преступлений в 1994 году были осуждены еще пять обвиняемых, причем четверо из них были рядовыми, а один капралом. Все приговоры оказались удивительно мягкими: капрал, признанный виновным в убийстве 15 гражданских лиц, приговорен всего к двум годам заключения.

Большинство руандийцев ничего не знает о судах по делам членов [РПФ] или считает их малозначительными, поскольку судов таких крайне мало, а приговоры они выносят очень мягкие. Те, кто пострадал от членов [РПФ] в 1994 году, члены их семей и другие руандийцы продолжают требовать правосудия по этим преступлениям.

Руандийское правительство недавно приступило к реализации новаторской программы народного правосудия. В стране создаются суды [гакака], которые вершат правосудие и способствуют примирению сторон. Хотя закон наделяет эти суды юрисдикцией для рассмотрения преступлений против человечности и военных преступлений, руандийское правительство с самого начала ясно дало понять, что народные суды будут рассматривать только обвинения в геноциде. Несмотря на столь ясные разъяснения, руандийцы продолжают обращаться в суды [гакака] по делам тех, кто был убит в 1994 году солдатами [РПФ], и требовать правосудия. Но их просьбы остаются тщетными.

Руандийские власти заявляют своим гражданам и Совету безопасности ООН, что местные суды занимаются преступлениями, совершенными членами [РПФ]. Если бы руандийские прокуроры действительно хотели рассматривать эти дела, то у них было достаточно времени для действий… *Жертвы преступлений, совершенных членами [РПФ] не имеют практически никаких шансов добиться правосудия в каком-либо из руандийских судов, будь то суд военный или суд [гакака]*. Невозможность обращения в международный трибунал порождает обиду и чувство мести — опасные чувства для региона, где продолжают действовать вооруженные группы противников признанного правительства.

Совет безопасности ООН несколько месяцев не реагировал на

мои обращения и обращение судьи Пиллая о нежелании правительства Руанды сотрудничать с трибуналом. В конце концов, Совет ограничился мягким порицанием Руанды. Я отозвала следователей обвинения из Кигали. Оставаться там без сотрудничества со стороны правительства было бессмысленно. Мы не получили из Руанды никаких документов по преступлениям, совершенным членами РПФ. Следователям удалось найти крайне мало свидетелей, готовых дать показания, а действия вне Руанды после многочисленных поездок по странам Африки и Европы практически не приносили результатов. Я отправила следователей в Женеву, составить проект отчета по имеющимся доказательствам. Из полученного документа я поняла, что качество доказательств недостаточно для выдвижения обвинения, а расширить доказательную базу без присутствия в Кигали невозможно. Свидетельский кризис пошел на убыль в сентябре 2002 года. Руандийское правительство, явно пытаясь спасти лицо после моего заявления и заявления судьи Пиллая в Совете безопасности, начало распространять слухи о том, что, отзывая следователей, я закрыла специальное расследование. После этого руандийские власти позволили свидетелям обвинения отправиться в Арушу для дачи показаний. Процессы по делам о геноциде, в том числе дело Багосоры и других военных, начались осенью.

Я не закрыла специальное расследование. Я все еще была полна решимости исполнить свой мандат и обеспечить правосудие для обеих сторон руандийского конфликта. 18 ноября я сообщила об этом представителям Союза за освобождение Руанды, оппозиционной организации хуту, действующей в изгнании на территории Демократической Республики Конго. Руандийское правительство тут же выпустило пресс-релиз, в котором критиковало меня за сговор с «террористами»:

> Встреча Карлы дель Понте с известной руандийской террористической организацией, виновной в осуществлении геноцида…. явилась кульминацией ее сознательной политики отступления от принципов правосудия. Теперь она встречается и обедает с людьми, идеология и поступки которых сводятся к геноциду. Сегодня народ Руанды утратил веру в объективность дель Понте и ее способность отправлять правосудие… В свете этих шокирующих событий правительство Руанды обращается к международному сообществу и Совету безопасности ООН с требованием призвать прокурора к ответу…

Разумеется, я должна была ответить. Выступая в Лондоне 25 ноября 2002 года, я постаралась прояснить свою позицию:

Для меня любая жертва — это жертва, а любое преступление, подпадающее под мой мандат прокурора [Международного трибунала по Руанде], является преступлением вне зависимости от личности, этнической принадлежности или политических убеждений человека, совершившего его. Политическое и военное руководство Руанды должно нести ответственность за преступления, которые могли совершить сторонники [РПФ]. Если они искренне заинтересованы в установлении истинного мира и полного примирения в своей стране и в [регионе в целом], они должны безоговорочно и полностью сотрудничать с трибуналом…

В конце 2002 года освободилось место, о котором я давно мечтала и даже рассказывала об этом журналисту журнала *Time* четырьмя годами раньше: открылись двери Международного уголовного суда. Этому предшествовала двухдневная конференция в Гааге. Во время приемов и перерывов в официальных дискуссиях я встретилась с представителями нескольких правительств и неправительственных организаций. Все они советовали мне подать документы на соискание должности нового главного прокурора суда. Мой дипломатический советник, Жан-Жак Жорис, предупреждал меня, что я не получу этой должности по целому ряду причин. Швейцарское правительство уже предложило кандидата на одну из юридических должностей в новом суде. Процессы над Милошевичем и Багосорой продлятся еще несколько лет. Трибуналы по Югославии и Руанде не завершили свою работу. Но все-таки я хотела получить эту работу. Я понимала, что возможность продолжать деятельность в международном обвинении, решать фантастические проблемы и, конечно, пользоваться множеством льгот, может больше и не представиться. В своей квалификации и работоспособности я была полностью уверена. Я вполне могла работать в прокурорской службе Международного уголовного суда. О своей заинтересованности я сообщила генеральному секретарю ООН Кофи Аннану. Спустя некоторое время, когда я ужинала со своими голландскими друзьями, генеральный секретарь позвонил мне. «Послушайте, Карла, — сказал он, — если они сделают предложение, скажите, что вы в полном их распоряжении». После этого я встретилась с принцем Иордании Абдуллой, возглавлявшим комитет по отбору. По его словам я поняла, что мои шансы довольно высоки. Однако сделанный мной вывод оказался ошибочным.

В конце своего президентского срока Билл Клинтон подписал

Римский статут, то есть договор, по которому и создавался Международный уголовный суд. Однако администрация Буша резко выступала против самого существования нового суда. Судя по всему, Буш стремился повысить свою политическую популярность среди неинформированного электората. Новая американская администрация опасалась того, что Международный уголовный суд может выдвигать политически мотивированные обвинения против политических и военных руководителей США. Президент Буш даже пошел на беспрецедентный поступок и аннулировал подпись Клинтона под Римским статутом. Госдепартамент начал заключать двусторонние соглашения с рядом стран (преимущественно со слабыми государствами, находящимися в значительной зависимости от США) о взаимном освобождении граждан от обвинений со стороны нового суда. 3 марта 2003 года Госдепартамент заявил, что такое двустороннее соглашение заключено между США и Руандой. Президент Поль Кагаме в то время находился в Вашингтоне. Он встречался в Белом Доме с президентом Бушем через день после подписания двустороннего соглашения. Мы с моими сотрудниками подозревали, что в обмен на подпись президент Кагаме заручился поддержкой США по вопросу остановки специального расследования Международного трибунала и отказа от обвинений в убийствах, совершенных тутси в 1994 году, в адрес высшего военного командования Руанды и, возможно, самого Кагаме.

Подтверждение своим подозрениям я получила во время следующей поездки в Вашингтон в мае 2003 года. Посол США по особым поручениям по военным преступлениям, Пьер Проспер, пригласил меня встретиться с генеральным прокурором Руанды, Жераром Гахимой, послом Руанды в Вашингтоне Ришаром Сезиберой и руандийским дипломатом, работавшим в трибунале в Аруше, Мартином Нгогой. 15 мая 2003 года мы с моими помощниками поднялись на верхний этаж штаб-квартиры Госдепартамента США. Элегантный, очень официальный зал приемов нас удивил. Во время моих прежних визитов в Фогги-Боттом Проспер обычно принимал меня в своем небольшом кабинете. Войдя в просторный зал приемов, я ошибочно решила, что Госдепартамент хочет меня чем-то порадовать. Однако порадовать хотели не меня, а руандийцев. Сотрудники Проспера сообщили (по крайней мере, мне), что разговор будет идти о сотрудничестве между прокурорской службой и правительством Руанды. Несколько минут мы обменивались общими словами, а затем перешли к основной теме: специальному расследованию. Проспер явно шел на поводу у руандийцев, которые требовали,

чтобы расследованиями преступлений, совершенных членами РПФ, занимались местные суды и власти тутси, а не Международный трибунал. Подобные требования меня не удивили. Удивил меня Проспер: он явно был на стороне руандийцев. Он предложил мне отказаться от расследования и выдвижения обвинений по преступлениям членов РПФ и передать все доказательства, собранные нами против отдельных подозреваемых тутси, руандийскому правительству. Правительству, которое в течение девяти лет не предпринимало никаких действий по этим делам, и, по данным организации Human Rights Watch, не оставило жертвам преступлений РПФ «практически никаких шансов на правосудие в любом руандийском суде».

Я не хотела казаться несговорчивой, поскольку эта проблема нуждалась в немедленном решении, и согласилась с тем, что передача расследования в руки руандийских властей теоретически возможна. В конце концов, руандийские власти и Международный трибунал по Руанде имели равную юрисдикцию по преступлениям, совершенным в 1994 году. Но, как я полагала, имелись веские основания подозревать, что Руанда не проведет подобное расследование беспристрастно. Я выступила с встречным предложением. Если правительство Руанды конкретными действиями докажет мне, что хочет и может проводить подобные расследования и процессы, я, в принципе, могу поддержать идею соглашения, по которому Международный трибунал продолжит следствие только в том случае, если руандийские власти не смогут адекватно провести эти расследования и процессы.

Соединенные Штаты хотели заключить соглашение столь страстно, что никто не возражал даже против того, что во время перерыва после особенно интенсивного обсуждения я закурила сигарету. Руандийцы были уверены в том, что Проспер провел со мной подготовительную работу. Но это было не так: он просто представил проблему так, словно у нас с ним имелось предварительное соглашение. Я должна была согласиться передать расследование обвинений против РПФ правительству Руанды, а правительство должно сделать что-нибудь, чтобы доказать свою готовность вести следствие и выдвигать обвинение против собственных офицеров. В ходе переговоров Проспер достал листок бумаги с черновым «соглашением» и хотел, чтобы я его подписала. Я вежливо отказалась и продолжала настаивать на том, что Руанда должна сначала продемонстрировать свою добрую волю и готовность к действию. Без этого я буду продолжать считать, что Руанда не способна провести подобное

расследование и выдвинуть обвинение против членов РПФ. В такой обстановке я не могу передавать какие-либо доказательства, которые могут повредить нашим свидетелям и информаторам. Встреча завершилась без подписания каких-либо документов.

В тот же день Проспер усилил давление. Через час после встречи с руандийцами я прибыла на обед в резиденцию посла Швейцарии в Вашингтоне. Проспер тоже был приглашен. Но он пробыл там недолго, нашел меня в саду и отозвал в сторону. Мы с ним практически одного роста и смотрели друг другу прямо в глаза. Никакого белого вина. Никаких бутербродов.

«Я хочу вам сообщить, — сказал Проспер, — что некоторые государства считают, что [Международному трибуналу по Руанде] нужен собственный прокурор. Ваше назначение не будет подтверждено. И в [трибунале по Югославии] вы будете работать только два года». Мой мандат в обоих трибуналах истекал в сентябре 2003 года, всего через четыре месяца. Я ожидала продления мандата еще на четыре года. Проспер упомянул Великобританию и был достаточно осторожен, чтобы не говорить о том, что в состав тех самых «некоторых государств» входят и Соединенные Штаты. Впрочем, было абсолютно ясно, что посол США по особым поручениям по военным преступлениям вполне согласен с точкой зрения британцев. Итак, к шантажу прибегли не одни руандийцы. Премьер-министр Зоран Джинджич недавно был убит в Белграде. Я только что отказалась отозвать обвинения в адрес ряда сербских генералов. Теперь же я отказывалась передать следствие по преступлениям, совершенным членами Руандийского патриотического фронта тутси, в руки правительства Руанды. Все эти действия в той или иной мере нарушали сложившийся политический статус-кво, который дипломаты стремились сохранить любой ценой.

Когда Проспер попытался объяснить мне, что назначение нового прокурора повысит «эффективность» работы трибунала по Руанде, я с трудом держала себя в руках. Ведь это я вела долгую борьбу с бюрократией ООН, чтобы избавить прокурорскую службу от лишней работы. Именно я пригласила руководить следствием Лорана Вальпена, после чего «эффективность» действительно повысилась. «Как это возможно? — спросила я. — Не могу поверить… Это абсолютно невозможно». Через несколько минут Проспер удалился, направившись на какое-то другое мероприятие.

20 мая я получила факс на официальном бланке Госдепартамента. Проспер прислал мне на подпись еще один вариант проекта соглашения. В документе говорилось, что

правительство Руанды предоставит трибуналу информацию о работе военной прокуратуры по нарушениям международного гуманитарного права, совершенным руандийскими военными в 1994 году. Прокурорская же служба трибунала должна предоставить правительству Руанды список мест, где в 1994 году членами РПФ могли быть совершены массовые убийства, а также все доказательства, связанные с этими преступлениями. В первую очередь эти дела должно рассматривать правительство Руанды. Прокурорская служба должна иметь возможность следить за ходом процессов, начатых правительством Руанды. Если же правительство решит не возбуждать дела, прокурорская служба может продолжить расследование. Суть проекта заключалась в следующем: «[Прокурорская служба] не будет выдвигать обвинение или иным образом представлять дело в [Трибунале], если не доказано, что следствие или обвинение, проводимые [правительством Руанды], исполняются с нарушениями». Эта фраза была немыслимо уклончивой. Кто и как должен доказать наличие нарушений? По каким критериям они будут определяться? Я полагала, что этой фразой американцы давали Руанде право закрыть специальное расследование и препятствовать любым попыткам трибунала доказать свой примат и независимость.

Я вылетела в Арушу чтобы обсудить план Проспера с сотрудниками прокурорской службы. По телефону я сообщила об этом в департамент правовых вопросов ООН, чтобы проинформировать о сложившейся ситуации генерального секретаря Кофи Аннана. Нью-Йорк поддержал нашу позицию. Из офиса трибунала в Аруше я направила Просперу факс, в котором с сожалением сообщала о том, что новый проект плана неточно отражает суть нашей дискуссии в Вашингтоне или просто не учитывает всего, что было сказано мной и моим заместителем. Я отказалась идти на уступки. У меня не было никаких оснований верить тому, что Руанда может и хочет проводить реальное расследование и выдвигать обвинения. Я сообщила послу Просперу, что буду продолжать настаивать на примате трибунала, на что имею полное право.

Мое решение привело Проспера в ярость. Он позвонил моему политическому советнику по Руанде, Сесиль Аптель, и высказал свою точку зрения в весьма нелицеприятных выражениях. Он буквально кричал. Когда трубку взяла я, Проспер перешел на дипломатический тон, но содержание его слов не изменилось. После этого от французских дипломатов мы узнали о том, что Соединенные Штаты начали кампанию против моего повторного назначения в трибунал по Руанде, и о том, что мой мандат в

трибунале по Югославии будет продлен только на один или два года. Уважающий себя прокурор не может терпеть подобного отношения: столь короткий мандат превращает его в собаку на коротком поводке.

Последнюю неделю июня 2003 года я провела в Париже. После беседы с президентом Шираком я встретилась с Жаном-Луи Брюгьером. Наша встреча проходила в том же кабинете, куда пятью годами раньше доставили для допроса Карлоса «Шакала». Брюгьер принял меня в личной комнате при своем кабинете. Множество полок были заставлены сотнями папок с документами. «*Voila,* — сказал он. — Поговорим о расследовании». Глядя на ряды папок и ящиков с картотеками, я вспомнила, что Брюгьер тоже направлял руандийскому правительству просьбу о содействии, и, конечно, не получил из Кигали никакого ответа. Я даже спросила президента Кагаме, почему Руанда отказывается сотрудничать со следствием. Испытывая явную неловкость, Кагаме ответил: «Скажите судье Брюгьеру, чтобы он приезжал в Кигали за содействием». Я передала это приглашение Брюгьеру и, не подумав, добавила, что поездка в Кигали действительно может способствовать расследованию катастрофы французского самолета.

«*Merci, non*»,[37] — с улыбкой отказался он.

Теперь же Брюгьер сообщил мне о том, что готов выдвинуть обвинение и выписать несколько ордеров на арест. Впрочем, Франция не собиралась настаивать На аресте Поля Кагаме, поскольку президент Руанды пользуется иммунитетом как глава государства. Мы с Брюгьером заключили неформальное соглашение. Он выдвинет обвинение против тутси, предположительно виновных в ракетном обстреле президентского самолета (некоторые из них в настоящее время занимали высокое положение в руандийской армии), и передаст мне доказательства, собранные против Кагаме. Впоследствии, если я сочту это возможным и уместным, я выдвину обвинение против Кагаме. Было совершенно ясно, что если мы будем продолжать расследование преступлений, совершенных членами РПФ, то соберем достаточно доказательств для выдвижения обвинения против Кагаме, так как именно он командовал войсками РПФ в 1994 году. Однако лето 2003 года было неподходящим временем для выдвижения подобного обвинения. Если трибунал по Руанде объявит о начале следствия по делу Кагаме, то это помешает ведению важнейших дел о геноциде, которые должны были продолжаться еще несколько лет. Даже если Брюгьер представит достаточные для обвинения доказательства, выдвинуть обвинение против президента Руанды можно будет лишь в конце работы

трибунала, когда дела о геноциде будут почти закончены и трибунал окажется в меньшей зависимости от Кигали. Мы с Брюгьером решили в сентябре встретиться с Кофи Аннаном и обсудить наши дальнейшие действия. Однако этому не суждено было осуществиться.

Через несколько дней я узнала, что Джек Стро, министр иностранных дел Великобритании, обратился к генеральному секретарю ООН Кофи Аннану с предложением назначить нового прокурора, который работал бы только в трибунале по Руанде. Подобное решение, по словам Стро, способствовало бы «повышению эффективности» работы трибунала. В среду 2 июля 2003 года дипломатический представитель Соединенного Королевства в Гааге, посол Колин Бадд, нанес мне визит. Я сказала ему, что знаю о письме правительства Великобритании Кофи Аннану с предложением о назначении нового главного прокурора в трибунале по Руанде, выразила свое удивление в этой связи и сообщила, что Аннан только что говорил мне, что не видит оснований для подобных структурных изменений. «Сейчас неподходящее время для подобных шагов, — сказала я послу Бадду. — Мы только что наладили работу прокурорской службы в Руанде». После того как мы решили кадровые проблемы и реорганизовали работу следствия, неэффективность работы трибунала более не зависела от прокурорской службы. Совет безопасности ООН собирается принять резолюцию по стратегии завершения работы трибуналов по Югославии и Руанде. Прокурорская служба уже давно проводит такую стратегию.

Бадд разъяснил позицию Великобритании. Он сказал, что Джек Стро — убежденный сторонник предлагаемых изменений, и что его позиция каким-то образом связана с сокращением расходов. Я ответила, что единственными сокращенными расходами станут затраты на мои авиабилеты и мои командировочные, однако, жалованье, подъемные, командировочные и другие затраты нового прокурора каждый год будут только возрастать. После этого Бадд сказал, что Великобритания заинтересована в том, чтобы я приложила максимум усилий для работы в трибунале по Югославии. Работа в этом трибунале замирает, когда я нахожусь в Аруше. Тогда же посол заметил, что Стро обсуждал этот вопрос с Кофи Аннаном, и Аннан согласился с позицией Великобритании.

«Если моя работа вызывает нарекания, об этом должны сообщить мне, — ответила я. — А если реальные мотивы имеют политическую природу, то и об этом следует заявить открыто». Бадд ничего не сказал о том, что, по моему мнению, было реальным основанием для предлагаемых изменений: руандийское

правительство резко выступало против специального расследования преступлений, совершенных членами РПФ. Я попросила посла организовать мне встречу с Джеком Стро в Лондоне. Он ответил, что, к сожалению, Стро не располагает временем для подобной встречи. В настоящий момент он занят проблемами Ирака. Я же понимаю, нужно искать оружие массового уничтожения… где-нибудь.

По залам и коридорам трибунала по Югославии быстро распространился слух о том, что руководство прокурорской службы объединило усилия с целью выживания меня из трибунала. Я знаю, что британское посольство в Гааге не раз обращалось к моим сотрудникам «за консультациями». Мне сообщили, что один из высокопоставленных сотрудников, американец по происхождению, просил посольство США в Гааге вмешаться, но американские дипломаты отказались.

В конце июля 2003 года журналистка Марлиз Симоне из *New York Times* сообщила, что руандийское правительство ведет кампанию с целью смещения меня с должности главного прокурора трибунала по Руанде. Ссылаясь на анонимных западных дипломатов и сотрудников трибунала, журналистка писала, что власти Руанды в ярости из-за того, что прокурорская служба ведет расследование преступлений, совершенных в 1994 году теми тутси, которые сейчас занимают высокие посты в гражданском и военном руководстве страны. Позицию Руанды в этом вопросе поддерживают Соединенные Штаты и Великобритания. «Руандийское правительство постоянно жалуется на работу дель Понте и оказывает сильнейшее давление на нас и на других», — сообщил журналистке дипломат, работающий в Совете безопасности ООН. В *Times* сообщалось, что британские дипломаты полагают, что мое смещение будет способствовать закрытию расследования обвинений в адрес членов Руандийского патриотического фронта.

Я вылетела в Нью-Йорк, чтобы заручиться поддержкой Кофи Аннана. Я хотела объяснить ему, что сейчас самый неподходящий момент для разделения полномочий. Несмотря ни на что, я все еще полагала, что Аннан меня поддержит.

Я прибыла в Нью-Йорк в понедельник 28 июля. К сожалению, к этому времени все уже было решено, причем совершенно неправильно и по неправильным основаниям. Члены Совета безопасности приняли проект резолюции с требованием к трибуналам по Югославии и Руанде завершить расследования к концу 2004 года, процессы — к концу 2008 года, а рассмотрение апелляций — к концу 2010 года. Великобритания добилась успеха: с целью повышения эффективности и сокращения

расходов в трибунал по Руанде назначался новый прокурор, что вполне вписывалось в стратегию завершения работы.

Английский представитель в департаменте по правовым вопросам ООН Ральф Заклин сообщил мне, что Аннан просил его провести консультации с 15 членами Совета безопасности по вопросу о назначении нового главного прокурора в трибунал по Руанде. Дипломат описал мне весь сценарий: Аннан предложит назначить нового прокурора в трибунал по Руанде и продлить мой мандат в трибунале по Югославии еще на четыре года. «Стратегия завершения под угрозой», — сказал Заклин. Я попыталась объяснить реальные причины, по которым Руанда, Великобритания и, в меньшей степени, Соединенные Штаты настаивают на подобных структурных изменениях. Заклин со мной согласился, но, по его словам, Совет безопасности — это политический институт, который принимает политические решения. «Вы правы, — вздохнул он, — но вы проиграли». Он сообщил, что двое или трое из пяти постоянных членов Совета безопасности согласны с данным предложением, и что его поддерживает генеральный секретарь ООН.

Только один ближайший сотрудник Аннана считал решение о назначении нового прокурора в трибунал по Руанде политическим, но он так боялся обсуждать этот вопрос, что дважды просил меня не говорить никому о его точке зрения.

— Но это же положит конец специальному расследованию, — сказала я.

— Да, — ответил этот человек. — Я знаю.

После этого я встретилась с Аннаном. «Ничего личного, — попытался утешить меня генеральный секретарь. — Все считают, что вы — очень хороший прокурор и провели большую работу». Но… Аннан сказал, что не может возражать против назначения нового прокурора в трибунал по Руанде. «Это будет слишком сложно», — объяснил он и подтвердил, что всегда считал, что в каждом трибунале должен быть свой главный прокурор.

Я попыталась спровоцировать Аннана и спросила, что будет, если я предпочту остаться в трибунале по Руанде, а не в трибунале по Югославии. Я могу переехать в Арушу, поселиться там и продолжать свою работу… «Нет, Карла, — ответил Аннан. — Вы останетесь в трибунале по Югославии. Процесс против Милошевича слишком важен, чтобы передавать его в другие руки».

После этого мне стало совершенно ясно, что назначение нового прокурора связано только со специальным расследованием, а никак не с малой эффективностью работы одного и того же человека и в Северной Европе, и в Восточной

Африке.

Аннан согласился отложить отправку соответствующего письма Совету безопасности, пока я не изложу свою позицию членам Совета. Генеральный секретарь дал мне 24 часа, и я по достоинству оценила этот жест. Наша беседа продолжалась 15 минут. Перед уходом я еще раз изложила Аннану свои доводы и сказала: «У вас не будет специального расследования, и вы это понимаете. Зафиксируйте это для истории».

В течение следующих суток мы с моими сотрудниками проинформировали членов Совета безопасности о том, что назначение нового прокурора в трибунал по Руанде ослабит его независимость и отнюдь не будет способствовать разрушению культуры безнаказанности. Подобное решение продиктовано исключительно сиюминутными политическими соображениями.

«Не вижу никаких серьезных причин к разделению должностей, за исключением политических, — снова и снова твердила я в тот день. — Я отлично понимаю, почему правительства Руанды и других стран поддерживают это предложение. Все дело в моем специальном расследовании. Кто же, кроме Совета безопасности ООН, может поддержать прокурора в этом вопросе?»

Мы выяснили, что большинство членов Совета просто согласились с аргументом британского правительства о «повышении эффективности». (Полагаю, никто не дал себе труда провести экономический анализ этого предложения.) Нас поддержала Франция, Мексика и Испания. Нас поддержали даже Ангола и Камерун, хотя африканцы всегда хотели иметь африканского прокурора. Соединенные Штаты заявили, что не имеют собственного мнения, но согласятся с большинством. Четыре международных правозащитных организации согласились с моим мнением о том, что назначение нового прокурора в трибунал по Руанде повлияет на независимость и беспристрастность трибунала. Human Rights Watch и Комитет юристов за права человека обратились к Совету безопасности с письмом, в котором утверждали, что предлагаемые изменения затруднят расследование в отношении обвиняемых офицеров Руандийского патриотического фронта.

28 августа решение было принято. Все прошло в полном соответствии со сценарием, описанным мне Ральфом Заклином во время нашей встречи в Секретариате месяцем раньше. Совет безопасности принял резолюцию № 1503. Я более не являлась главным прокурором трибунала по Руанде, но получила четырехлетний мандат на работу в трибунале по Югославии. Через пять дней Совет безопасности назначил нового главного

прокурора. Им стал африканец, член Верховного суда Гамбии, Хассан Бубакар Джаллоу.

Единственное, чего мне удалось добиться, был вставленный по моему настоянию и настоянию моих помощников параграф, который запрещал новому главному прокурору закрывать специальное расследование. В этом параграфе Совет безопасности «призывает все государства, особенно *Руанду*, Кению, Демократическую Республику Конго и Республику Конго, активизировать сотрудничество с МУТР и оказать ему всю необходимую помощь, *в том числе в проведении расследований в отношении Руандийского патриотического [фронта]…»* Мы даже сделали уступку руандийскому правительству, призвав перечисленные государства приложить усилия к аресту Фелисьена Кабуги, крупного финансиста, который продолжал вести сладкую жизнь в Кении и других государствах, готовых признать его фальшивые паспорта.[38]

Позже я имела очень приятный разговор с Хассаном Джаллоу. Я использовала эту возможность для того, чтобы посоветовать новому прокурору продолжать специальное расследование и после 2004 года, хотя именно такой срок был назначен для завершения выдвижения всех обвинительных заключений. Я снова напомнила ему, что главная задача трибунала по Руанде — положить конец культуре безнаказанности и выдвинуть обвинения против тех, кто был виновен в совершении военных преступлений с обеих сторон. Эту задачу следовало решать, не обращая внимания на временные ограничения. Я попросила Джаллоу связаться с Брюгьером, но не знаю, встречались ли они, и изучали ли следователи трибунала доказательства, собранные французским судьей. Я ничего не знаю о том, продолжает ли трибунал по Руанде специальное расследование. Я ничего не слышала об убийстве архиепископа, двух епископов, девяти священников и трех девушек и о других преступлениях, совершенных членами РПФ. Судя по всему, после моего отстранения Кигали не препятствовал работе трибунала, а руандийские пограничники перестали мешать свидетелям вылетать в Арушу.

К 17 ноября 2006 года трибунал по Руанде осудил 26 человек и оправдал пятерых. Среди осужденных не было ни одного тутси. В тот же день Жан-Луи Брюгьер выдвинул обвинение против Поля Кагаме и других высокопоставленных командиров милиции тутси. Он заявил, что именно они несут ответственность за катастрофу самолета, на борту которого находился президент Жювеналь Хабьяримана, в апреле 1994 года. Было выписано девять международных ордеров на арест. Среди обвиняемых были

два генерала руандийской милиции, Шарль Кайонга и Джексон Нкурунзиза. Ордер на арест Поля Кагаме не выписывался: по французскому закону он пользовался иммунитетом. Впрочем, Брюгьер полагал, что трибунал по Руанде вполне может выдвинуть обвинение против президента этой страны, поскольку между убийством Хабьяримана и геноцидом существовала прямая связь.

Я не располагаю информацией о тех доказательствах, на которых основывалось обвинение Брюгьера. Не знаю, смогла ли бы я выдвинуть обвинение против Кагаме и представить его судебной палате трибунала. Не представляю, какой работы потребовал бы подобный документ, ведь в столь сложном вопросе недопустимы даже малейшие неточности и сомнения. Естественно, что после объявления Брюгьера руандийские власти впали в ярость. Но я уверена, что все это наигранное возмущение было направлено лишь на то, чтобы произвести впечатление на руандийских тутси. Правительство разразилось знакомыми обвинениями. Руандийцы утверждали, что Франция пытается уничтожить Руанду. Министр иностранных дел Руанды, тот самый Шарль Муриганде, который публично заявлял о том, что страна будет сотрудничать со специальным расследованием трибунала, зашел настолько далеко, что попытался обвинить Францию в соучастии в убийстве 800 тысяч тутси. Муриганде заявил: «Французы пытаются заглушить голос совести, их роль в геноциде была очень велика. Теперь же они стараются переложить свою ответственность на других». Через неделю после того, как Брюгьер выписал ордера на арест, Руанда разорвала дипломатические отношения с Францией. Французскому послу предложили покинуть страну в 24 часа. Полагаю, он благополучно вылетел из столичного аэропорта.

Глава 10
Борьба с Загребом 1999–2007 годы

Многие сербские официальные лица, с которыми я встречалась, открыто обвиняли трибунал по бывшей Югославии в необъективности. Они постоянно вступали в конфронтацию, оказывали откровенное сопротивление и категорически отрицали что бы то ни было. Сколь бы убедительными ни были факты и доказательства, сербы опровергали их, не брезгуя никакими средствами. Их извращенная откровенность вызывала у меня определенное уважение. Хорватские официальные лица вели себя по-другому Первый президент Хорватии Франьо Туджман и его ставленники в Хорватии в контролируемой хорватами части Боснии и Герцеговины долгие годы клялись сотрудничать с трибуналом по Югославии. Они мне улыбались, пожимали руку, давали обещания, строили величественную *muro di gomma*, а потом прибегали к хитростям, уловкам, обману и ударам в спину. Один из юристов трибунала, канадец, любивший распространять слухи и сплетни, точно охарактеризовал различие между сербами и хорватами, пытающимися помещать работе трибунала. «Сербы, конечно, ублюдки, — сказал он. — Но хорваты — подлые ублюдки…»

Хорватов, представших перед трибуналом, обвиняли в преступлениях, совершенных между двумя военными кампаниями. Во-первых, Республика Хорватия начала военные действия с целью возвращения контроля над своей территорией, которую сербы вместе с Югославской национальной армией захватили в 1991 году. Во-вторых, Республика Хорватия совместно с армией боснийских хорватов (Хорватский совет обороны), с 1992 по 1994 годы пыталась отвоевать часть территории Боснии и Герцеговины и присоединить ее к Республике Хорватия. Туджман и другие руководители страны стремились сохранить военную и финансовую поддержку этой операции в тайне, но никого одурачить не удалось. Прошло почти десять лет, двое участников умерли от рака, политическая обстановка в Республике Хорватия оставалась нестабильной. И только тогда аналитики прокурорской службы смогли собрать достаточно документов, чтобы детально охарактеризовать действия Туджмана и его ставленников по противодействию работе трибунала и обеспечению безнаказанности для себя и других высокопоставленных хорватских военных.

Многие хорваты считают генерала Анте Готовину героем

войны. Мужественный и совершенно неотразимый в военной форме генерал родился в Хорватии. С 1973 по 1978 годы он служил во Французском иностранном легионе. Я подписывала обвинительное заключение против него. В документах говорилось, что Готовина вернулся на родину в июне 1991 года, именно в тот момент, когда Хорватия объявила о своей независимости от бывшей Югославии. После этого в стране начались ожесточенные стычки между хорватской полицией и вооруженными представителями сербского меньшинства. Сербы получали оружие, деньги и иную поддержку от Югославской национальной армии и правительства Милошевича. Такое положение дел сохранялось в течение года. Сербы громили полицейские участки, а хорватское правительство безуспешно пыталось вернуть себе контроль над страной. Война началась осенью 1991 года. К концу года Югославская национальная армия захватила треть хорватской территории. Сербские лидеры провозгласили эти территории Республикой Сербской Краиной, или просто Краиной. Не в силах оказать военное сопротивление, правительство Хорватии в декабре 1991 года согласилось с мирным планом, предложенным ООН. Согласно этому плану, на территории Хорватии, удерживаемой сербами, были организованы четыре «защищаемых ООН зоны». Суверенитет Хорватии над этими территориями признавали все, кроме сербов. В начале 1992 года ООН разместила в этих зонах миротворческие силы UNPROFOR.

Карьера Анте Готовины в вооруженных силах Республики Хорватия после конфликта 1991 года стремительно развивалась. К 1995 году капрал Иностранного легиона стал генералом хорватской армии, командующим военным округом Сплита на Адриатическом море. В обвинительном заключении против Готовины говорилось о том, что к началу августа 1995 года политические и военные лидеры Хорватии начали проведение военной операции под кодовым названием «Шторм». Ее целью было возвращение территорий, удерживаемых сербами и контролируемых миротворцами ООН, под власть хорватского правительства и выдворение с них сербского населения. Психологическая война началась еще до решительных военных действий. Хорватские власти начали распространять слухи о готовящейся операции. По радио и телевидению постоянно повторяли, что сербы «могут покинуть» Краину и что значительное их число уже покинуло эту область. Сербским гражданским лицам показывали карты «исключительно хорватских» территорий. Публиковались «маршруты исхода». Сербов охватывал ужас.

В обвинительном заключении говорилось, что массовый исход сербов начался еще до того, как войска под командованием генерала Готовины 4 августа 1995 года атаковали Краину. Хорватская артиллерия обстреливала жилые кварталы. Хорватские войска входили в сербские поселения ночами, угрожали оружием и всячески запугивали тех сербов, которые не покинули своих домов. Солдаты хватали сербов, заталкивали их в грузовики и доставляли в лагеря тюремного типа и центры сбора. Хорватские солдаты не раз открывали огонь по бегущим сербам. Людей заставляли присутствовать при казнях членов их семей. На дорогах валялись трупы. Некоторых сжигали живьем, другие погибали от множественных колото-резаных ран, третьих сбрасывали в колодцы. Порой люди просто исчезали, и больше их никто не видел.

Готовину обвиняли в том, что после того как хорватская армия подавила военное сопротивление сербов, которое в большинстве мест было минимальным, а кое-где отсутствовало полностью, были предприняты действия по полному и окончательному выселению сербов из Краины. Хорватские войска и гражданские лица захватывали дома и компании сербов. Команды хорватских поджигателей оставляли города и деревни в руинах. Там, где сербы и хорваты располагались вперемешку, дома хорватов уцелели, а сербские были сожжены дотла. Скот убивали или сжигали живьем прямо в амбарах и конюшнях. Трупы животных сознательно бросали в колодцы и источники. К 15 ноября 1995 года, когда военные действия успешно завершились, сербское население Южной Краины было практически уничтожено. Хорватские войска и гражданские лица занимали брошенные сербами дома. Хотя сербским беженцам было предоставлено право вернуться, их собственность и документы на нее оказались уничтожены, что делало предоставленное право практически неосуществимым. И все это, как утверждалось в обвинительном заключении, делалось абсолютно сознательно.

Прокурорская служба еще работала над проектом обвинительного заключения по Готовине, когда я совершила свой первый визит в Загреб. Это произошло в ноябре 1999 года. Я использовала эту поездку для того, чтобы потребовать от хорватских властей сотрудничества с трибуналом в расследовании преступлений, совершенных во время операции «Шторм» и военной кампании, которую Туджман вел с 1992 по 1994 годы на территории Боснии и Герцеговины. Вместо того чтобы расследовать преступления и привлечь виновников к суду, как нам и обещали, Туджман и другие хорватские лидеры в

течение трех лет до моего визита всеми силами препятствовали работе трибунала. Сотрудники военной и гражданской разведки всячески ограничивали доступ сотрудников прокурорской службы к документам, подтверждающим совершение военных преступлений на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины. Они выявляли свидетелей обвинения, которые согласились дать показания за закрытыми дверями в обмен на обещание защиты со стороны трибунала. В наших руках оказалась секретная стенограмма, согласно которой Туджман лично организовал утечку информации, из-за чего прессе стало известно имя по крайней мере одного очень важного и строго охраняемого свидетеля. Речь шла о Стипе Месиче, бывшем помощнике Туджмана, который резко выступал против кампании по разделению Боснии и Герцеговины. Ставленники Туджмана всячески препятствовали задержанию хорватов, против которых были выдвинуты обвинения. Ивица Раджич, командир подразделения армии боснийских хорватов, которое в октябре 1993 года убило десятки мусульман, в том числе женщин и детей, в деревне Ступни До, получил солидное вознаграждение, фальшивые документы на новое имя и скрылся от правосудия. Семья Раджича вернулась в Хорватию, а его отпечатки пальцев таинственным образом исчезли из полицейских документов. Разведывательные службы Республики Хорватия всеми силами пытались организовать защиту боснийских хорватов, обвиняемых трибуналом в убийстве мусульман, в том числе женщин и детей, в Ахмичи в апреле 1993 года. Разведка поставляла защитникам документы, проводила допросы свидетелей, собирала информацию о свидетелях обвинения и готовила адвокатов к слушаниям.[39] Хорватская военная разведка докладывала Туджману о том, что существует реальная опасность предъявления обвинения руководителям Республики Хорватия.[40] Естественно, что хорватские власти всячески препятствовали расследованию деятельности Туджмана и других политических и военных лидеров страны, проводимому трибуналом. Они не могли допустить предъявления обвинений самим себе.

Не могу забыть того заявления, которое Туджман сделал буквально на смертном одре накануне моего приезда в Загреб. Он заявил, что Хорватия никогда не позволит арестовать и передать трибуналу хорватских офицеров, которые принимали участие в военной кампании по возвращению хорватской территории под контроль законного правительства. Оправдывая безнаказанность преступников, Туджман заявил: «Хорваты, которые освобождали свою страну от сил зла, не могут быть признаны виновными». В своем заявлении я сказала, что Республика Хорватия должна

признать право трибунала вести любые расследования вооруженного конфликта на своей территории, в том числе и операции «Шторм». Если же Хорватия не выполнит своих обязательств, у меня не будет иного выбора, кроме как сообщить об этом Совету безопасности ООН: «Даже во время справедливой войны или совершенно законной военной операции нужно уважать законы военного времени. Жестокое преследование гражданских лиц ничем невозможно оправдать. Мне поручено выяснить, совершались ли подобные преступления во время операции «Шторм»».

Заявление Туджмана стало его лебединой песней. Его ближайший советник, министр обороны Гойко Шушак, умер от рака в мае 1998 года. За час до полуночи 10 декабря 1999 года та же болезнь унесла жизнь Туджмана. По иронии судьбы, те же раковые клетки, которые до этого момента мешали прокурорской службе предъявить обвинение Туджману и Шушаку изменили политическую ситуацию в Хорватии, дали возможность следователям собрать доказательства вины других политических и военных лидеров и пролили свет на действия Туджмана и Шушака по разделению Боснии и Герцеговины.

В течение нескольких недель после смерти Туджмана руководимая им националистическая партия Хорватский демократический союз проиграла выборы. Я послала своего помощника Антона Никифорова в Загреб, чтобы он встретился с членами первого пост-туджмановского правительства страны. Мы стремились донести до нового правительства следующее: сотрудничество с трибуналом служит стратегическим интересам Хорватии и хорватского народа и будет способствовать установлению в стране закона и порядка; новое правительство должно быть готово к любым запросам о содействии; Хорватия должна выполнить обязательства по сотрудничеству, даже если этого не сделает ее враг — Федеративная Республика Югославия, то есть Сербия и Черногория.

Через несколько недель вторым президентом страны стал Стипе Месич, один из главных и самых серьезных противников Туджмана. Теперь в правительство входили те, кто возражал против развязанной Туджманом военной кампании в Боснии и Герцеговине. Эти люди были готовы выполнить одно из главных требований для вступления Хорватии в Евросоюз — сотрудничать с трибуналом. Через несколько недель после инаугурации Месича состоялась встреча хорватских официальных лиц с сотрудниками прокурорской службы. Хорваты сообщили, что правительство располагает важной информацией об участии страны в войне в Боснии и Герцеговине, а также о хорватских операциях против

сербов на территории самой Хорватии. Речь шла об очень важных доказательствах — записях совещаний, которые Туджман проводил в своем кабинете с 1991 года вплоть до того момента, когда из-за болезни оказался прикованным к постели. Вскоре сотрудники прокурорской службы узнали о том, что на военных базах в Загребе и Сплите был обнаружен полный военный архив армии боснийских хорватов. Этот архив, который сторонники Туджмана тайно перевезли из Боснии и Герцеговины с тем, чтобы документы не попали в руки трибунала, был именно тем, что следователи обвинения разыскивали много лет. В документах содержались сведения о преступлениях, совершенных армией боснийских хорватов в Центральной Боснии, в том числе детали массовых убийств в Ахмичи и Ступни До, а также этнических чисток в Мостаре и других регионах. Материалы этого архива, а также другие документы, которые нам вскоре предоставило хорватское правительство, доказывали действия хорватской разведки по противодействию работе трибунала.

Эти доказательства, так долго скрываемые режимом Туджмана, поступили в Гаагу слишком поздно, чтобы мы могли предъявить их судебной палате, рассматривавшей дело командира боснийских хорватов, Тихомира Блашкича. До этого времени мы не представляли, насколько политика противодействия, проводимая Туджманом, может повлиять на исход дела Блашкича. Это не делает мне чести как главному прокурору трибунала…

3 марта 2000 года после слушаний, которые длились более двух лет, после оценки показаний 158 свидетелей и рассмотрения более 1300 вещественных доказательств, судебная палата огласила свое решение по делу Блашкича. Трое судей подтвердили, что подразделения армии боснийских хорватов под командованием Блашкича напали на мусульманское селение Ахмичи, не имевшее никакого военного значения. Нападение произошло рано утром, когда жители деревни спали или молились. Люди не предпринимали никаких попыток защититься, они бежали или укрывались в своих домах и подвалах. После этого группы по пять-десять солдат стали обходить мусульманские дома. Они выкрикивали оскорбления, расстреливали мужчин на глазах их семей, а потом подожгли деревню с помощью зажигательных снарядов, мин и бензина. Британские миротворцы, расследовавшие это преступление, обнаружили останки убитых мусульман. Примерно треть из них составляли женщины и дети. На лестнице одного из домов миротворцы обнаружили два обгорелых трупа — мужской и мальчика-подростка. Рука мальчика была поднята вверх и, по

словам британского командира подполковника Боба Стюарта, «напоминала бесформенную клешню». В подвале за домом миротворцы обнаружили другие обгоревшие трупы. Два маленьких тела лежали на полу ничком, но лица их были обращены вверх. Пламя не полностью выжгло глаза одного из детей.[41]

Судебная палата постановила, что нападение на Ахмичи планировалось высшим командованием армии боснийских хорватов в Центральной Боснии. В нападении участвовали подразделения военной полиции боснийских хорватов, в том числе полувоенная группировка «Джокеры», а также регулярные части армии боснийских хорватов, в том числе бригада «Витез». За день до нападения Блашкич отдал три письменных приказа, в которых требовал представить операцию максимально оборонительной, хотя по сути своей она была откровенным нападением. Блашкич отдавал себе отчет в том, что могут быть совершены военные преступления, и пошел на риск. Судебная палата признала его виновным в том, что он отдал приказ совершить преступления против человечности, не предпринял должных мер по предотвращению этих преступлений и по наказанию виновных.

Я была удовлетворена не только вердиктом, но и приговором, вынесенным Блашкичу. Суд приговорил его к 45 годам заключения. Этот приговор гораздо лучше соответствовал тяжести совершенных преступлений, чем приговоры, вынесенные другим обвиняемым. После его чтения я поздравила старшего прокурора Марка Хармона, который вел это дело. Он посоветовал мне не радоваться раньше времени. Все ожидали, что Блашкич подаст апелляцию. Я же не видела никаких поводов для пессимизма. Мне казалось, что, если доказательства и аргументы обвинения показались настолько убедительными судебной палате, то апелляционная палата не сможет радикально изменить приговор. Как же я ошибалась!

Прокурорская служба намеревалась получить из Хорватии стенограммы совещаний, проводимых Туджманом, архив армии боснийских хорватов и другие документы министерства обороны и вооруженных сил. Их можно было бы использовать в качестве доказательств на других процессах против боснийских хорватов. Обвинение было предъявлено Дарио Кордичу, политическому лидеру Центральной Боснии, которого обвиняли также в причастности к резне в деревне Ахмичи. Кроме того, эти документы снижали вероятность того, что апелляционная палата пересмотрит приговор, вынесенный судебной палатой Тихомиру Блашкичу. Мы также собирались использовать новые

доказательства при подготовке обвинительных заключений против других обвиняемых, в том числе и против генерала Готовины. Прокурорская служба сообщила правительствам США, Франции, Германии и других стран, а также Совету безопасности ООН о том, что новое правительство Хорватии конструктивно подходит к вопросу сотрудничества с Международным трибуналом. 4 апреля 2000 года я прибыла в Загреб, чтобы встретиться с хорватскими официальными лицами. Со Стипе Месичем мы встретились ближе к вечеру, в президентском дворце, расположенном на холме над Загребом. Обнаруженные «президентские стенограммы» Туджмана и архив армии боснийских хорватов были очень важны для трибунала, и я сказала об этом хорватскому президенту. Теперь, когда существование и местонахождение этих документов окончательно установлено, возникает вопрос об обеспечении доступа к ним следователей трибунала.

Месич перебил меня: «Мадам прокурор, должен вам сказать, что президент Туджман записывал многое из того, что говорилось в этой комнате. Здесь и сейчас могут находиться подслушивающие устройства. Мы все еще их разыскиваем и не уверены, что обнаружили все. Будьте осторожны в своих высказываниях». Он рассмеялся, и я оценила его причудливое чувство юмора и осторожность. Хотя я вполне доверяла самому Месичу, те, кто его окружал, доверия у меня не вызывали. Мне казалось, что и сам президент им не доверяет. Я стала высказываться более осторожно. Месич сказал, что трибунал по Югославии должен сыграть значительную роль в истории югославских конфликтов. Примирение народов невозможно без наказания тех, кто совершил преступления. Он рассказал о стенограммах и записях переговоров Туджмана и подтвердил тот факт, что хорватская разведка располагает архивом армии боснийских хорватов, который был вывезен из Боснии и Герцеговины людьми Туджмана. Я сказала Месичу, что мы направим письменный запрос на получение доступа к этим документам, и попросила помощи в делах, связанных с обвинениями против сербов, в том числе против Милошевича и других обвиняемых. Во времена правления Туджмана хорватское правительство категорически отказывалось сотрудничать с трибуналом в этом отношении.

Затем у меня состоялась встреча с Ивицей Рачаном, новым премьер-министром Хорватии. Мы беседовали в конференц-зале, где было полно чиновников и клерков. Своей аккуратной седой бородкой и манерами Рачан напомнил мне университетского профессора. Это был настоящий политик. С одной стороны, он

понимал, что Хорватия не может отказываться от сотрудничества с трибуналом. Сам он был готов сотрудничать, зная, что это облегчит вступление страны в Евросоюз. С другой стороны, Рачан хорошо осознавал все ограничения местных политических реалий. Он постоянно пытался убедить нас смягчить свои требования. «Мы работаем всего два с половиной месяца, — сказал он, — а мне кажется, что прошел целый год. Ситуация очень сложная. Нам нужно найти радикальные решения наших проблем… Скорее всего, мы потеряем власть, но Хорватии это пойдет на пользу». Рачан сообщил нам, что на основании наших письменных запросов правительство предоставит нам копии любых запрошенных документов из архива армии боснийских хорватов.

«Прекрасно, — сказала я. — Мы подождем неделю». Чтобы Рачан понял позицию трибунала, я сообщила ему, что мы реорганизовали наши следственные бригады и сосредоточились на преступлениях, совершенных против хорватов в городах Вуковар и Дубровник. Потом я запросила информацию по счетам Туджмана в иностранных банках.

После четырех или пяти часов общей дискуссии мы с Рачаном встретились наедине. Мне нужно было сообщить ему крайне важную информацию. Я сказала, что вскоре собираюсь выдвинуть обвинение против любимца Туджмана — генерала Янко Бобетко, которого многие хорваты считают героем «войны за Родину» против сербов и Югославской национальной армии. Бобетко участвовал в коммунистическом подполье в 30-е годы, а во время Второй мировой войны воевал в рядах партизан Тито. В сентябре 1993 года его подразделение армии Республики Хорватия атаковало сербов в южной части Краины. Мы с самого начала знали, что генерал Бобетко — человек пожилой, но при определении уголовной ответственности возраст не играет роли. В обвинительном заключении говорилось, что во время этого нападения были совершены серьезные нарушения международного гуманитарного права и преступления против человечности. Были убиты гражданские лица и сдавшиеся в плен сербские солдаты. Имело место также мародерство и уничтожение зданий и собственности. Генерал Бобетко знал о том, что войска, находящиеся под его командованием, совершают преступления, но не предпринял никаких необходимых и разумных мер по предотвращению этих преступлений и наказанию виновных.

Как только я упомянула имя Бобетко, Рачан схватился за голову и простонал: «О нет!» Я объяснила, что теперь Рачан обязан установить за Бобетко полицейское наблюдение: «Вы

обязаны сделать так, чтобы Бобетко не мог исчезнуть, и должны хранить эту информацию в тайне».

После «войны за Родину» генерал Бобетко написал книгу, в которой практически признался в совершении военных преступлений. Он с бравадой писал о том, что он, командир хорватской армии, командовал и подразделениями армии боснийских хорватов. Это вывело из себя Франьо Туджмана, который категорически отрицал симбиотическую связь между хорватской армией и армией боснийских хорватов. Рачан подтвердил, что мемуары Бобетко подтверждают его ответственность за преступления, перечисленные в обвинительном заключении. Но все же хорватский премьер медлил с обвинениями в адрес старого генерала: «Если я пойду вам навстречу, мое правительство тут же падет. Вы этого хотите?» Рачан раз десять предупредил меня о том, какие политические последствия могут иметь обвинения в адрес Бобетко. И каждый раз я повторяла, что не изменю свою позицию: «Если я начну учитывать вашу политическую ситуацию, то не смогу закончить свою работу». Впоследствии Рачан заявил, что никогда больше не согласится на личную встречу со мной.

14 апреля 2000 года я написала президенту Месичу письмо, в котором просила как можно быстрее обеспечить доступ следователей к аудиозаписям и расшифровкам записей совещаний в кабинете Туджмана. 25 апреля сотрудники трибунала, в том числе старший прокурор Кен Скотт и руководитель исследовательской команды Патрик Тренор, встретились с одним из советников Месича. Советник представил им список встреч и бесед, записанных в кабинете бывшего хорватского президента. Через два дня сотрудники прокурорский службы начали знакомиться с первым комплектом записей.

Получить доступ к архиву армии боснийских хорватов оказалось более сложно, так как эти документы хранились в гражданской разведывательной службе Хорватии. Новый руководитель разведки, бывший профессор университета, не возражал против того, чтобы допустить следователей трибунала к документам. Но некоторые сотрудники разведки, те, кто был близок к президенту Туджману и его сыну Мирославу (он руководил гражданской разведкой вплоть до смерти отца), предпочли бы эти документы спрятать. 2 мая аналитики обвинения отправились из Загреба в городок Самобор, расположенный западнее хорватской столицы. Им предстояло тайно ознакомиться с документами, Каждое утро сотрудники разведывательной службы, верные новому правительству, изымали часть документов из штаб-квартиры и перевозили их в

Самобор, где с ними знакомились следователи и аналитики. В течение нескольких дней, по просьбе хорватской стороны, сотрудники трибунала не покидали специального здания даже для того, чтобы купить еды: они боялись, что сторонники Туджмана смогут вычислить их и сорвать проведение операции.

23 мая завеса была сорвана. В загребской газете появилась статья о проведенной операции и фотография здания в Самоборе, где проводилась работа. Через несколько часов после выхода газеты, специальные полицейские подразделения окружили штаб-квартиру разведки и полностью перекрыли доступ в здание. Правительство опасалось, что архив армии боснийских хорватов может быть уничтожен с тем, чтобы невозможно было доказать участие Хорватии в войне в Боснии и Герцеговине.

Эти события происходили, когда я находилась на Сицилии. Я отправилась в Италию, чтобы присутствовать на мемориальной службе по моему другу, Джованни Фальконе. Утром 24 мая я получила срочную почту из Загреба. Ознакомление с документами приостановлено. Хорватское правительство отказывается передать документы по резне в Ахмичи, с которыми мои сотрудники ознакомились неделей ранее. Хорватские газеты пишут о работе трибунала и о том, что ряд обвиняемых скрывается на территории Хорватии.

Я немедленно вылетела в Загреб, и ближе к вечеру вместе с Грэмом Блуиттом и Кеном Скоттом отправилась на встречу с премьер-министром Рачаном и другими правительственными чиновниками. Я была в ярости и сказала Рачану, что подобное развитие событий меня не устраивает: «Мы обо всем договорились… обо всем… все было хорошо… Но прошло всего несколько недель, и происходит полное нарушение договоренностей! Эта ситуация абсолютно неприемлема. Ваше правительство приняло на себя обязательства перед международным сообществом. Почему вы нарушаете наше соглашение? Как я могу вам доверять?»

Рачан и другие чиновники признали, что у них возникли серьезные проблемы с разведывательной службой. Нам сообщили, что агентство должно быть распущено в тот же день. «Я собираюсь уволить двести полицейских», — сказал Рачан. Затем он объявил, что правительство передаст архив армии боснийских хорватов, в том числе и те документы, которые тайно хранились в Сплите и в министерстве обороны Хорватии в Загребе, в распоряжение государственного архива Республики Хорватия. Премьер заверил нас в том, что следователи и аналитики трибунала получат полный доступ к документам. Рачан сдержал слово. В течение нескольких лет аналитики обвинения изучили

сотни тысяч документов, хранящихся в этом архиве, и приобщили десятки тысяч к доказательной базе трибунала. В этих документах содержалась информация, которая имела огромную ценность и для обвинения и для защиты в деле Блашкича.

Через месяц я заранее уведомила хорватское правительство о том, что трибунал готовит секретное обвинение против генерала Анте Готовины. Генерала обвиняли в том, что он несет уголовную ответственность за преступления, совершенные в рамках совместного преступного предприятия, целью которого во время операции «Шторм» было выселение сербского населения из южной Краины. В числе обвинений было также преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам; депортация; насильственное перемещение; разграбление общественной и частной собственности; беспричинное разрушение городов и деревень, не вызванное военной необходимостью; убийства; бесчеловечные поступки и жестокое отношение. В обвинительном заключении говорилось, что генерал Готовина знал или имел основания знать, что один или более его подчиненных собирается совершить или совершил подобные преступления, и что он не предпринял необходимых и разумных мер по предотвращению этих преступлений и наказанию виновных. Но тут мое доверие к хорватским властям было подорвано. Готовина бежал, или ему позволили бежать. Вскоре надежные источники начали сообщать прокурорской службе, что Готовина живет под вымышленным именем и наслаждается сладкой жизнью в Хорватии.

В течение следующего года хорватское правительство вело себя в отношении трибунала странно. Руководители страны, Месич и Рачан, публично и в частных беседах обещали полное сотрудничество. Их поведение было вполне объяснимо. Им не нужно было противодействовать сотрудничеству из соображений самосохранения. Трибунал не намеревался выдвигать обвинений против членов хорватского правительства. Экономика Хорватии страдала. Страна уже ощутила на себе теплые объятия Евросоюза, Совета Европы и НАТО и не хотела портить свою репутацию с тем, чтобы стать равноправным членом всех клубов современного западного мира. Неудивительно, что местные суды Республики Хорватия начали процессы против хорватов, которых обвиняли в совершении преступлений против сербов в городах Госпич и Беловар, в военной тюрьме в Сплите и других местах.

Вновь я приехала в Хорватию 6 мая 2002 года. Рано утром несколько хорватских официальных лиц, мои помощники и я вышли на площадку возле бывшего президентского дворца Туджмана, где нас уже ждал правительственный вертолет. Мы полетели над истерзанными войной сельскохозяйственными

районами вдоль берегов Дуная. Внутри вертолет выглядел роскошно. Кто-то сказал мне, что это был личный вертолет Туджмана.

В городе Эрдут один из следователей трибунала, высокий, невозмутимый чешский детектив Владимир Джуро, владевший сербохорватским языком и интуитивно понимавший ментальность балканских славян, устроил для меня экскурсию. Мы посетили бывшую штаб-квартиру зловещей сербской полувоенной группировки, которой командовал Желко Разнатович по прозвищу Аркан. Этот убийца из секретной полиции был убит преступниками в Белграде раньше, чем трибунал смог арестовать его и предъявить обвинения в преступлениях, совершенных против хорватов и мусульман в Хорватии и Боснии и Герцеговине. В Дале Джуро показал мне полицейский участок, где сербы казнили хорватских полицейских. Мы остановились в маленьком городке Борово-Село, где единственным предприятием была обувная фабрика. Здесь мы осмотрели места массовых захоронений. Чуть ниже по течению я увидела развалины Вуковара и местный госпиталь — последнее здание, которое было разрушено после того, как город захватили сербские войска. Отсюда мы по узкой асфальтовой дороге направились на ферму в деревне Овчара, где сербские палачи расстреляли по меньшей мере 264 пленных, схваченных прямо в госпитале. И, наконец, мы заехали в Ловас, где члены сербских военизированных подразделений заставили 50 гражданских лиц разминировать минное поле. Этих людей вынудили взяться за руки и идти прямо на мины. Погибло более 20 человек.

В тот же день мы обедали в вуковарском францисканском монастыре. Я была совершенно обессилена, но местный аперитив чудодейственным образом восстановил мои силы и энтузиазм. Аббат рассказал нам историю своего монастыря и богатейшей монастырской библиотеки. Потом он заговорил о сражении, после которого по улицам Вуковара невозможно было пройти, столько там было битого кирпича, обломков черепицы и другого мусора. У аббата была такая плохая дикция, что мы почти не понимали его. Мой переводчик измучился, пытаясь расшифровать сказанное. Позже кто-то из монахов объяснил нам, что аббату только что удалили все зубы, а протез еще не готов. Чтобы не смущать нас за обедом полным отсутствием зубов, аббат с трудом надел чей-то чужой протез.

Официальные встречи не произвели на меня столь же глубокого впечатления. Я снова обсуждала арест Готовины с премьером-министром Рачаном. Он сказал, что беглый генерал

наверняка скрывается в Хорватии, и заверил меня в том, что правительство предпримет все меры для его задержания. Власти Хорватии будут признательны за любую помощь со стороны иностранных разведывательных служб, поскольку на собственную тайную полицию правительство положиться не может.

Вновь в кабинете Рачана я оказалась 23 октября 2002 года. На этот раз нам предстояло решить проблему Янко Бобетко. Наша встреча началась с приятных известий. Рачан сказал, что правительство получило информацию о местонахождении Ивицы Раича, которого трибунал разыскивал по обвинению в убийстве мусульман в деревне Ступни До. Информация была получена несколькими днями ранее, и, если она окажется верной, правительство готово арестовать Раича. Затем премьер снова сказал о готовности Хорватии сотрудничать в деле ареста Готовины. Ряд сообщений о местонахождении генерала оказались ложными, но спецподразделение готово арестовать его, как только он будет найден. Я сообщила Рачану, что Готовина все еще находится в Хорватии или в контролируемых хорватами регионах Боснии и Герцеговины. Его видели даже в Загребе. Канадский офицер из миротворческих сил НАТО в Боснии и Герцеговине узнал генерала в августе, когда тот въезжал на территорию Боснии из Хорватии. «Мне кажется, ваша разведка должна это знать», — сказала я.

Наконец разговор зашел о Бобетко. Рачан признался в том, что между Хорватией и трибуналом существуют явные разногласия по этому вопросу. По словам Рачана, Бобетко пользуется прекрасной репутацией в стране, отчасти незаслуженной, отчасти трагикомической. Виной всему неловкие усилия самого генерала создать миф о своем военном таланте. Бобетко очень стар, и если он умрет, то радикальные националисты с радостью возложат всю вину на правительство. Рачан сказал, что лично пытался убедить Бобетко принять обвинительное заключение, но вмешались родственники и сторонники старого генерала. Все это время они временами окружали его дом живой цепью, чтобы помешать вручению обвинительного заключения и ордера об аресте. Правые политики в парламенте подняли шум вокруг этого дела. Правительство не должно рисковать и предпринимать действия, которые могут привести к болезни или даже смерти престарелого героя войны.

Я ответила, что понимаю политическую ситуацию в Хорватии, но мной руководит закон. Я напомнила Рачану о том, что известила его об обвинениях против Бобетко заранее не для того, чтобы удовлетворить его любопытство, а чтобы он смог предпринять необходимые меры по аресту генерала, как только

трибунал предъявит обвинительное заключение. Но эта информация просочилась в хорватскую прессу и отнюдь не из прокурорской службы. Реакция на обвинительное заключение со стороны правительства была сугубо негативной. Сразу после этого начались разговоры о здоровье генерала. Я сказала Рачану, что попытки Хорватии оспорить законность ордера на арест являются совершенно прозрачными усилиями выиграть время.

«Вполне естественно, что обвиняемый не признает обвинений, — сказала я. — Но попытки правительства затеять тяжбу по этому вопросу совершенно неестественны». Никто из правительства не взял на себя обязанность вручить документы трибунала генералу. Хорватия должна исполнить свои обязательства, вручить обвинительное заключение и ордер на арест и сообщить Секретариату трибунала о том, что ордер не может быть исполнен в силу слабого здоровья обвиняемого. Тогда судебная палата выдаст ордер на медицинское обследование и другие действия.

— Чего желает ваше правительство? — спросила я. — Вы не хотите выдавать генерала?

— Я не могу принять обвинительное заключение, потому что я не почтальон, — ответил Рачан.

— Иногда мне самой приходится быть почтальоном, — сказала я.

В конце концов хорватские власти вняли моему совету. Они передали обвинительное заключение и ордер на арест через адвоката Бобетко и воспользовались слабым здоровьем генерала для того, чтобы не производить арест. Судебная палата предписала Хорватии регулярно представлять отчеты о здоровье Бобетко в Секретариат. 29 апреля 2003 года, через два месяца после того, как Хорватия подала официальное прошение о приеме в Евросоюз, генерал Янко Бобетко умер. Свободным человеком.

5 апреля 2003 года хорватские власти арестовали Ивицу Раича. Спустя 11 дней после этого по приглашению правительства я приехала в Загреб. После взаимных поздравлений с арестом Раича я все же испортила встречавшим настроение, сказав премьеру Рачану о том, что, насколько мне известно, Хорватия до сих пор не предприняла достаточных мер к задержанию Готовины. Рачан заверил меня, что государство выдвинет обвинение против тех, кто на протяжении многих лет скрывал Раича, но это вовсе не те люди, которые сейчас прячут Готовину Премьер объяснил, что усилия правительства по задержанию Готовины настолько секретны, что сообщить о них нельзя даже трибуналу. Рачан снова повторил, что Хорватия не должна стать заложницей Готовины, и что он не позволит мне помешать

вступлению страны в Евросоюз. Рассказ о готовности хорватской полиции мгновенно арестовать Готовину длился около получаса. Я услышала, что Готовина может скрываться на яхте, принадлежащей гражданину Австрии. Мне говорили, что Готовину могут поддерживать его бывшие товарищи по Иностранному легиону. Это действительно могло быть правдой. Я вспомнила слова одного из сотрудников французской разведки. Он сказал мне, что будет хранить верность бывшему легионеру и не предпримет никаких мер по аресту Готовины, если только хорватский генерал не окажется на территории Франции.

Мы вернулись в Загреб через шесть месяцев, и речь снова зашла об Анте Готовине. Рачан вновь просил меня не делать Хорватию заложницей Готовины, поскольку правительство не имеет никакого отношения к бегству генерала. «Я сна лишился из-за Готовины и постоянного внимания со стороны журналистов, — пожаловался мне Рачан. — Будущее страны не должно зависеть от одного человека». В тот же день президент Месич признался, что правительство не прекратило финансово поддерживать Готовину и не заморозило его активы. Жена генерала, полковник хорватской армии, по-прежнему получала жалованье, хотя и не появлялась на работе. Получала она и содержание самого Готовины.

22 декабря 2003 года к власти в Хорватии пришло новое правоцентристское правительство. Победу на выборах одержала бывшая партия Туджмана, Хорватский демократический союз. Стипе Месич остался на посту президента. Но мы опасались того, что новое правительство будет продолжать националистическую и изоляционистскую политику Туджмана. Ведь новым премьером стал тот же самый Иво Санадер, который во время моего первого визита в Загреб откровенно заявил, что Хорватия не будет сотрудничать в расследовании операции «Шторм», хотя именно это расследование и привело к выдвижению обвинений против генерала Готовина. Но одним из первых действий правительства Санадера стал диалог с политическими представителями сербского меньшинства, а также меры, направленные на возвращение сербских беженцев в свои дома. В марте 2004 года правительство Санадера сыграло ключевую роль в добровольной сдаче трибуналу двух отставных генералов хорватской армии, Младена Маркача и Ивана Чермака. Трибунал разыскивал этих людей по обвинениям, связанным с операцией «Шторм» 1995 года.

5 апреля хорватское правительство передало трибуналу шестерых политических и военных лидеров боснийских хорватов: Ядранко Прлича, бывшего премьер-министра

самопровозглашенной «республики» боснийских хорватов на территории Боснии; Бруно Стоича, бывшего министра обороны «республики»; Слободана Праляка и Миливоя Петковича, бывших командиров армии боснийских хорватов; Валентина Чорича, бывшего руководителя военной полиции армии боснийских хорватов; Берислава Пушича, которого обвиняли в организации обмена пленными и продаже мусульманам документов для выезда в третьи страны. Обвинение утверждало, что эти люди (вместе с четырьмя умершими, президентом Франьо Туджманом, министром обороны Гойко Шушаком, генералом Янко Бобетко и лидером боснийских хорватов Мате Бобаном) принимали участие в деятельности созданного ими преступного сообщества, целью которого было порабощение и изгнание боснийских мусульман и других лиц нехорватской национальности, проживавших на территории самопровозглашенной Хорватской «республики» в Боснии. Любой, кто читал это обвинительное заключение, не мог не заметить, что Туджман, Шушак, Бобетко и Бобан были названы в числе обвиняемых, словно они все еще были живы.

В докладе Европейской комиссии я поздравила правительство Хорватии за готовность сотрудничать с трибуналом, и это устранило последние препятствия Для вступления страны в Евросоюз. 20 апреля Еврокомиссия постановила, что Хорватия удовлетворяет всем политическим и экономическим критериям, необходимым для начала переговоров о ее вступлении в Евросоюз. Комиссия, однако, подчеркнула, что Хорватии необходимо предпринимать «все необходимые шаги» для выяснения местонахождения, ареста и передачи генерала Анте Готовины Международному трибуналу. В июне 2004 года Республика Хорватия стала кандидатом на вступление в Евросоюз, что позволило получить финансовую помощь, которая была направлена на создание политических институтов, улучшение экономического и социального положения, охрану окружающей среды, развитие транспорта и сельского хозяйства. Конечно, Готовина по-прежнему оставался на свободе.

Дело Блашкича получило новый оборот осенью 2003 года. После того, как судебная палата приговорила его к 45 годам заключения, защита представила в апелляционную палату сотни страниц новых доказательств. По собственной инициативе апелляционная палата назначила слушание с целью определения необходимости возобновлять дело. Обвинение представлял Норман Фаррелл. Он возражал против возобновления дела, утверждая, что апелляционная палата обязана оценить доказательства, в том числе и дополнительные, но при этом не должна идти на поводу у защиты, поскольку хорватское

правительство, оказывающее помощь обвиняемому, сознательно утаивало документы.

31 октября 2003 года, через две недели после моего визита в Загреб, апелляционная палата постановила не возобновлять дело Блашкича. Совет безопасности недавно принял стратегию завершения работы трибунала с тем, чтобы этот институт прекратил работу в 2010 году. Возможно, именно это повлияло на решение апелляционной палаты не возобновлять дело, но принять дополнительные доказательства и контрдоказательства, вызвать ряд свидетелей и выслушать финальные аргументы, прежде чем окончательно решить вопрос о виновности или невиновности Тихомира Блашкича. Сегодня я понимаю, что для обвинения было бы лучше возобновить дело: теперь нам предстояло работать с массой новых документов из архивов армии боснийских хорватов. Аналитики обвинения были завалены работой. Один из документов, полученный обвинением только 23 июля 2004 года, оказался докладом, подготовленным полицией армии боснийских хорватов в Центральной Боснии в ноябре 1993 года. В нем говорилось, что подразделения военной полиции, принимавшие участие в нападении на деревню Ахмичи в апреле 1993 года, подчинялись непосредственно Блашкичу.

Потенциально этот документ был бесспорным доказательством. Представляя свое дело в апелляционной палате, адвокаты Блашкича утверждали, что найдены новые свидетельства, доказывающие, что члены военной полиции армии боснийских хорватов, а также «Джокеры» действительно совершили преступление в деревне Ахмичи, но при этом они не подчинялись Блашкичу. Адвокаты представили документ, который показался обвинению необычным: доклад на двадцати страницах, который хорватское министерство внутренних дел подготовило уже после того, как судебная палата признала Блашкича виновным. В этом докладе без каких-либо обоснований утверждалось, что за день до нападения на Ахмичи политический лидер боснийских хорватов Дарио Кордич и другие руководители обсуждали план нападения на совещании. Блашкич на нем не присутствовал. Обвинение сочло документ очень странным: выводы, содержащиеся в докладе о резне в Ахмичи, в точности повторяли доводы адвоката Блашкича, Анте Нобило.

29 июля 2004 года, через несколько недель после моего очередного визита в Загреб с требованием немедленного ареста генерала Готовины, приговор судебной палаты по делу Блашкича все же был отменен. Судьи апелляционной палаты постановили, что подразделения военной полиции армии боснийских хорватов, которые и осуществили резню в Ахмичи, не находились под

командованием Блашкича, а письменные приказы, отданные им накануне преступления, являлись «превентивными», а не «агрессивными». Апелляционная палата также постановила, что Блашкич предпринимал шаги по осуждению и расследованию преступлений. Основываясь на данных выводах, апелляционная палата большинством голосов постановила, что обвинение не доказало при отсутствии обоснованного сомнения вину Блашкича в чем-либо, кроме насилия в отношении пленных, содержащихся в местах заключения.

Днем ранее судья Фаусто Покар, руководитель апелляционной палаты, подписал решение об отклонении требования обвинения принять в качестве доказательства доклад военной полиции армии боснийских хорватов, составленный в ноябре 1993 года. Из него следовало, что Блашкич командовал подразделениями военной полиции в Ахмичи. В решении судьи апелляционной палаты говорилось, что доклад является «уклончивым, неконкретным и, скорее всего, отражает личное мнение». Такое объяснение мы принять не могли. Позиция апелляционной палаты была нам непонятна. Обвинение имело возможность снова проанализировать доклад 1993 года. Согласно ему, тот же самый командир, которого апелляционная палата признала виновным в преступлениях, непосредственно подчинялся Блашкичу. Еще больше нас встревожило то, что среди доказательств, принятых апелляционной палатой, был и 20-страничный доклад хорватского министерства внутренних дел, подготовленный после того, как судебная палата приговорила Блашкича к 45 годам заключения. Этот доклад странным образом слово в слово повторял аргументы защиты, а его выводы не подкреплялись никакими сведениями из других источников.

Для Загреба и «Витеза» освобождение Блашкича стало настоящим праздником. Иво Санадер, решив завоевать голоса националистов, лично приветствовал Блашкича в его доме. В наших же кабинетах царили шок и печаль. Решение апелляционной палаты было скандальным. Апелляционный процесс превратился во второй суд, но на этот раз судьи оценивали качество и достоверность доказательств, не допрашивая свидетелей, которые давали показания на настоящем суде.

Единственным членом апелляционной палаты, который выступил против этого решения, была судья Инесс Вайнберг де Рока из Аргентины. Ее особое мнение стало для меня единственным утешением апелляционного процесса по делу Блашкича. Судья Вайнберг де Рока написала, что апелляционная палата не должна заново рассматривать факты: «Апелляционная

палата может прийти к такому заключению, лишь не принимая во внимание уважение, обычно проявляемое к судье, рассматривавшему данные факты». А вот что судья Вайнберг де Рока написала об оценке доказательств в апелляционной палате:

Располагая только кратким описанием дополнительных доказательств, апелляционная палата не провела никакой проверки достоверности или надежности новых доказательств, а вместо этого приняла каждый документ или свидетельство за истину. При наличии противоречий между дополнительными доказательствами и теми, которые были рассмотрены в суде, апелляционная палата никак не объяснила, почему дополнительным доказательствам отдается предпочтение перед предъявленными во время судебного заседания.

Судья Вайнберг де Рока также упомянула 20-страничный доклад хорватского министерства внутренних дел по резне в Ахмичи и заметила, что его достоверность и надежность вызывает сомнения. Произошедшие вскоре события подтвердили правоту ее оценки этого необычного документа.

Аналитики обвинения продолжали работать с грудами документов, которые Туджман и его разведка в течение многих лет утаивали от трибунала. Еще до того, как апелляционная палата отменила решение суда, наш аналитик в Загребе обнаружил документ, доказывающий, что накануне резни в Ахмичи в 22.00 состоялось совещание. На этом совещании политические лидеры боснийских хорватов региона Ахмичи отдали устный приказ подготовить местных хорватов к последствиям нападения отрядов армии боснийских хорватов на мусульман, которое произойдет на следующее утро. Через несколько недель после решения апелляционной палаты аналитики обвинения обнаружили второй экземпляр того же документа, но на этот раз на нем от руки было написано имя потенциального свидетеля. На совещании присутствовал директор фабрики взрывчатых материалов в Центральной Боснии. Показания этого человека явно доказывали, что Тихомир Блашкич, командир армии боснийских хорватов в оперативной зоне Центральная Босния, отдал устный приказ накануне нападения на Ахмичи, и что этот устный приказ был «агрессивным», а отнюдь не «превентивным». Показания доказывали, что политические лидеры боснийских хорватов сочли этот устный приказ настолько неприемлемым, что попытались убедить Блашкича отдать его в письменной форме. Когда эти попытки не увенчались успехом, они пытались отсрочить исполнение приказа, считая, что это будет иметь «катастрофические последствия». В показаниях говорилось, что

члены муниципального правительства обращались также к политическому лидеру местных боснийских хорватов Дарио Кордичу и генералу хорватской армии Слободану Праляку который по поручению Туджмана руководил военной операцией Хорватии в Боснии и Герцеговине, с просьбой отменить приказ Блашкича в последнюю минуту. Кордич и Праляк отказались вмешиваться.

По мере того как в руках прокурорской службы оказывалось все больше доказательств причастности Блашкича к резне в Ахмичи, мы начали обсуждать возможность обращения с запросом о пересмотре решения апелляционной палаты. Я была уверена, что с юридической точки зрения палата должна принять подобный запрос. Обнаруженные нами новые факты были гораздо более убедительны, чем те, которые мы представляли по делу Бараягвизы в 2000 году. Я не считала, что все пройдет без затруднений, но была готова действовать немедленно. Хармон, Норман Фаррелл и другие сотрудники прокурорской службы говорили, что по правилам трибунала у нас есть целый год для направления подобного запроса. Это время нужно использовать для анализа всех новых доказательств, которые могут быть получены в процессе изучения архива армии боснийских хорватов.

Наше терпение было вознаграждено. Во время поездки в Загреб в начале 2005 года аналитики обнаружили еще один важный документ — 40-страничный доклад хорватского министерства внутренних дел об убийствах в Ахмичи. При ближайшем рассмотрении наши сотрудники поняли, что перед ними полный вариант 20-страничного документа, на основании которого апелляционная палата вынесла решение в пользу Блашкича. Более того, в полном докладе содержалась важнейшая информация, которой не было в предыдущем варианте: источники информации.

29 июля 2005 года прокурорская служба составила запрос о пересмотре решения апелляционной палаты на основании появления новых фактов, не известных обвинению и суду на момент рассмотрения дела. Вновь открывшиеся обстоятельства доказывали, что Блашкич принимал участие в организации нападения на Ахмичи, и что в ходе данной операции были совершены преступные действия. По утверждению обвинения, новые факты доказывали, что Блашкич действовал в соответствии с приказами местного политического лидера боснийских хорватов Дарио Кордича, и что действия Кордича в ходе этого ужасного события должны рассматриваться как вовлечение Блашкича в преступные действия и не снимают с него ответственности за них.

Судебная палата, рассматривавшая обвинение против Дарио Кордича, уже установила, что Кордич совместно с Блашкичем принимал участие в совещании по поводу Ахмичи накануне нападения. Апелляционная палата подтвердила этот факт, когда утвердила приговор Кордичу, согласно которому он был приговорен к 25 годам тюремного заключения. В решении апелляционной палаты говорилось, что Кордич и «командующий оперативной зоной Центральная Босния» Тихомир Блашкич участвовали в планировании нападения на Ахмичи накануне его совершения.

Кроме новых фактов, связанных с устным приказом, и других доказательств, обвинение утверждало, что 20-страничный доклад хорватского министерства внутренних дел, представленный защитой и признанный апелляционной палатой в качестве доказательства, отличается от оригинала. Если апелляционная палата знала о том, что представленный ей документ подвергался сознательным изменениям и сокращениям, то принимать подобный доклад в качестве доказательства было нельзя. Выводы из рассмотрения полного документа и сокращенного его варианта резко отличались. Судя по всему, защитник Блашкича, Анте Нобило, не только сократил, но и изменил отдельные части доклада. Вот цитата из 20-страничного доклада министерства внутренних дел, приведенная апелляционной палатой под сноской 705:

…в ночь с 15 на 16 апреля 1993 года состоялось совещание неформальной группы, в которую входили Игнац КОСТРОМАН, Дарио КОРДИЧ, Анте СЛИСКОВИЧ, Томо ВЛАДЖИЧ, заместитель СЛИСКОВИЧА Пашко ЛЮБИЧИЧ, Владо КОШИЧ и Анто ФУРУНДЖИЯ. Эти люди хотели любой ценой развязать конфликт с мусульманами. Совещание проходило в доме Кордича. На данном совещании было принято решение о том, что нужно отдать приказ об убийстве всех мужчин в Ахмичи и о сожжении данной деревни.[42]

В полном документе, обнаруженном нашими аналитиками говорилось:

> *По словам Нобило…* в ночь с 15 на 16 апреля 1993 года состоялось совещание неформальной группы, в которую входили Игнац КОСТРОМАН, Дарио КОРДИЧ, Анте СЛИСКОВИЧ, Томо ВЛАДЖИЧ, заместитель СЛИСКОВИЧА Пашко ЛЮБИЧИЧ, Владо КОШИЧ и Анто ФУРУНДЖИЯ. Эти люди хотели любой ценой развязать конфликт с мусульманами. Совещание проходило в доме Кордича. На данном совещании было принято решение о

том, что нужно отдать приказ об убийстве всех мужчин в Ахмичи и о сожжении данной деревни.[43]

В других параграфах 40-страничного доклада также содержались ссылки на Нобило. Неудивительно, что в 20-страничном документе, принятом апелляционной палатой, содержались те же аргументы в защиту Блашкича. В запросе прокурорской службы утверждалось, что кто-то сознательно сократил оригинальный документ и скрыл источники информации:

> Установлено, что ни одна палата не может полагаться на факты, голословно представленные защитой, при оправдании обвиняемого. Трудно представить, чтобы точная цитата, включая слова «*По словам Нобило*», приведенная в сноске 705 и использованная в качестве основания решения апелляционной палаты, могла бы использоваться в подобном качестве, если бы апелляционной палате было известно полное ее содержание.

Далее в запросе задавался вопрос: «Как апелляционная палата может полагаться на одни лишь утверждения защиты, когда нет никаких доказательств, представленных по поручению защиты, которые подтверждали бы подобные утверждения?»

Со своей стороны, защита заявила, что в течение десяти лет обвинение не смогло найти веских доказательств, подтверждающих связь Блашкича с убийствами в Ахмичи, и опровергала «новизну» новых фактов, представленных обвинением. Защита утверждала, что обвинение никак не доказало, что 20-страничный доклад министерства внутренних дел об убийствах в Ахмичи — сокращенный вариант 40-страничного доклада, что два документа не являются вариантами одного и того же доклада, и что «апелляционная палата приняла 20-страничный доклад с полной осведомленностью в том, что источником информации для него был Нобило…»

23 ноября 2006 года апелляционная палата вынесла окончательное решение по делу Блашкича. Судьи постановили, что обвинение не смогло представить никаких новых фактов и доказать, что Блашкич отдал устный приказ вести приготовления к нападению, совершенному 16 апреля. Кроме того, судьи постановили, что 40-страничный доклад министерства внутренних дел не считается новым фактом по правилам трибунала. Даже если бы он являлся таким фактом, обвинение не смогло доказать, что этот документ мог бы повлиять на ранее

вынесенный апелляционной палатой вердикт. Доказательства, представленные на суде и при рассмотрении апелляции, не подтверждают ни личной, ни командной ответственности Блашкича за преступления, совершенные в Ахмичи 16 апреля 1993 года.

Меня и всю прокурорскую службу охватило чувство глубокого разочарования. Я видела, что судьи опирались на юридические тонкости и софистику, вместо того чтобы постараться вскрыть суть дела и осуществить правосудие, которого заслуживали те, кто был сожжен в своих домах в Ахмичи. Я считаю, что дело Блашкича явно показало, какое пагубное влияние на правосудие оказывает политическое давление. Совершенно ясно, что судьи руководствовались требованием завершить рассмотрение всех дел к 2010 году.

В конце концов Тихомира Блашкича приговорили к девяти годам заключения не за причастность к убийствам в Ахмичи и преступлениям, совершенным в соседних деревнях центральной Боснии, а за ненадлежащее обращение с пленными мусульманами, в том числе и за использование их в качестве живых мишеней. Режим Туджмана (хотя сам Франьо Туджман к тому времени уже пять лет лежал в могиле) одержал новую победу над Международным трибуналом.

К этому времени подошел к концу процесс Ивицы Раича. 25 октября 2005 года Раич признал себя виновным по четырем из десяти предъявленных ему обвинений. В этом признании содержались факты, от которых любой нормальный человек содрогнулся бы от ужаса. Раич подтвердил, что 23 октября 1993 года главнокомандующий армией боснийских хорватов Слободан Праляк приказал Раичу и другим «разобраться с ситуацией в Вареше, не проявляя ни малейшего милосердия». Раич в письменной форме подтвердил, что в деревне Ступни До командиры и солдаты армии боснийских хорватов под его командованием выгнали гражданских лиц (боснийских мусульман) из их домов и мест, где они скрывались, забрали все ценности, сознательно убили мужчин, женщин и детей и сексуально надругались над мусульманскими женщинами. В результате нападения погибло, по меньшей мере, 37 мусульманских детей, стариков, женщин и мужчин, из которых только шесть являлись участниками боевых действий. Трое мужчин и одна женщина были застрелены или зарезаны. Одну женщину солдат армии боснийских хорватов затащил в дом, изнасиловал и убил. Две пожилые женщины, одна из них — инвалид, были убиты в собственном доме. В одного мужчину выстрелили несколько раз с близкого расстояния, когда он

отказался отдать солдатам деньги. Мужчина, девять женщин и трое детей были убиты при попытке к бегству. Трех молодых женщин, которым удалось укрыться от солдат армии боснийских хорватов, обнаружили в небольшом подвале и убили. Семь членов одной семьи, в том числе двое детей в возрасте двух и трех лет, сожгли там, где они спрятались. Мужчину, тяжело раненного в ноги, затащили в дом, который подожгли хорватские солдаты. Еще одну женщину втащили в дом и застрелили, а дом подожгли.

Человека, который командовал этой чудовищной операцией, Ивицу Раича, судебная палата приговорила к 12 годам заключения. Всего 12 лет за гибель 37 человек, многие из которых были казнены! Прокуроры, принимая во внимание легкие приговоры, которые судьи трибунала выносили после решения по делу Блашкича в 2000 году, просили всего 15 лет заключения. Снижение даже столь малого срока было просто смехотворным…

Не знаю, почему судьи трибунала не желали выносить приговоры, соответствующие тяжести совершенных преступлений. На мой взгляд, неплохо быть банкиром, который обворовывает банк: при этом можно носить хорошие костюмы и принадлежать к престижным клубам. Еще лучше быть командиром, совершающим военные преступления: кровь никогда не попадает на твой мундир. Возможно, судьи были не уверены в своей позиции, поскольку прецедентов по осуждению политических лидеров и военных за совершение военных преступлений практически не было. Возможно, многие судьи трибунала не имели опыта судебной работы. Эти люди преимущественно были юристами-теоретиками и профессорами права. Но это не может служить оправданием невообразимо легких приговоров. Я думаю, такое положение подчеркивает слабость и отсутствие смелости, необходимой для того, чтобы лицом к лицу встретиться с настоящим злом. Человек, который убил жену и двоих детей, непременно получит пожизненный срок. Перед трибуналом же предстали люди, виновные в гибели десятков, сотен и даже тысяч людей. Как может быть, чтобы человек, командовавший солдатами, которые убили десятки людей, получил всего десять лет заключения? Казалось, некоторые судьи были глухи и бесчувственны. Они считали людьми убийц, а не жертв. Совершившие подобные преступления заслуживали пожизненного заключения. Они должны были умереть в тюрьме, не имея возможности выйти на свободу через несколько десятков лет или освободиться досрочно по слабости здоровья.

В декабре 2004 года Хорватия была готова к преодолению очередного барьера. Евросоюз объявил о том, что открывает

переговоры по принятию страны, если Загреб продемонстрирует готовность к полному сотрудничеству с трибуналом. Однако в марте переговоры были отложены, поскольку Загреб не выполнил своих обязательств. Все это время в Женеве и Париже ходили слухи о том, что Готовину видели в Европе, а также о том, что он встречался с сотрудниками французской разведки и бывшими товарищами по Иностранному легиону.

19 апреля 2005 года хорватский премьер Санадер однозначно заявил: правительство сделало все, что было в его силах, для ареста Готовины, и не ради Евросоюза, а для того, чтобы выполнить национальные и международные обязательства.

— Как мы можем двигаться дальше? — говорил Санадер. — Необходимо решить эту проблему. Я хочу, чтобы Готовина предстал перед трибуналом и ответил за свои преступления и готов приложить все усилия к этому… Я готов рискнуть всем своим политическим капиталом ради нормализации обстановки в Хорватии.

Я хочу установить господство закона… Если бы я знал, где он находится, то задержал бы его немедленно.

— А я не уверена в вашей искренности, — сказала я ему, — и начинаю сомневаться в вашей политической воле. Что вы сделали с марта?

Я сообщила о том, что человек, в обязанности которого входит информирование трибунала об усилиях Хорватии по сотрудничеству, ничего не знал об этих действиях.

— Вы правы, — согласился Санадер. — Я готов изменить существующее положение.

«Я ожидаю отчета уже с 10 марта», — продолжала я, прежде чем перейти к обсуждению вопроса о связях Готовины с французской разведкой и бывшими легионерами, а также планов хорватских властей по разрушению защитной сети бывшего генерала. Я сказала Санадеру о том, что Готовину защищают агенты французской разведки: «Я уже беседовала с Шираком и сказала ему, что он слишком близок с Готовиной».

Кроме того, я упомянула информацию о том, что Готовина может скрываться во францисканских монастырях. Как можно повлиять на католическую церковь, монастыри и на францисканцев?

Санадер пообещал обсудить этот вопрос с церковными властями Хорватии.

Затем мы перешли к обсуждению конкретных вопросов, в том числе операций по выявлению и задержанию Готовины. В конце беседы Санадер спросил о том, что я намерена сообщить через месяц Совету Европы в Люксембурге. От этого зависели надежды

Хорватии на вступление в Евросоюз.

Обращаясь к Евросоюзу 26 апреля 2005 года, я заявила, что обвинение не изменило своих оценок нежелания Хорватии задержать Анте Готовину, который все еще находится на территории страны и время от времени выезжает в Боснию и Герцеговину. В заявлении для прессы я сказала, что сообщила Хорватии детали, связанные с охраной Готовины. Я откровенно сказала о том, что смогу подтвердить полную готовность Хорватии сотрудничать с трибуналом только после того, как Готовина окажется в Гааге, или когда трибунал будет точно знать его местонахождение. По моему мнению, хорватское правительство сознательно медлило и пыталось убедить генерала сдаться добровольно, что не повредило бы политической репутации Санадера. Но я ошибалась.

Мы снова встретились с ним в начале июня, когда я должна была представлять очередной доклад Совету безопасности ООН. Санадер, казалось, искренне хотел разрешить проблему Готовины. Он снова давал мне бесчисленные обещания. Санадер пошел на политический риск он дал интервью хорватским журналистам и публично заявил о необходимости арестовать Готовину. Он заверил меня, что правительство готово сотрудничать с трибуналом в этом вопросе, и подтвердил, что вся получаемая информация проверяется немедленно. Правительство приступило к расследованию финансовой деятельности тех, кто причастен к охране Готовины.

Я поблагодарила Санадера за его усилия и спросила, готовы ли хорватские власти провести обыски во францисканских монастырях, расположенных на территории страны. Он ответил положительно. Получив согласие премьера и располагая разведывательными Данными о том, что Готовина скрывается в монастыре, я направилась в Рим, чтобы встретиться с секретарем Ватикана по связям с государствами, министром иностранных дел Папы Римского, монсиньором Джованни Лайоло. Наша встреча состоялась в июле. Я хотела узнать у монсиньора Лайоло, что Церковь делает в поддержку наших усилий по задержанию Готовины. (В Хорватии множество монастырей. Мы составили список — их десятки…)

Помню, как вместе с моим швейцарским помощником Жаном-Даниэлем Рушем въехала в ворота Ватикана, охраняемые знаменитыми швейцарскими гвардейцами, вооруженными длинными мечами и алебардами. Тогда я подумала, что мое швейцарское происхождение и годы, проведенные в католических монастырях, могут придать моим аргументам дополнительный вес. Машина въехала на подземную стоянку. Оттуда несколько

священников повели нас по лабиринту залов и коридоров. Наконец мы вышли в открытую галерею, а оттуда попали в тихую, скромную приемную. Атмосфера здесь была такой, что мне показалось, что я снова оказалась в церкви. Из своего кабинета вышел монсиньор Лайоло. Он поздоровался и провел нас внутрь.

Монсиньор вырос в Пьемонте, в предгорьях Швейцарских Альп, почти там же, где и я. Наш разговор начался на приглушенном итальянском. Монсиньор сказал мне, что Ватикан — не государство, и сделать ничего не может.

«Scusi, monsignore,[44] — перебила его я. — Ваши слова для меня откровение. Разве мы не называем Ватикан государством? Разве мы не говорим о Папском государстве?» Я вспомнила карты Италии в учебниках истории. Я всегда считала, что Ватикан хоть и крохотное, но суверенное государство. Я полагала, что Ватикан принимает собственные дипломатические решения. Полагаю, что так оно и есть, все зависит исключительно от политической воли.

Затем я спросила монсиньора Лайолу не может ли Ватикан обратиться к Хорватской епископской конференции с просьбой вмешаться и запретить членам своей паствы поддерживать Готовину. Монсиньор снова сказал, что Папа Римский не имеет влияния на Епископские конференции. Я ответила, что, по моему мнению, католические епископы должны подчиняться Папе Римскому или в этом вопросе имеется какой-то раскол. «Нет, нет», — ответил священник.

В конце разговора я попросила аудиенции у Папы Римского Бенедикта XVI. Монсиньор Лайоло мгновенно парировал, что Папа принимает только президентов и министров. Я тут же сказала, что в газете *Corriere della Sera* было написано о том, что Бенедикт только что принял главу итальянской политической партии, который не является ни президентом, ни министром. «Думаю, он вполне мог бы принять прокурора Международного трибунала по расследованию военных преступлений, деятельность которого направлена на защиту прав человека», — заметила я.

Монсиньор Лайоло посмотрел на меня и сказал: «Если хотите встретиться с Папой, приходите на площадь Святого Петра в субботу». Он имел в виду, что я могу в числе избранных пожать руку Папе Бенедикту и поцеловать «перстень рыбака», а потом в присутствии потрясенных верующих попросить понтифика помочь мне задержать Готовину.

«Grazie,[45] — сказала я. — Я здесь не как паломник. Я прокурор. Я слышала, что человек, разыскиваемый трибуналом, скрывается в монастыре римской католической церкви. Я слышала, что Ватикан располагает лучшей разведкой в мире.

Поэтому я полагаю, вам будет несложно выяснить, действительно ли он скрывается в одном из хорватских монастырей». В ходе беседы я перешла на дипломатический английский. Я ни разу не просила монсиньора Лайоло организовать розыск. Мне нужно было только узнать, действительно ли монахи скрывают человека, которого обвиняют в совершении военных преступлений.

Монсиньор сердито посмотрел на меня. Он преподнес мне официальный подарок — набор памятных монет Ватикана. Вручив мне его, он простился и вышел из кабинета. Выпускники монастырских школ, швейцарский протестант Руш и я, давно отошедшая от католической церкви, находились в самом сердце ватиканского лабиринта в окружении распятий, мощей и статуй, под фреской с изображением Юдифи с головой Олоферна. Рядом была библиотека и сады. Мы находились в самом центра католической вселенной. Я потянулась за своей сумочкой от Луи Вуиттон. Нас не слышал ни один смертный. Руш наклонился ко мне и прошептал: «Он собирается отлучить вас от церкви».

В пятницу 30 сентября 2005 года я находилась в аэропорту Схипхол. В самолете обнаружились какие-то технические неполадки, и швейцарское правительство прислало другой самолет, который должен был доставить нас в Загреб. Зазвонил мой мобильный телефон. Это был премьер-министр Хорватии, Иво Санадер. Он сказал, что у него хорошие новости. Наконец-то…

Через несколько часов мы уже встречались с премьером Санадером, президентом Месичем и другими хорватскими официальными лицами. Санадер заявил, что служба безопасности выследила Готовину. За день до этого, по его словам, Готовина разговаривал с женой по одному из восемнадцати ее мобильных телефонов.

«Это правда?» — скептически спросила я, не желая принимать подобные заявления на веру, со всем соглашаться и вновь натыкаться своим отлученным от церкви носом на очередную *muro di gomma*. Ставки в этой игре были высоки: через три дня мне предстояло выступать перед Евросоюзом с оценкой сотрудничества Хорватии с Международным трибуналом, и положительная оценка способствовала бы вступлению страны в Евросоюз. Теперь все зависело от достоверности телефонного перехвата. Если я признаю его достоверность, то должна буду заявить, что Хорватия в полной мере сотрудничает с трибуналом. Это был большой риск, так как Готовина все еще оставался на свободе.

Главный государственный прокурор Хорватии Младен Баджич провел меня и моего помощника Антона Никифорова в

комнату, где имелось аудиооборудование, и включил запись телефонного разговора Готовины. Голос говорившего действительно походил на голос генерала. Он упоминал даже о моей поездке в Загреб. Помню, что он сказал что-то вроде: «Ей меня никогда не поймать…».

Хорватские чиновники объяснили, что жена Готовины почему-то не сменила sim-карту телефона после первого же использования. Возможно, это была просто промашка, а может быть, после стольких лет, проведенных ее мужем в бегах, она сделала это сознательно.

Словом, как бы то ни было, полиция перехватила разговор. Они проследили звонок до Канарских островов. Но точное местонахождение абонента все еще оставалось неизвестным.

Снаружи меня ожидали журналисты, которых интересовала моя реакция на встречу с Санадером, Месичем и другими хорватскими официальными лицами. Разумеется, я была согласна с хорватами, что говорить о перехвате телефонного разговора не следует. Я вышла, стараясь казаться мрачной и недовольной. Я подчеркнула свое разочарование тем, что генерал Анте Готовина, которого мы разыскиваем уже пять лет, все еще на свободе. Это была моя собственная *muro di gomma*. Я сознательно никак не оценивала степень сотрудничества хорватского правительства. Если бы кто-нибудь задал этот конкретный вопрос, не знаю, что бы я ответила. К счастью, никто об этом не спросил. В моих ответах журналисты услышали именно то, что хотели услышать. Они написали, что я не удовлетворена степенью сотрудничества Загреба, что один мужчина, Анте Готовина, и одна женщина, Карла дель Понте, мешают усилиям Хорватии по вступлению в Евросоюз. После этих заявлений руководитель следствия трибунала, Патрик Лопес-Террес вылетел в Мадрид вместе с хорватским прокурором Баджичем. Они должны были помочь испанским властям в розысках Готовины.

Через три дня в Люксембурге я шокировала всех, за исключением, разумеется, Санадера, Месича и других хорватов, своей блестящей оценкой степени сотрудничества Хорватии с трибуналом. Журналисты тут же решили, что я подверглась сильнейшему политическому давлению со стороны Евросоюза и была вынуждена изменить свою оценку. Я не могла публично объяснить, чем вызвана такая смена позиции: это могло бы спугнуть Готовину. В любом случае, дезинформация о политическом давлении сыграла нам на руку. Без этого Готовина мог бы что-то заподозрить и скрыться в неизвестном направлении, а я проиграла бы.

Хорватской полиции более не удалось записать телефонных

звонков Готовины. Испанская полиция и разведка вели наблюдение за всеми аэропортами на Канарских островах. До нас доходили слухи, что Готовина путешествует на яхте, и мы беспокоились, что он может покинуть Канары морем. И тут нам повезло. У моего консультанта, Флоренс Хартманн, оказалась книга, написанная Готовиной. В ней он описывал свое пребывание на Канарских островах, указывая конкретное место, где у него были знакомые. Мы сообщили об этом в Мадрид. 7 декабря испанские власти арестовали Готовину в ресторане на Тенерифе. Его сопровождала очень красивая женщина. Я подумала, что супруга Готовины оказалась еще одной обманутой женой, подобной тем разводившимся женщинам, истории которых я выслушивала много лет назад в Лугано.

В середине декабря 2005 года, выступая перед Советом безопасности, я выразила благодарность трибунала Евросоюзу и государствам-членам за политическую поддержку трибунала по бывшей Югославии и участие в задержании Готовины:

> Только так мы можем преодолеть те сложности, с которыми сталкиваемся в Боснии и Герцеговине и Сербии и Черногории. Секрет успеха кроется в сочетании международных мер поощрения, обеспечиваемых преимущественно неуклонной политикой Евросоюза, ставящего непременным условием принятия страны в данную организацию полное и безоговорочное сотрудничество с [трибуналом по Югославии], и эффективного совместного оперативного плана, разработанного Хорватией и [трибуналом]. Огромную поддержку нам оказали Соединенные Штаты, которые настаивали на том, что Хорватия не может быть принята в НАТО, пока Готовина [не будет доставлен] в Гаагу… Соединение политической воли и оперативной эффективности принесло желаемые результаты.

Во время нашей первой встречи в начале 2000 года Стипе Месич говорил мне, что Франьо Туджман, подобно Милошевичу, не понимал тенденций европейского объединения и стирания границ между европейскими государствами. Он сказал, что Сербия и Хорватия развязали войну в Боснии и Герцеговине, потому что Милошевич и Туджман стремились отвоевать боснийскую территорию. Теперь же Хорватия стремится в Европу. Но сколько лет страна потеряла из-за тщетных усилий Туджмана и его ставленников по обману международного сообщества, сокрытию доказательств и тех, кого обвиняли в совершении военных преступлений и на чей арест были выданы

международные ордера? Сегодня Словения, Румыния и Болгария — члены Евросоюза. Хорватия же, несмотря на все свои надежды и на то, что Загреб находится севернее Рима и западнее Вены, до сих пор не принята в эту организацию. Виной тому поступки Туджмана, неспособного понять европейские тенденции после падения Берлинской стены, опиравшегося на пустые националистические мифы и принесшего несчастье сотням тысяч людей.

В апреле 2006 года трибунал начал рассмотрение дела шести боснийских хорватов, обвиняемых в том, что они играли важнейшую политическую и военную роль в кампании насилия, развязанной Туджманом с целью разделения Боснии и Герцеговины. С одним из обвиняемых, Ядранко Прличем, я встречалась еще в конце 2000 года, когда отмечалась пятая годовщина заключения Дейтонского мирного соглашения. Подтянутый и утонченный Прлич в то время занимал пост министра иностранных дел Боснии и Герцеговины. Мы разговаривали по-итальянски. Прлич подарил мне свою книгу о войне. Я не говорила о том, что он находится под следствием. Но он явно это знал, хорошо понимая, что был слишком близок к Туджману Шушаку Бобетко и Бобану. Множество доказательств, представленных на суде, было получено из документов, которые Туджман и руководители его разведки так старались скрыть — из архива армии боснийских хорватов и расшифровок записей совещаний в кабинете Туджмана. Слушания длились несколько месяцев и после того, как я покинула трибунал. Я была уверена, что в этом случае, в отличие от дела Блашкича, жертвы Ахмичи, Ступни До, Мостара и других городов и деревень, пострадавших от попыток Хорватии и Сербии отвоевать территорию Боснии и Герцеговины, найдут истинное правосудие. Я была уверена в том, что собранные доказательства, отражающие ужасающую действительность той кампании, раз и навсегда опровергнут наследие Туджмана и его ставленников — наследие отрицания и обмана.

Глава 11
Борьба в Косово: 1999–2007 годы

Насилие, страх и бедность заставляют свидетелей молчать. В первые годы нового тысячелетия сербская провинция Косово, которая была самым слаборазвитым регионом Югославии, страдала от насилия, страха и бедности. Как найти свидетелей и выдвигать обвинения в военных преступлениях в стране, несчастное и разъяренное население которой еще не успело даже найти и похоронить своих мертвых; в стране, где нет институтов правосудия и иного закона, кроме *lex talionis*, древнего закона мести, воспетого Гомером и другими античными авторами; в стране, где ООН и другие международные организации изо всех сил стремились установить закон и порядок, и где руководители местной милиции, многие из которых — обычные преступники, представляющие себя героическими защитниками угнетаемых, стремятся к политической власти и не стесняются использовать насилие для устранения своих врагов и соперников? Со всеми этими проблемами прокурорская служба столкнулась в Косово.

Весной и летом 1999 года сербские солдаты и полицейские осуществили массовую этническую чистку Косово. Из края были изгнаны албанцы, составлявшие большинство населения. Сербские солдаты прочесывали деревню за деревней, город за городом, убивали и жгли. Свои дома покидали албанские крестьяне и торговцы, университетские профессора и врачи, отцы и матери, старики в инвалидных колясках, старухи на повозках, дети на руках родителей. Подростки шли пешком и несли то, что смогли унести, в рюкзаках и чемоданах. Эти люди направлялись к пограничным переходам, где сербские полицейские изымали у них удостоверения личности и ценности и высылали в соседние страны, Албанию и Македонию. Высылка сотен тысяч албанцев стала кульминацией десятилетий этнической распри, корни которой лежали гораздо глубже в прошлом, чем я могла себе представить. Они имели непосредственное отношение к событиям, поскольку превращались в патетическое алиби для тех, кто совершал преступления на этой земле. Для многих сербов, хотя, конечно, не для всех, Косово — это нечто вроде Святой Земли. Здесь находится множество средневековых сербских православных монастырей. В XIV веке здесь находилась резиденция сербского императора. Современные сербские лидеры ценят Косово так же, как их средневековые предшественники: эта земля очень богата полезными ископаемыми.

Коммунистическая элита из местных албанцев управляла Косово с начала 70-х годов. В 1981 году, через год после смерти маршала Тито, албанские сепаратисты вышли на улицы косовской столицы Приштины с требованием того, чтобы автономный край получил статус седьмой республики Югославии и независимость от Сербии. После Тито страной управлял комитет, состоявший из восьми человек Было принято решение послать в Косово войска, которые жестоко подавили демонстрации. К середине 80-х годов косовские сербы, составлявшие национальное меньшинство, стали жаловаться на притеснения со стороны албанцев, составлявших 90 % населения края. Слободан Милошевич пришел к власти, широко используя положение косовских сербов. Под его руководством Белград в 1990 году аннулировал автономию края и установил прямое правление под предлогом форс-мажорных обстоятельств, что положило начало культуре безнаказанности. Сербские полицейские вытесняли албанцев из правительства, школ и даже больниц, лишали их работы. Албанцы в ответ создали собственные параллельные правительственные, образовательные, медицинские и разведывательные структуры. По совету западных посольств в Белграде албанцы воздерживались от участия в войнах в Хорватии и Боснии и Герцеговине, когда Сербия была наиболее уязвима.

Однако весной 1993 года небольшая группа косовских албанцев, оказавших вооруженное сопротивление правлению Белграда, организовала местную милицию, Армию освобождения Косово, АОК Главной целью новой организации стала мобилизация косовских албанцев на освободительную войну. Эти люди были готовы насилием ответить на насилие, творимое сербскими властями. В начале существования АОК в крае базировалось лишь малое количество ее членов, большинство находилось в Соединенных Штатах и других странах Западной Европы, в том числе и в Швейцарии.

В начале 1995 года политически сознательным албанцам во всем мире стало ясно, что международные миротворческие усилия по Хорватии и Боснии и Герцеговине не затрагивают Косово. Через два года в вооруженном столкновении между сербскими войсками и АОК погиб местный учитель. На его похороны пришли тысячи албанцев. Среди них были трое мужчин в черных подшлемниках и военной форме с символикой АОК. После этого Армия освобождения Косово вышла из подполья. 28 февраля и 1 марта 1998 года подразделения сербской полиции в сопровождении вертолетов, бронеавтомобилей, вооруженные гаубицами и автоматами, неожиданно атаковали Армию

освобождения Косово в ряде деревень. Сербы хотели обезглавить АОК и запутать гражданское население. В ходе этой операции сербские военные беспощадно вели огонь по мирному населению. 5 марта 1998 года сербские силы безопасности атаковали дом лидера АОК, Адема Яшари. Перестрелка продолжалась около 36 часов. Были убиты, по некоторым сведениям, 83 албанца, в том числе, по меньшей мере, 24 женщины и ребенка. Адем Яшари и все члены его семьи, кроме 11-летней девочки, были найдены среди мертвых. Беременной женщине выстрелили в лицо. Сообщалось, что сербские полицейские казнили несколько мужчин прямо перед их домами.

Тактика террора вышла сербским войскам боком. Десятки тысяч людей пришли на похороны Яшари и других погибших. Один из лидеров Армии освобождения Косово произнес патриотическую речь. Народная поддержка АОК росла с каждым днем. В милицию вступали молодые люди. Местные командиры перегруппировали силы и нанесли ответный удар. Сербская полиция продолжала лить кровь мирных жителей. К 1998 году США и другие западные страны стали оказывать мощное давление на Белград с целью остановки насилия против албанского мирного населения в Косово. К октябрю того же года страны НАТО пригрозили начать бомбардировки, если Белград не прекратит насилие.

В начале весны 1999 года после очередной вспышки насилия в Косово и провала мирной конференции во Франции самолеты НАТО начали бомбить Югославию, чтобы принудить Белград вывести из проблемного региона полицию и войска. Под прикрытием натовских бомбардировок начались этнические чистки региона. Исход беженцев и бомбежки продолжались вплоть до июня 1999 года, когда Милошевич согласился вывести сербские войска с большей части территории Косово. За контроль над освободившейся территорией соревновались войска НАТО и России. ООН открыла в Косово свою миссию, UNMIK, задачей которой было восстановление политического мира и безопасности в регионе. Командиры АОК превратились в политическую силу. Во многих уголках Косово они являли собой единственное воплощение закона. Прокурорская служба начала получать сообщения о том, что некоторые из них совершали военные преступления против сербов, цыган, мусульман славянского происхождения и других этнических групп, а также против албанцев, которых члены Армии освобождения Косово обвиняли в неверности. Деятельность прокурорской службы всегда была направлена против культуры безнаказанности. Наш мандат требовал, чтобы мы начали расследование обвинений

против лидеров высшего звена *всех сторон*, участвовавших в конфликтах на территории бывшей Югославии. Следовательно, мы должны были расследовать обстоятельства и, если информация подтвердится, выдвинуть обвинение против тех лидеров АОК, которые в наибольшей степени были ответственны за преступления, совершенные милицией. Обвинения в адрес преступников низшего звена могли выдвигать миссия ООН и местные власти.

Обвинений в адрес членов АОК оказалось немало. Прокурорская служба получала сообщения о том, что в 1998 и 1999 годах солдаты АОК похитили сотни сербов, цыган, албанцев и людей иной этнической принадлежности. Некоторых из похищенных держали в специальных лагерях, других запирали в подвалах, где стояла вода, или в стойлах для скота. Людей избивали, насиловали, пытали, казнили. Кто-то просто бесследно исчезал. Нам сообщали, что солдаты АОК с помощью насилия и запугиваний принуждали сербов и цыган покидать родные деревни, а тех, кто оставался, убивали. Солдаты АОК использовали пленных в качестве живых мишеней. Сообщалось о месте казней близ озера. Нам сообщали также, что тела жертв и живых пленников отправляли в Албанию.

Наташа Кандич прислала в прокурорскую службу опубликованный доклад, в котором говорилось, что 593 человека — сербы, черногорцы, цыгане и мусульмане славянского происхождения, — либо исчезли, либо были похищены в период с 12 июня 1999 года (день, когда в Косово вошли международные миротворческие войска НАТО, KFOR) по 31 декабря 2000 года. Обстоятельства исчезновения людей были столь странными, что напрашивалось предположение, что это не просто проявления пост-конфликтной мести. Большинство людей пропало в тех районах, где во время натовских бомбежек не отмечалось крупномасштабных проявлений насилия со стороны сербских войск. Десятки солдат югославской армии исчезли во время бомбежек и сражений с солдатами АОК. Более 1,5 тысяч албанцев, удерживаемых АОК в специальных лагерях во время бомбежек, бесследно пропали. Более 300 албанцев исчезли по второй половине 1999 и в 2000 годах.[46]

25 января 2001 года во время моего первого визита в Белград я встречалась с родственниками тех, кто пропал в Косово. Эти люди собрались в министерстве иностранных дел, а несколько сотен демонстрантов — на площади перед зданием. Председатель косовской группы, Ранко Джинович, сообщил нашей делегации о тех, кто исчез в Косово с 1998 по 2001 годы. Ассоциация располагала доказательствами преступной деятельности членов

АОК. В числе этих доказательств, по словам Джиновича, были свидетельские показания о похищениях мужчин, женщин и детей. Три четверти похищенных пропали уже после введения в Косово миротворцев НАТО и организации миссии ООН. Джинович обвинил руководителей АОК, политического лидера Хашима Тачи и военного командира Агима Чеку, в похищениях и убийствах на территории Косово. Джинович сказал, что его ассоциация располагает именами 200 похитителей, и все они являются членами АОК. Родственники пропавших обратились ко мне с просьбой расследовать преступления, совершенные *после* введения в Косово миротворческих сил в июне 1999 года. Я ответила, что попытаюсь. Но, в свою очередь, попросила Джиновича воздействовать на правительство Югославии с тем, чтобы оно поддержало просьбу о расширении мандата трибунала на эти преступления. Тогда многие родственники исчезнувших сербов верили, что их близкие еще живы и просто переправлены в Албанию. Удивительно, но требований выкупа практически не поступало. Выйдя из здания, я увидела демонстрантов, размахивавших плакатами и выкрикивавших: «Карла — шлюха!» У некоторых в руках были рогатки. Когда мы отъезжали, нашу машину закидали камнями.

Следователи и официальные лица миссии ООН от заслуживающих доверия журналистов узнали о том, что летом 1999 года косовские албанцы переправили от 100 до 300 похищенных через границу в северную Албанию. Об этом стало известно и прокурорской службе. Похищенных сначала содержали в складах и других помещениях в городах Кукес и Тропое. Информаторы сообщили журналистам о том, что самых молодых и крепких пленников хорошо кормили, никогда не били, их осматривали врачи. Потом этих людей перевозили в другие места в районе Бурреля. В числе этих мест была и хижина за желтым зданием в 20 километрах к югу от города. По словам журналистов, в этом желтом здании была оборудована своеобразная хирургическая клиника. Врачи извлекали внутренние органы пленных. Через аэропорт Тираны Ринас эти органы доставляли в зарубежные клиники и пересаживали пациентам, которые готовы были оплатить подобные операции. Один свидетель рассказал о том, как сам доставлял такую «посылку» в аэропорт. Если нужна была только одна почка, разрез зашивали, а человека содержали в хижине до тех пор, пока не требовалась вторая почка или другой жизненно важный орган. Пленные в хижине знали, что их ждет. Они в ужасе молили убить их сразу. Среди пленных были женщины из Косово, Албании, России и других славянских государств. Двое информаторов

сообщили, что они помогали хоронить мертвецов вокруг желтого здания и на соседнем кладбище. Кроме того, информаторы сообщили, что эта деятельность осуществлялась с ведома и при активном участии офицеров АОК высшего и среднего звена. Следователи трибунала обнаружили, что, хотя информация, полученная от журналистов и сотрудников миссии ООН, и отличается поверхностностью, она вполне согласуется с теми сведениями, которыми уже располагал трибунал. «Материал, которым располагает [прокурорская служба] не содержит… подобной информации об Албании. Однако ряд свидетельских показаний и другие материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, в определенной степени согласуются с информацией, приведенной выше, — было написано в служебной записке по этому вопросу. — Все лица, которые, по словам информаторов, находились в лагерях в Албании в конце лета 1999 года, действительно исчезли летом того же года, и с тех пор их никто не видел».

Рекомендации были очевидны: «Принимая во внимание исключительную серьезность данных дел, тот факт, что при эксгумациях в Косово не было обнаружено практически ни одного тела жертв АОК, а также то, что преступления предположительно были совершены с ведома и при участии руководителей АОК высшего и среднего звена, данные преступления должны быть тщательно расследованы профессиональными и опытными следователями».

Известные жертвы этих преступлений, предположительно, были похищены после завершения бомбардировок НАТО. В то время в Косово находилось множество иностранных миротворцев и целые легионы правозащитников и сотрудников гуманитарных организаций. Поэтому было неясно, подпадают ли преступления, совершенные в данный период, под мандат трибунала по бывшей Югославии. Прокурорская служба хотела, чтобы журналисты и сотрудники миссии ООН сообщили нам имена информаторов, другие личные детали и всю информацию по данным обвинениям. Мы должны были собрать и проанализировать все уже имеющиеся материалы, связанные с этим делом. Если бы журналисты и сотрудники миссии не стали сотрудничать, нам пришлось бы самим каким-то образом выявлять и допрашивать свидетелей, не зная их имен и местонахождения, вместе с ними отправляться на места преступлений в Албанию и, при необходимости, проводить следствие на местах преступлений и эксгумации.

Следствия по делам, связанным с АОК, были самыми мучительными для трибунала по бывшей Югославии. В июне

1999 года в Косово не было полиции. Обязанности полицейских исполняли солдаты НАТО и сотрудники миссии ООН, но эта роль не вызывала у них энтузиазма. Среди албанских лидеров были люди умеренных взглядов — Ибрагим Ругова и другие. В конце 80-х и в 90-е годы они призывали сопротивляться сербским притеснениям ненасильственными методами. Однако правительственные институты, с которыми сотрудничали эти политики, оказались практически бездействующими. Поэтому следователи прокурорской службы не могли рассчитывать на помощь косовских властей в сборе доказательств. Очень немногие косовские албанцы соглашались давать показания и выступать в роли свидетелей против членов АОК.

Эти люди нуждались в защите. Иногда приходилось переселять целые семьи в третьи страны, хотя большинство государств отказывалось их принимать. Полицейские детективы из Берна, Брюсселя и Бронкса отлично знают, как тяжело расследовать организованную преступную деятельность албанцев. Не менее серьезной была и языковая проблема. Албанский язык — один из древнейших в Европе, но на нем, кроме албанцев, практически никто не говорит. Приглашать же для перевода коренных албанцев было не менее трудно, как находить информаторов и свидетелей. Албанское общество живет очень замкнуто. Многие албанские кланы не признают иного закона, кроме закона кровной мести, которая распространяется на всех родственников. Сербские свидетели бежали из Косово в Сербию и Черногорию. Милошевич и сербские националистические политические лидеры, в попытке защитить себя, свою армию и полицию от обвинений, отказывались обеспечить следователям трибунала доступ к сербам, ставшим жертвами преступлений АОК.

Во время моего первого визита в Косово, глава миссии ООН Бернар Кушнер согласился, что выдвижение обвинений против лидеров АОК крайне важно в политическом отношении. Сотрудники миссии говорили, что заинтересованы в расследовании преступлений, совершенных после окончания натовских бомбардировок. Мы сообщили Кушнеру что эти преступления, в том числе систематические убийства и похищения, подпадают под действие мандата трибунала. Однако поддержку своим действиям на высоком уровне мы могли получить только с течением времени. Мы снова столкнулись с *muro di gomma*.

Я уверена в том, что некоторые сотрудники миссии ООН и даже миротворческого контингента НАТО опасались за свою жизнь и за жизнь своих коллег. Думаю, что некоторые судьи

трибунала по Югославии боялись оказаться в руках албанцев. Даже в Швейцарии меня предупреждали о возможности кровной мести. (Некоторые официальные лица Швейцарии предупреждали меня, чтобы я не затрагивала албанские проблемы в этой книге, и я делаю это с максимальной осторожностью.) Но безнаказанность, которой пользуются влиятельные политические и военные лидеры, основывается на проникнутом страхом сопротивлении исполнению закона. Безнаказанность возникает также, когда общепринятые политические императивы мешают отправлению правосудия. Я думаю, что сотрудники миссии ООН сознательно обманывали себя, пытаясь поверить в то, что могут положиться на бывших лидеров АОК, людей с сомнительным прошлым, в организации эффективных государственных институтов и в установлении диктатуры закона. Это все равно, что вычислять квадратуру круга. Однако вопрос о том, как создавать порядок на основе анархии, не моя проблема. Моя задача заключалась в том, чтобы выдвинуть обвинение против тех, кто совершил военные преступления, подтвержденные убедительными доказательствами, собранными следователями трибунала.

6 октября 2000 года я снова встретилась с главой миссии ООН Бернаром Кушнером. Миссия ООН и миротворческие силы НАТО были встревожены сообщениями местной прессы о том, что в трибунале имеются секретные обвинения против Хашима Тачи, Агима Чеку и других лидеров АОК. Миссия ООН и миротворцы НАТО полагали, что обвинения в адрес Тачи и Чеку угрожают не только безопасности их персонала и их миссии, но и любым попыткам установления мира на Балканах. Теоретически, Тачи и Чеку могли спровоцировать вспышку насилия в Македонии, Южной Сербии и других районах, где проживали этнические албанцы. Я проинформировала Кушнера о том, что подобные слухи не имеют под собой ни малейших оснований. Следователи трибунала пытаются расследовать военные преступления, совершенные членами АОК против сербов, цыган и представителей других национальностей. Но пока мы не готовы предъявить обвинение никому из албанцев.

Через несколько недель я прибыла в Дейтон, штат Огайо, на конференцию в честь пятой годовщины Дейтонского мирного соглашения, положившего конец насилию в Боснии и Герцеговине. В отличие от хозяев мирных переговоров 1995 года, те, кто организовывал памятную конференцию, пригласили и представителей косовских албанцев. Во время экспертной дискуссии я сидела за столом рядом с Хашимом Тачи. Мы начали беседовать. Он признал, что албанцы совершали преступления во время косовской трагедии, но заверил меня, что все преступники

были гражданскими лицами, переодетыми в форму АОК. Сделанное же им затем весьма вольное замечание спровоцировало меня. Я посмотрела ему прямо в глаза и сказала, что начинаю расследование преступлений, совершенных в Косово албанцами. Я не говорила об обвинениях в его адрес, но он явно понял, что я имею в виду. Лицо Тачи мгновенно окаменело.

К 2002 году стало ясно, что расследование насилия в Косово, проводимое прокурорской службой, встретит такое же противодействие, как и сотрудники миссии ООН, пытающиеся отдать под суд сотни членов АОК, обвиняемых в совершении военных преступлений. Нам нужны были доказательства вины командиров АОК. Мы должны были знать, кто из офицеров командовал подразделениями, сражавшимися в конкретных регионах, и когда они приняли командование.

18 марта 2002 года во время поездки в Вашингтон я напомнила американским официальным лицам о том, что прокурорская служба уже направила ряд запросов о помощи в расследовании действий АОК. Несмотря на несколько напоминаний, никакого ответа мы до сих пор не получили. «Если мы хотим, чтобы Сербия поверила в возможность правосудия и сделала определенные шаги к примирению, мы должны расследовать преступления, совершенные членами АОК, — сказала я. — Несправедливость — это семена будущих войн». Соединенные Штаты при поддержке стран НАТО оказали решительную военную поддержку Армии освобождения Косово. Я опасалась, что, несмотря на то, что США на словах всегда поддерживали трибунал, Вашингтон не будет в восторге от обвинений в адрес лидеров АОК: такие обвинения осложнили бы международные усилия по созданию новых государственных институтов в Косово и отсрочили бы момент, когда Пентагон смог бы перебросить свои войска из Косово в Афганистан и на другие фронты войны против Аль-Каиды.

Позиция других стран-членов НАТО была такой же. В октябре 2003 года я находилась в Лондоне, где встретилась с министром иностранных дел Джеком Стро. Министр себя плохо чувствовал, ему только что удалили зуб мудрости. Мы говорили о нежелании Великобритании сотрудничать с трибуналом. Прокурорская служба запросила информацию о структуре АОК, но после встречи у меня сложилось впечатление, что британское правительство только делает вид, что не располагает сведениями.

Через месяц после поездки в Вашингтон я вернулась в Белград. Даже Наташа Кандич сказала, что ничем не может помочь следователям трибунала в поисках албанцев, готовых свидетельствовать против лидеров АОК — Тачи, Чеку и еще

одного полевого командира, Рамуша Харадиная, который возглавлял АОК в западных районах Косово, прилегающих к албанской границе. Кандич сказала, что албанские свидетели отказываются говорить об этом даже с албанскими правозащитниками. В тот же день мы сообщили заместителю премьер-министра Сербии, Небойше Човичу что прокурорская служба совместно с миссией ООН и другими организациями намеревается провести следственные действия в двух местах, в том числе и на предполагаемом месте казней на берегу озера Радонич/Радоник в западном Косово. Чович сказал, что его сотрудники предоставят трибуналу список из 196 мест казней, и что аналогичную информацию он уже передал в миссию ООН год назад, но никаких действий предпринято не было. Чович просил нас убедить миссию ООН и миротворческий контингент НАТО предоставить сербскому правительству информацию по исчезнувшим людям. Заместитель сербского премьера весьма пессимистично воспринял известие о назначении нового руководителя миссии ООН. Этот пост занял Михаэль Штайнер, немецкий дипломат, принимавший участие в международных переговорах по Боснии и Герцеговине. Чович предупредил меня, что Штайнер будет выступать против обвинений в адрес албанцев, а албанцы найдут себе массу оправданий. «Они будут говорить вам то, что вы захотите услышать», — сказал Чович.

После этого разговора у нас с Човичем была еще одна весьма напряженная встреча с представителями родственников пропавших и похищенных граждан Косово. Они задавали нам вполне законные вопросы. Почему трибунал не предоставляет никакой информации о пропавших людях? Почему трибунал не ищет места массовых захоронений, лагерей и мест заключения? Почему никому из албанских похитителей не предъявлено обвинение, ведь прокурорской службе был передан список подозреваемых? Эти люди никому не доверяли, даже сербскому правительству. Они сказали мне, что больше рассчитывают на косовских албанцев, родственники которых тоже пропали. «Мы делаем все, что в наших силах», — ответила я и сказала, что прокурорская служба потребовала от миротворцев НАТО и миссии ООН полного сотрудничества, но мы не можем расследовать все совершенные преступления. Я знала, что мои слова не удовлетворят этих людей.

На следующий день, 19 апреля 2002 года, мы направились в Приштину, где встретились с командиром миротворцев НАТО, французским генералом Марселем Валентеном, и руководителем миссии ООН, Михаэлем Штайнером. Я не виделась со Штайнером со времени экскурсии на крышу берлинского рейхстага, то есть

почти год. Я попросила Валентена предоставить прокурорской службе информацию по структуре АОК и зонам операций. Я была уверена, что миротворческий контингент, который прибыл в Косово в июне 1999 года, должен иметь доклады и схемы разведки, содержащие такую информацию. Как иначе командиры, офицеры разведки, политические и гражданские советники могли понять, с кем имеют дело? Было бы крайне неосмотрительно и легкомысленно не собрать подобной информации. Валентен ответил, что миротворцы уже начали передавать сведения прокурорской службе. Но, по его словам, документы первого контингента миротворцев в данный момент хранятся в штаб-квартире НАТО в Бельгии или в других странах-членах НАТО Я сообщила Валентену, что хотела бы подготовить первые обвинения в адрес АОК к июню, что обвинительные заключения и ордера на арест будут направлены непосредственно миротворцам НАТО, и что мы не сможем известить их об этом заранее, поскольку каждое обвинительное заключение должно быть утверждено судьей. Я просила Валентена как можно быстрее подготовиться к аресту обвиняемых. Мне нужно было знать, какие обвинения для миротворцев предпочтительнее — тайные или публичные. Политический советник Валентена, американец, сказал, что время для обвинений против албанцев выбрано очень правильно. Он рекомендовал выдвинуть публичные обвинения против ряда лиц, поскольку этим людям некуда бежать, и они не смогут скрыться от трибунала. Эти слова меня вдохновили. Но я отлично знала о знаменитых горах северной Албании, поэтому спросила, смогут ли миротворцы добиться большего успеха в задержании скрывающихся албанцев, чем их коллеги в Боснии, занимающиеся розысками Караджича.

Чуть позже мы встретились с премьер-министром Косово, Байрамом Реджепи. Основной целью нашей встречи было обеспечение сотрудничества местных властей с трибуналом в отношении обвинений, выдвинутых против албанцев. Я сказала Реджепи, что роль политических лидеров Косово заключается в том, чтобы объяснить албанскому народу: ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным, кто бы его ни совершил. Реджепи понимал, что лесть — лучшее орудие *muro di gomma*. Он одобрительно отозвался о деятельности трибунала, о моей работе, о наших достижениях. Он заявил, что никто не может стоять выше закона. Он сказал, что объяснить это народу Косово будет несложно. Но, по его словам, большинство албанцев, состоявших в АОК, боролись за идею независимости Косово и не убивали людей. Реджепи утверждал, что преступления, совершенные албанцами в Косово, были всего лишь

неправильными действиями отдельных людей, и потому отличаются от преступлений, совершенных сербами. «В АОК я был хирургом, — сказал он. — Я не видел, чтобы АОК нарушала правила ведения войны. Наш девиз — сражаться только с людьми в военной форме, полицейскими и армией». Если следовать логике Реджепи, ни один командир не может отвечать за убийства и похищения, совершенные его подчиненными. Я сказала косовскому премьеру о том, что следователи прокурорской службы наталкиваются на сопротивление. Свидетели подвергаются запугиваниям. Люди настолько боятся говорить об АОК, что отказываются даже сообщать, находились ли албанские подразделения в определенных районах. Реджепи ответил, что понимает подобные настроения. Местная полиция все еще действует неэффективно, а обстановка вооруженного конфликта сняла все запреты.

Летом 2002 года прокурорская служба все еще не могла собрать достаточно убедительных доказательств Для выдвижения обвинений. Следователи не могли найти свидетельств связи офицеров высшего звена со случаями преступного поведения. Судебные прокуроры обсуждали проблемы юрисдикции, ведь нам предстояло выдвигать обвинения по преступлениям, совершенным после того, как Косово покинули сербские власти. Большинство жертв были стариками. Эти люди остались в своих деревнях, а молодые покинули свои дома. Поэтому у нас были погибшие или пропавшие без вести жертвы и практически не имелось свидетелей. Нам все еще не удалось найти ни документов о структуре АОК, ни свидетелей, готовых рассказать об этом. Бригады судебных антропологов дали нам информацию о 30 трупах, найденных возле озера Радонич/Радоник, но к осени с помощью анализа ДНК удалось установить личность только восьми жертв.

22 октября 2002 года я вернулась в Приштину. Новый командир миротворческих сил НАТО, итальянский генерал Фабио Мини, заверил меня в том, что его солдаты готовы арестовать любых обвиняемых и в любое время. Мини сообщил, что оценка угрозы в отношении 14-ти потенциальных обвиняемых из числа членов АОК была завершена. Я сказала генералу, что одно или два обвинительных заключения может быть выдвинуто к концу года. Мини ответил, что миротворцы сначала попытаются убедить обвиняемых сдаться добровольно, но и арест этих людей можно будет провести немедленно. Итальянский генерал, как до него генерал Валентен, глубоко сомневался в том, что миротворцы могут доверять сотрудникам миссии ООН. «К их помощи следует прибегать лишь в самую последнюю минуту», — сказал генерал

Мини, а потом намекнул на тесные связи между некоторыми сотрудниками миссии ООН и бывшими лидерами АОК. Мини сказал, что, как только будут произведены первые аресты, «мы тут же увидим, как многие местные лидеры отправятся в отпуск под американским эскортом». Мы обсудили проблему похищений людей, информацию о массовых захоронениях в трех регионах северной Албании и о возможном участии в преступлениях албанских секретных служб. Мини приказал своим людям немедленно провести воздушную разведку и инфракрасное сканирование предположительных мест массовых захоронений до наступления зимы и снегопадов. В миссии ООН мы узнали, что один из информаторов потребовал 50 тысяч евро за свое согласие показать два места захоронений в северной Албании.

Спустя несколько месяцев следователи трибунала и миссии ООН отправились в центральную Албанию, в то самое желтое здание, в котором, по словам информаторов и журналистов, у пленных извлекали органы. Журналисты привели следователей и албанского прокурора на место преступления. Здание было абсолютно белым. Владелец уверял, что не перекрашивал дом, хотя в нижней части стен явно просматривались следы желтой краски. На земле следователи обнаружили куски марли. Рядом валялся использованный шприц, два пустых пластиковых пакета для капельниц, множество лекарственных флаконов, в том числе и из-под мышечных релаксантов, используемых во время хирургических операций. Судебные эксперты обнаружили на стенах и полу следы крови. Чистой оставалась только небольшая часть пола — шесть футов в длину и два фута в ширину. За те два дня, что следователи провели в деревне, владелец дома предложил несколько объяснений следам крови в помещении. Сначала он говорил, что в этой комнате рожала его жена. Потом, когда жена сказала, что ее дети были рождены в другом месте, он стал уверять нас, что в этой комнате они забивали животных для мусульманских праздников.

Находки следователей и невероятная информация, полученная от журналистов, мучили нас. Сведения о том, что торговцы органами убивали пленных, поступали из разных зон конфликта, но очень редко удавалось найти тому доказательства, и в большинстве случаев такие истории оставались просто городскими мифами. Шприцы, пакеты для капельниц, марля… Все это явно указывало на совершение преступления, но, к сожалению, доказательств было недостаточно. Следователи не смогли определить, были ли обнаруженные следы крови человеческими. Информаторы не указывали мест захоронения предполагаемых жертв, поэтому мы не смогли найти тел. Нам не

удалось убедить людей, живущих в «желтом» доме и его окрестностях, поделиться с нами достоверной информацией. Журналисты наотрез отказывались сообщить имена информаторов, и следователи трибунала так и не смогли их найти. Возникали и проблемы юрисдикции, связанные с датами предполагаемых похищений, с перевозкой жертв в Албанию, там же осуществлялась преступная деятельность и находилось место преступления. Албанский прокурор придал новый аспект проблеме «сотрудничества». Он сообщил, что его родственники сражались в АОК, и заявил следователю: «Никаких сербов здесь не хоронили. Но если они действительно привозили сюда сербов из-за границы и убивали их, то поступали совершенно правильно». В конце концов, юристы и следователи, занимавшиеся делами АОК, решили, что достаточных доказательств для возбуждения дела найти не удастся. У нас отсутствовали информаторы, и не было возможности их найти. У нас не было тел. У нас не было никаких доказательств причастности к этим преступлениям высокопоставленных обвиняемых. У нас не было никакой возможности вести следствие. Расследование этих преступлений могли провести только миссия ООН или местные косовские и албанские власти, возможно, в сотрудничестве с органами внутренних дел Сербии.

27 января 2003 года, благодаря следственной поддержке миссии ООН, трибунал выдвинул первое обвинение против членов АОК. Четверо албанцев обвинялись в том, что с мая до конца июля 1998 года похитили, по меньшей мере, 35 сербов и косовских албанцев в центральном Косово и содержали их в нечеловеческих условиях в деревне, где базировалось подразделение АОК. Люди находились в хлевах и подвалах домов. В окончательном обвинительном заключении утверждалось, что обвиняемый, Фатмир Лимай, который стал членом парламента Косово, и два других члена АОК, Харадин Бала и Исак Муслиу, подвергали пленных физическому насилию, избиениям и пыткам. Обвинение против четвертого обвиняемого, Агима Муртези, было отозвано. Утверждалось, что в тюрьме АОК убито 14 пленных, еще 10 — предположительно казнено в горах, когда подразделения АОК были вытеснены из региона во время наступления сербских войск.

Миротворцы НАТО без проблем арестовали двух обвиняемых. Третий арест прошел не так гладко. Через три недели после того, как трибунал утвердил обвинение, мне позвонил офицер миротворческих сил. Он сообщил, что Фатмиру Лимаю позволили вылететь регулярным авиарейсом в Словению, где он собирается кататься на горных лыжах вместе со своим деловым партнером

Хашимом Тачи. Я была в ярости. Трибунал сообщил органам внутренних дел Косово об обвинительном заключении и об ордерах на арест Лимая и других албанцев. Приехав в аэропорт Приштины, Лимай предъявил собственные документы. Он не скрывался от следствия. Он подошел к стойке, получил посадочный талон, прошел паспортный контроль и контроль безопасности и вылетел в другую страну. И никто этого не заметил! 18 февраля наша служба получила информацию о том, что Лимай уже покинул Словению. Я составила заявление с призывом к международному сообществу. В нем говорилось, что Фатмира Лимая необходимо задержать, пока он не превратился в такую же неуловимую личность, как Ратко Младич, Радован Караджич и другие. Через несколько дней словенские власти арестовали Лимая на горнолыжном курорте. Его передали трибуналу, а он просто качал головой, улыбался и утверждал, что все это недоразумение. Обвиняемые виновными себя не признали.

Насилие против свидетелей по местным уголовным делам, осуществляемое членами АОК, началось уже к тому времени, когда было выдвинуто обвинение против Лимая. В декабре 2002 года в Приштине взорвалась бомба. Журналисты писали, что предполагаемой жертвой должен был стать потенциальный свидетель, которому предстояло выступить на суде против пяти бывших членов АОК, обвиняемых в создании концлагеря и пытках. В конце 2002 года несколько албанцев дали показания на втором суде против пяти бывших членов АОК, среди которых был и Даут Харадинай, брат бывшего командира АОК, Рамуша Харадиная. К 2003 году Рамуш Харадинай был одновременно и политическим лидером страны, и одним из тех албанцев, в отношении которых трибунал проводил расследование. Суд миссии ООН в 1999 году[47] осудил Даута Харадиная и остальных обвиняемых за захват и убийство четырех косовских албанцев. 4 января 2003 года один из свидетелей обвинения по этому делу, бывший офицер АОК Тахир Земай, был застрелен из проезжавшего мимо автомобиля в крупнейшем городе западного Косово, который албанцы называют Пея, а сербы — Печ. Вместе с Земаем были убиты его сын и племянник. Свидетелями убийства оказались по меньшей мере сорок человек. Были убиты и два других свидетеля обвинения по тому же делу — Садык Мусай и Илир Селимай.[48] Через восемь дней после того, как поддерживаемая миссией ООН местная полиция обратилась к свидетелям убийства Земая с просьбой дать показания, кто-то выпустил противотанковую ракету по региональному полицейскому управлению в Пее.[49] Позднее были застрелены

двое полицейских, проводивших расследование убийства Земая. Покушения были совершены и на других свидетелей, в том числе на Рамиза Мурики, который заявил журналистам, что осужденные преступники мстят свидетелям.[50] Прокурорская служба получила неофициальный доклад миссии ООН по убийству Земая. После запроса на получение официального документа мы получили те же самые бумаги, но один фрагмент был вымаран. В нем говорилось о том, что накануне убийства Земай сообщил персоналу миссии ООН, что, если он будет убит, то убийство станет делом рук Рамуша Харадиная и еще одного человека. Рамуш Харадинай заявил журналистам, что ни он, ни его брат не причастны к убийству Земая.

Юристы, работавшие по делу Земая, уже начали сообщать мне, что ряд свидетелей отказывается давать показания. Даже те свидетели, которые раньше общались с прокурорами и следователями, теперь от своих слов отказываются. В Косово воцарилась атмосфера страха. Насилию подвергались и свидетели, давшие показания, и обычные люди. Разгул преступности и кровной мести заставлял замолчать тех, кто мог и хотел давать показания. Отсутствие реально действующих органов внутренних дел и эффективной программы защиты свидетелей являлись лишь частью проблемы.

В июне 2004 года при условии, что им будут обеспечены меры защиты, дать показания на процессе по делу Лимая согласились двое свидетелей. Когда один из защищаемых свидетелей, которого условно называли В2, шел по улице маленькой косовской деревни Штиме, к нему подошел Башким Бекай. Бекай подстерег свидетеля В2 возле ресторана и обвинил его в том, что тот отправил в тюрьму его дядю, Исака Муслиу. Ссора привлекла внимание прохожих. Свидетель В2 вошел в дом Бекая, и отец Башкима, Бека Бекай извинился за поведение сына. Бека Бекай сказал свидетелю В2, что Муслиу шесть раз звонил им из Гааги и требовал, чтобы они отомстили за его арест.[51]

В начале сентября 2004 года, за два месяца до начала процесса по делу Лимая и других обвиняемых, Бека Бекая обратился к родственнику другого защищаемого свидетеля, В1. Этот свидетель подвергался пыткам и дважды чуть не был убит. Во время резни погиб его отец. Бекай просил передать свидетелю В1 сообщение о том, что Исак Муслиу готов подарить ему землю, если тот откажется от показаний, данных во время следствия. 27 сентября 2004 года Бека Бекай дважды просил родственника свидетеля В1 передать, что он выступает от имени Фатмира Лимая и Исака Муслиу, и что они хотят, чтобы свидетель отказался от своих показаний и срочно вернулся в Косово для

переговоров с адвокатами Лимая. 6 октября 2004 года полиция перехватила телефонный разговор, во время которого Бекай просил В1 «приехать и сделать для нас одно заявление… приехать и сказать, что вы ничего не знаете о Фатмире Лимае и Исаке [Муслиу]». Во время этой беседы Бекай признался, что разговаривал с братом Фатмира Лимая, Демиром Лимаем. Бекай просил свидетеля В1 встретиться с адвокатами Лимая и Муслиу в Приштине и уверял, что с ним ничего не случится. Во время другого разговора, перехваченного 13 октября 2004 года, Бекай снова просил свидетеля В1 срочно вернуться в Косово и встретиться с адвокатами и братом Лимая, чтобы сделать заявление об отказе от показаний.

Защищать свидетелей в тех регионах, где не господствует закон, очень сложно. Судебная палата признала Бекая виновным в неподчинении суду, но только по тем случаям, которые были подтверждены телефонными перехватами. Каков был приговор? Четыре месяца тюрьмы. В стране, где сербы когда-то месяцами удерживали албанцев в заключении, а свидетелей по уголовным делам расстреливают прямо на улице, трудно кого-то напугать судебным преследованием. Во время процесса Лимая свидетели обвинения не раз говорили прокурорам о том, что им угрожают. Кому-то присылали письма с угрозами. Другим звонили. Третьи слышали во дворе собственных домов автоматные очереди. Некоторые свидетели сообщали о том, что местные полицейские следят за их домами и детьми. Один человек заметил на лице своей жены красную точку лазерного прицела. Юристы прокурорской службы постоянно ездили в Косово с вооруженной охраной. Они приходили домой к потенциальным свидетелям и пытались убедить их дать показания. Юристы старались уговорить местных лидеров. Они говорили, что, если лидеры сделают шаг вперед, то за ними последуют и остальные, и тогда на их родине воцарится диктатура закона. Но как только один из свидетелей дал показания, его машину обстреляли из автоматов, а потом он сам и его 14-летний сын таинственным образом исчезли. Машина другого свидетеля взлетела на воздух, а сам он лишился ноги. Позже трибуналу удалось перевезти его в третью страну.

13 ноября 2005 года судебная палата оправдала Фатмира Лимая и Исака Муслиу и признала третьего обвиняемого, Харадина Балу, виновным в пытках, жестоком отношении и убийстве. Объясняя оправдание Лимая, судьи заметили, что показания, данные в зале суда рядом бывших членов АОК, вызванных в качестве свидетелей обвинения, разительным образом отличались от их же показаний, данных в ходе

следствия. Судьи постановили, что за семь лет, прошедших с момента инцидентов, описываемых в обвинительном заключении, свидетели могли многое забыть. По мнению судей, изменение их показаний было связано с тем, что во время суда им задавали вопросы, которые отличались от вопросов, заданных во время следствия. Судьи отметили также, что некоторые свидетели объяснили расхождение в показаниях. В то же время суд был готов принять возможность того, что ряд расхождений останется без объяснений:

> Иногда, принимая во внимание поведение свидетелей и данные ими разъяснения различий, судебной палате ясно, что устные показания некоторых из них были сознательно изменены, и это сделало их менее благоприятными для обвинения, чем раньше. После выслушивания показаний бывших членов АОК у судебной палаты сложилось твердое убеждение в том, что на них явно повлияло сильное чувство причастности к АОК в целом… Похоже, что подавляющая лояльность повлияла на готовность ряда свидетелей сообщить суду правду по определенным вопросам. Невозможно оспаривать то, что понятия чести и другие групповые ценности играют важную роль в жизни свидетелей албанского происхождения в Косово.

В подкрепление своих оценок судьи даже привели выдержку из доклада эксперта:

> Албанское представление о чести управляет всеми отношениями, выходящими за границы кровного родства… Солидарность с теми, кто обладает той же «кровью», воспринимается как должное, но верность группе или делу, выходящему за пределы семейных, является ритуальной. Честь понимается как идеальная модель поведения. Честь для мужчины — это способность защитить цельность своей семьи или более широкой референтной группы (клана или политической партии) от нападений извне… [Клятва верности, или *besa*] требует абсолютной верности и полного подчинения семейным и групповым ценностям в целом. В то же время считается совершенно нормальным убить тех членов группы, которые нарушат этот кодекс чести… Однако… члены группы могут предпочесть [sic!] ненасильственный путь. Реакция на конфликт, оскорбление, предательство или иные нарушения

групповых норм зависит от того, как члены группы истолкуют данные факты. Такая реакция может сильно разниться.

Судьи обратили внимание на то, что значительное количество свидетелей просили обеспечить им защиту на суде и проявляли беспокойство за собственную жизнь и жизнь членов своих семей. Тем не менее судебная палата сумела добиться прежних показаний от двух свидетелей, бывших членов АОК, Шукри Буя и Рамадана Бехлули. Оба признали, что Фатмир Лимай на момент совершения преступлений, перечисленных в обвинительном заключении, был командиром. Впрочем, во время суда оба свидетеля заявили, что показания, данные во время предварительных бесед со следователями обвинения, были ошибочными. Оба они на суде утверждали, что Фатмир Лимай принял командование позже того срока, который они назвали на предварительном следствии. Обстоятельства и характер показаний этих людей позволяют предположить, что такая частичная «забывчивость» явилась результатом того, что можно назвать чувством верности свидетелей АОК в целом и Фатмиру Лимаю в частности. В результате оснований для обвинения по данному делу не осталось. Обвинение было вынуждено заявить, что судебная палата не должна доверять показаниям, данным этими свидетелями в суде, а принять их ранние показания, данные во время бесед со следователями обвинения. Судебная палата заявила, что не может быть убеждена в истинности и надежности более ранних показаний, поскольку на суде каждый из двух свидетелей их опроверг. Единственное, чего удалось добиться обвинению, это нейтрализации показаний Шукри Буя и Рамадана Бехлули относительно командной роли Лимая.

Я сочла такое решение суда настоящим триумфом отсутствия воли. Безнаказанность, основанная на страхе, снова восторжествовала. Обвинение подало апелляцию.

В марте 2004 года тысячи албанцев вышли на улицы Косово после того, как албанские газеты распространили ложную информацию о том, что группа сербов утопила в реке троих албанских детей. Согласно докладу правозащитной организации Human Rights Watch, институты, ответственные за поддержание безопасности в Косово — миротворческий контингент НАТО, миссия ООН и международная полиция, а также зарождающаяся местная полиция, — не смогли эффективно защитить национальные меньшинства сербов и цыган. В ходе беспорядков погибло 19 человек — 8 сербов и 11 албанцев. Более тысячи человек было ранено, и среди них — более 120 солдат

миротворческого контингента и полицейских ООН, а также 58 местных полицейских. Банды албанцев сжигали целые сербские деревни. Было разрушено и повреждено около 500 сербских домов, а также 30 православных церквей и монастырей. Когда волна насилия схлынула, в Приштине и других городах Косово не осталось ни одного серба.

Преступления, совершенные во время беспорядков, подпадают под юрисдикцию трибунала. Но эти события сильнейшим образом повлияли на степень сотрудничества с трибуналом и в особенности со стороны руководителей международных институтов, работавших в регионе. 16 июня 2004 года новым руководителем миссии ООН в Косово стал датчанин Сорен Йессен-Петерсен, имевший большой опыт работы в ООН и других международных организациях. Он и прочие иностранцы, пытавшиеся решить проблему Косово, были явно заинтересованы в укреплении связей с албанскими лидерами. Им казалось, что эти люди смогут обеспечить безопасность в неспокойном районе, укрепить государственные институты и подготовить Косово к окончательной независимости.

3 декабря 2004 года народное собрание Косово избрало премьер-министром региона Рамуша Харадиная, возглавлявшего партию Союз за будущее Косово. Подгоняемая сроками по выдвижению новых обвинений в рамках стратегии завершения работы трибунала, прокурорская служба представила в судебную палату обвинительное заключение против Харадиная. Судья несколько недель рассматривал доказательства, и 4 марта 2005 года утвердил обвинительное заключение. В Косово еще с ноября 2004 года ходили слухи о том, что трибунал собирается предъявить Харадинаю обвинение. Этот человек пользовался значительной поддержкой международных миссий в Косово. Всего за месяц до выдвижения обвинения видные британские дипломаты сообщили моим сотрудникам о том, что Лондон не поддержит трибунал в этом вопросе, если обвинение не будет неопровержимым. Я считала, что наше заключение именно таким и является. Судя по всему, такой же точки зрения придерживался и английский судья Ян Бономи, который его утвердил.

В окончательном варианте обвинительного заключения утверждалось, что Харадинай командовал подразделениями АОК на значительной территории западного Косово. Эту область албанские боевики называли «Оперативной зоной Дукаджин». Харадинай командовал другими обвиняемыми, Идризом Балаем и Лахи Брахимаем. Обвиняемый создал совместное преступное предприятие (joint criminal enterprise), целью которого являлось установление контроля АОК над оперативной зоной Дукаджин

путем незаконного изгнания с этой территории сербского населения. Харадиная обвиняли также в жестоком обращении с гражданскими лицами — сербами, цыганами и албанцами, которых подозревали в сотрудничестве с сербскими войсками и которые не поддерживали АОК. Его обвиняли в 17 случаях преступлений против человечности и в 20 ситуациях нарушения законов или обычаев ведения войны.

Когда речь идет о доказательстве военных преступлений, особенно важными становятся детали. В обвинении утверждалось, что в марте и апреле 1998 года подразделения АОК угрозами и запугиванием принудили сербов и цыган покинуть деревни оперативной зоны Дукаджин. Те гражданские лица, которые остались в своих домах, были убиты. Вплоть до середины апреля 1998 года насилие продолжалось. Солдаты АОК убивали мирных сербов. К середине апреля большая часть сербского населения покинула Косово. В течение нескольких дней после 19 апреля 1998 года солдаты АОК убили практически всех сербов, оставшихся на удерживаемой АОК территории. С марта по сентябрь 1998 года в оперативной зоне Дукаджин солдатами АОК было похищено более 60-ти мирных граждан. Впоследствии многие из них были убиты. Солдаты АОК казнили людей в районе озера Радонич/Радоник[52] и на берегу канала, ведущего к реке, впадающей в озеро. По некоторым сообщениям, для того, чтобы попасть в этот район, требовался специальный пропуск. Местные жители, опасаясь насилия со стороны солдат, предпочитали там не показываться. В конце августа и начале сентября 1998 года сербские войска перешли в контрнаступление и временно захватили район озера Радонич/Радоник и дренажного канала. Сербские судебные эксперты провели расследование в этом регионе. В середине сентября были обнаружены останки 32 человек, которые удалось идентифицировать. Эксперты обнаружили также останки десяти неустановленных лиц. На всех трупах имелись следы насильственной смерти. Все тела были переданы родственникам и похоронены на православном кладбище в Джаковице.

Я привожу эти детали не только для того, чтобы показать отнюдь не героический характер обвинений в адрес Армии освобождения Косово, избравшей район озера Радонич/Радоник для массовых казней. Я хочу, чтобы все поняли: жертвами этих мало кого интересующих преступлений стали конкретные люди, у которых были имена и фамилии, родители, сыновья, дочери, надежды и страхи, и при этом не только сербы, но и албанцы, цыгане и мусульмане славянской национальности. Среди них были католики, православные и последователи ислама.

В период с 21 апреля по 12 сентября 1998 года обвиняемый Идриз Балай и солдаты АОК предположительно похитили из собственного дома двух сестер-сербок, Вукославу Маркович и Даринку Ковач. Судебные эксперты обнаружили на телах обеих девушек огнестрельные раны, а на теле Вукославы Маркович множественные переломы костей.

21 апреля 1998 года солдаты АОК предположительно похитили супругов-сербов, Милована Влаховича и Милку Влахович. Солдаты АОК угрожали убить местных албанцев, которые пытались помешать похищению.

20 июля 1998 года обвиняемый Рамуш Харадинай и солдаты АОК предположительно похитили из автобуса косовских албанцев Хайруллу Гаши и Исуфа Ходжу. Судебные эксперты, исследовавшие тело Хайруллы Гаши, обнаружили раны, нанесенные тупым орудием. Судебные эксперты, исследовавшие тело Исуфа Ходжи, обнаружили множественные переломы костей и отсутствие ряда костей черепа.

В августе 1998 года Илира Фррокай и ее муж Туш Фррокай, косовские албанцы католического вероисповедания, были похищены из своего автомобиля солдатами АОК на контрольно-пропускном пункте. Тело Илиры Фррокай было обнаружено рядом с ее изрешеченным пулями автомобилем. В ноге женщины найден осколок. Судебные эксперты, исследовавшие тело, обнаружили множественные переломы костей, в том числе и костей черепа, а также следы того, что тело пытались сжечь. Тело Туша Фррокая так и не было обнаружено.

В августе 1998 года Идриз Балай удерживал бывшего полицейского, цыгана Зенуна Гаши, Мисина Беришу и его сына Сали Беришу в штаб-квартире АОК. В присутствии Идриза Балая Сали Берише отрезали нос. Затем Идриз Балай связал мужчин колючей проволокой так, что колючки впивались в их кожу. Идриз Балай выбил Зенуну Гаши глаз. Потом мужчин привязали к машине Идриза Балая и увезли в направлении озера Радонич/ Радоник Впоследствии их тела удалось идентифицировать по анализу ДНК.

Африм Сулеймани, косовский албанец, исчез в апреле 1998 года. 24 мая 1998 года члены АОК предположительно похитили Раде Попадича, сербского полицейского инспектора, когда он вместе с другим полицейским ехал в грузовике. Серба Илию Антича в последний раз видели живым 27 или 28 мая 1998 года, когда он посещал дом своего брата. Тело Антича было обнаружено с множественными переломами и травмами черепа. Косовский албанец Идриз Хоти предположительно исчез в июне или июле 1998 года. 4 июля 1998 года солдаты АОК

предположительно похитили косовского цыгана Куйтима Ирнерая. 12 июля 1998 года солдаты АОК предположительно похитили из собственного дома косовских албанцев Нурие Красники и Истрефа Красники.

18 июля 1998 года серб Здравко Радунович вышел из своего дома и исчез. Есть основания утверждать, что его похитили солдаты АОК и доставили к местному командиру. Во время нахождения в плену АОК Радунович был ранен в голову и умер. Серб Велизар Стошич предположительно исчез 19 июля 1998 года. При обследовании его останков были обнаружены огнестрельные ранения в голову и ноги, а также следы от удушения веревкой на шее.

27 июля 1998 года исчез косовский албанец Малуш Шефки Меха, в августе 1998 года — цыган Джеват Бериша. Сын косовского албанца Кемайля Гаши в последний раз видел отца в казармах АОК. Командир сказал сыну, что его отца арестовали как сербского шпиона. Сын слышал, как солдаты АОК избивали его отца. 10 июля 1998 года косовский албанец католического вероисповедания Пал Красники пошел в штаб-квартиру АОК, чтобы зарегистрироваться. В штаб-квартире АОК он оставался несколько дней, а затем был арестован как шпион. Красники жестоко избивали, вынуждая признаться в шпионской деятельности. В последний раз его видели живым около 26 июля 1998 года в штаб-квартире АОК.

Трибунал поручил арестовать и выслать Харадиная в Гаагу миротворческому контингенту НАТО и миссии ООН. В ноябре 2004 года прокурорская служба поддерживала тесный контакт с командиром контингента НАТО, французским генерал-лейтенантом Ивом де Кермабоном. Генерал просил уведомить его о предстоящем аресте Харадиная за две недели, чтобы разработать план ареста и действий на случай гражданских беспорядков, которые могут возникнуть в этой связи. Об обвинении Харадинай узнал 8 марта 2005 года. Он произнес патриотическую речь, в которой отрицал все обвинения против себя. Надо сказать, что он немедленно уволился и объявил, что на следующий день добровольно сдастся. Благодаря давлению со стороны США и Евросоюза никаких демонстраций и разгула насилия не случилось. Обвинительное заключение доставило больше неприятных минут руководителю миссии ООН Сорену Йессену-Петерсену, чем самому Харадинаю.

Йессен-Петерсен поддерживал с ним дружеские отношения и не стал скрывать этого в заявлении, сделанном на следующий день:

Не могу скрывать тот факт, что после его отъезда образуется

серьезная пропасть. Благодаря динамичному руководству Рамуша Харадиная, его самоотдаче и дальновидности, Косово сегодня, как никогда, близко к достижению своих целей по обретению нового статуса. Лично я очень огорчен тем, что не смогу больше работать с близким партнером и другом.

Своим сегодняшним решением господин Харадинай в очередной раз подчеркнул, что ставит интересы Косово выше личных. Очень важно, чтобы народ Косово отреагировал на это с тем же достоинством и зрелостью, какие продемонстрировал Рамуш Харадинай.

Я понимаю чувства изумления и гнева, вызванные этим решением, однако, обращаюсь к народу Косово с просьбой проявлять свои чувства мирным путем. Насилие не принесет Косово пользы. Насилие послужит интересам тех, кто намерен блокировать продвижение страны вперед. Насилие станет помехой всему, чего удалось достичь в последнее время, и зачеркнет все новые достижения, особенно те, которые были сделаны под руководством господина Харадиная.

Решение господина Харадиная сотрудничать с трибуналом, несмотря на его твердую убежденность в собственной невиновности, хотя и было болезненным для него самого, его семьи, для Косово и для всех его друзей и партнеров, включая сотрудников миссии ООН, в то же самое время является примером растущей политической зрелости Косово как ответственного члена международного сообщества. Я верю в то, что господин Харадинай сможет снова служить своей стране, ради счастливого будущего которой он принес такие жертвы и так много сделал.

Очень важно, чтобы все мы в эти трудные дни сохраняли спокойствие и достоинство…[53]

Сладкие речи Йессена-Петерсена показали, что миссия ООН не просто слаба и полностью зависит от милости албанцев, которые во время беспорядков 2004 года совершенно запугали ее сотрудников. Глава миссии ООН в Косово, специальный представитель генерального секретаря ООН публично принял сторону Рамуша Харадиная в деле, которое предстояло рассматривать трибуналу ООН. Перечитайте еще раз последнее предложение: «Очень важно, чтобы *все мы* в эти трудные дни сохраняли спокойствие и достоинство…» Кого имеет в виду Йессен-Петерсен? В то время, когда глава миссии ООН писал свое прочувствованное обращение, обвиняемый летел в Нидерланды на борту частного немецкого самолета. Во время остановки в Германии его встречал почетный караул в белых касках и перчатках.

В середине марта Харадинай и другие обвиняемые не признавали себя виновными. Спустя месяц защита Харадиная направила запрос об условном освобождении. В письменном заявлении обвиняемый утверждал, что не имел никаких отношений с жертвами и свидетелями. Защита заявляла, что у этого человека «исключительная личная и политическая репутация». К заявлению были приложены характеристики, составленные ведущими иностранными политиками, военными и дипломатами. Генерал Клаус Райнхардт, который с октября 1999 года до весны 2000 года командовал миротворческими силами НАТО, заявлял, что Харадинай — это «человек, которому я безоговорочно доверял и советам которого активно следовал», «выдающийся политик, сыгравший важнейшую роль в примирении различных этнических групп в Косово». Со своей стороны, Йессен-Петерсен написал, что Харадинай — человек, обладающий «динамичными лидерскими качествами, исключительной работоспособностью и прозорливостью». Решение добровольно сдаться трибуналу, по мнению руководителя миссии ООН, доказывало, что Харадинай продемонстрировал «достоинство и зрелость». Вполне естественно, что миссия ООН согласилась предоставить необходимые гарантии согласия Харадиная с любыми условиями, выдвинутыми судебной палатой. Когда в 2003 году об условном освобождении просил Фатмир Лимай, ООН заняла абсолютно противоположную позицию. На этот раз чиновники заявили, что располагают весьма ограниченными ресурсами. Кроме того, учитывая географическое положение Косово, обвиняемому будет очень легко бежать на соседние территории, например, в горы Албании, где закона не существует в принципе. Но перед Харадинаем та же самая миссия ООН просто расстилалась… Во время беспорядков 2004 года миссия выпустила конфиденциальное письменное заявление, в котором утверждалось, что она «обладает полной властью и контролирует процесс соблюдения закона на территории Косово», а следовательно, может дать определенные гарантии в отношении Харадиная. Ларри России, второе лицо в миссии, специально приехал на слушания по условному освобождению и заверил судебную палату, что миссия строго исполняет свои обязательства по полномасштабному сотрудничеству с трибуналом.

Обвинение возражало против просьбы Харадиная об освобождении. Прокуроры утверждали, что он может скрыться: если он будет признан виновным, то, скорее всего, получит значительный срок тюремного заключения. Впрочем, обвинение

волновало не только то, что обвиняемый может скрыться. По мнению обвинения, Харадинай представлял серьезную угрозу для свидетелей и жертв преступлений. Если он окажется в Косово, многие свидетели обвинения просто откажутся давать показания. Обвинение уже просило обеспечить защиту почти трети свидетелей, выступавших по делу Харадиная. Мы не располагали информацией о запугивании свидетелей, не говоря уже о том, что запугивал их лично Харадинай. Доказать это чрезвычайно сложно. Но у нас имелись сведения о множестве происшествий, доказывающих, что Косово остается чрезвычайно опасным местом для свидетелей, готовых дать показания по уголовным делам. Покушение было совершено даже на одного из свидетелей по другому делу, находившемуся под защитой. А судебная палата определяла, можно ли Харадинаю ожидать суда дома… Обвинение утверждало, что условное освобождение Харадиная существенно ослабит уверенность свидетелей в собственной безопасности и в эффективности работы трибунала в целом.

В конце концов судебная палата постановила, что «нет сомнений в том, что миссия ООН, исполняющая роль временной гражданской администрации в Косово и наделенная полной властью по надзору за соблюдением законности, будет полностью сотрудничать с трибуналом и оказывать помощь по любым вопросам, связанным со слушанием дел в трибунале. Судебная палата постановила, что нет никаких доказательств того, что после освобождения Харадинай будет представлять опасность для кого-либо из жертв, свидетелей или иных лиц. В течение 90 дней Харадинаю запрещалось появляться на публике и заниматься общественной политической деятельностью. Однако ему позволялось принимать участие в административной и организационной деятельности его политической партии. По истечении 90-дневного периода Судебная палата сняла запрет: миссия ООН предоставила доклад, в котором говорилось, что участие Харадиная в общественной политической деятельности и предстоящих переговорах по окончательному статусу Косово оказывает исключительно благотворный эффект на обстановку в крае.

В 1996 году трибунал запретил Радовану Караджичу принимать участие в политической деятельности. Какую же позицию миссия ООН и судебная палата заняли сейчас? Представьте себе положение гражданина Косово, решившегося дать трибуналу показания против кого-нибудь из членов АОК. Запугивания свидетелей в Косово продолжались и ширились. Это не могло не оказать влияния на судебную процедуру, как в самом крае, так и в Международном трибунале. Я заявила Совету

безопасности ООН о том, что запугивание свидетелей может повлиять на исход дела Лимая. Я знала, что любое публичное появление Харадиная недвусмысленно влияет на любого, кто решится дать против него показания. Мы обратили на это внимание судебной палаты. Я не понимала, почему международная администрация Косово, главную роль в которой играли правительства США и Великобритании, с такой симпатией относятся к Харадинаю. В декабре 2005 года у меня состоялась ответственная встреча в Вашингтоне. Я спросила, насколько Харадинай важен для Соединенных Штатов, и объяснила, что миссия ООН изо всех сил старается убедить судей судебной палаты в том, что этот человек — единственный гарант стабильности в крае. Мне сказали, что США не имеют к Харадинаю никакого отношения.

Выступая перед Советом безопасности ООН 15 декабря 2005 года, я описала проблемы, возникшие в отношениях обвинения с миссией ООН:

Мои сотрудники испытывают затруднение в получении документов от миссии. Порой эти документы редактируются и доставляются в таком виде, что их невозможно использовать в суде. Сотрудничество миссии в деле защиты свидетелей, мягко выражаясь, далеко от оптимального. Более того, мои сотрудники не убеждены в том, что миссия ООН эффективно соблюдает все условия… условного освобождения Харадиная.

На следующий день я встречалась с Кофи Аннаном, чтобы обсудить положение дел в миссии ООН. Наши свидетели не доверяли миссии. В том же месяце миссия весьма несвоевременно и политически ангажированно сообщила об инциденте, связанном с угрозами в адрес свидетеля. По поручению миссии обязанности полицейских в Косово исполняли местные жители, бывшие солдаты АОК. Вместо того чтобы защищать свидетелей, они им угрожали. Я сообщила Аннану об огромном плакате в центре Приштины, на котором был изображен Харадинай, а в качестве подписи использовались слова Йессен-Петерсена в его поддержку. «Я согласен с вами», — ответил Аннан.

Мне сообщили и о том, что осенью 2005 года человек, занимавший второй по значимости пост в миссии, присутствовал на свадьбе близкого родственника Харадиная. «Неправильное политическое решение…» — вздохнул Кофи Аннан.

Генеральный секретарь посоветовал нам наладить диалог с миссией точно так же, как он сам строит диалог с государствами-членами ООН. По словам Аннана, Харадинай — «разумный человек в окружении довольно странных людей», но миссии ООН не следует решать, кто должен возглавить Косово. Аннан

попросил, чтобы я поддерживала связь с Николя Мишелем, помощником генерального секретаря по юридическим вопросам.

Так я и поступила. 15 марта 2006 года я направила Мишелю письмо с описанием нежелания миссии ООН сотрудничать с трибуналом. Я детально описала обстановку, сложившуюся после моей встречи с генеральным секретарем 15 декабря 2005 года, и сообщила Мишелю о том, что не раз обращалась к Йессену-Петерсену с весьма серьезными вопросами, но все они остались нерешенными. Писала я и о том, что возникают сложности с участием миссии в обеспечении защиты свидетелей в Косово, несмотря на то, что я по меньшей мере шесть раз обращала внимание Йессена-Петерсена на эту проблему. Миссия ничего не сделала для ее решения.

Приведу пример. Трибунал и миссия ООН разработали специальную систему защиты особо важных свидетелей. Предполагалось срочно вывозить их из их домов в безопасные места. В документах ООН содержалась важнейшая информация о защищаемых свидетелях и их семьях. Миссия ООН до октября 2005 года не соглашалась передать эти документы трибуналу. Сотрудники трибунала несколько раз встречались с работниками миссии, чтобы согласовать передачу, но слышали лишь утверждения о том, что все документы были уничтожены. После того как трибунал потребовал от миссии письменного заявления об уничтожении документов, ее позиция изменилась. Теперь сотрудникам трибунала говорили, что документы все же существуют и могут быть переданы. Когда мы, наконец, получили требуемые документы, выяснилось, что половина из них отсутствует. Трибуналу пришлось разыскивать еще одного сотрудника миссии, который и доставил недостающие материалы.

«Я просто не понимаю, — писала я Мишелю, — как с документами, касающимися столь важных и деликатных вопросов, можно обращаться так беспечно и небрежно. Несмотря на мое обращение к специальному представителю генерального секретаря ООН, наши законные запросы были полностью проигнорированы».

Я затронула еще одну проблему, связанную с защитой свидетелей: серьезный конфликт интересов, связанный с сотрудником миссии ООН, жена которого была следователем защиты по делу Харадиная. Миссия подтвердила, что по роду своих обязанностей данный сотрудник располагал информацией по важным вопросам по делу Харадиная, а также имел прямой доступ к документам, связанным со свидетелями. Я писала:

> Йессен-Петерсен предложил, чтобы [этот сотрудник миссии ООН] просто устранился от любой деятельности, связанной с делом Харадиная, переложив эти обязанности на своих непосредственных подчиненных. Это абсолютно неприемлемо. [Данный сотрудник] имел доступ к важнейшей информации, связанной со свидетелями, и продолжает руководить сотрудником, отвечающим за защиту свидетелей по делу Харадиная. Конфликт интересов очевиден. Такая ситуация оказывает пагубное влияние на свидетелей. Более того, подобное положение в значительной степени снижает уверенность населения в беспристрастности и эффективности действий полиции. Тем не менее, миссия ООН не обращает никакого внимания на серьезность проблемы и не предпринимает никаких действий по ее решению. Хочу сказать, что подобная ситуация была бы недопустима ни в одной, нормально функционирующей национальной системе.

Миссия ООН препятствовала нашему доступу и к документальным доказательствам. Хотя Ларри России, занимавший в миссии второй по значимости пост, весьма уклончиво заверил судебную палату в том, что миссия будет полностью сотрудничать с трибуналом, мы получали лишь конфиденциальные документы, которые нельзя было использовать в суде в качестве доказательств. В трибунале существовало правило по защите разведывательной информации, полученной от суверенных государств. ООН не могла мешать трибуналу этой организации получать доказательства, которые можно было бы использовать во время судебных слушаний. «Мы не раз указывали на совершенно неправильное использование доказательств, — писала я Мишелю, — но миссия ООН отказывается менять свою практику».

Когда мы запросили информацию, связанную с расследованием… убийства Тахира Земая в 2003 году, нам предоставили отредактированный вариант документа, в котором отсутствовала важнейшая информация. Проще говоря, подобные отношения между миссией ООН и созданным ООН судом нельзя считать нормальными. Такой подход подрывает доверие к обоим институтам и к диктатуре законности в целом. Возможно, вам будет интересно узнать, что мы располагаем достоверной информацией о том, что Тахир Земай был убит, потому что собирал материалы для [трибунала по бывшей Югославии] для свидетельских показаний по делу Харадиная и других.

Совершенно недопустимо, чтобы подобная информация утаивалась от [трибунала], поскольку это мешает свидетелям, желающим сотрудничать с обвинением.

Я указала на то, что Харадинай часто встречался с высокопоставленными сотрудниками миротворческого контингента НАТО и миссии ООН, в том числе и с Йессеном-Петерсеном.

[Это] снижает степень доверия к [трибуналу по бывшей Югославии] в Косово, а также негативно влияет на свидетелей. Харадиная поддерживают высшие чиновники ООН в Косово, а это совершенно недопустимо. Как можно установить диктатуру закона, когда руководители миссии ООН открыто поддерживают человека, которого обвиняют в самых серьезных нарушениях международного права?.. Можно сделать вывод о том, что обвинения, выдвигаемые Международным трибуналом по бывшей Югославии не имеют смысла, поскольку обвиняемого радостно принимают и даже поддерживают на самом высшем уровне миссии ООН. Ситуация очень тревожная. Она подрывает усилия обвинения по делу Харадиная.

Но ничего не изменилось. Плакат с изображением Харадиная остался на месте. Йессен-Петерсен вместе с ним присутствовал на похоронах первого президента Косово, Ибрагима Руговы. В конце марта руководитель миссии ООН заявил о том, что вместе с Харадинаем собирается организовать футбольный матч Дания-Косово. В прессе сообщалось о том, что Харадинаю позволено принять участие в военном параде. Во время церемонии он сидел рядом с послами США и Великобритании.[54] Свидетели обвинения продолжали сообщать об угрозах в свой адрес. Уголовное правосудие в Косово было настолько пропитано страхом, что в конце августа 2006 года косовские прокуроры и судьи возражали против попыток миссии ООН создать специальное подразделение, которое занималось бы военными преступлениями.[55]

5 марта 2007 года начался процесс по делу Рамуша Харадиная и других обвиняемых. Во вступительной речи я говорила о жертвах, о телах, обнаруженных на местах расстрелов в районе озера Радонич/Радоник, и об угрозах в адрес свидетелей обвинения:

Троих мужчин, которых вы видите перед собой, обвиняют в преступлениях — ужасных, жестоких, страшных преступлениях. Их обвиняют в убийствах, депортации, пытках, изнасилованиях, похищениях, насильственных задержаниях и жестоком физическом насилии. Эти преступления совершались втайне, вдали от глаз международных наблюдателей и контролеров. Не

вызывает сомнения, и обвинение докажет это, что руки этих людей — командира, его помощника и тюремщика — обагрены кровью.

Это кровь невинных граждан, людей, которые не поддерживали обвиняемых или Армию освобождения Косово. Жертвы преступлений не могли защититься. Это были одинокие, слабые люди. Их преследовали, похищали, убивали. Люди исчезали бесследно. Если бы обвиняемые добились полного успеха, их жертв больше никто не увидел бы. Их бы просто списали, как жертв вооруженного конфликта, а их тела в буквальном смысле исчезли бы без следа в тихих водах озера Радонич/Радоник в центре зоны Дукаджин.

Но жертвы этих преступлений не исчезли. Их тела и истории были обнаружены. В течение последующих недель по мере представления доказательств они будут говорить с вами из своих могил. Вы услышите голоса тех, кого в последний раз видели в руках солдат АОК. Голоса тех, чьи тела остались необнаруженными или неидентифицированными, вы услышите благодаря их близким. Голоса тех, кого пытали и насиловали солдаты АОК, прозвучат прямо в зале суда. Возможно, таких голосов будет и немного, поскольку, в отличие от других дел, это дело не связано с массовыми казнями тысяч людей.

Мы не сможем представить в суде доказательства всех преступлений, совершенных в этой части Косово. Это было бы невозможно. Но я уверена, что с каждым днем слушаний, с выступлением каждого свидетеля, с анализом каждого документа, судебная палата начнет понимать, что происходило в закрытом мире зоны Дукаджин, в родовом гнезде клана Харадинай, в самом сердце земель Рамуша Харадиная. В этом деле, как ни в каком другом, ключом для понимания происходящего должна быть география. Сама география является молчаливым свидетелем по этому делу. Я хочу, чтобы судьи обратили особое внимание на местоположения, расстояния, масштаб деятельности и доступность мест, где происходили события. Я даже советую судьям, если позволит время, совершить поездку на места преступлений, чтобы увидеть их воочию.

Не хочу преуменьшать сложность данного процесса. Перед обвинением стояла очень непростая задача. С нами не хотели сотрудничать очень многие, поддержка на международном и местном уровне была минимальной. Но я настояла на рассмотрении этого дела и выдвигаю обвинение в твердой уверенности в том, что судьи сочтут собранные обвинением доказательства полными и убедительными.

Очень важным делом была и остается защита свидетелей,

которые нашли в себе смелость дать показания. Вы знаете, что многие свидетели отказались дать показания. Некоторых запугали. Запугивания и угрозы, которым подвергались свидетели по этому делу, представляют собой серьезную проблему для граждан и для обвинения в целом. Эта проблема не устранена. Свидетели продолжают получать угрозы, и прямые, и косвенные. Даже в эти выходные наш первый свидетель…

Здесь, как я и ожидала, меня прервал адвокат обвиняемых:

Господин Гай-Смит: Ваша честь, позвольте…

Судья Ори: Господин Гай-Смит.

Господин Гай-Смит: Я полагаю, что данные утверждения не только продиктованы предубеждением, но и никоим образом не отвечают цели вступительного заявления.

Судья Ори: Мадам дель Понте, совершенно ясно, что подобные заявления, сделанные для того, чтобы привести пример, что свидетели… собираются говорить правду (а это само по себе уже является оценкой), неприемлемы во вступительной речи. Если проблема защиты свидетелей еще не решена, то судебная палата обязательно ее решит. Разумеется, обвинение должно сообщить о необходимости подобной защиты. Если иной информации о нежелании свидетелей давать показания нет, и если это одна из проблем, с которой вы столкнулись в подготовке дела, то я предлагаю продолжить слушания сообщения о том, какие доказательства обвинение намеревается нам предъявить. Если, конечно, вы со мной согласны. В противном же случае я готов выслушать ваши возражения.

Мадам дель Понте: Господин президент, я просто хочу сообщить суду о том, что в эти выходные я получила информацию об угрозах в адрес свидетеля.

Судья Ори: Я не понимаю, каким образом…

Мадам дель Понте: Я не понимаю, почему я не могу проинформировать суд о фактах, имевших место в эти выходные, если они непосредственно связаны с данным судебным слушанием. Господин президент, если я не смогу вызвать свидетелей в суд, то буду вынуждена отозвать обвинение.

Судья Ори: Мадам прокурор, я полагаю, что в вашем желании проинформировать суд об угрозах в адрес свидетеля, нет ничего неуместного. Но в рамках вступительной речи, в которой вы должны в общих чертах обрисовать основные позиции обвинения, не вдаваясь в детали, мы не можем заниматься разбирательством данного вопроса, а также оценкой того, представляет ли он основания для сомнений. Минутку…

[Судьи судебной палаты совещаются.]

Судья Ори: Палата предлагает вам продолжать.

Мадам дель Понте: Палата уже обеспечила защиту более трети наших свидетелей. Я знаю, что вы понимаете и оцениваете те трудности, с какими сталкиваются свидетели, дающие показания против этих обвиняемых. Но, господин президент, я хочу сказать, что абсолютно уверена в том, что вы предпримете все необходимые меря для того, чтобы эти свидетели могли прибыть в Гаагу и в полной безопасности дать показания. Только тогда мы сможем услышать правду. Ваша честь, в преступлениях, совершенных обвиняемыми, нет ничего достойного и героического. В этих поступках нет ничего патриотического и добродетельного. Речь идет о кровавых, жестоких убийствах. Трое обвиняемых были бандитами в военной форме. Они могли распоряжаться судьбами людей, и это сыграло зловещую роль в жизни жертв этих преступлений.

Так начался суд. Я прекратила работать в трибунале раньше, чем судебная палата вынесла решение по этому делу.

Глава 12
Борьба с Белградом: 2004–2006 годы

Смерть судьи Мэя еще больше сгустила тучи, появившиеся после убийства Зорана Джинджича, над делом Милошевича. Летом накануне открытия процесса обвинение готовилось к перекрестному допросу свидетелей, вызванных в суд Милошевичем. (В первоначальном списке числилось 1400 человек, в том числе ученые и политики, военные и дипломаты из западных стран.) Другие следственные бригады прокурорской службы готовили последние обвинения, которые судебная палата могла выдвинуть до конца 2004 года (согласно стратегии завершения работы трибунала, разработанной Советом безопасности). Сейчас трудно говорить о том, какой ущерб стратегия завершения нанесла нашим усилиям по отправлению правосудия. Но с самого начала было ясно, что сроки, установленные Советом безопасности, пагубно сказались на работе трибунала. Не радовало меня и то, что сербы сформировали новое правительство меньшинства, которое способствовало сохранению социалистической партии Милошевича. Вернулся Коштуница. Он стал премьер-министром Сербии. Борис Тадич покинул министерство обороны и победил на президентских выборах в Сербии. Воинственные ультранационалисты — радикалы Шешеля — составляли треть в парламенте и не позволяли провести ни один закон, который мог бы рассматриваться как уступка Западу. Помню, как я говорила, что электорат Сербии — значительно сократившийся из-за эмиграции наиболее ярких и мотивированных представителей молодежи в 90-е годы и находящийся, по словам Джинджича, под сильнейшим влиянием коммунистов и националистов, — не способен измениться. У меня не было оснований полагать, что сотрудничество Белграда с трибуналом улучшится. Как можно было думать, что Сербия станет стабилизирующей силой на Балканах?

29 июня 2004 года я снова выступала перед Советом безопасности ООН. Со времени моего последнего выступления в декабре 2003 года ничто не изменилось к лучшему. Власти Государственного Союза Сербии и Черногории практически не сотрудничали с трибуналом. Страна под двойным названием превратилась в безопасное убежище по меньшей мере для 15 разыскиваемых, в том числе и для генерала Младича. К тому времени я относилась к Белграду с таким подозрением, что не

спешила делиться с властями информацией. Когда я в последний раз сообщила о предполагаемом местонахождении человека, которого разыскивали в связи с резней в Сребренице, Белград сообщил, что политическая обстановка не позволяет совершить арест. А потом, по какому-то странному стечению обстоятельств, разыскиваемый исчез. В заключение своего выступления я сказала: «Убеждена, Совет понимает, что если подобная политика отказа от сотрудничества продолжится, под угрозой окажутся не только цели, сформулированные в стратегии завершения, но и позитивный исход работы всего трибунала в целом».

Президенту Совета безопасности потребовалось несколько недель для выпуска официального заявления, в котором снова не содержалось ничего, кроме требований. Сербию и Черногорию вновь призывали к сотрудничеству с трибуналом и к немедленному аресту Младича и Караджича. Заявление президента Совета было абсолютно беззубым. За несколько дней до моего выступления в Нью-Йорке сотрудник министерства иностранных дел в Белграде нанес нам очередное оскорбление. Во вторник 13 июля в 9–30 утра сотрудники трибунала вручили властям ордер на арест Горана Хаджича, президента самопровозглашенной республики, созданной Милошевичем и Югославской национальной армией в Хорватии в 1991 году. Трибунал обвинял Хаджича в преследовании и насилии в отношении хорватов и представителей других этнических групп на территории сербской республики в Хорватии. Сербские солдаты и члены полувоенных образований убили сотни гражданских лиц, в том числе женщин и стариков, десятки тысяч людей были вынуждены покинуть свои дома. Человек, поддерживавший идеи трибунала, следил за Хаджичем вплоть до вынесения обвинения. Хаджич жил в Нови-Саде. Этот город расположен на берегу Дуная, к северо-западу от Белграда. Хаджич в шортах и футболке работал в саду, когда у него зазвонил мобильный телефон. Это произошло через несколько часов после того, как в Белград был доставлен ордер на его арест. Звонок, поступивший из министерства иностранных дел, длился всего несколько секунд. Хаджич скрылся в доме и появился через несколько минут полностью одетым и с чемоданом. Он сел в машину и уехал. Наблюдатель сделал фотографии — на них Хаджич разговаривает по телефону, выходит из дома и уезжает. Мы предъявили эти фотографии международному сообществу, чтобы показать, что на самом деле делают белградские власти. В тот же день мы получили информацию о том, что генерал Ратко Младич живет близ сербского города Заечар, возле границы с Болгарией.

Давление со стороны США и Евросоюза, мой доклад Совету безопасности о постоянном отказе Белграда от сотрудничества, статьи иностранных журналистов, посвященные девятой годовщине резни в Сребренице, и скандальные фотографии бегства Хаджича подтолкнули премьер-министра Коштуницу изменить отношение к трибуналу. Следы Хаджича еще не остыли, когда Коштуница назначил ответственным за отношения с трибуналом Небойшу Вуйовича. Затем премьер отправил Вуйовича сообщить нам, что Белград очень серьезно относится к исполнению своих обязательств. Вуйович отказался войти в здание трибунала через парадный вход. Его незамеченным провели в мой кабинет. Наш разговор шел за большим столом. Вуйович сообщил, что отношения с трибуналом — главный приоритет международной политики Белграда. От этого, по его словам, зависело будущее Сербии. Характер сотрудничества с трибуналом определял, будет ли Сербия принята в Евросоюз и сможет ли рассчитывать на военное сотрудничество с НАТО. Вуйович сказал, что Сербия хочет как можно быстрее и рациональнее решить все проблемы, связанные с трибуналом. Все это мы слышали и 14 месяцев назад.

Потом Вуйович произнес речь, которую мы с моими помощниками впоследствии прозвали «медведь в лесу»: именно такую аналогию наш гость использовал при рассказе о том, как Сербия выявляет менее значимых разыскиваемых, убеждает их сдаться добровольно и, таким образом, способствует изоляции и задержанию Младича. Арест «медведя в лесу» — дело двух-трех месяцев. Гражданские и военные службы безопасности Белграда, по словам Вуйовича, активно сотрудничают с иностранными разведками, занимающимися поисками Младича. Но представитель Белграда предупредил нас, что других обвиняемых, в том числе Горана Хаджича и четырех генералов полиции и армии, которых трибунал разыскивал по обвинению в участии в этнических чистках в Косово, Сретена Лукича, Владимира Лазаревича, Властимира Джорджевича и Небойшу Павковича, нужно судить в Сербии. Только после этого можно говорить о передаче этих лиц Гааге. Вуйович сказал, что влиятельные члены сербского общества, в том числе и глава сербской православной церкви, Святейший Патриарх Павел, сделали Младичу «абсолютно ясное предложение». Вуйович заявил, что за неделю до его визита в стране началась широкая кампания по убеждению сербского народа в том, что сотрудничество с трибуналом необходимо. В этой кампании активно участвовало национальное телевидение. Затем Вуйович добавил: «Мы понимаем, что произошло в Сребренице, и хотим

положить конец разногласиям… Мы считаем, что интересы прокурорской службы и нашего государства совпадают: мы хотим войти в Евросоюз, а вы — завершить работу трибунала… Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам, если вы поможете нам». При этой встрече присутствовал представитель Соединенных Штатов, который фиксировал все сказанное посланцем Белграда.

Я тогда подумала, что либо все то, что сербы выслушивали в течение почти десяти лет, наконец-то дошло до Коштуницы, либо Коштуница решил предложить что-то американцам, которые могут помочь ему построить грандиозную *muro di gomma*. Я затронула неприятный вопрос — бегство Горана Хаджича. «Мы знали, где он находился, — сказала я. — Обвинение хранилось в тайне. Но информация все же просочилась в СМИ». Вуйович сказал, что Коштуница не имел никакого отношения ни к бегству Хаджича, ни к утечке. Он заявил, что обвинение поступило в самый неподходящий момент — именно тогда, когда Белград начал проводить новую стратегию.

Я скептически отнеслась к способности Белграда провести суды над теми, кто обвиняется в совершении военных преступлений. Сербская система правосудия в тот момент представляла нечто вроде виртуальной реальности. Все ключевые посты по-прежнему занимали назначенцы Милошевича и его сторонники. Но я знала, что США предоставляют сербскому правительству значительную техническую помощь по созданию местной судебной палаты по расследованию военных преступлений. Вскоре Белград должен был получить финансовую помощь для защиты важных свидетелей. Я предложила изучить эффективность сложившейся юридической системы с помощью запроса к судебной палате трибунала о передаче под юрисдикцию Белграда одного относительно несложного дела. Конечно, речь не шла о деле Хаджича или одного из четырех генералов, обвиняемых в этнических чистках в Косово. «Вы должны отдать мне Хаджича и Младича, — заявила я. — А позже и тех генералов, о которых мы говорили… Хаджича вы должны арестовать на этой неделе, а Младича на следующей».

Мне в очередной раз рассказали о том, что у Младича «есть целая охранная сеть, связанная с военными. Эти люди предпочтут убить генерала, чем выдать его трибуналу». Я тут же переключилась на генерала Кргу, начальника генерального штаба югославской армии, недавно переименованной в армию Сербии и Черногории. Вместе со ставленником Коштуницы и ангелом-хранителем Младича, генералом Ако Томичем, генерал Крга несколько месяцев тому назад уверял меня, что армия не

охраняет Младича. «Вам может помочь генерал Крга, — саркастически заметила я, постаравшись сделать свое замечание максимально ядовитым. — В мае 2003 года я передала Белграду информацию о местонахождении Младича… и знаю, что она тут же стала ему известна Младичу». После беседы Вуйович и представитель США вышли из здания трибунала через черный ход абсолютно незамеченными.

Мы ждали. Телефоны звонили, но известий об арестах Ратко Младича, Горана Хаджича или кого-то из тех, кто скрывался в Сербии, так и не поступило. Прошло девять дней, и судебная палата объявила свое решение по запросу об освобождении до суда двух обвиняемых, которые, согласно обвинительным заключениям, активнейшим образом участвовали в развязанной Милошевичем кампании по захвату территории Хорватии и Боснии и Герцеговины. Речь шла об Йовице Станишиче и Френки Симатовиче, руководителях полувоенного подразделения сербской службы безопасности «красные береты». Члены этого подразделения были причастны к военным преступлениям, а также к убийству Зорана Джинджича в 2003 году. Через несколько дней после убийства Джинджича Станишич и Симатович были арестованы местной полицией. Но белградские власти так боялись этих людей, что министр внутренних дел Душан Михайлович и министр иностранных дел Горан Свиланович буквально умоляли меня составить обвинительное заключение против них, чтобы Белград мог передать их Гааге. Теперь прокурорской службе приходилось прикладывать массу усилий к тому, чтобы Станишич и Симатович остались за решеткой. Новое белградское правительство, то же самое, которое только что осыпало нас признаниями в любви, рассказывало о «медведях в лесах» и не могло никого арестовать, тут же предоставило письменные гарантии того, что при необходимости немедленно повторно арестует Станишича и Симатовича и вернет их в Гаагу.

Обвинение полагало, что условное освобождение применимо только к тем обвиняемым, которые сдались добровольно, согласились дать показания нашим следователям и прокурорам и проявили готовность сотрудничать с обвинением. По нашим данным, Станишич и Симатович добровольно не сдавались. Они согласились приехать в Гаагу, но лишь для того, чтобы вырваться из весьма неприглядных сербских тюрем, в сравнении с которыми тюрьма Схевенинген — настоящий пятизвездочный отель. Эти люди могли дать полезные показания практически по всем делам, рассматриваемым трибуналом по бывшей Югославии, но вместо этого предпочли молчать. Обвинение утверждало, что, поскольку

Станишичу и Симатовичу угрожало пожизненное заключение, по окончании срока условного освобождения они могут сбежать, как Хаджич. Кроме того, находясь на свободе, обвиняемые могли использовать свои связи в полиции и преступном мире для запугивания свидетелей и членов их семей. В обращении к судебной палате один из следователей обвинения заявил, что множество потенциальных свидетелей по делам против Станишича, Симатовича и Милошевича уже отказались давать показания из страха за свою безопасность: «Они ясно дали нам понять, что, пока эти люди находятся на свободе, общение с нами для них небезопасно». Один из потенциальных свидетелей сообщил следователю, что был «красным беретом». По его мнению, Станишич и Симатович были «самыми влиятельными людьми страны и… [мне] не хотелось бы беспокоить их, поскольку это могло бы иметь [для меня] самые печальные последствия».

Требования секретности не позволяют мне рассказать о рекомендациях, полученных судебной палатой, в поддержку условного освобождения Станишича и Симатовича. Секретность не позволяет назвать и организации, которые давали подобные рекомендации. В конце концов, судебная палата сочла, что на свободе обвиняемые не будут представлять опасности для жертв или свидетелей. Данное решение основывалось и на «личных гарантиях», данных Станишичем и Симатовичем, и на том факте, что судьи предписали обвиняемым не вступать в контакты с жертвами и свидетелями.

Станишич и Симатович немедленно вернулись в Белград. Хочу еще раз подчеркнуть, что прокурорская служба не уполномочена выполнять полицейские функции. Доказать запугивание свидетелей очень сложно, даже если прокурор располагает средствами для расследования данного обвинения. К сожалению, я не имею права обсуждать прямые жалобы, получаемые нами от потенциальных свидетелей, которые могли вполне реально почувствовать, что в сербских лесах появилось еще два «медведя». Но могу сказать, что спустя несколько месяцев после принятия судебной палатой решения об условном освобождении, один западный дипломат, который внимательно следил за политической обстановкой в Сербии и за состоянием сотрудничества этой страны с трибуналом, сообщил мне о своих подозрениях: он считал, что Станишич активно способствует тому, чтобы Младич оставался на свободе. По словам того же дипломата, правительство Коштуницы горько сожалеет о решении освободить этих людей.

31 августа 2004 года в зале № 1 возобновилось слушание

дела Милошевича. Милошевич начал предъявлять аргументы защиты. Он решил защищать себя сам, не прибегая к услугам адвокатов. Это позволило ему затрагивать политические вопросы, произносить пламенные речи, апеллируя к своим сторонникам в Сербии и во всем мире. Милошевич по-своему истолковывал все произошедшее в Югославии:

Есть один фундаментальный исторический факт, из которого следует исходить, чтобы понять обсуждаемые события, и из которого проистекло все, что происходило на территории Югославии с 1991 года по сей день. Это насильственное разрушение европейского государства, Югославии, которая возникла из государственности Сербии, единственной союзницы демократического мира в этом регионе на протяжении последних двух столетий.

Милошевич считал Сербию жертвой и только жертвой. Он заявил, что Германия, Ватикан, США и государства-члены Евросоюза организовали заговор для уничтожения Югославии. Он утверждал, что в 1991 году сербы в Хорватии столкнулись с явной угрозой геноцида. Милошевич описал военный парад, состоявшийся в Загребе 28 мая 1991 года. На этом параде Туджман появился в военной форме, достойной Тито. Все солдаты, принимавшие участие в церемонии были вооружены автоматами, предположительно поставленными в Хорватию из Германии. Разумеется, Милошевич и словом не обмолвился о том, что накануне парада дважды встречался с Туджманом, чтобы обсудить раздел Боснии и Герцеговины.

Затем он охарактеризовал войну в Боснии и Герцеговине как религиозную — по его словам, это была борьба страдающего христианства против воинственного ислама. Он снова заявил, что трибунал по Югославии — незаконный институт. Ту же точку зрения он отстаивал в течение последующих двух лет. Все это время Милошевич сосредоточивался на исторических темах, связанных с Косово, но не с Боснией и Герцеговиной и Хорватией. Надо признать, что через два дня после произнесения Милошевичем вступительной речи судебная палата попыталась назначить ему адвоката. Но эта попытка провалилась, после того как Милошевич и большая часть его свидетелей отказались сотрудничать с адвокатами, предложенными судебной палатой, Стивеном Кеем и Джиллиан Хиггинс. Эти британские юристы сотрудничали с трибуналом с самого начала его работы. Милошевич подал апелляцию на действия судебной палаты, и решение было отменено. Судьи оказались в ужасном положении: время, отведенное на выступления защиты, шло, а Милошевич не представлял никаких контраргументов по основным

обвинительным заключениям — о преступлениях, совершенных на территории Боснии и Герцеговины и в Хорватии. Я считала, что подобная немыслимая ситуация никогда не возникла бы, если бы судебная палата вынудила Милошевича с самого начала процесса пригласить адвоката.

В начале октября мне пришлось вернуться в Белград, чтобы подготовить очередной доклад Совету безопасности ООН по сотрудничеству Сербии и Черногории с Международным трибуналом. Мы, не афишируя своего решения, свернули охоту за Младичем, хотя всего несколькими неделями ранее Белград сообщил нам, что гражданская и военная разведка совместно с представителями дружественных правительств организовали специальную следственную бригаду, единственной задачей которой является арест Младича. Нам говорили, что жена Младича и его сын Дарко находятся под постоянным наблюдением. Нам говорили, что в домах Младича в Белграде и в деревне Златибор близ границы с Боснией были проведены обыски, которые не принесли никаких результатов. (Насколько я помню, именно в то время до нас дошла информация о том, что Младич начал разводить пчел и поселился близ города Валево в коттедже, принадлежащем армии. Так что «медведь» действительно находился в лесу…)

1 октября я встретилась с Коштуницей. Он сразу же признал очевидное: даже если Сербии каким-то образом удастся задержать около двадцати обвиняемых, проживающих на территории страны и в сербской части Боснии и Герцеговины, оценить степень сотрудничества Белграда с трибуналом можно будет только после ареста Ратко Младича. (Другой обвиняемый, Караджич, считался проблемой Республики Сербской и НАТО.) Коштуница, как и Вуйович пятью месяцами раньше, заверил меня в том, что Сербия и дружественные ей страны делают все, что в их силах, чтобы обнаружить Младича и других обвиняемых, за исключением четырех генералов, обвиняемых в этнических чистках в Косово. Он объяснил, что арестовать генералов весьма затруднительно в связи с вопросом о будущем статусе Косово. «Эту задачу может выполнить сербский суд, — настаивал Коштуница. — Правительство вполне осознает необходимость сотрудничества, но в то же время отвечает и за политическую обстановку в стране».

Я поблагодарила Коштуницу. Наконец-то он подтвердил, что Сербия должна сотрудничать с трибуналом. Однако я напомнила о том, что за несколько месяцев не было произведено ни одного ареста, хотя трибунал и другие стороны предоставляли Белграду информацию о местонахождении разыскиваемых. «Я понимаю

трудности вашей страны, — сказала я. — Но мне нужны результаты. Только тогда я смогу доложить Совету безопасности о том, что Сербия в полной мере сотрудничает с трибуналом». Я сообщила Коштунице о том, что из разведывательных источников мы получили информацию о местонахождении Младича. По нашей информации, он жил в городе Опленац, южнее Белграда, а сейчас находится под наблюдением в военном комплексе в сербской столице. Я также сказала и о том, что в этих сведениях есть одна тревожная деталь: сербские власти сознательно воздерживаются от ареста Младича, поскольку Белград собирается в обмен на это потребовать от международного сообщества гарантий сохранения Косово в составе Сербии.

Коштуница фыркнул.

Я обратилась к нему с просьбой прекратить выплачивать Младичу военную пенсию. Коштуница связался со своим советником, и тот немедленно ответил, что по местным законам лишить генерала пенсии невозможно. Подобный ответ показался мне абсурдным. (Представьте ситуацию, при которой человек, обвиненный в массовых убийствах, живет на свободе и получает пенсию. А теперь представьте правительство, которое утверждает, что не может заморозить счет обвиняемого или лишить его пенсии, пока он не сдастся. А теперь представьте правительство, которое не арестовывает человека, обвиненного в массовых убийствах, а лишь вежливо просит, чтобы он сдался добровольно. Вот с такой извращенной картиной мира мы должны были, по мнению Коштуницы, смириться.) Я спросила сербского премьера, что произойдет, если политика правительства по убеждению обвиняемых сдаться добровольно не принесет плодов. Не получив удовлетворительного ответа, я потребовала немедленного ареста и выдачи обвиняемого. Я сказала, что не собираюсь вечно ждать, пока сербские власти убедят его сдаться добровольно.

После этого я бросила Коштунице кость: сказала, что прокурорская служба готовится сотрудничать с сербскими прокурорами и готова передать ряд дел Белграду. Коштуница ответил, что, несмотря на слухи и обещания, трибунал до сих пор не осудил никого из руководителей албанской милиции, которые так терзали сербов в Косово. Я ответила, что прокурорская служба к концу года подготовит обвинительное заключение против высокопоставленного командира милиции косовских албанцев Армии освобождения Косово. И это при том, что ни Сербия, ни международные организации в Косово не оказывают нам ни малейшей помощи! Я сообщила также о том, что министр юстиции Владан Батич предоставил прокурорской службе горы документов о проведенных расследованиях по преступлениям,

совершенным АОК, но эти документы оказались для нас практически бесполезными.

10 октября трибуналу повезло. Следственная бригада прокурорской службы получила информацию о местонахождении Любиши Беары, бывшего подчиненного Ратко Младича в армии боснийских сербов. Беару мы разыскивали по обвинениям в геноциде, убийствах и других преступлениях, связанных с этническими чистками в зоне безопасности Сребреница и последующем убийстве около 8 тысяч мусульманских мужчин и мальчиков. Беара жил совсем рядом с Белградом. Мы немедленно проинформировали сербские власти о том, что если после афронта с Хаджичем они действительно хотят продемонстрировать готовность сотрудничать с трибуналом, необходимо окружить дом Беары, арестовать его и сразу же отправить в Гаагу. Эту же информацию мы передали и в Соединенные Штаты. У Беары не было другого выхода. Он мог только сдаться. Но белградское правительство все еще делало вид, что он сдался добровольно. На частном самолете Беара в сопровождении министра юстиции прибыл из Белграда в Роттердам. Министр попросил, чтобы я встретилась с ним в аэропорте. Самолет прилетел около 11 часов вечера. Я рассчитывала получить какую-то важную, конфиденциальную информацию, новости о произведенных арестах. Но оказалось, что министр вызвал меня только для того, чтобы я увидела, как он сердечно прощается с человеком, которого обвиняли в организации убийств в Сребренице. Они обнялись и расцеловались по балканскому обычаю, а затем охранники надели на Беару наручники и отправили его в тюрьму Схевенинген. Было совершенно ясно, что он получил весомое вознаграждение за готовность сдаться трибуналу. Я так и не узнала, что именно предложили ему сербские власти. До нас доходили слухи о том, что Белград сулил обвиняемым трибуналом солидные суммы и даже новые автомобили. Но сейчас эта стратегия была нужна трибуналу, как воздух. Суды могли продолжаться годами, а конец 2008 года неуклонно приближался.

Через месяц после ареста Беары я подумала, что стратегия «добровольной сдачи» может принести нам и самого медведя. В ВИП-зале цюрихского аэропорта я встретилась с Душаном Михайловичем и Наташей Кандич. Михайлович сообщил, что ему удалось связаться с кем-то из охраны Младича. Имя своего информатора Михайлович не назвал. Информатор сообщил, что Младич готов сдаться властям в Боснии, Сербии или Греции, но только при условии, что его семья получит финансовую

поддержку, и что ему самому будет позволено отбывать срок в России. Принять такое заявление на веру я не могла. «Мне нужны доказательства, что это сообщение действительно исходит от Младича, — настаивала я. — Предоставьте мне недавно сделанные фотографии и образец его почерка». Если на это потребуются средства, проблем не возникнет. США или другие страны помогут нам собрать деньги. С отбыванием срока в России было сложнее. Мне нужно было побеседовать с президентом трибунала и выяснить, готова ли Москва, у которой нет двустороннего соглашения с трибуналом и которая, как и Ватикан, весьма неохотно отвечает на наши письма и запросы о помощи, выполнить данное условие. Впрочем, встреча в Цюрихе ничего не дала. Прошло несколько недель. Я поняла, что новая политика в отношении трибунала, о которой в июле говорил посланец Коштуницы Вуйович, а в октябре и сам сербский премьер, в действительности оказалась всего лишь очередной *muro di gomma*.

После встречи с Михайловичем я вылетела из Цюриха в США Выступая перед Советом безопасности, я снова заявила о нежелании Сербии эффективно сотрудничать с трибуналом. На территории этой страны продолжали скрываться около двадцати разыскиваемых, в том числе Караджич, Младич, четыре генерала, которых обвиняли в этнических чистках в Косово в 1999 году, и другие обвиняемые, совершившие различные преступления и причастные к резне в Сребренице. Я подчеркнула, что трибунал не может выполнить задачи, поставленные перед ним Советом безопасности, если эти люди не будут переданы в Гаагу. Крайне важно было провести аресты как можно быстрее, чтобы иметь возможность объединить дела ряда обвиняемых в одних и тех же преступлениях в единый процесс, например, объединить всех причастных к резне в Сребренице. Это позволило бы не дублировать судопроизводство и не тратить драгоценное время и силы даром. «Премьер-министр Коштуница ясно дал понять, что не собирается арестовывать разыскиваемых, а всего лишь попытается убедить их сдаться добровольно, — сказала я. — Сербское правительство сознательно уклоняется от своих международных обязательств… В целом можно сказать, что отказ Белграда от сотрудничества остается основным и наиболее значительным препятствием, с которым столкнулся трибунал в деле реализации стратегии завершения работы».

Через несколько недель мы получили информацию о том, что Ратко Младич находится в Боснии и Герцеговине, то есть на территории, контролируемой миротворцами НАТО. Наш информатор сообщил, что видел его неподалеку от его родной

деревни Калиновик на службе в местной церкви. Это уединенный регион, со всех сторон окруженный горами. Мы сразу же сообщили об этом в НАТО и стали ждать, что произойдет дальше. Из НАТО нам ответили, что никаких действий предпринять не удается. Полученная информация очень скудна. Добраться в обозначенный регион на машинах слишком трудно, а использование вертолетов в этом случае неэффективно.

Не знаю, что именно заставило Белград в конце 2004 — начале 2005 годов усилить давление на обвиняемых с целью убедить их сдаться добровольно. Возможно, сотрудничество активизировалось, потому что ряд видных деятелей сербской православной церкви начали жаловаться на то, что их паства впадает в нищету из-за того, что несколько упрямцев отказываются сдаться трибуналу. Возможно, в правительственных кругах распространились слухи о том, что США готовы щедро заплатить за информацию, которая привела бы к аресту обвиняемых (точно так же медицинская лаборатория в Локарно была готова платить моим братьям и мне за ядовитых змей, которых мы ловили). Кроме того, в страну из-за границы вернулось множество богатых сербов. Вполне возможно, что они, за закрытыми дверями, потребовали, чтобы сербское правительство нормализовало отношения страны с Европой и Соединенными Штатами. Может быть, свою роль сыграло участие стран-доноров, что и позволило правительству предложить разыскиваемым более благоприятные условия добровольной сдачи. (Один из белградских министров говорил нам, что из государственного бюджета на эти цели средства не выделялись, хотя согласно закону подобные расходы и предусматривались. Эти слова заставили меня задуматься: откуда же поступали деньги?) Возможно, Коштуница наконец-то понял, что его политика ведет к дипломатической изоляции Сербии. В конце 2004 года он подвергался жесткой критике со стороны США и Евросоюза. Вскоре это почувствовал весь мир. 13 января 2005 года, когда сербы отмечали свой Новый год, Госдепартамент США почти за два месяца до назначенного срока сообщил, что не подтвердит выполнение Сербией условий, необходимых для выделения Конгрессом финансовой помощи. 14 января американский посол в Сербии и Черногории, Майкл Полт, заявил, что Вашингтон сокращает объем материальной помощи стране и отзывает технических советников. 25 января комиссар по расширению Евросоюза, Олли Ренн, заявил, что нежелание Белграда сотрудничать с трибуналом мешает интеграции Сербии в Евросоюз.

Как бы то ни было, но с начала декабря 2004 до конца весны

2005 года мы стали свидетелями стремительной, почти фантасмагоричной серии добровольных сдач. Те, кого мы так долго разыскивали, один за другим стали прибывать из Сербии и Республики Сербской:

Драгомир Милошевич, бывший командир подразделений армии боснийских сербов, осаждавших Сараево, которого обвиняли в применении артиллерии и снайперов для запугивания населения города с 1994 до конца осады в 1995 году, добровольно сдался 3 декабря 2004 года.

Начальник тюрьмы близ боснийского города Фоча, которого обвиняли в казнях, порабощении, пытках, избиениях и убийствах мусульман и представителей других этнических групп, Саво Тодович, сдался добровольно 15 января 2005 года. (Министерство внутренних дел Республики Сербской послало специального представителя к матери Тодовича, чтобы она убедила сына сдаться. Произошла патетическая сцена. Тодович вошел в комнату и заявил, что больше не может жить в гараже. Как нам стало известно, он впал в такую бедность, что полиции пришлось собирать деньги, чтобы купить ему пару приличных брюк.)

Владимир Лазаревич, первый из четырех генералов, которых обвиняли в причастности к этническим чисткам в Косово в 1999 году, добровольно сдался 3 февраля 2005 года. (Перед отъездом из Белграда он встречался с премьер-министром Коштуницей и Святейшим Патриархом Павлом. Оба поддержали героическое поведение Лазаревича, готового пожертвовать собой ради блага Родины. Правительственный самолет доставил Лазаревича в Нидерланды. Впоследствии белградская пресса сообщала, что премьер-министр подарил сыну Лазаревича новый автомобиль.)

Помощник генерала Ратко Младича по «моральным, юридическим и религиозным вопросам», который предположительно отдал приказ атаковать зону безопасности Сребреница, в том числе и посты наблюдения, удерживаемые голландскими миротворцами, генерал Милан Гверо, сдался добровольно 24 февраля 2005 года.

Радивое Милетич, начальник оперативного управления армии боснийских сербов, которого обвиняли в насильственном переселении и депортации мусульманского населения зон безопасности Сребреница и Жепа, а также в создании «Директивы 7» (этот документ был подписан Радованом Караджичем 21 марта 1995 года. В нем армию боснийских сербов призывали «создать невыносимые условия для населения Сребреницы и Жепы, когда никто не может быть уверен ни в своем будущем, ни вообще в выживании»), сдался добровольно 28 февраля 2005 года.

Генерал Момчило Перишич, с августа 1993 по ноябрь 1998

года занимавший пост начальника генерального штаба югославской армии, которого обвиняли в использовании служебного положения для оказания военной помощи армии боснийских сербов, добровольно сдался 7 марта 2005 года. Предполагалось, что генерал знал о том, что поставляемое оружие используется для совершения преступлений, в том числе во время осады и обстрелов Сараево, а также во время резни в Сребренице. Несмотря на то, что генерал располагал информацией о серьезных преступлениях, совершенных членами армии боснийских сербов и сербской армией в Хорватии, он не предпринял никаких действий по их предотвращению и наказанию виновных.

Мичо Станишич, министр Республики Сербской, отвечавший за полицию и государственную безопасность, которого обвиняли в пытках, жестоком обращении и депортации боснийских мусульман и боснийских хорватов, добровольно сдался 11 марта 2005 года.

Гойко Янкович, руководитель военизированных формирований в Фоче, которого обвиняли в сексуальных домогательствах и изнасилованиях, в том числе и в групповых изнасилованиях женщин-заключенных, содержавшихся в помещении местной школы, добровольно сдался 14 марта 2005 года. (Янкович скрывался в России. Сдаться ради блага семьи его убедила жена.)

Несмотря на эти удивительные события, 16 марта Евросоюз недвусмысленно дал Белграду понять, что обязательное условие для дальнейших отношений — продолжение сотрудничества с трибуналом. Брюссель объявил, что переговоры о вступлении Хорватии в Евросоюз откладываются, поскольку генерал Анте Готовина все еще на свободе и усилия Хорватии по его аресту явно недостаточны. Согласно информации, содержащейся в политическом анализе положения в Сербии, проведенном Международной кризисной группой, после этого сербское правительство начало угрожать обвиняемым тем, что им более не будут выплачиваться пенсии, их банковские счета заморозят, и выдадут местные ордера на их арест. Фантасмагория продолжилась с прибытием новых обвиняемых:

Драго Николич, начальник службы безопасности бригады армии боснийских сербов, которого обвиняли в причастности к насильственному выселению и депортации населения Сребреницы и Жепы, а также в участии в планировании, организации и надзоре за доставкой пленных мусульман к местам казней, сдался добровольно 17 марта 2005 года.

Винко Пандуревич, командир бригады армии боснийских

сербов, которого обвиняли в причастности к насильственному выселению и депортации населения Сребреницы и Жепы, а также в том, что подразделения, находившиеся под его командованием, принимали участие в нападении на анклавы Сребреница и Жепа, вытеснении населения из этих анклавов и доставке мужчин-мусульман к местам казней, сдался добровольно 23 марта 2005 года.

Любовим Боровчанин, заместитель командира военизированной бригады министерства полиции Республики Сербской, которого обвиняли в причастности к насильственному выселению и депортации населения Сребреницы и Жепы, а также в нейтрализации сил ООН в районе Сребреницы, жестоком обращении с пленными боснийскими мусульманами, командовании войсками, принимавшими участие в транспортировке мужчин-мусульман из анклава Сребреница в лагеря, откуда их отправляли на места казней, сдался добровольно 1 апреля 2005 года.

Генерал Сретен Лукич, второй из четырех генералов Коштуницы, которых обвиняли в причастности к этническим чисткам в Косово, сдался добровольно 4 апреля 2005 года. (Надо сказать, что Лукич добровольно сдался в халате и тапочках. Он находился в больнице, где проходил курс лечения. Мы узнали, что до последней минуты он старался договориться о том, чтобы его судили в Сербии, предлагая в обмен на это захватить Караджича.)

Вуядин Попович, помощник командира службы безопасности корпуса Дрина армии боснийских сербов, которого обвиняли в причастности к насильственному выселению и депортации населения Сребреницы и Жепы, а также в контроле за выселением мусульман из анклавов, вывозом мусульман из Поточари за пределы Республики Сербской, а также в транспортировке мужчин-мусульман из Братунаца в лагеря, откуда их отправляли на места казней, сдался добровольно 14 апреля 2005 года. (Попович скрывался в России.)

Командующий югославской армией Небойша Павкович, третий из четырех генералов, которых обвиняли в причастности к этническим чисткам в Косово в 1999 году сдался добровольно 25 апреля 2005 года.

Долго дожидаться награды за доказательства изменившегося отношения страны к сотрудничеству с трибуналом Сербии не пришлось. 12 апреля экспертная комиссия Евросоюза дала позитивную оценку действиям Сербии и Черногории. 25 апреля началось обсуждение соглашения по стабилизации и ассоциации. Одновременно с сербами в Гаагу прибыли и албанцы, командир

Армии освобождения Косово Рамуш Харадинай и двое других обвиняемых. Судебная палата согласилась условно освободить бывших помощников Милошевича: бывшего президента Сербии Милана Милутиновича, бывшего начальника штаба югославской армии генерала Драголюба Ойданича, бывшего заместителя премьер-министра Югославии Николу Шайновича и генерала Владимира Лазаревича, которому представилась возможность покататься на новом автомобиле, по слухам, полученном его сыном в обмен на добровольную сдачу отца. В итоге поток добровольно сдавшихся доказывал, что Сербия может сотрудничать с трибуналом, но только в том случае, если Евросоюз и Соединенные Штаты достаточно убедительно покажут, что такое сотрудничество по-прежнему остается основным условием более близких отношений. В то же время мы поняли, что если США и Евросоюз ослабят свою позицию, Сербия не будет делать ничего.

Я вспомнила письмо Кофи Аннана, полученное еще в 2001 году, в котором генеральный секретарь не советовал мне убеждать США и Евросоюз выдвигать подобные требования к Сербии. Где бы мы были, если бы не настаивали на своем? Ответ был очевиден. Наши следователи по-прежнему получали бы горы бесполезных документов, а прокуроры составляли бы обвинительные заключения, которым недоставало бы фактов, и писали бы научные статьи для юридических журналов. А судьи трибунала судили бы только не занимавших высокого положения сербов, задержанных за границей, нескольких хорватов, арестованных после смерти Туджмана, и мусульман из Боснии и Герцеговины, которые сдались добровольно.

Однако, несмотря на целую вереницу сдавшихся добровольно сербов, политика Коштуницы провалилась. Судя по всему, он не был готов эффективно использовать полицию для ареста оставшихся обвиняемых. 8 мая 2005 года я обратилась с просьбой о помощи к президенту Джорджу Бушу, и мне удалось встретиться с ним буквально через десять секунд. В те дни отмечалась 60-я годовщина завершения Второй мировой войны в Европе. Буш приехал в Нидерланды, чтобы отдать дань уважения американцам, канадцам и европейцам, чей прах захоронен на кладбище Маргратен близ Маастрихта. Эти мужчины и женщины отдали свои жизнь за то, чтобы освободить миллионы европейцев от нацистской тирании.

Посол США в Нидерландах Клиффорд М. Собел пригласил меня присутствовать на церемонии и согласился помочь мне встретиться с президентом Бушем. Посол Собел поставил меня в первый ряд ВИП-персон, которые пожимали руку президенту.

Рядом со мной находились королева Нидерландов Беатрикс и премьер-министр Ян Питер Балкененде. Мне казалось странным, что я, прокурор трибунала ООН по несуществующему уже балканскому государству, оказалась в подобном обществе. Буш шел вдоль ряда встречавших и разговаривал с каждым. Как истинный техасец, он пожал мою руку и взглянул мне прямо в глаза, словно был моим давним другом. Я же произнесла заранее заготовленную фразу.

«Караджич, — повторил за мной президент. Надо сказать, что эту фамилию он произнес ничуть не лучше меня. — Мы его поймаем». И Буш двинулся дальше.

Мы находились в Голландии, день был пасмурным и холодным. Когда церемония завершилась, я заметила госсекретаря Кондолизу Райс, направлявшуюся к своему автомобилю. Ей явно хотелось побыстрее оказаться в теплом и уютном лимузине. Я пустилась вдогонку. Мои каблуки вязли во влажной земле. За воротами кладбища я спросила у посла Собела, в какой машине едет госсекретарь Райс. «В третьей», — ответил он. Я подошла к машине. Со всех сторон лимузин окружали сотрудники службы безопасности. Но в критический момент мне помогли мои светлые волосы.

«Мадам прокурор, — улыбнулся мне один из охранников. — Я вас помню! Я охранял вас в Сан-Диего!». Я улыбнулась ему так, словно нашла давно пропавшего брата, и сказала, что мне нужно срочно переговорить с госсекретарем.

«Ну конечно!» — ответил охранник. Он открыл дверцу лимузина, сказал пару слов и сделал мне знак садиться. Я оказалась лицом к лицу с госсекретарем Райс. Уверена, мое появление ее удивило, и неприятно удивило. Я сказала, что только что разговаривала с президентом Бушем о Караджиче.

— Я должна заполучить Караджича, — сказала я. — Но работать с вашим ЦРУ невозможно. Вы нам не помогаете, не арестовываете преступника. Не могу поверить в то, что самое влиятельное государство мира не может его задержать…

— Нас больше занимает бен Ладен, — ответила Райс.

— Бен Ладен — это ваша проблема, Караджич — моя, — с улыбкой парировала я.

Она вздрогнула. Охранник открыл дверцу. Я выскочила, лимузин тронулся с места. Я села в свою машину и влилась в кавалькаду президента Буша. Завыли сирены. Заморгали мигалки. Полицейские на мотоциклах перекрыли движение. Мы помчались через голландские городки и деревушки, как в старые времена в Хокенхайме. Вдоль всей дороги стояли люди. Они аплодировали и махали нам.

1 июня 2005 года Джеффри Найс проводил перекрестный допрос одного из свидетелей защиты по делу Милошевича, генерала Обрада Стевановича. В прошлом генерал занимал пост заместителя министра внутренних дел Сербии. Стеванович только что закончил объяснять, что не знал о том, пересекали ли какие-то военизированные формирования границу между Сербией и Республикой Сербской и совершали ли они какие-то преступления во время боснийской войны. «Я бы не потерпел ничего подобного, — с гордостью вещал генерал. — Я бы не стал закрывать на это глаза».

«Ну конечно, — подумала я. — Никогда не стал бы…» Я отлично знала, что произойдет дальше.

Найс объявил, что хочет продемонстрировать видеозапись. В зале суда погасили свет. Кто-то нажал на кнопку, и мониторы ожили. На экранах мы увидели священника сербской православной церкви, благословлявшего членов военизированного формирования «Скорпионы». Эти люди подчинялись сербскому министерству внутренних дел. Все они были в красных беретах и синей форме. Стеванович заявил, что качество записи очень низкое, и разобрать лиц присутствовавших невозможно. Однако звук был достаточно хорошим, благодаря чему удалось узнать пару имен. Найс продолжил демонстрацию видеозаписи, время от времени останавливая кассету. «Эта видеозапись, — сказал прокурор, — доказывает, что мужчин из Сребреницы партиями доставляли в распоряжение группы «Скорпионы» для казней. Их казнили. Вы видите грузовик, в котором находятся шесть молодых людей… Вы видите красные береты…» Затем мы увидели, как шестерых пленных вывели на холм, поросший высокой травой. Мужчин застрелили сзади. Тела казненных лежали прямо на траве. Пленных расстреливали по двое. Двое последних погрузили четыре трупа в грузовик, а затем «скорпионы», эти герои Сербии, застрелили и их тоже.

Стевановича попросили прокомментировать эту видеозапись:

Я потрясен! Должен признать, что это одна из самых чудовищных вещей, какие я только видел на экране. Разумеется, я никогда не видел ничего подобного… в жизни. Я удивлен тем, что вы продемонстрировали эту видеозапись в связи с моими показаниями: вам прекрасно известно, что все это не имело никакого отношения ни ко мне, ни к тем подразделениям, которыми я командовал. Я уже пытался объяснить это вчера, и пытался сделать это сегодня. Я не говорю, что вы не имеется права показывать подобные записи, но должен сказать, что глубоко потрясен…

В этом-то и заключалась суть дела. Спутники связи

распространили видеозапись, на которой «скорпионы» хладнокровно убивали молодых мусульман по всему миру. Это были всего шестеро из 8 тысяч мусульманских мужчин и мальчиков, казненных после падения зоны безопасности ООН в Сребренице. Слободан Милошевич сидел с каменным лицом. Я не знала, слышал ли он голос оператора, который торопил убийц побыстрее закончить с казнью, потому что у него садятся батарейки. Если бы я находилась на месте Милошевича, отчаяние парализовало бы мою душу. В первой половине 2005 года Милошевич видел, как тюремный блок заполняют знакомые лица из Белграда, Боснии и Герцеговины, Хорватии. Почти все руководство Сербии оказалось за решеткой или под условным освобождением. Судя по всему декларации Милошевича о том, что трибунал не имеет юридической силы, более никого не трогали. Запрос консультантов трибунала об аннулировании обвинения был отклонен год назад. Политическая защита Милошевича не могла противостоять множеству фактов, предъявленных обвинением. В ходе процессов других обвиняемых вскрывались новые факты. Политические декларации Милошевича не действовали ни на кого, кроме самых верных его сторонников. Лишь самые ярые его апологеты в Сербии и за рубежом могли отрицать, что в Сребренице было совершено массовое убийство, и что убийцами были сербы из Сербии. Благодаря Интернету, видеозапись «скорпионов» стала достоянием любого, кто готов был кликнуть кнопкой компьютерной мыши. Наследие Милошевича превратилось в пыль боснийской дороги, на которой «скорпионы» убивали своих жертв. Эти люди были настолько уверены в собственной безнаказанности, что снимали казнь на видео и позировали, словно находились на чьей-нибудь свадьбе! Милошевич должен был понимать, что никогда больше не будет свободным человеком.

Тем же вечером видеозапись показало сербское телевидение. На следующий день я посетила Коштуницу поскольку именно в это время совершала заранее запланированную поездку по странам бывшей Югославии с целью составления доклада для Совета безопасности ООН. Коштуница выглядел, как всегда усталым и несчастным, словно груз всей его огромной страны лежит на его плечах. В начале разговора он, как водится, указал на прогресс, достигнутый Сербией со времени моего последнего визита. Он заметил, что стратегия добровольной сдачи приносит свои плоды, и добавил, что ценит продемонстрированное мной понимание. Он сказал, что решение судебной палаты об условном освобождении, а также обвинения, выдвинутые трибуналом

против высокопоставленных представителей «других» национальностей (конечно, он имел в виду албанцев), сыграли важную роль. Коштуница подтвердил, что «работает» над делом Младича, ясно понимая его значимость. Он заметил, что этот арест стал бы огромным облегчением для всех. Только после этого Коштуница заговорил о видеозаписи: «Все мы были шокированы тем, что видели вчера по телевидению. Мы немедленно провели операцию и арестовали шестерых членов подразделения «Скорпионы»…» Он назвал казнь гражданских лиц жестоким и позорным актом. Коштуница сказал, что правительство готово разыскать всех преступников и достойно наказать их. И это было все… Коштуница говорил спокойно, без эмоций. Он не упомянул никого из командиров, словно мир мог удовлетвориться арестами рядовых палачей, тупых исполнителей приказов.

Во время монолога Коштуницы в кабинет вошел руководитель правительственной разведывательной службы Раде Булатович. Он был в голубых джинсах и футболке. Булатович извинился за свой внешний вид и сказал, что всю ночь работал для того, чтобы выявить и задержать членов подразделения «Скорпионы» в Белграде и других районах Сербии. После демонстрации видеозаписи по телевидению, один из этих людей, абсолютно уверенный в том, что его никогда не арестуют за убийства мусульман, пришел в сербскую полицию с требованием обеспечить ему защиту, вероятно, от мусульман и правозащитников. Мне показалось, что Коштуница чувствовал себя обязанным предпринять какие-то действия до моего приезда. Он был обижен тем, что международное возмущение, связанное с этой видеозаписью, заставило его произвести аресты вместо того, чтобы дожидаться, пока убийцы сдадутся добровольно. Аресты «скорпионов» показали, что сербская полиция может действовать только после получения прямых приказов с самого верха.

Я упомянула о том, что трибунал по-прежнему разыскивает семерых сербов, оставшихся на свободе. Двое из них, предположительно, скрывались в России. Мы потребовали от сербского правительства, чтобы все они были арестованы в течение двух месяцев. Кроме того, я настаивала, чтобы Младич был арестован до десятой годовщины резни в Сребренице (то есть до 11 июля). Коштуница, несмотря на свои громогласные заявления о том, какую пользу арест Младича принесет сербской политике, не стал давать никаких обещаний, но все же согласился, что его нужно арестовать до поставленного Евросоюзом срока, то есть до 5 октября.

На следующий день я была в Сараево, где встречалась со

вдовами и матерями убитых в Сребренице. Я сказала этим женщинам, что прокурорская служба сделает все для того, чтобы арестовать Караджича и Младича до 11 июля. Я сообщила, что Младич находится в Сербии, и что у нас есть веские основания полагать, что Караджич скрывается в православных монастырях. Сообщила я и о том, что Коштуница наконец-то согласился сотрудничать с трибуналом. Я сказала, что буду бойкотировать церемонии по поводу десятой годовщины резни в Сребренице, если Младич к тому времени не будет арестован. Я уже насмотрелась на публичные проявления скорби правительственных лидеров и чиновников. Но церемония этого года должна быть особенной — на ней будут присутствовать президент Сербии Борис Тадич и глава Всемирного банка Пол Вулфовиц. Собирался приехать и Хавьер Солана, который назвал Сребреницу «колоссальным, коллективным и позорным провалом». Представлять Международный трибунал будет президент Теодор Мерон. Делегацию Саудовской Аравии собирался возглавлять шейх Салех аль-Шейх. На церемонии должны были присутствовать посол Ричард Холбрук, автор Дейтонского мирного соглашения, и посол Пьер Проспер. Отказавшись занять место среди этих людей, я могла выразить протест против неэффективных действий сербских властей и международного сообщества. Мое отсутствие напомнило бы миру о том, что Младич и Караджич до сих пор не оказались там, где должны быть.

13 июня я выступала перед Советом безопасности. Я сообщила членам совета о том, что отношение белградских властей к трибуналу заметно изменилось. С конца декабря 2004 года было арестовано 14 обвиняемых, причем шесть — в связи с причастностью к событиям в Сребренице. Семь разыскиваемых сдались добровольно. Улучшилась ситуация с доступом к свидетелям. Легче стало получить доступ к документам, в том числе и к военным. Все это свидетельствует о позитивных сдвигах. Однако я не могла быть удовлетворена неспособностью властей Белграда и Загреба арестовать других разыскиваемых, в том числе Радована Караджича и Ратко Младича. Семь обвиняемых находились в прямой досягаемости сербских властей.

8 августа 2005 года мы радовались новому аресту. Трибуналу передали Милана Лукича, одного из самых зловещих палачей боснийской войны. Его досье в нашей службе носило красноречивое название «Люцифер». Власти Аргентины отследили его мобильный телефон и выследили жену Лукича, которая вместе с дочерью прибыла из Боснии. Родственник генерала Лукича, Милан Лукич, командовал армией, которая

терроризировала мусульман, проживавших в боснийском городе Вышеград и его окрестностях. Свидетели, которые знали Лукича с детства, утверждали, что он принимал участие и в резне в Сребренице. Я встречалась с некоторыми жертвами Лукича. Одна женщина заявила, что никогда не простит меня, если трибунал не воздаст Милану Лукичу по заслугам. Она рассказала, как Лукич ворвался в ее дом и изнасиловал ее на глазах двоих детей, которым было всего девять и двенадцать лет. Потом Лукич привел ее в кухню и велел выбрать острый нож, а потом этим ножом перерезал детям горло. У меня прошел мороз по коже. Я вспомнила, как после доставки Лукича в Гаагу он пришел в мой кабинет, одетый, как бизнесмен, и уверял меня, что все это — ошибка и он, конечно, сможет это доказать. Я поднялась, чтобы показать, что наш разговор закончен. И вздрогнула, когда он наклонился и поцеловал мне руку.

Двоюродный брат Милана Лукича, Средое Лукич, был арестован 16 сентября в белградском аэропорту. Он прибыл из России. Через две недели арестовали Драгана Зеленовича, которого ошибочно, по нашему мнению, арестовала русская милиция в Ханты-Мансийске, городе нефтяников, расположенном за Уралом. Зеленович признал себя виновным в пытках и изнасилованиях мусульманских женщин, в том числе и 15-летней девочки, которая летом 1992 года находилась в тюрьме в Фоче. Его приговорили к 15 годам заключения.

Я вернулась в Белград 29 сентября 2005 года. На этот раз мне предстояло решить вопрос о том, как добиться более эффективного сотрудничества в деле ареста Младича. Надежным аргументом был срок, установленный Евросоюзом. Коштуница упоминал об этом во время нашей встречи в июне. Я снова подтвердила достигнутый в этом году Сербией и Черногорией прогресс. Список лиц, разыскиваемых трибуналом, сократился до шести: Младич, Караджич, Хаджич, генерал Властимир Джорджевич, генерал Здравко Толимир (заместитель Ратко Младича, которого разыскивали по обвинению в причастности к этническим чисткам в Сребренице и Жепе и к убийствам пленных после падения этих анклавов) и Стоян Жуплянин (командир службы безопасности в Западной Боснии, которого обвиняли в геноциде и казнях, этнических чистках, а также в жестоком обращении с мусульманами, удерживаемыми в лагерях). Не было никакого смысла настаивать на соблюдении срока, установленного Евросоюзом, и я предложила, чтобы сербы арестовали Младича к концу года. Я упомянула тревожную информацию об отсутствии координации действий между гражданской и военной разведками Сербии. Коштуница ответил,

что во всем мире гражданская и военная разведки соперничают друг с другом. Он сказал, что о добровольной сдаче говорить больше не приходится, и что следует производить аресты. Однако местонахождение Младича по-прежнему оставалось неизвестным. Коштуница сказал, что для Сербии очень важно пройти эту дорогу до конца, и что Белград вскоре столкнется с установленными Евросоюзом конкретными сроками.

Через три недели Раде Булатович и Небойша Вуйович подробно доложили мне о своих действиях по аресту шестерых разыскиваемых. В начале разговора Вуйович объяснил мне позицию Сербии по вопросу Косово: Сербия согласится с любым решением, не связанным с независимостью края и нарушением суверенитета Сербии и Черногории. «Как только будет объявлено о независимости Косово, — сказал он, — сто тысяч косовских сербов на тракторах войдут в Белград, и любое правительство падет». Я сразу же уточнила, видит ли Белград какую-то связь между переговорами по статусу Косово и решением дела Младича. Вуйович заверил меня, что никакой связи нет, и что правительство твердо намерено арестовать генерала. «Выдача Гааге Караджича и Младича только укрепит позицию Белграда в переговорах по Косово», — заметил он, а затем еще раз повторил, что для сербского правительства очень важно, чтобы Косово «оставалось автономным краем в составе Сербии».

Булатович, которому я больше не доверяла, сказал, что последние точные сведения о пребывании Ратко Младича на территории Сербии относятся к 2002 году. С того времени были только слухи о том, что его видели в Белграде, Валево, Нови-Саде, Македонии, даже в Молдове и других местах. Сербская гражданская разведка пытается выявить тех, кто поддерживает Младича, с 2002 года. Удалось выявить около 80-ти человек из окружения Младича. Все они были военными. Гражданская и военная разведки держали под наблюдением 26 человек. Власти отслеживали все контакты между Младичем и членами его семьи. Именно благодаря такой тактике в этом году удалось арестовать нескольких разыскиваемых. Дома и телефоны родственников Младича находились под постоянным наблюдением. Впервые офицер гражданской разведки вступил в прямой контакт с женой и сыном Младича. (Наверное, он спросил: «Где вы были все эти годы?») Булатович сказал, что если Младич все еще находится в Сербии, то, скорее всего, в районе Горни-Милановаца или Валево близ границы с Боснией и Герцеговиной. По мнению Булатовича, разведка сможет арестовать его к концу 2005 года.

Он сказал также, что не располагает никакой информацией о местонахождении Караджича, и не видит никакой связи между

теми, кто скрывает Караджича и Младича. Не было у Булатовича и информации о Хаджиче, но все его друзья и родственники находились под постоянным наблюдением. Толимира чуть было не арестовали шесть месяцев назад. Удалось проследить за его женой, которая пыталась передать ему лекарства. Жену генерала уволили из армии, военная разведка установила за ней наблюдение. По мнению Булатовича, Толимир был близок к Младичу их семьи дружили.

К этому времени активизировалось сотрудничество хорватского правительства с трибуналом. Мы получили важную информацию, благодаря которой 7 декабря в Испании был арестован генерал Анте Готовина. Этот успех усилил давление на Белград. Я знала, что Коштуница отлично понимает: без ареста Младича у Сербии «нет шансов» установить нормальные отношения с США.

К середине декабря я не могла сообщить Совету безопасности ООН ничего нового о Белграде. Я решила указать членам совета на два аспекта этой проблемы. Во-первых, в деле ареста шести разыскиваемых, в том числе Радована Караджича и Ратко Младича, трибунал Целиком и полностью зависел от Сербии и Черногории. Несмотря на заверения Белграда в том, что эта проблема будет решена в течение нескольких месяцев, я не видела эффективных попыток определить их местонахождение и совершить аресты. Во-вторых, не существовало эффективного механизма координации действий трибунала, государств бывшей Югославии и военного контингента Евросоюза в Боснии и Герцеговине. Никто не желал делиться друг с другом даже самой скромной разведывательной информацией. Когда нужно было действовать, начинались споры о том, кто и что должен делать. Например, в Боснии и Герцеговине трибунал пытался выяснить, кто и что сделал по поиску Караджича и Младича (или, скорее, кто ничего не сделал). Мы обратились к властям Республики Сербской с просьбой установить полицейское наблюдение за перемещениями членов семьи Караджича, в том числе его дочери Сони. Однажды без предварительного уведомления полиция Черногории сообщила нам о том, что Соня пересекла границу Боснии и Черногории. Мы были встревожены. Полиция Республики Сербской не известила нас об этом. Мы потребовали разъяснений. Нам сообщили, что сведения не поступили, потому что кто-то из НАТО запретил это делать. Мы попытались выяснить, кем был этот «кто-то», отдавший властям Республики Сербской подобные указания. Мы связались с НАТО, и нам ответили: «Не мы». Впоследствии мы узнали, что кто-то из ЦРУ сообщил полиции Республики Сербской о том, что прокурорская

служба не возражает против снятия наблюдения. Мы не могли с этим смириться. Но все мои попытки выяснить, почему это произошло, закончились односложным и совершенно неудовлетворительным ответом: «Отсутствие взаимопонимания».

Я сообщила членам Совета, что наша разведка и разведки крупных держав установили: Младич все еще находится на территории Сербии под защитой армии Сербии и Черногории. Он отказывается сдаться добровольно и остается на свободе, потому что правительство Коштуницы, которое может в любой момент его арестовать, этого не делает. Караджич, защитники которого с успехом пользовались дезорганизованностью международного сообщества, все еще благополучно курсировал между Сербией, Черногорией и контролируемой сербами областью Боснии и Герцеговины. По всей видимости, его поддерживали православные священники. Горан Хаджич, Здравко Толимир и Стоян Жуплянин также оставались в пределах досягаемости властей Сербии и Черногории. Прокурорская служба дважды за два года сообщала властям России о том, что Джорджевича видели в Москве и Ростове-на-Дону. В ответ же мы получали сообщения о том, что розыск проведен, а Джорджевич не обнаружен. Теперь мы знаем, что это действительно была правда: судя по всему, Джорджевич покинул Россию в 2003 году.

Основываясь на этой оценке, я хотела, чтобы международное сообщество, и в особенности Евросоюз и США, продолжали настаивать на том, что сотрудничество с трибуналом является для Сербии и Черногории обязательным условием получения финансовой и технической помощи и развития отношений с НАТО и Евросоюзом. Нужно было улучшить координацию усилий по розыску и задержанию обвиняемых со стороны трибунала, отдельных государств, Евросоюза, НАТО и миссий ООН в разных частях бывшей Югославии. Я хотела, чтобы представители миротворческого контингента НАТО и новых сил Евросоюза в Боснии и Герцеговине встретились с местными властями, занимающимися розыском. Я хотела, чтобы разведывательные службы эффективно обменивались информацией. Я хотела создать новый механизм координации, который позволил бы проводить разумное планирование и обмен информацией между службами, занятыми сбором разведывательных данных.

У Сербии и Черногории все еще не было серьезного, тщательно проработанного плана действий по выявлению и аресту обвиняемых, скрывающихся на их территории. Пагубнее всего на этом процессе сказывалось отсутствие координации действий между центральным правительством в Белграде и властями республик Сербия и Черногория. Соперничество между

разными службами становилось все ощутимее. Армия Сербии и Черногории продолжала мешать сотрудничеству Белграда с трибуналом, и, несмотря на все заверения правительства, отказывалась предоставить трибуналу личное дело Младича, записи военного и медицинского характера, а также документы, связанные с кампанией в Косово.

На протяжении десяти лет международное сообщество играет с Караджичем и Младичем в кошки-мышки. Большую часть этого времени кошки играют еще и в жмурки. Они ловят друг друга, а мышки тем временем спокойно перебегают из одной норки в другу. Кошкам давно пора снять повязки с глаз. Для международного сообщества и национальных правительств, в особенности правительств Сербии и Черногории и Республики Сербской, настало время предпринять совместные действия для выявления мест, где могут скрываться разыскиваемые, для ареста обвиняемых и передачи их [трибуналу по Югославии]. Только так можно осуществить правосудие, которое Совет безопасности обещал народам бывшей Югославии в 1993 году. Хватит кошкам страдать от насмешек мышей!

Я была обеспокоена. До меня доходили слухи о том, что страны-члены НАТО — Италия, Греция, Испания и ряд других стран — готовы принять Сербию и Черногорию в программу «Партнерство ради мира». Эта программа была разработана НАТО для потенциальных новых членов. Меня беспокоило и то, что, несмотря на заверения США и других государств, международное сообщество было готово вести переговоры в обмен на смягчение позиции Сербии по вопросу Косово. Встреча с Коштуницей и Булатовичем в Белграде в начале февраля не принесла ничего нового. Коштуница снова подчеркивал способность местного правосудия заниматься делами, связанными с военными преступлениями, но при этом продолжал повторять, что мы «на одной стороне».

Проблемы, возникшие через месяц, дали белградским властям основания замедлить любые действия по аресту обвиняемых, если таковые вообще имели место. В воскресенье 5 марта 2006 года в камере тюрьмы Схевенинген покончил с собой Милан Бабич, предшественник Горана Хаджича на посту президента самопровозглашенной сербской республики на территории Хорватии.

Этот человек пытался вести себя достойно. Несмотря на угрозы лично ему и в адрес его семьи, он сдался добровольно. Вместо того чтобы хранить молчание и принять те блага, какие Сербия предлагала обвиняемым, остававшимся на свободе на протяжении многих лет, Бабич признал себя виновным по одному

факту, связанному с преступлениями против человечности. Во многом благодаря неустанной работе германского прокурора Хильдегард Эрц-Рецлафф, которая занималась расследованием причастности Милошевича к преступлениям, совершенным во время конфликта в Хорватии в 1991 году, Бабич выразил полное раскаяние. Он просил своих «хорватских братьев простить их сербских братьев». Его выступление перед трибуналом откровенно опровергало утверждения Милошевича о том, что в волне насилия, захлестнувшей страны бывшей Югославии, виновен внешний мир. Бабич заявил судебной палате, что недолго просуществовавшее сербское государство, созданное на территории Хорватии при участии Милошевича и Бабича, не смогло бы просуществовать и дня, не имей оно теснейшей связи с Белградом. Хорватские сербы получали из Сербии оружие, в том числе танки и ракеты, а «национальный банк» по сути своей был подразделением Национального банка Югославии в Белграде. Бабича приговорили к 13 годам заключения и временно оставили в тюрьме Схевенинген. Он начал жаловаться на то, что другие заключенные ему угрожают, и просил перевести его в голландское крыло тюрьмы, подальше от сербов, хорватов и мусульман. Он жаловался на то, что его жена и сыновья не могут вернуться в Белград, потому что он дал показания против Милошевича и рассказал о проекте Великой Сербии. Бабич просил, чтобы его сыновьям позволили обучаться в голландских университетах и оплатили курс обучения. Защитники Бабича обратились ко мне за поддержкой в деле решения его семейных проблем. Я обсудила сложившуюся ситуацию в Секретариате трибунала и попросила решить эту проблему. Но она так и не была решена, до тех пор пока Бабич не нашел для себя самого трагичного выхода. В первое воскресенье марта он покончил с собой. Я чувствовала, что именно трибунал по Югославии стал причиной отчаяния этого человека. Мне казалось, что я сделала все, что было в моих силах. Тем не менее, я чувствовала, что должна была сделать больше.

Когда в следующую субботу умер Слободан Милошевич, я находилась в отпуске, за пределами Голландии. Помню, что тюремные власти обнаружили его тело около 10 часов утра. Через час зазвонил мой мобильный телефон. Сторонники Милошевича уже успели распространить по всему миру известие о его смерти. Моим первым желанием было вернуться в Гаагу и сделать заявление о том, что смерть Милошевича никоим образом не принижает значимость трибунала, хотя наши противники всеми силами старались доказать обратное.

На первой пресс-конференции мы заявили, что трибунал по

Югославии никак нельзя считать трибуналом по делу одного лишь Милошевича. Успех или неудача работы трибунала в целом не зависит от одного дела Милошевича. Мы должны судить других сербских лидеров, которые обвиняются в причастности к тем же преступлениям, что и Слободан Милошевич. Шестерых бывших сербских лидеров и высокопоставленных военных обвиняли в причастности к преступлениям, совершенным на территории Косово. Вскоре должен был начаться суд над восемью офицерами, причастными к геноциду в Сребренице. Теперь, как никогда прежде, я рассчитывала на то, что Сербия наконец арестует и выдаст Гааге Ратко Младича и Радована Караджича.

Должна признать, что смерть Милошевича вызвала у меня глубокий гнев. Процесс длился четыре года. Защите оставалось всего 40 часов для завершения представления своих аргументов. Суд мог закончиться в течение нескольких недель. Мы неоднократно жаловались на то, что Милошевич не принимает предписанных ему лекарственных препаратов для контроля над артериальным давлением. Мы не знали, что он принимал другие лекарства, снижавшие лечебный эффект прописанных препаратов. Он просил об условном освобождении с целью поездки в Россию для «лечения». Мы расценили эту просьбу как отчаянную попытку избежать вердикта о виновности. Состояние Милошевича могло показаться хуже, чем было на самом деле, а в России он мог воссоединиться с женой и сыном, которые прятались от сербских властей, а затем и вовсе скрыться от правосудия. Судя по всему, смерть Милошевича была самоубийством по неосторожности. Он знал о своем состоянии и должен был понимать, что, манипулируя лекарствами, играет с собственной жизнью.

Слободану Милошевичу было не для чего жить… Он все потерял. Смерть стала для него избавлением. Но своей смертью он лишил сотни тысяч жертв права на справедливость и правосудие, которого они заслуживали. Единственным, что мог сделать для них суд, стало решение судебной палаты об отклонении запроса, составленного по поручению Милошевича, о прекращении процесса за отсутствием доказательств. Милошевич умер, зная, что судебная палата оставила обвинение в геноциде в силе.

В завершение своего заявления я не могла не отдать дань уважения Зорану Джинджичу, его жене Ружице и членам его семьи. Именно Джинджич сумел проявить политическую волю и смелость. Благодаря его усилиям Слободан Милошевич оказался в Гааге перед лицом Международного трибунала, который доказал, что ни один глава государства не может более считать себя свободным от правосудия и безнаказанно совершать

преступления. Только благодаря воле Зорана Джинжича стал возможен процесс, который положил конец долгому, печальному периоду истории человечества. Я была рада узнать, что в годовщину смерти Джинджича почтить его память пришло гораздо больше сербов, чем тех, кто отправился на похороны Милошевича.

Глава 13
Борьба с Белградом и Черногорией: 2006–2007 годы

После смерти Слободана Милошевича политическая поддержка, благодаря которой трибунал мог бы завершить свою миссию, почти прекратилась. Милошевич был основным обвиняемым для трибунала, своего рода Германом Герингом, вторым человеком после Гитлера, которого судили в Нюрнберге и который покончил с собой. Его можно было сравнить с Хидеки Тойо, премьер-министром Японии, осужденным в Токио. Слишком многие журналисты, пропагандисты и политические лидеры сводили работу трибунала к суду над Милошевичем и не обращали внимания на другие его задачи. Процесс по делу лидеров боснийских хорватов, в ходе которого было осуждено наследие Франьо Туджмана и представлены точнейшие исторические документы, доказывавшие, как на основании кабинетных решений политических лидеров совершались настоящие военные преступления, не привлекал никакого внимания, за исключением абсолютно лживых утверждений, распространяемых хорватской прессой. Суд над Рамушем Харадинаем вызвал определенный интерес, но только потому, что обвиняемый играл видную роль в политическом истеблишменте Косово и был знаком с дипломатами и видными фигурами международной администрации. Теперь же, когда Милошевич в загробном мире курил сигариллы и пил коньяк вместе с Туджманом, стало очевидно, что прокурорская служба должна удвоить свои усилия для того, чтобы убедить Евросоюз продолжить оказывать давление на Сербию. Это оставалось нашим последним средством для воздействия на Коштуницу и белградские власти, а также на лидеров Черногории и руководителей сербской части Боснии и Герцеговины. Только так мы могли заставить их арестовать последних шестерых из 161 обвиняемого, которым трибунал предъявил обвинение. Позиция Евросоюза меня никак не устраивала. Возможно, мой подход был слишком жестким.

15 марта 2006 года я встретилась с заместителем министра иностранных дел Австрии Хансом Винклером. Как член Евросоюза, Австрия в том году исполняла обязанности страны-президента. Я говорила все о том же: белградские власти знают о том, что Ратко Младич скрывается в Сербии; вместо того чтобы

арестовать и передать его Гааге, Коштуница и другие сербские лидеры тянут время, тратят силы и средства на тщетные попытки уговорить его сдаться добровольно, а затем убедить всех вокруг, что подобные действия должны быть вознаграждены. Винклер объяснил мне, что Евросоюз продолжает требовать ареста Младича. Если Сербия не продемонстрирует полной готовности к сотрудничеству и не выдаст его до конца марта, Евросоюз «разорвет» переговоры с Белградом по соглашению о стабилизации и ассоциации. Это соглашение было необходимо Белграду как воздух. Оно было единственной надеждой Сербии и Черногории когда-нибудь войти в состав новой Европы. По словам Винклера, сотрудничество с трибуналом оставалось основным препятствием к вступлению страны в Евросоюз.

«До поры до времени…» — подумала я.

Шли недели, белградские власти продолжали обещать нам арестовать Младича, но армия по-прежнему ничего не делала. Были все основания полагать, что и кадровые, и отставные офицеры всеми силами препятствуют задержанию генерала. Соперничество между гражданской и военной разведками мешало проведению расследования (по крайней мере, так говорили нам). Противоречия, которые мы находили в докладах, направляемых Белградом трибуналу, заставляли меня думать, что эти документы подвергались тщательной цензуре. Я не могла поверить в то, что Сербия, Республика Сербская, НАТО и новый европейский контингент в Боснии, EUFOR, не могут арестовать Радована Караджича. Планируемое сокращение численности европейского контингента еще более осложняло ситуацию. В начале весны 2006 года мы получили сообщение от черногорских властей о том, что они перехватили письмо от племянницы Караджича к одному швейцарцу. Женщина просила прислать медицинские препараты, в которых постоянно нуждался Караджич. Черногорцы проследили за приехавшим швейцарцем. Он передал лекарства водителю автобуса. Затем автобус направился в… Белград. Черногорцы сообщили трибуналу, что далее проследить за водителем не представлялось возможным, поскольку Белград находится в Сербии, то есть в иной юрисдикции. Теперь за этого человека должны отвечать сербские власти. Прокурорская служба связалась с белградскими властями. Нам сообщили, что водителю автобуса удалось скрыться. Никаких внятных объяснений мы не получили. В отчаянии я обратилась к Совету безопасности ООН с просьбой наделить прокурорскую службу специальными полномочиями и выделить средства на то, чтобы арестовывать обвиняемых трибуналом, где бы они ни скрывались. Впрочем, я понимала, что это заведомо неудачная

идея.

Я сложила письменные заверения, полученные от Винклера, в свою сумочку от Луи Вуиттон и совершила вояж по Баня-Луке, Белграду и Подгорице с тем, чтобы оказать максимальное давление на сербов Республики Сербской, Сербии и Черногории, для которых стремление Белграда сблизиться с Европой имело огромное значение. Я слышала, что чиновник, руководящий процессами расширения Евросоюза, финн Олли Рен, готовится заявить об отмене следующего раунда переговоров о стабилизации и ассоциации с Союзом Сербии и Черногории. Переговоры должны были начаться 5 апреля. Я знала, что в Черногории на 21 мая назначен референдум о независимости. Если переговоры с Евросоюзом не состоятся, сторонники независимости Черногории, к величайшему разочарованию Коштуницы, смогут набрать достаточно голосов для того, чтобы отделиться от Сербии.

В Баня-Луке я встретилась с Милорадом Додиком, вновь ставшим премьер-министром Республики Сербской, сербского образования на территории Боснии. Я напомнила Додику о данных им шесть лет назад обещаниях, которые до сих пор остались невыполненными. Додик во всем обвинил Сербию. Он сказал, что приостановил все выплаты семьям обвиняемых, и дал мне массу новых обещаний. У меня не было никаких оснований ему верить. За 11 лет, прошедших со времени подписания Дейтонского мирного соглашения, Республика Сербская не арестовала ни одного обвиняемого. Власти этой республики полностью выхолостили значение термина «уголовное судопроизводство». Нам пришлось сообщить Додику и министру внутренних дел республики о том, что у трибунала есть определенные подозрения в отношении нового советника министра. Во-первых, он был двоюродным братом одного из разыскиваемых обвиняемых, а во-вторых, его самого подозревали в совершении военных преступлений. Министр внутренних дел присутствовал при этом разговоре. Конечно, он заявил о том, что ничего не знал. Я подозреваю, что никто даже не удосужился обратить внимание на то, что советник и разыскиваемый носили одну и ту же фамилию: Жуплянин.

В Сербии меня ожидали знакомые обещания и заверения. Мы узнали о том, что, даже после самоубийства Милана Бабича и смерти Милошевича, Белград искренне хочет арестовать Младича, поскольку арест беглого генерала открыл бы стране двери Евросоюза. Министры уверяли, что уйдут в отставку, если арест не будет произведен в ближайшее время. Нам рассказывали, что военная и гражданская разведки наконец-то нашли общий

язык и теперь трудятся плечом к плечу. Нам сообщили, что Младич более не получает поддержки от Армии. Мы узнали, что, хотя Младича и охраняли некоторые офицеры, но, конечно же, ни командование, ни национальная армия в целом не имеют к этому никакого отношения. Нам рассказали, что сербская военная разведка осуществляет наблюдение за 42 лицами, подозреваемыми в том, что они оказывали помощь Младичу Подтвердились связи Младича с пасечниками в районе Валево и других сербских городов. Мы узнали, что власти выявили 518 квартир в одном лишь Белграде, где мог скрываться генерал, и 192 квартиры из этого списка принадлежали разыскиваемым военным. Нам сообщили, что в январе 2006 года Младич около 12 дней скрывался в коттедже офицера Станко Ристича, близ границы Сербии и Хорватии. В начале февраля 2006 года Младич перебрался в квартиру матери Ристича в городе Сремска Митровица. В настоящее время разведывательные службы требуют от Ристича информации о том, где Младич может находиться в настоящее время. Нам твердили, что он находится в полной изоляции, сам печет для себя хлеб, принимает наркотики, а с семьей общается посредством мобильных телефонов и писем. Мы узнали, что семья Младича передавала ему деньги через другого офицера, Йована Джого. Все члены семьи находились под наблюдением. Сообщили нам и о том, что отставной ныне генерал Ако Томич был «очень опасным человеком», и полиция даже не рисковала допрашивать его.

29 марта 2006 года я встретилась с Коштуницей в здании сербского правительства в центре Белграда. Сербский премьер, всегда довольно вялый и при этом очень упрямый, на этот раз почему-то был необычно энергичен. Он сказал, что разговаривал с Олли Реном и узнал о том, что я беседовала с ним в Брюсселе. Коштуница в очередной раз заявил, что арест Младича будет служить интересам Сербии и трибунала. Он признал, что Младич находится в Сербии. Коштуница подтвердил, что полиция отслеживала его перемещения вплоть до середины февраля, но затем потеряла его след. А потом премьер заметил, что, если переговоры с Евросоюзом затормозятся, «выследить и арестовать Милошевича будет гораздо труднее».

Я весьма скептически отнеслась ко всему услышанному. Мы с моими помощниками не понимали, почему сербские власти выдали всю эту информацию только сейчас, когда я приехала в Белград, и накануне важного решения Евросоюза вместо того, чтобы предоставлять сведения по мере их поступления. Мне нужны были доказательства того, что Белград действительно что-то делает. Я сказала Коштунице, что, по моему мнению, он все

еще пытается убедить Младича сдаться добровольно. Коштуница сразу же опроверг мои слова. Он сказал, что возможны оба варианта, и арест, и добровольная сдача, но сначала Младича нужно выследить.

«И сколько на это уйдет времени?» — спросила я. Ответил мне Раде Булатович, руководитель государственного разведывательного агентства Сербии: «Немного… еще несколько недель».

Коштуница без промедления перешел к тому, чего я от него и ожидала: к обещаниям арестовать Младича до конца апреля. Он просил, чтобы я позитивно оценила сотрудничество Сербии с трибуналом, потому что это пойдет на пользу страны. «Успех Сербии станет успехом трибунала», — сказал он. Эта театральная декламация казалась слишком хорошей, чтобы быть правдивой. Но у меня не было никакого выбора. Мне пришлось сказать Коштунице, что я буду ждать до конца апреля.

Я предполагала, что сложность ситуации, в которой оказались Сербия и Черногория, сделает Коштуницу более сговорчивым. Как он и его сторонники могли рисковать будущим процветанием и безопасностью собственных детей ради спасения нескольких стареющих мужчин, которым предъявлялись чудовищные обвинения, в том числе и обвинения в геноциде? Совершив массовые убийства, эти люди превратили свою родину в страну-изгоя, а сербский премьер упрямо отказывался отдать их в руки правосудия. Возвращаясь в Гаагу, я уверенно сказала своим советникам, что Младич уже скоро окажется в наших руках.

31 марта я приехала из Гааги в Брюссель. Олли Рен сообщил мне, что беседовал по телефону с премьером Коштуницей и президентом Борисом Тадичем. Рен сказал им, что, основываясь на данной мной оценке сотрудничества Белграда с трибуналом, он сообщит европейскому парламенту о том, будут ли продолжены переговоры Евросоюза с Государственным союзом Сербии и Черногории.

Я ответила Рену: «Только в прошлом месяце они могли трижды арестовать Младича, но вместо этого предпочли направлять ему сообщения». Я объяснила, что в конце января сербский офицер Станко Ристич, который якобы находился под круглосуточным полицейским наблюдением, на автомобиле доставил Младича из Белграда в безопасное укрытие близ границы Сербии с Хорватией. Теперь же руководство страны не хочет раскрывать местонахождение генерала. Но я чувствовала, что Коштуница испытывает огромное давление. Он сказал, что они потеряли несколько недель из-за смерти Милошевича, и

просил дать ему еще несколько недель для ареста Младича.

— Подождем до конца апреля, — сказала я Рену.

— Они действительно хотят его арестовать? — спросил Рен.

— Полагаю, что на этот раз все серьезно… Ристича должны арестовать…

Я сказала Коштунице, что готова рискнуть и предложить продолжить переговоры, но, если он не арестует Младича, это дорого ему обойдется.

Рен согласился со мной, что риск в этом случае оправдан. Я посоветовала держать санкции наготове, на случай если Коштуница не сдержит слова.

Рен повернулся к своему помощнику: «У нас есть какой-нибудь подходящий срок в мае?» Подходящего срока не оказалось, и было решено создать новый. Программу совещания 5 апреля решили разделить на две части. Проведение второй части переговоров отложили до первой половины мая. Этот срок совпал со сроками проведения в Черногории референдума по независимости. Рен позвонил Коштунице. По его словам, Коштуница сказал, что подаст в отставку, если Младич не будет арестован.

Мы стали ждать. Очень скоро стало ясно, что обещания Коштуницы — очередная *muro di gomma*. В марте руководитель следствия трибунала, Патрик Лопес-Террес, вернулся в Гаагу из Белграда с обескураживающими известиями. Сербы, несмотря на все усилия Коштуницы, все еще пытаются убедить Младича сдаться добровольно. Они решили, что, если им удалось преодолеть поставленный Евросоюзом мартовский срок, то можно будет выторговать еще несколько месяцев.

Наступил апрель. Потом начался май. Весенние дожди усердно поливали цветущие голландские тюльпаны. Ветер с Северного моря обдувал песчаные дюны, наше поле для гольфа и стены тюрьмы Схевенинген. Воислав Коштуница не исполнил свое обещание и не ушел в отставку. 3 мая я сообщила Олли Рену что прокурорская служба получила из Белграда подробный отчет о действиях правительства по задержанию Младича. Вместо того чтобы арестовать обвиняемого, сербские власти арестовали тех, кого подозревали в его укрывании. Более того, в белградской прессе появлялась информация о розыске, которую можно было расценить только как сознательную утечку.

Рен ответил, что немедленно сообщит президенту Евросоюза о том, что Белград не выполняет своих обязательств: «Речь идет об эффективности политики Евросоюза…» Рен немедленно отменил раунд переговоров с Белградом, назначенный на начало мая. В этом его поддержали министры иностранных дел

Евросоюза, совещание которых состоялось несколькими днями позже. 21 мая в Черногории прошел референдум. Незначительным большинством голосов победу одержали сторонники независимости. Сербия и Черногория объявили о своей полной независимости в самом начале июня, Государственный Союз Сербии и Черногории, последний оплот бывшей Югославии, государства, возникшего из пепла Первой мировой войны, прекратил свое существование. Мечта Слободана Милошевича окончательно рухнула. Коштуница и другие сербские лидеры, никогда не упускавшие возможности обвинить в своих проблемах кого угодно, кроме себя, тут же обвинили во всем Международный трибунал.

В середине июня состоялась очередная встреча белградских властей с представителями трибунала. Руководитель правительственного разведывательного агентства Сербии Раде Булатович заявил, что наш доклад Евросоюзу был «неточным», «злонамеренным» и «политизированным». Он даже набрался наглости заявить, что не было никаких препятствий для ареста Младича, и что Белград вовсе не пытается всего лишь убедить его сдаться добровольно. Он объяснил, что его оперативники пытались передать Младичу сообщение через его сына Дарко. Полагали, что Дарко поддерживает отца и сможет убедить его сдаться. Смерть Милошевича все погубила. Булатович сказал, что отмена переговоров с Евросоюзом и референдум о независимости Черногории показали, что трибунал по Югославии — политическая организация, основной задачей которой является давление на Сербию.

Булатович рассказал нам о новых действиях Белграда по розыску и аресту Младича. Правительственная разведка, сказал он, по-новому оценила все связи Младича в армии и политическом руководстве страны. Он сказал, что сейчас никто в Сербии не хочет прятать Младича, а те, кто предоставлял ему убежище, уже арестованы. Булатович упомянул, что Джого был арестован и будет приговорен к четырем годам заключения (весьма откровенное замечание о характере сербского правосудия!). Этот приговор станет серьезным предупреждением для тех, кто решит в будущем помочь Младичу. Булатович сказал, что следователи уже изучают медицинские карты Младича, чтобы попытаться выследить его, если он обратится к врачам, у которых лечился. Он пожаловался на отсутствие поддержки со стороны военных. Булатович сказал, что офицеры секретной полиции следят за женой другого разыскиваемого, которого обвиняли в причастности к резне в Сребренице. Речь шла о генерале Здравко Толимире, помощнике Младича по вопросам разведки и

безопасности. Предполагалось, что Толимир и Младич могут скрываться вместе. Булатович сказал также, что Белград пытается выяснить местонахождение Горана Хаджича, бывшего политического лидера хорватских сербов. В свое время бегство Хаджича в тот же день, когда белградское правительство получило обвинительное заключение в его адрес, было снято на пленку представителем дружественной разведки.

«*Basta*», — подумала я. Я уже наслушалась откровений Булатовича. Мне казалось, что при встречах с ним нужно включать детектор лжи. Я прервала его: «Предполагалось, что Младич будет арестован два месяца назад. По сообщениям прессы мы узнаем обо всем, что ваше агентство должно делать тайно. Это совершенно непрофессиональный подход… Я полагаю, что вы делаете это намеренно, для того, чтобы получить политическую поддержку. Ваши действия не приносят никаких результатов».

Я указала Булатовичу на явные несоответствия в его версии событий, то есть практически в лицо назвала его лжецом. Затем я заявила, что, если Белград действительно заинтересован в аресте Младича, то было бы более разумно следить за теми, кто его поддерживает, а не арестовывать этих людей.

Булатович попытался защититься, переложив вину на других людей. «Давление со стороны политиков заставляет нас использовать радикальные меры, — сказал он. — Мы должны показывать, что делаем хоть что-нибудь!» Еще сильнее возмущался Булатович, когда мы сказали ему, что в противоположность Сербии, Черногория прикладывает все усилия для розыска Караджича.

— Нам известно даже, в какое время каждый член его семьи в Черногории ложится спать и во сколько встает, — сказала я. — Нам известно каждое слово, произносимое в их домах.

— Так вы нам не доверяете? — спросил Булатович.

— Мы не знаем, что говорят те, кого вы допрашиваете, — ответила я. — Мы не получаем от вас никакой информации.

Булатович словно не слышал того, что я ему говорила. «Мы знаем, что у нас есть пара месяцев на то, чтобы арестовать его. У нас уже назрел серьезный конфликт в армии, Все, кто поддерживает и защищает Младича, — военные», — сказал он и добавил, что на 90 % уверен в том, что Караджич и Жуплянин находятся в Черногории, а Толимир нуждается в постоянном медицинском уходе.

Вскоре после приезда Булатовича белградские власти сделали очередную попытку выиграть время. Они представили нам некий «План действий» по аресту Младича, Караджича и других разыскиваемых. Черновики этого плана давно

курсировали в виртуальном пространстве между Белградом и Гаагой. В первоначальных вариантах, предложенных сербским правительством, в списке основных задач отсутствовало слово «арест», что вызвало законный протест прокурорской службы. Наконец 15 июля 2006 года «План действий» приобрел окончательный бумажный вид. Основной его задачей были розыск, арест и выдача Ратко Младича и остальных обвиняемых посредством «согласованных действий компетентных государственных органов». Для достижения этих целей руководство страны должно было создать «структуру оперативной безопасности». Кроме того, руководство должно было постоянно и публично демонстрировать свою явную готовность арестовать Ратко Младича и передать его в Гаагу, а также разъяснять, что арест генерала и других обвиняемых служит во благо Сербии. В конце концов, совместно с прокурорской службой трибунала был разработан подробный оперативный план, осуществление которого отслеживалось буквально ежедневно. Предъявив сербскому народу свой «План действий», Коштуница заявил, что без помощи Сербии Евросоюзу будет крайне сложно добиться стабильности на Балканах. Для него, возможно.

Утром 21 августа 2006 года в отсеке подсудимых в зале суда № 1 оставалось два свободных места. В тот день рассматривалось дело «Прокурор против Поповича и других». Судьи и секретари уже присутствовали. Переводчики заняли свои места. За пуленепробиваемым стеклом на галерее сотрудники безопасности объясняли зрителям и журналистам, как пользоваться устройствами для перевода. На месте были все представители обвинения во главе с калифорнийцем Питером Макклоски, который представлял первое дело, связанное с событиями в Сребренице. Семеро обвиняемых были малоизвестны даже в Боснии и Сербии. Два стула, оставшихся свободными, предназначались для Ратко Младича и его приспешника Здравко Толимира. Этот процесс по событиям в Сребренице должен был стать окончательным. Предполагалось, что Макклоски в подробной вступительной речи подведет его итог. Теперь же необходим был по меньшей мере еще один процесс.

Я воспользовалась этой возможностью, чтобы обратиться к суду и вспомнить жертв резни в Сребренице. Судя по всему, многие дипломаты и политические лидеры, имеющие дело с Сербией, предпочитали делать вид, что этого события вообще не было в истории.

Не вызывает сомнения тот факт, что были совершены геноцид и другие преступления против человечности… Целый народ был уничтожен, женщины, дети и старики были вынуждены покинуть

свои дома. Расстрельные бригады уничтожали безоружных мужчин и мальчиков. Трупы хоронили в братских могилах, а потом выкапывали и перезахоранивали в других местах, пытаясь скрыть правду о событиях от мира.

Но продолжающаяся трагедия Сребреницы, наследие этого чудовищного по своей жестокости акта, заключается в том, что семьи продолжают жить. Женщины и дети вынуждены жить дальше без отцов, мужей, братьев, сыновей, соседей, без своих близких…

Ваша честь, эти семеро обвиняемых, не говоря уже о Ратко Младиче и Здравко Толимире, несут наибольшую, я подчеркиваю, наибольшую ответственность за ужасные преступления, совершенные в Сребренице, о чем и говорится в обвинительном заключении…

Попытка призвать к ответу лиц, несущих наибольшую ответственность за ужасные преступления, совершенные на территории бывшей Югославии, в том числе и за самую мрачную страницу этой истории — геноцид в Сребренице, не может считаться полной. К сожалению, двое из тех, кто должен был находиться на скамье обвиняемых в этом зале, все еще на свободе. Я имею в виду Ратко Младича и Здравко Толимира.

Абсолютно недопустимо, что эти люди, а также Радован Караджич, до сих пор не арестованы и не выданы трибуналу, чтобы ответить на выдвинутые против них обвинения. Их арест целиком и полностью зависит от правительства Республики Сербия. Но правительство до сих пор отказывается сделать это… Недопустимый отказ арестовать Младича означает, что в будущем, когда Младич и Толимир будут арестованы, нам придется проводить еще один суд, связанный с событиями в Сребренице. Я не ошибаюсь: Младич, Толимир, Караджич и остальные обвиняемые будут арестованы. Они будут переданы в Гаагу и ответят за свои преступления. Мы обращаемся к международному сообществу, к женщинам, которые оплакивают своих близких в [Сребренице] и ко всем жертвам конфликта в бывшей Югославии…

Затем Макклоски и его помощники начали представлять доказательства и аргументы, а я вернулась к утомительному занятию — к принуждению Сербии выполнять свои международные обязательства. Конечно, «План действий» не привел ни к каким реальным действиям.

Статус-кво сохранялся до второй половины 2006 года. Обвиняемых не арестовывали, Белград не желал сотрудничать, а Евросоюз отказывался вести переговоры по стабилизации с Сербией. Затем США, Евросоюз и ООН переключились на вопрос

суверенитета Косово, части Сербии, населенной преимущественно этническими албанцами.

В усилиях ООН по определению будущего статуса Косово наступил переломный момент. Генеральный секретарь поручил своему специальному представителю, бывшему президенту Финляндии, Марти Ахтисаари, предложить план будущего статуса этого края. Пытаясь смягчить противодействие Сербии косовскому плану, некоторые страны-члены Евросоюза стали советовать смягчить позицию на переговорах по стабилизации и ассоциации. Я считала, что тем самым они подталкивают Сербию к полному отказу от выполнения своих обязательств по сотрудничеству с трибуналом.

Изменилась и позиция Соединенных Штатов. Осенью 2006 года мы получили информацию о том, что администрация Буша ведет внутренние дискуссии о том, стоит ли принимать Сербию в программу НАТО «Партнерство ради мира». Участие в этой программе облегчало восточно-европейским государствам и бывшим советским республикам вступление в альянс. Определенные крути сербской правящей элиты стремились включить страну в эту программу поскольку она обеспечивала финансовую помощь, необходимую для модернизации вооруженных сил. Соединенные Штаты всегда придерживались мнения, что программа «Партнерство ради мира» открыта только для тех стран, правительства которых эффективно сотрудничают с трибуналом по бывшей Югославии. Белграду сообщили, что Сербия сможет войти в программу только после того, как Младич будет доставлен в Гаагу. Судя по всему, теперь Вашингтон решил изменить свою позицию. Мы слышали, что Совет по национальной безопасности поддерживает снятие этого условия. Главный аргумент сводился к тому, что принятие Сербии в программу «Партнерство ради мира» не позволит Белграду установить хорошие отношения с Россией, а сербским военным придется провести ряд реформ, которые облегчат арест Младича, Караджича и других обвиняемых. В конце осени, незадолго до начала саммита НАТО в Риге, мы получили информацию о том, что дискуссия завершилась, и что в Вашингтоне решили продолжать настаивать на выполнении прежних условий. Мы были уверены, что давление на Белград не ослабеет.

Однако 28 ноября мне позвонили из Госдепартамента и сообщили, что во время перелета президента из Вашингтона в Ригу Джордж Буш решил изменить позицию США. Мы узнали, что его администрация получила письмо от президента Сербии Бориса Тадича с просьбой о принятии страны в программу «Партнерство ради мира», поскольку это повысит шансы

прозападно настроенных сербских политиков на предстоящих выборах. Несмотря на сопротивление некоторых стран-членов НАТО, в том числе и Нидерландов, НАТО решила открыть двери для Сербии, заявив при этом, что альянс подтверждает верность «ценностям и принципам», сформулированным в документах программы, ожидает от Сербии полного сотрудничества с трибуналом и будет контролировать исполнение этих обязательств.

Подобные известия меня не обрадовали. Я заявила, что ни НАТО, ни США не консультировались с трибуналом с целью оценки характера и степени сотрудничества Белграда. Решение НАТО стало для нас неприятным сюрпризом. Кроме того, я заявила, что данное решение можно расценивать, как вознаграждение за отказ Сербии сотрудничать с трибуналом. Однако администрация Буша решила, что прием в семью НАТО режима, который защищает Младича, обвиненного в убийстве почти 8 тысяч пленных мусульманских мужчин и мальчиков, не говоря уже о других обвинениях, вполне соответствует «ценностям и принципам» этой организации.

Товарищ прокурора Дэвид Толберт и мой политический советник Жан-Даниэль Руш через несколько недель после этого события посетили Вашингтон. У члена Совета по национальной безопасности они поинтересовались, почему США решили ослабить давление на сербов. «Мы продолжаем оказывать давление, — ответил этот человек. — Мы способны влиять на европейцев. Мы можем приказать Европе сохранять твердость и обсуждать вопрос сотрудничества с трибуналом на всех переговорах». Он подтвердил, что изменение политики было направлено на улучшение положения Тадича на выборах. Мы считали, что подобный подход в корне неверен. Новая политика США, по нашему мнению, пойдет на пользу лишь противникам Тадича: Коштунице и правым лидерам, сторонникам политики отказа от сотрудничества и выжидания того момента, когда международное сообщество забудет о резне в Сребренице. Последовавшие события подтвердили нашу правоту. После изменения позиции Вашингтона лидирующую позицию в опросах общественного мнения занял Коштуница, а не Тадич, и США потеряли возможность оказывать давление на Сербию. Коштуница с радостью принял манну небесную. Он заявил, что членство в программе «Партнерство ради мира» пойдет на пользу Сербии, поможет укрепить отношения страны с Западом и даже сохранить контроль над Косово. Вот этого-то Вашингтон не желал: США были явно заинтересованы в решении данного вопроса в интересах албанцев, что позволило бы перевести американские

войска в более важные в стратегическом отношении районы, то есть в Ирак и Афганистан. Теперь американцы тянули за совершенно бесполезные ниточки, а Коштуница решил разыграть в Косово русскую карту, и сделал это.

Решению Вашингтона об участии Сербии в программе «Партнерство ради мира» было всего несколько часов, а мы уже заметили, что и Евросоюз смягчил свою позицию относительно сотрудничества страны с трибуналом. 28 ноября 2006 года, именно в тот день, когда Джордж Буш в воздухе изменил свое решение, в Гаагу прибыл политический руководитель британского министерства иностранных дел, Джон Соэр. В начале нашей встречи Соэр заверил меня в том, что Британия, разумеется, остается самым верным и надежным сторонником трибунала в Евросоюзе. Разногласия между прокурорской службой и британским правительством носят исключительно тактический характер и не связаны с конечными целями.

— Давайте поговорим о Сербии, — сказал Соэр. — Согласен, этот вопрос всем давно наскучил. На политическом уровне они ничего не сделали. Но разведывательные службы стали более эффективно сотрудничать с нами, и мы считаем это прогрессом.

— Это движение, а не прогресс, — перебила я.

Соэр спросил, как Евросоюзу продолжать требовать от Сербии сотрудничества с трибуналом в качестве основного условия переговоров по стабилизации и ассоциации, если США изменили свою позицию: «Соединенные Штаты решили принять их в программу «Партнерство ради мира». Премьер-министру Блэру будет очень сложно отстаивать свою позицию в одиночестве».

Я поинтересовалась, почему же Блэру придется действовать в одиночестве, если Нидерланды, миротворческие силы которых были свидетелями падения Сребреницы, твердо поддерживают трибунал. Я подумала: «Значит, голландцы могут оставаться в одиночестве. Французы и бельгийцы нас поддерживают. Почему же Блэр не может к ним присоединиться?»

Соэр сказал, что нам нужно быть готовыми к атакам со стороны Италии, Испании, Венгрии, Австрии и Греции. Эти страны были самыми ярыми сторонниками Сербии в Евросоюзе. Они могли настаивать на возобновлении переговоров по стабилизации и ассоциации. «Нам нужно вести умную игру, — сказал Соэр, но тут же дал мне понять, что Великобритания может прекратить борьбу. — Нам хотелось бы вовлечь сербов в «цикл сотрудничества». В таком случае, если будет проявлена политическая воля, и будут замечены позитивные признаки прогресса, *за исключением выдачи Младича Гааге*, мы можем посоветовать Олли Рену возобновить переговоры». Эта фраза

была ключевой. Соэр произнес ее, даже не упоминая Косово.

21 января 2007 года сербские избиратели сделали свой выбор. Политики правого толка одержали оглушительную победу, хотя их места в парламенте были поделены между радикалами и сторонниками Коштуницы. Ни одна из партий не получила абсолютного большинства. И снова дипломатическое сообщество предпочло считать Коштуницу вовсе не упрямым националистом, каким он по сути своей и был, а «умеренным» политиком, способным сдержать радикальную партию. Ультранационалистическая, склонная к насилию радикальная партия была создана Воиславом Шешелем, который все еще находился в тюрьме Схевенинген, ожидая суда по обвинению в причастности к военным преступлениям, предположительно совершенным вооруженными формированиями его партии на территории Хорватии и Боснии. Результаты выборов сулили долгие месяцы переговоров по формированию нового правительства.

Британцы очень скоро вернулись в Гаагу. Министр по делам Европейского Союза Джеффри Хун прибыл в мой офис 29 января. На этот раз я была предельно откровенна:

— Сербы продолжают твердить, что хотели бы, чтобы Младич сдался добровольно. Если бы они хотели, то могли бы арестовать его давным-давно… Боюсь, решение Евросоюза о возобновлении переговоров с Белградом сослужит нам очень плохую службу.

— Где находится Младич? — спросил Хун.

— Скорее всего, в Белграде… Руководители обеих разведок должны точно знать его местонахождение, но Коштуница не дает им разрешения на арест.

Я считала, что сербский президент Борис Тадич может дать разрешение на арест, но на этом посту он не обладает реальной властью.

Затем Хун перешел к обсуждению иных действий Белграда, за исключением ареста и выдачи Младича, на основании которых я могла бы подтвердить, что Сербия сотрудничает с трибуналом. Я назвала «План действий» дымовой завесой, но все же сказала: «Если бы на ключевых постах находились люди, которым можно было бы доверять, и они предоставляли нам информацию, это можно было бы назвать сотрудничеством… Но я не могу доверять Булатовичу — он постоянно врет».

Хун сказал, что перед следующим совещанием министров иностранных дел Евросоюза собирается побывать в Белграде и оказать на сербов политическое давление:

— Сотрудничество будет служить и их интересам тоже. Я не пойду ни на какие уступки, иначе мы не добьемся никаких

результатов.

— А что с Косово? — спросила я, намекая на то, что Младича могли оставить в покое в обмен на согласие Сербии предоставить независимость Косово.

— В этом вопросе никакой торговли быть не может, — ответил Хун. — С другой стороны… Не уверен, что мы можем дожидаться ареста Младича, чтобы возобновить переговоры. Очень важно иметь объективные критерии оценки прогресса. Тогда мы поймем, действительно ли Сербия что-то делает…

Хун спросил меня о Караджиче. Я ответила, что у нас есть сведения о том, что он находится в Сербии, но часто возвращается в Республику Сербскую, и в этом ему помогают представители православной церкви. Он передвигается от монастыря к монастырю, от деревни к деревне. «Караджич зависит от наркотрафика», — сказала я и добавила, что мы обратились за помощью к одному боснийскому сербу, бизнесмену, пообещав ему защиту и материальное вознаграждение.

Но власти Республики Сербской ничего не делали для задержания разыскиваемых. Я не имела никакой информации о том, какие меры международное сообщество предпринимает для задержания лиц, обвиняемых трибуналом, в Боснии. Поэтому я просто предложила сдаться и уйти с поля:

— Если международное сообщество более не заинтересовано в задержании лиц, разыскиваемых трибуналом, так и скажите. Мы завершим наши суды и перестанем тратить средства на розыск. Это решение будет политическим. Возобновление переговоров по стабилизации и ассоциации станет сигналом: если вы продолжите переговоры, это будет означать, что вы больше не заинтересованы в аресте Караджича и Младича.

— Нет, — тут же ответил Хун, — наша позиция совершенно иная.

Я надеялась, что это действительно так.

31 января я отправилась в Брюссель, где встретилась не с Олли Реном, уехавшим в Хельсинки по семейным делам, а с Хавьером Соланой. Я сказала ему:

— Девяносто процентов обвиняемых уже находятся в заключении, и все благодаря Евросоюзу. Теперь настал критический момент для ареста Младича. Но Испания, Италия, Словения, Австрия, Венгрия и другие страны хотят продолжить переговоры по стабилизации и ассоциации из-за Косово… Такие действия будут иметь самые пагубные последствия. Коштуница уже получил разрешение на вступление в программу «Партнерство ради мира», не сделав практически ничего. Это

решение удивило даже его. А теперь он надеется, что и Евросоюз снимет свои условия… Если это так, то я прекращаю розыск… Но мне необходимо знать позицию Евросоюза.

— Нет, нет, Карла, — ответил Солана, и я тут же увидела очередную *muro di gomma*. — Необходимо продолжать работу. Но вы же понимаете, что ситуацию на Балканах следует стабилизировать. Мы будем продолжать стоять на своем…

— Мы должны отделить Косово от ареста Младича, — сказала я.

— Да, — согласился Солана. — но мы имеем дело с тем же правительством, и русские постоянно осложняют обстановку, чтобы выиграть время.

Затем Солана рассказал мне о проекте плана Ахтисаари по обеспечению суверенитета Косово. Албанцы должны получить независимость, но только под международным контролем. Окончательно план будет сформулирован к концу месяца. Но позиция относительно Младича остается неизменной.

— Если 12 февраля начнутся переговоры, можете забыть о Младиче и Караджиче, — сказала я, имея в виду переговоры по стабилизации и ассоциации.

— Без сотрудничества с трибуналом переговоры не начнутся, — заверил меня Солана. — Но арест Младича больше не будет основным условием.

Я сразу же вспомнила слова британского министра: *сотрудничество без ареста Младича*. Позиция Евросоюза стала мне абсолютно ясна.

— Во-первых, следует потребовать замены руководителей разведывательных служб, — сказала я. — Если я буду знать, что делает разведка, то смогу подтвердить эффективность сотрудничества, даже если Младич не будет арестован… Но Коштуница может выдать Младича прямо сейчас. И Булатович может. Надавите на Коштуницу… Я не настаиваю на немедленном аресте Караджича. Но я хочу получить Младича…

На следующий день я позвонила по открытой линии сербскому президенту Борису Тадичу. Двумя месяцами раньше у нас состоялась тайная встреча в Берлине. Мы обсуждали доклад о розыске Младича, составленный для президента обеими разведывательными службами. После этой встречи два советника Тадича прибыли в Гаагу и представили мне схему новой организационной структуры, которая должна была заниматься розыском и арестом Младича и отчитываться не перед Коштуницей, а перед Тадичем. Во время телефонного разговора я спросила Тадича о том, как продвигается розыск Младича. Прошло два месяца, а он все еще выжидал.

— Как обстоит дело с новой организацией? — спросила я. — Если вы создали новую структуру, она может оказаться весьма эффективной. Вы должны принять решение о том, кто должен войти в эту организацию. Речь идет об очень узком круге лиц.

— Согласен, — ответил президент. — Перемены необходимы.

— Было бы хорошо начать работу прямо сейчас…

— К сожалению, у нас сохраняется проблема Косово…

Год назад проблемой была смерть Милошевича. Осенью — выборы. Теперь Косово. «Без Косово, — продолжал Тадич, — ситуация была бы гораздо легче».

В понедельник 5 февраля я по телефону беседовала с Олли Реном. «В среду я собираюсь вылететь в Белград и хочу узнать ваше мнение о ситуации, — сказал он. — Я считаю, что на этой неделе нам не следует делать публичных заявлений относительно того, чего мы ожидаем от Сербии. Но в частной обстановке мы должны детально обсудить все вопросы, чтобы достичь реального прогресса. В любом случае, Евросоюз не примет никакого решения по переговорам до назначения нового правительства. Нам нужны конкретные ориентиры, точные критерии оценки».

Рен спросил, может ли прокурорская служба оценить степень сотрудничества Белграда и составить список действий, которые Сербия должна осуществить до и после формирования нового правительства. «Конечно, — ответила я. — Значит, у Белграда есть месяц на то, чтобы доказать свою искреннюю готовность арестовать Младича. Для этого им всего лишь нужно расставить по нужным местам нужных людей… Но мы должны убедить Коштуницу арестовать Младича, потому что он может сделать это прямо сейчас. Тадичу потребуется месяц. Тадичу нужны новые структуры, новые люди и новые способы работы… Значит, вы должны оказывать давление на существующее правительство. Речь идет о репутации Евросоюза. Сейчас сотрудничество стало менее эффективным, чем было раньше. Коштуница вступил в программу «Партнерство ради мира» и знает о том, что переговоры вскоре возобновятся. Так зачем же ему что-то делать?»

Мы немедленно отправили Рену свою оценку нежелания Белграда сотрудничать с трибуналом, а также список действий по улучшению ситуации. Мы писали, что с октября 2006 года Белград практически перестал разыскивать обвиняемых. Кроме того, ухудшилась ситуация с доступом к документам и свидетелям. Последняя информация по розыску, полученная нами от белградских властей, относилась к 13 октября. «План действий» оказался мертворожденным проектом. Все больше обращений трибунала, в том числе и запрос на выдачу личного

дела Ратко Младича, оставались без ответа. Прокурорская служба имела все основания полагать, что белградские власти в состоянии арестовать Младича и других обвиняемых, но не желают этого делать. Вплоть до марта 2006 года Белград не предоставлял никакой реальной информации о Младиче и его сторонниках. Сведения, которые могли бы помочь розыску, попросту игнорировались. Точно так же Белград не проявлял никакого желания арестовывать Радована Караджича.

Чтобы доказать свою готовность сотрудничать с трибуналом, новое правительство должно было осуществить значительные структурные и кадровые перестановки. В частности, Коштуница, все еще занимающий пост премьер-министра, а также министры внутренних дел, юстиции и обороны, а также руководители разведывательных служб не могут более восприниматься как заслуживающие доверия партнеры. Президент Тадич должен принять на себя личную ответственность за арест обвиняемых, заявить об этом публично и выделить средства для выполнения этой задачи. На оперативном уровне необходимо сформировать новую структуру с привлечением лучших кадров из гражданской и военной разведок. Эта структура должна подчиняться непосредственно президенту Тадичу и эффективно координировать свои действия с прокурорской службой Международного трибунала.

6 февраля мы встретились с министром иностранных дел Нидерландов Беном Ботом. Он подтвердил, что голландское правительство также получало информацию о том, что белградские власти могли арестовать Младича, но не сделали этого. Бот предупредил, чтобы мы готовились к дальнейшему давлению на трибунал с целью возобновления переговоров по стабилизации и ассоциации между Сербией и Евросоюзом. Он сказал, что ряд членов Евросоюза считает, что Сербия обязательно должна стать частью единой Европы, чтобы не попасть в сферу влияния Москвы. Подобная перспектива пугала страны Европы куда больше, чем неспособность арестовать нескольких военных преступников. По словам Бота, если Белграду и его сторонникам удастся протянуть еще полтора года, Сербия успешно выйдет сухой из воды.

Через день, 7 февраля, я начала переговоры со сторонниками Сербии в Евросоюзе. Моей первой остановкой был Мадрид. Несколькими неделями раньше я уже говорила испанским журналистам, что разочарована позицией Испании, которая безоговорочно поддерживала идею возобновления переговоров с Сербией. После этого интервью посол Испании в Нидерландах сообщил мне, что министр иностранных дел Мигель Анхель

Моратинос был весьма раздражен моими замечаниями и собирался отменить встречу в Мадриде. Посол посоветовал мне не делать публичных заявлений до встречи.

Атмосфера в испанском министерстве иностранных дел была весьма напряженной. Мой помощник Жан-Даниэль Руш признался, что все время сидел на краешке стула, гадая, кто первым закончит разговор: или я потянусь за своей сумочкой от Луи Вуиттон, или Моратинос укажет мне на дверь. Я не могла не понимать, что тревога Мадрида относительно Сербии во многом объясняется сходством проблем: у Сербии с Косово, у Испании — со Страной басков.

Я коротко поблагодарила Испанию за поддержку, оказанную трибуналу, в частности, в деле аресте хорватского обвиняемого, Анте Готовины.

— Но, — продолжала я, — мы удивлены тем, что Испания, Италия, Венгрия и другие страны хотят возобновить переговоры с Сербией, хотя Белград не хочет сотрудничать с трибуналом. Удивлена я и тем, что мои публичные заявления вызывают ваше раздражение… Я — прокурор и совершенно независима. Странно, что испанский посол пришел ко мне и сообщил, что я рискую вызвать ваше неудовольствие. Это был шантаж, и мне это не понравилось…

— Мадам, — ответил Моратинос, — послу Испании нет необходимости прибегать к шантажу. Я, в свою очередь, удивлен тем, что вы, мадам дель Понте, стали оценивать позицию нашей страны, не приехав и не познакомившись с точкой зрения правительства. Мы с вами никогда не обсуждали этих вопросов… Насколько мне известно, вы не присутствовали на заседании совета, когда я излагал позицию нашей страны. Если вы уже сформировали свое мнение по этому вопросу, нам не было нужды встречаться… Мы хотим помочь вам, как помогли в деле с Хорватией. Вспомните, что Хорватия стала кандидатом [на вступление в Евросоюз] еще до того, как продемонстрировала полную готовность к сотрудничеству. Почему мы не можем так же отнестись к Сербии?

Моратинос заверил меня, что возобновление переговоров по стабилизации и ассоциации не означает, что Евросоюз прекратит требовать от Сербии более эффективного сотрудничества с трибуналом: «Нас никто не заставляет подписывать соглашения, если сотрудничества не будет. Мы говорим сербам, что они потеряли Черногорию, что они теряют Косово, и что они должны арестовать Младича. Но меня беспокоит стабильность этого региона. Мы должны подбодрить сербов, чтобы получить реальные результаты».

К этому моменту щеки Моратиноса уже пылали, голос стал громче, а жесты резче. Министр сказал, что Испания и другие страны хотели возобновить переговоры с Сербией: «Не без условий, но арест Младича не должен быть основным из них…»

«Сожалею, что вызвала ваше неудовольствие», — извинилась я. Но потом, чтобы прояснить обстановку, решила рассказать о том, почему переговоры были прерваны весной 2006 года. Я рассказала о постоянных пустых обещаниях Коштуницы. Я сказала, что слово сербского премьера ничего не стоит, и что Белград ничего не сделал для трибунала, пока не было принято решение о принятии страны в программу НАТО «Партнерство ради мира».

Министр признал, что Испания поддерживала решение о приостановке переговоров с Белградом весной 2006 года. «Но с того времени ничто не изменилось», — сказала я.

Моратинос снова заявил, что арест Караджича — это дело Боснии и Герцеговины, словно сараевское правительство могло отвечать за полное нежелание боснийских сербов из Республики Сербской сотрудничать с трибуналом. «Почему вы не говорите о нежелании Боснии сотрудничать? — спросил Моратинос. — Такой подход не работает. Нам нужно найти решение, которое принесло бы результаты. Для многих людей это вопрос жизни и смерти».

Обстановка в кабинете стала еще более напряженной. Я повернулась к своему помощнику. Он видел, что я в ярости. «Скажите же что-нибудь», — сказала я ему. Руш привел какой-то аргумент, просто для того, чтобы немного разрядить обстановку.

Моратинос коснулся вопроса о том, что Коштуница считает приостановку переговоров Сербии с Евросоюзом намеренным действием, направленным на то, чтобы повлиять на исход референдума о независимости Черногории. А потом он снова повторил:

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы убедить Сербию сотрудничать. Нам нужно эффективное сотрудничество. Если переговоры войдут в завершающую фазу, а Младич все еще не будет арестован, мы не подпишем соглашение.

— Дайте мне два месяца, — сказала я, имея в виду два месяца после формирования нового сербского правительства.

— Я даю вам три месяца, — ответил Моратинос. — Через три месяца вы вернетесь, и будете умолять о поддержке.

К этому времени мы оба уже поднялись со своих мест.

На следующий день, 14 февраля, мне позвонили из Брюсселя и передали приглашение на обед во дворец Пале д'Эгмон с министром иностранных дел Бельгии, Карелом де Гухтом. После

небольшой суматохи в аэропорту прибыла машина министра и доставила нас во дворец. За обедом подавали великолепные креветки и прекрасную вырезку в сопровождении изысканного шабли Premier Cru и десятилетнего бордо. Министр сообщил, что на встрече министров иностранных дел Евросоюза Нидерланды активно пытались не дать Испании, Италии, Австрии, Венгрии и Словении (эти страны он назвал «Габсбургами») убедить остальных в том, что переговоры с Сербией по стабилизации и ассоциации следует продолжить без выдвижения каких-либо условий. Благодаря усилиям Бельгии, Нидерландов и других стран в окончательном заявлении говорилось, что переговоры могут быть возобновлены только после того, как в Сербии будет сформировано новое правительство и страна продемонстрирует твердое намерение сотрудничать с трибуналом и осуществлять конкретные и эффективные действия. Первоначальная позиция была несколько смягчена — прежде ни о каких переговорах до полного сотрудничества и ареста обвиняемых и речи не шло. Но все же в ней сохранились определенные условия. «Большего мы сделать не могли, — сказал де Гухт. — Они были готовы принять Сербию вообще без условий… Но если мы забудем о Младиче, это окажет влияние на весь регион». Министр сказал, что позиция Бельгии по вопросу сотрудничества Сербии с трибуналом остается неизменной, даже если ее не поддержат остальные страны. Де Гухт сообщил, что направил письмо министру иностранных дел Германии, возглавлявшему встречи министров, с просьбой на следующей встрече заслушать мое выступление.

Из Брюсселя мы вылетели в Рим, где 15 февраля должны были встретиться с министром иностранных дел Италии Массимо д'Алема — еще одним сторонником безоговорочного возобновления переговоров с Сербией по стабилизации и ассоциации. На родине *muro di gomma* меня ожидал более теплый прием, чем в Испании. Я сразу же сказала итальянскому министру о своей благодарности за то, что он выделил время для встречи со мной. Мне было довольно трудно отыскать тех, кто находил для меня время:

— Боюсь, Евросоюз примет решение о возобновлении переговоров с Сербией без всяких условий: мы перестали получать какие-либо документы, и обвиняемых больше никто не арестовывает. Для ареста Младича мне нужен месяц после формирования правительства. Сейчас необходимо восстановить контакты. Моратинос согласился дать мне три месяца после формирования нового правительства.

— Но, — сказал д'Алема, — вы же знаете, что за исключением Бельгии и Нидерландов все остальные согласились возобновить

переговоры при наличии прогресса. Мы не собираемся подрывать позиции трибунала. Нам нужны результаты. Задержка переговоров ни к чему не привела. Все взаимосвязано. Да еще и Косово… Не забывайте, Тадич считает нашу формулу лучшей. Помните, Джинджич дорого заплатил за готовность сотрудничать с трибуналом… Враждебность не способствует сотрудничеству а лишь разжигает националистические настроения. Это может дестабилизировать весь регион в целом… Мы находимся в очень сложном положении, но в основном наша позиция осталась неизменной. Ничего нельзя сделать до формирования нового правительства. Затем мы должны оценить степень его готовности к сотрудничеству и пересмотреть позицию Евросоюза. Нам не нужна публичная полемика. Она еще больше запутает ситуацию… Мы должны произвести оценку совместно: если у сербов возникнет ощущение, что прокурор отстранен от этого процесса, они полностью прекратят сотрудничать с вами. Никто в Европе не считает, что сербы не должны сотрудничать. Нам необходимо создать атмосферу уверенности. Я могу ошибаться, но только из самых лучших побуждений…

Мне не было понятно, как белградские власти смогут сотрудничать еще меньше.

— Статус Косово никак не связан с работой трибунала, — сказала я. — Я убеждена, что нам никогда не заполучить Караджича и Младича. Работа трибунала должна завершиться в 2010 году. Они тянут время. Им и так сделали подарок — «Партнерство ради мира». А вы хотите сделать еще один…

Я была возмущена.

— Только моя служба может определить, готово ли новое правительство к сотрудничеству. Такую оценку могу дать только я. Может быть, Тадич и готов работать со мной… Но вы должны дать мне достаточно времени для такой оценки. Если вы начнете переговоры, а Младич все еще останется на свободе, это в значительной мере осложнит работу обвинения в Хорватии и Боснии.

— Разумеется, — ответил д'Алема, — трибунал должен определить, являются ли действия нового правительства конкретными и эффективными.

— Значит, вы согласны с тем, чтобы я провела оценку, прежде чем вы решите вопрос о возобновлении переговоров?

— Нет, я считаю, что вы можете проконсультировать нас по вопросу о том, являются ли действия нового правительства эффективными.

— Новое правительство должно со мной связаться, — сказала я. — Я готова оценить степень их сотрудничества, если они будут

работать в контакте с обвинением.

В заключение д'Алема сказал, что главная проблема — это наличие политической воли: «Если вы боитесь, что они будут ждать завершения работы трибунала, мы готовы продлить ваш мандат и после 2010 года». Я поняла, что продолжать далее бессмысленно. Только Совет безопасности ООН мог продлить мандат трибунала после 2010 года. Италия не являлась членом Совета. Несомненно, эта страна не дала бы и цента на то, чтобы продлить жизнь трибунала хотя бы на день.

Суд по Сребренице продолжался всего два месяца, когда осенью 2006 года Соединенные Штаты сняли все условия для вступления Сербии в программу «Партнерство ради мира». Страны Евросоюза подумывали о том же для возобновления переговоров о стабилизации и ассоциации. В конце февраля 2007 года у обвинения оставалось всего несколько месяцев для представления доказательств по делу против Поповича и других обвиняемых. Младич и его помощник по вопросам разведки и безопасности генерал Толимир все еще оставались на свободе. Благодаря двум свидетелям обвинения я лишний раз убедилась в том, что, несмотря на ослабевающую поддержку трибунала со стороны западных держав, должна и дальше требовать немедленного ареста этих людей.

Всего в нескольких ярдах от моего кабинета за ширмой, которая надежно скрывала его от зрителей, находившихся на галерее, сидел свидетель обвинения, человек, имя которого скрывалось с целью защиты от преследований. В армии боснийских сербов он был шофером. Он подвозил солдатам продукты и напитки во время резни в Сребренице. Этот человек рассказал, как стал свидетелем казни мусульманских мужчин и мальчиков, которых привезли на место казни, где уже находилось немало трупов. А затем произошло ужасное событие:

То, из чего состояла эта груда мертвых тел, уже ничем не напоминало людей… Просто груда мертвой плоти… Но вдруг оттуда поднялось человеческое существо. Я говорю «человек», но на самом деле это был мальчик лет пяти-шести. Я не мог поверить своим глазам…

Человек поднялся и начал двигаться к дороге. На дороге стояли солдаты с автоматами и выполняли свою работу. Ребенок шел прямо к ним. Эти солдаты и полицейские… Эти люди, которые без тени сомнения расстреливали людей… все они… неожиданно опустили свои автоматы, и все, буквально до последнего человека, замерли. Это был всего лишь ребенок… невинный маленький ребенок… покрытый ошметками мертвых тел…

Тот офицер… Уверен, он был подполковником или полковником… Он был… самым высокомерным человеком… Он повернулся к солдатам и сказал: «Чего вы ждете? Прикончите его». Тогда те самые солдаты, которые, не задумываясь, расстреливали людей, сказали ему «У вас тоже есть пистолет. Так почему бы вам ни прикончить его самому? Смелее, потому что мы этого сделать не можем». Все они… просто утратили дар речи. Офицер сказал: «Возьмите ребенка, посадите его в грузовик и увезите. Присоедините его к следующей группе пленных, и тогда мы его прикончим».

Я там был. Я был абсолютно беспомощным. Я был чужаком… просто подвозил продукты… Я не имел никакого отношения к происходящему. Они казнили людей, а я просто подвозил припасы. И они взяли этого ребенка, не те, что расстреливали людей, нет… Другие взяли ребенка на руки… Он сказал: «Бабо», так они называют отцов. Он повторял: «Бабо, где ты?» Ребенок был в шоке. Они посадили его в грузовик Мальчик знал, что его уже везли на грузовике. У него начались конвульсии. Он дрожал и повторял: «Нет, нет, я туда не поеду».

И тогда я вмешался… Я сказал им: «Послушайте, я включу в своей машине свет и музыку, и отвлеку его внимание от того, что произошло. Я включу радио». Я хотел, чтобы ребенок успокоился. Он не понимал, что происходит, кто он такой, кто все эти люди. Я сказал: «Я постараюсь отвезти его туда, куда вы мне скажете». Я сел в машину, включил свет… И это помогло ребенку, потому что для него все вокруг было покрыто мраком…

Я сказал ему: «Иди сюда, иди сюда, иди ко мне». Я сказал: «Смотри, горит свет, играет музыка». Он взял меня за руку и сел в машину… Не хочу, чтобы кто-нибудь еще пережил нечто подобное… Я всегда был сильным мужчиной. Я был твердым и решительным. Меня всегда уважали. Но я не хочу, чтобы кто-нибудь еще пережил это: мальчик крепко схватил меня за руку. Я удивился силе этого ребенка. А потом я сел в машину, оставил его одного на минутку. Мне нужно было завести машину, и я включил музыку, и мы вернулись за остальными… вы знаете, кем были эти остальные… чтобы они могли расстрелять следующую партию.

Всего через четыре дня после этого заседания, 26 февраля 2007 года, на мониторе внутренней связи я снова наблюдала за слушаниями в зале № 1. Показания на закрытом заседании давал молодой человек. Это он, когда ему было всего семь лет, покрытый кровью и грязью, выбрался из груды трупов и пошел к палачам, которые убили его *бабо*.

Сидя в своем кабинете и слушая показания свидетелей, я

почти что слышала громкий вздох облегчения и взрывы зловещего смеха, раздававшиеся со стороны Сербии. Тем утром Международный уголовный суд, штаб-квартира которого, Дворец мира, располагалась всего в километре от здания трибунала по Югославии, принял решение по иску Республики Босния и Герцеговина к Сербии по обвинению в геноциде в период с 1992 по 1995 годы. Иск основывался на том, что Слободан Милошевич вооружал, финансировал и всячески поддерживал проводимую боснийскими сербами политику этнических чисток, которая унесла десятки тысяч жизней, а сотни тысяч людей лишила крова. Тринадцатью голосами против двух судьи Международного уголовного суда постановили, что Сербия непричастна к геноциду в Боснии и Герцеговине, в том числе к массовым убийствам в Сребренице. Большинством голосов было решено, что Сербия «не совершала геноцида посредством действий государственных органов или лиц, чьи действия подпадают под ответственность в рамках международного обычного права». В этом решении президент суда, английский судья Розалин Хиггинс, написала: «Суд постановляет, что акты геноцида в Сребренице не могут быть приписаны государственным органам [Сербии]». Решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

Я была потрясена. Я знала, что правосудие не свершилось. С весны 2003 года прокурорская служба получила сотни секретных документов, в том числе стенограммы военных совещаний политических и военных лидеров Югославии. Эти документы ясно доказывали роль Сербии в боснийской войне. Сербия добилась того, чтобы часть этих документов рассматривалась конфиденциально и ни в коем случае не попала в руки судей Международного уголовного суда. Если бы судьи имели доступ к стенограммам заседаний Верховного совета обороны, они бы приняли иное решение. Однако Международный уголовный суд не запросил документы из Сербии. Адвокаты, представлявшие боснийскую сторону, умоляли суд запросить у Сербии нецензурированные документы, но суд отказался, заявив, что «значительное количество доказательств» имеется в трибунале по военным преступлениям. Решение подтвердило, что судьи не видели полных стенограмм заседаний Верховного совета обороны. Двое судей Международного уголовного суда записали особое мнение и критически отозвались о вынесенном решении. Вице-президент суда, иорданец Аун Шавкат аль-Хасауэйни, в своем особом мнении написал, что «к сожалению, суд не выполнил своей задачи», и добавил: «Имеются достаточные основания ожидать, что данные документы могли бы пролить свет на центральные вопросы». Другой судья, высказавший особое

мнение, Ахмед Махиу из Алжира, написал, что у судей было несколько «абсолютно неубедительных» причин не запрашивать документы. К числу таких причин следует отнести и страх создать впечатление необъективности суда и нарушения суверенитета государства. Кроме того, если бы Сербия отказалась предоставить документы, суд оказался бы в неловком положении. Все это было бы смешно, когда бы не было столь трагично…

Стенограммы заседаний Верховного совета обороны и другие секретные документы убедительно доказывали, что Сербия контролировала и направляла действия армии боснийских сербов на территории Боснии и Герцеговины. В них раскрывались детали того, как Белград финансировал и поддерживал боснийских сербов. Они показывали, что армия боснийских сербов, формально отделившаяся от югославской армии в 1992 году, фактически оставалась ее придатком. Документы доказывали, что сербские войска, в том числе и подразделения тайной полиции, сыграли важную роль в захвате Сребреницы и подготовке массовых убийств. Может быть, меня осудят за эти слова… Но я должна расставить все точки над i.

Во второй части своего решения Международный уголовный суд двенадцатью голосами против трех постановил, что Сербия «нарушила обязательство предотвратить геноцид», и это относилось к резне в Сребренице в 1995 году. Судья Хиггинс заявила, что белградские власти отлично понимали, что в Сребренице может начаться настоящая резня. Однако Сербия «не продемонстрировала никакой инициативы по предотвращению этих событий и никак не попыталась предотвратить совершенные там преступления». В постановлении говорилось, что утверждения Сербии о своей полной неспособности предотвратить резню, «не выдерживают критики, поскольку известно о влиянии» этой страны на армию боснийских сербов.

Суд постановил, что финансовая компенсация за неспособность предотвратить геноцид в Сребренице не может считаться адекватным средством. Более уместным, по мнению суда, была бы декларация, в которой Сербия признавала свою неспособность исполнить обязательство по предотвращению геноцида.

В тот день мы с моими юристами собрались, чтобы обсудить вопрос о том, можно ли использовать решение Международного уголовного суда для дипломатических усилий по оказанию давления на Белград с целью ареста оставшихся на свободе обвиняемых. Суд постановил, что Сербия нарушила Конвенцию по предупреждению и наказанию преступления геноцида (эта страна стала первой, к которой была применена данная конвенция), так

как не смогла арестовать и передать Международному трибуналу Младича и Караджича. Постановление суда давало нам убедительные аргументы, с которыми мы могли обращаться к странам Евросоюза. Неужели они действительно хотят иметь дело с государством, которое нарушило конвенцию по геноциду? А как же быть с убеждениями и принципами? Как быть с принципом «никогда снова»?

27 февраля 2007 года я написала канцлеру Федеративной Республики Германия Ангеле Меркель. В этом году Германия занимала пост президента Евросоюза. В своем письме я указывала на то, что Международный уголовный суд постановил, что Сербия не смогла предотвратить совершение геноцида в Сребренице и не наказала виновных, в том числе Ратко Младича. Я написала: «Как показывает прошлый опыт, только непрекращающееся давление и четкость позиции Евросоюза могут заставить Сербию сотрудничать. Во имя правосудия и торжества закона крайне важно, чтобы Евросоюз придерживался ранее занятой принципиальной позиции, и чтобы переговоры по стабилизации и ассоциации возобновились лишь после того, как Сербия арестует и выдаст трибуналу Ратко Младича».

Через неделю я получила вежливый ответ.

На последней неделе мая 2007 года, через несколько месяцев после парламентских выборов, политические лидеры Сербии наконец-то смогли сформировать новое правительство. В это же время прокурорская служба направила в страну двух опытных следователей по вопросам нарушений прав человека и военным преступлениям. Для наблюдения за усилиями нового правительства по аресту и выдаче последних обвиняемых в Белград прибыли Стефания Фриз и Влатка Михелич. Ситуация начала развиваться.

31 мая 2007 года количество оставшихся на свободе обвиняемых сократилось с шести до пяти. Власти Республики Сербской наконец-то произвели первый арест. Впрочем, особых усилий с их стороны не потребовалось. Местонахождение Здравко Толимира, второго человека после Ратко Младича, выяснили люди Булатовича, а не боснийские сербы. Генерал находился в квартире, расположенной по соседству с домом одного из родственников Младича. Толимир был единственным человеком в армии боснийских сербов, который мог открыто выражать несогласие с Младичем. Он не был коррупционером и всегда жил сурово и просто, как православный монах. Младич ему полностью доверял, и Толимир был ключом к его защите.

Сербы никогда не сообщали мне о том, как был произведен этот арест. Коштуница, несмотря на все обещания, был

противником арестов военных преступников. По каким-то причинам, которых я была не в состоянии понять, он хотел создать впечатление, что Сербия не причастна к аресту Толимира. Мы знали, что генерал болен, и что люди Булатовича следят за его врачами и женой. Возможно, благодаря этому и удалось выяснить его местонахождение. Сербский спецназ арестовал Толимира после того, как он отказался сдаться добровольно. Судя по всему, Булатович связался с полицией Республики Сербской и сообщил им, что Младич или кто-то из его близких собирается пересечь границу Сербии и Боснии и Герцеговины. Полиция боснийских сербов прибыла в город Братунац, расположенный на берегу реки Дрина, разделяющей два государства. Сербские власти обеспечили Толимиру переход через реку. Полиция Республики Сербской обнаружила его в полном одиночестве. Он шел в сторону деревни Сопотник. Толимир отказался отвечать на любые вопросы. Его доставили в столицу Республики Сербской, Баня-Луку, и там власти передали его европейскому военному контингенту. По заранее разработанной процедуре войска НАТО доставили генерала в Гаагу. Толимир не жаловался на то, как обращались с ним в Боснии. Командиры натовского контингента рассказали, что он сохранял спокойствие и много говорил о своей жизненной философии и о контроле над разумом. Власти боснийских сербов позднее сообщили мне, что Толимир никогда не принял бы участия в подобном фарсе только для того, чтобы Коштуница мог сказать, что ни один из обвиняемых трибуналом не был арестован на сербской земле. (Один из полицейских даже пошутил, что сербские власти считают Республику Сербскую подходящим местом для хранения «ядерных отходов».)

Арест Толимира застал меня врасплох. Настроение у нас поднялось. Казалось, арест Младича не за горами. На первых слушаниях в судебной палате Толимир был очень раздражен. Он не обращал внимания на приказы судей, не вставал при их появлении. Он снял наушники, через которые транслировался синхронный перевод слушаний. Он не хотел слышать, как секретарь суда зачитывает восемь пунктов обвинительного заключения. Толимира обвиняли в причастности к геноциду и другим преступлениям, связанным с резней в Сребренице. Генерал отказался признать себя виновным и потребовал, чтобы трибунал расследовал его «незаконное задержание и похищение», совершенные «преступной группировкой». Уверена, он чувствовал себя преданным собственным народом. Я не понимала, почему Булатович не задержал Толимира дольше, чтобы допросить его о местонахождении Младича.

В течение нескольких месяцев я планировала длительную

поездку в Белград с тем, чтобы мой приезд совпал с формированием нового правительства. Я хотела остановиться в отеле «Хайатт», встретиться с максимально возможным количеством официальных лиц, потребовать от них ареста последних обвиняемых трибуналом и оказать на сербское правительство предельно сильное давление для выполнения им международных обязательств. Арест Толимира за несколько дней до начала моей поездки лишил меня веских аргументов. В правительственных кабинетах Белграда я слышала все тот же знакомый рефрен: «Сербия должна выполнить все обязательства по отношению к трибуналу по Югославии и как можно быстрее». Но на этот раз те же слова произносили сербские министры, шефы полиции и руководители секретных служб.

В понедельник я встретилась с Коштуницей. Несмотря на благожелательную риторику, назвать нашу встречу приятной было нельзя. Коштуница заверил меня, что сотрудничество Сербии с трибуналом вошло в новую фазу. «Последний этап процесса пройдет значительно легче, — сказал он и сразу же напомнил, что координаторы отношений Сербии с трибуналом, Владимир Вукчевич и Расим Ладжич, проделали отличную работу, которая и привела к аресту Толимира. «Все было сделано совместно с Республикой Сербской», — твердил Коштуница. Затем он сказал, что арестовать Младича и других обвиняемых можно было еще год назад, если бы я дала Олли Рену положительную оценку сотрудничества Сербии с трибуналом, и если бы Евросоюз не прервал переговоров о стабилизации и ассоциации с Белградом. «Сейчас все уже было бы решено», — повторил он.

Я поблагодарила Коштуницу за арест Толимира и согласилась с его мнением о том, что сейчас обстановка благоприятствует новым арестам и возобновлению переговоров Сербии с Евросоюзом. Но я чувствовала какой-то подвох… Коштуница продолжал настаивать на том, что Толимира задержали в Республике Сербской, словно ему не было известно то, что я уже знала, или он полагал, что для меня это неважно. Я спросила, почему Коштуница не объявил об аресте Толимира публично, чтобы сербский народ знал, как важно передать обвиняемых в руки правосудия.

«В этом не было необходимости, — отрезал сербский премьер. — Вполне достаточно и того, что было сделано». После этого он снова начал критиковать трибунал и даже выступил в защиту радикального сербского националиста Воислава Шешеля, сказав, что свидетели против него были подкуплены. Подобные заявления были настолько чудовищны, что никто не воспринял их

всерьез, за исключением, пожалуй, судьи, председательствующего на процессе Шешеля, корсиканца Жана Клода Антонетти. Монологи этого судьи были настолько своеобразны, что двое других судей, занимавшихся тем же делом, предпочли публично дистанцироваться от них.

«Я продолжаю наставить на полном сотрудничестве», — повторила я. Но Коштуница заверил меня, что арест Младича для Сербии будет гораздо сложнее, чем арест Готовины для Хорватии:

— Мы не знаем Младича. Мы никогда его не видели. Он из Боснии. Его местонахождение неизвестно…

— Младич находится в Сербии, — перебила я. — И даже в Белграде, причем при полном попустительстве властей. Можем ли мы быть уверены, что вы готовы проявить политическую волю и решить эту проблему?

— По Младичу — ответил Коштуница, — конечно, да.

Я не была в этом уверена. У меня не было никаких оснований доверять Коштунице. В конце концов, сербский премьер только что выдал настоящий перл: «Мы не знаем Младича». Однако через несколько часов мы узнали правду об аресте Толимира. Выяснилось, что главный прокурор по военным преступлениям Владимир Вукчевич и чиновник, отвечающий за сотрудничество Сербии с трибуналом, Расим Ладжич, ничего не знали об этой операции. Вукчевич даже подал в отставку, потому что его держали в стороне от процесса принятия решения. «Мы вместе присутствовали на совещаниях, и Булатович лгал нам, — сказал мне Вукчевич. — Почему было не арестовать Толимира в Сербии? Тогда мы доказали бы свою готовность к полному сотрудничеству». В конце разговора Вукчевич признал, что, по его выражению, «неважно, какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила». После ареста Толимира мне оставалось придерживаться того же принципа.

В Сербии я пробыла еще четыре дня, вела переговоры с чиновниками и старалась убедиться в том, что арест Толимира не будет последним. В начале встречи с президентом Борисом Тадичем я сказала, что положительно оценю сотрудничество Сербии с трибуналом в ООН и Евросоюзе. Кроме того, Олли Рен уже говорил о том, что Сербия получит от Евросоюза значительную финансовую поддержку. Я не могла не сказать, что, каким бы ни было наше мнение о Булатовиче, арест Толимира состоялся только благодаря его усилиям. Булатович добился результата. Нужно сделать так, чтобы он снова добился успеха. «Булатович может арестовать Младича, и ему нужно позволить это сделать. Давайте подумаем, как закончить всю эту историю». Тадич отнесся к моим словам без энтузиазма. Он не доверял

Булатовичу и я его прекрасно понимала: в ходе формирования нового правительства он пытался его сместить. «И вы просите меня оставить Булатовича?» — поразился Тадич, тут же спросив, не вступила ли я в партию Коштуницы.

Я не верила Булатовичу и ясно дала это понять всем вокруг, в том числе и ему самому, еще год назад, до ареста Толимира. Но часы пошли вспять. Люди Булатовича арестовали Толимира. Поддержка трибунала со стороны других сербских министров усиливалась. Мы получили даже пресловутое личное дело Ратко Младича, из которого был изъят всего один документ, оценка его деятельности за 1995 год, год резни в Сребренице. Теперь нужно было арестовать Младича и остальных. Не было смысла менять коней на переправе. Ведь сейчас все, кто отвечал за процесс расширения Евросоюза, следили за каждым движением Белграда: «Мяч перешел в их руки. Мы должны помогать им в меру своих сил».

«Мне нужен Младич, — сказала я. — И немедленно!».

Полиция Республики Сербской вскоре провела обыски в домах двух родственников Стояна Жуплянина. 15 июня вертолеты сербской полиции разыскивали Младича в районе православных монастырей, в горах западнее Белграда. В тот же день сербская разведка получила от прокурорской службы информацию об одной из любовниц Властимира Джорджевича. Ее арестовали за мелкое таможенное нарушение. Во время допроса она сообщила о местонахождении Джорджевича… Генерал скрывался не в России, как мы предполагали, а в курортном городке на побережье Черногории. Джорджевич вернулся из России не позже 2003 года, поскольку у него истекал срок действия паспорта. В Сербии он приобрел подложные документы и, по меньшей мере, часть времени проживал под весьма провокационным именем — Новица Караджич. Он часто бывал в Белграде и даже останавливался в известном отеле «Москва». Знакомые официанты его не узнавали. Жена не узнала его на улице. Джорджевич занимался строительством в курортном городке Будва, на берегу Адриатического моря. В свое время мы с моими помощниками провели там чудесный день, прогуливаясь по мощеным улочкам и наслаждаясь замечательным местным вином. Город переживал настоящий строительный бум, поэтому его наводнили тысячи незарегистрированных рабочих. Джорджевич без труда затерялся среди них.

Черногорские власти даже не подозревали, что Джорджевич находится в их стране. Они не поверили, когда Булатович позвонил и сообщил эту новость. 16 июня сразу после полуночи в Черногории приземлился самолет, на борту которого были

сербские полицейские, сотрудники разведки и представители трибунала. Целый день все занимались планированием операции. Полиция захватила одну квартиру в Будве. Джорджевича там не оказалось. Тогда силы были переброшены в другую точку. Джорджевич присматривал за этим домом. Он был в саду.

Через три недели я приехала в Черногорию, и мне было о чем спросить местных чиновников. «Караджич, — сказала я президенту Филиппу Вуяновичу. — Караджич… Джорджевич жил под именем Караджич!» Эти слова звучали, как пощечина. «Как Джорджевич мог жить под таким именем и остаться незамеченным?!»

Вуянович и другие чиновники твердили, что никто в Черногории не занимался розысками Джорджевича. Все считали, что он находится в России. Черногория не получала никаких запросов о нем, хотя по всем другим обвиняемым запросы регулярно поступали. Мне объяснили, что Джорджевич скрывался там, где у него были связи, сформировавшиеся в годы его работы в полиции. Он жил только в тех домах и квартирах, которые принадлежали сербам. Он имел дело только с гражданами Сербии.

«Но его имя! Как можно целый год прожить в Черногории под именем Караджич и не привлечь внимания полиции? Сколько Караджичей живет в вашей стране?» Мне нужно было убедиться в том, что контакты между черногорской и сербской полицией укрепились. Вуянович заверил меня, что власти его страны готовы к сотрудничеству и сделают все необходимое.

«Было бы лучше арестовать настоящего Караджича», — сказал черногорский президент. Он подчеркнул, что главные наши цели — это Караджич и Младич. Вуянович напомнил, как черногорцы внедрили своего агента в православный монастырь, чтобы следить за Караджичем. Черногорцы видели Караджича во время похорон его матери. Вуянович сказал, что черногорские власти продолжают оказывать максимальное давление на членов семьи Караджича. Они запретили выезд из страны 46 лицам, которых подозревали в связях с обвиняемыми, в том числе родственникам Караджича и настоятелю сербского православного монастыря в Милешево епископу Филарету. Затем президент предложил мне немного отдохнуть в национальном парке Тара.

«Все это потом, — подумала я. — Потом…».

Впервые я задумалась о тысячах женщин, которые потеряли своих мужей, отцов и сыновей в Сребренице, во время одной из первых поездок в Боснию и Герцеговину, незадолго до падения режима Слободана Милошевича. Ко мне обратились представители группы «Матерей Сребреницы». Они требовали

встречи. Несколько сотен женщин собрались перед входом в здание ООН в Сараево. Охранники отказывались впустить их внутрь. Они сообщили, что я смогу принять только двух-трех представительниц. Могла разразиться катастрофа. Я сказала, что если охрана не впустит женщин внутрь, я выйду на площадь одна. Только после этого мне выделили конференц-зал. Я пожала руки всем этим женщинам, когда они направлялись в зал. Я почувствовала мозоли на их руках. Я видела их ветхую одежду. Я поняла, в каких ужасных условиях они живут. Я думала, что они будут жаловаться на материальные проблемы — с жильем, продуктами, невозможностью найти работу. Они заговорили все сразу, и я не хотела их останавливать… Все они требовали только одного — правосудия. «Вы символизируете правосудие, — сказала одна из этих женщин. — Вы должны судить Милошевича в Гааге». Вы не можете представить себе, насколько я была потрясена. Я почувствовала себя символом неспособности международного сообщества осуществить правосудие.

В следующий раз я встретилась с женщинами Сребреницы на мемориальной службе 11 июля 2001 года. В это время шел суд над Крстичем. Многие женщины похоронили близких, останки которых удалось идентифицировать в течение предшествующего года. Когда я вошла на кладбище, то сразу же услышала гул женских голосов, твердивших что-то на сербо-хорватском языке. Я не понимала ни слова, но я чувствовала неприязненный тон этого гула. К тому времени Милошевич уже был арестован. Но женщины требовали, чтобы трибунал арестовал Караджича и Младича. Мне не оставалось ничего, кроме как выступить. «Почему вы так шумите? — спросила я. — Мы собрались на кладбище. Давайте же помолимся». Я сложила ладони, как подобает истинной католичке: «Давайте помолимся за тех, кто похоронен здесь, и за тех, кто еще не найден». Женщины замолчали. Они раскрыли руки по мусульманскому обычаю и стали молиться. Я тоже развела руки. Мы стояли вместе. Кто-то начал молиться вслух, потом еще кто-то, потом еще…

Десятую годовщину резни в Сребренице в 2005 году я бойкотировала. Вернулась в Боснию 11 июля 2006 года. Среди мусульман я была практически единственной. Женщины стояли на коленях. Но мне дали кресло, и я была единственной сидящей среди сотен коленопреклоненных мусульман. Они наклонялись, касались лбом земли и поднимались. Быть единственной не присоединившейся к мусульманской молитве было неудобно, но я чувствовала, что это великая честь. Накануне моего последнего визита в Сребреницу, 11 июля 2007 года, «Матери Сребреницы» публично заявили, что не желают моего присутствия на

мемориальной церемонии, поскольку Караджич и Младич до сих пор не арестованы. Я сказала, что все равно приеду. В тот день шел дождь. Мы с моими помощниками два часа ехали из Сараево. В Сребреницу ведет узкая дорога. По ней шли тысячи людей, утративших интерес к жизни. В их облике чувствовалась нищета, в которую ввергла их войны. Мы шли в окружении охранников, направляясь к залу для ВИП-персон. Здесь я встретилась с послом Германии. Затем появился духовный лидер боснийских мусульман, рейс-уль-улем Мустафа Церич. Он пожал мне руку и тепло приветствовал меня. Церич отлично знал, что «Матери Сребреницы» не хотели, чтобы я приезжала. «Рад вас видеть», — сказал он. Церич был очень вежлив. Он всегда поддерживал работу трибунала, несмотря на настроения, царившие в Боснии. Он всегда выступал за то, чтобы руководители страны ответили за свои действия. Я немного успокоилась. Потом Церич улыбнулся. «Расим Делич, — сказал он, назвав имя одного из наших обвиняемых, бывшего командира боснийской армии. — Он невиновен». Он все еще улыбался, и я улыбнулась в ответ: «Нет, — сказала я. — Это не так».

Церич еще несколько минут удерживал мою руку, продолжая говорить что-то вежливое и приятное. Потом он повторил: «Делич… Он невиновен».

«Нет, — снова ответила я. — Это не так».

Ситуация была почти трагикомической, но доброе отношение муфтия было для меня крайне важно. Он повел себя так, чтобы все это видели.

В тот день мусульмане похоронили останки 435 жертв Сребреницы. Мне дали белый шарф, чтобы я покрыла голову во время молитвы. Было мучительно видеть длинные ряды гробов, покрытых зелеными покрывалами, и родственников, прощающихся со своими близкими, похоронить которых удалось только через 12 лет. После молитвы я вернулась в зал для ВИП-персон. Там уже находились представители организации «Матери Сребреницы» и других женских групп, а также журналисты. «Мне нужно поговорить с вами наедине и не как с прокурором», — сказала Мунира Шубашич, председатель «Матерей Сребреницы». Разговор выдался не из легких.

— Вы говорили нам, что их арестуют в прошлом году, и солгали, — сказала Мунира.

— Я не лгала, — возразила я. — Мне сообщили в Белграде, что арестуют их в течение года.

— Значит, вы наивны…

Ситуация была абсурдной. Печально видеть, как подавленность, боль и отчаяние разъедают душу этой страны.

Мне не нравилось, когда меня обвиняли во лжи. Я не была наивной. Мне не нравилось, что жертвы преступлений избрали меня в качестве козла отпущения. Но я понимала их боль и сочувствовала их страданиям. Через несколько минут боснийки уже спорили друг с другом. Некоторые считали, что я заключила сделку с Зораном Джинджичем, чтобы не арестовывать Младича. Другие верили в то, что по секретному соглашению белградское правительство получило разрешение не обнародовать стенограммы заседаний Верховного совета обороны. Мы с моими помощниками пытались объяснить, что ничего подобного не было. Может быть, кто-то нам и поверил. Женщины продолжали ссориться между собой, а мне было пора спешить на самолет.

Последние четверо из 161 обвиняемого трибуналом — Младич, Караджич, Жуплянин и Хаджич — оставались на свободе вплоть до последних дней моего пребывания в Гааге. Прошло восемь лет. Приближался конец моего мандата, декабрь 2007 года, и чувство разочарования росло.

В конце лета 2007 года появились обнадеживающие сообщения о том, что арест Младича уже близок. Булатович сообщил, что сербские власти выследили 11 врачей, в том числе некоего Додера, и отслеживают их мобильные телефоны. Розыск сосредоточился на Белграде и окрестностях. В ходе этой операции агенты продолжали постоянно следить за родственниками и известными сторонниками Младича, чтобы выяснить их реакцию. Никакой реакции не последовало. Когда власти предложили тем, кто поддерживал генерала, солидные вознаграждения и освободили их от ответственности, сеть поддержки Младича заметно сократилась. Было трудно представить, что Джого, Ристич, врачи и другие, с кем беседовали полицейские и сотрудники спецслужб, окажутся настолько безумны, чтобы вступить в контакт с Младичем.

Караджич скрывался, по-видимому, где-то в родных горах на границе Боснии и Черногории. Арест его сына Саши ничего не дал. Не помогло даже публичное обращение жены Караджича, Лилии. Банковские счета семьи были заморожены, но клан Караджичей явно располагал средствами. Во время обыска в семейном доме в Пале были обнаружены 20 тысяч евро — судя по всему, часть роялти с публикации книг Караджича. Мы продолжали получать сообщения о том, что он появляется в Черногории и уезжает обратно. Мы слышали, что он скрывается в городе Прибой, чуть ниже по течению от Милешево, где находился монастырь епископа Филарета. Я вспомнила, что тремя годами раньше нам предлагали за 5 млн долларов доставить Караджича мертвым. Конечно, на такую сделку никто

не пошел. Судя по всему, предложение поступило от местной полиции, для которых этот человек давно стал настоящим ярмом на шее.

Повсюду разыскивали Жуплянина, но безуспешно. Мы получали информацию о том, что его видели в Герцег-Нови на черногорском побережье. Его жена и сын были арестованы. Давление оказывалось на его невестку и любовницу, одну из восьми известных нам. От всех требовали убедить Жуплянина сдаться. Потом до нас дошли слухи, что он может скрываться в Москве.

Нам снова и снова твердили, что Хаджич вот-вот сдастся, потому что у него практически не осталось средств. Но была информация о том, что из Сербии он бежал в Румынию и может скрываться в Беларуси. Сколько денег нужно человеку с манией величия, чтобы прожить в Беларуси?

Мое ожидание продолжалось… а потом закончилось и перешло к моему преемнику. В душе возник странный вакуум. Я восемь лет боролась и на что-то надеялась, но потерпела неудачу. Северное солнце оставляет такую же пустоту, когда в конце декабря быстро скрывается за горизонтом. Холодные ветры проносятся над темными, пустыми полями для гольфа, разбиваются о голые стены тюрьмы Схевенинген, а потом уносятся в песчаные дюны и вверх к звездам. Я не вижу смысла оправдывать красивыми словами свое разочарование и ощущение упадка. Неудача есть неудача. Четверо обвиняемых, двое из которых были причастны к геноциду, остались на свободе. Безнаказанность победила, несмотря на все мои усилия. Я почти слышала смех, который звучал в Сербии. После той лжи, которую изливали на меня лидеры Сербии, после тысяч гниющих трупов, оставленных ее солдатами на полях Сребреницы, эту страну могут принять в Евросоюз, словно и не было глухих ударов по *muro di gomma*, которая протянулась от Брюсселя до Лондона, Парижа, Рима, Вашингтона и Нью-Йорка, словно все мы были забыты…

Эпилог

Я слышала мнение уважаемых правоведов о том, что прежде чем вершить суд, на землях, раздираемых войнами, должен воцариться мир. Они утверждают, что невозможно осуществить международное правосудие, пока свистят пули и летят осколки, пока беженцы не вернулись в свои дома, пока захватывают пленных, идут в атаки, открывают огонь, а искалеченные трупы лишь слегка присыпаны землей. Я слышала мнение не менее уважаемых дипломатов о том, что мир важнее правосудия, что мирные переговоры не могут идти успешно, если лидеры хотя бы одной из сторон не будут убеждены в том, что против них не будут выдвинуты обвинения.

Я не согласна с этим.

Я считаю, что институты международного правосудия могут начинать работу и даже осуществлять конструктивное воздействие на обстановку еще до заключения мира. Трибунал по Югославии это доказал. Совет безопасности ООН создал трибунал по Югославии, когда в Боснии и Герцеговине еще совершались военные преступления. Я уверена, что при более уверенном отстаивании авторитета этого института в смутные ранние годы его существования, трибунал мог бы оказать значительное сдерживающее воздействие и предотвратить насилие против гражданских лиц. Президент Туджман на закрытых совещаниях снова и снова настаивал на том, что поддержка Хорватией армии боснийских хорватов и военное вторжение регулярной хорватской армии в Боснию и Герцеговину должны оставаться тайными операциями. Судя по всему, он опасался, что Хорватия, подобно Сербии и Черногории, подвергнется экономическим санкциям. Я уверена, что он не хотел отвечать за совершенные военные преступления. Осенью 1993 года начальник концентрационного лагеря, организованного боснийскими хорватами, нашел время, чтобы написать специальный доклад. В нем он выражал опасения в том, что условия жизни заключенных настолько ужасны, что и ему самому, и многим другим могут быть предъявлены обвинения. В июне 1995 года, за месяц до резни в Сребренице, Ратко Младич говорил чиновникам ООН, что его нельзя считать военным преступником. Он знал, что Международный трибунал представляет для него угрозу но сдерживающее влияние этого института все еще было недостаточным. В 1999 году Милошевич хорошо понимал, на какой юридический риск идет, когда отдал приказ сербской полиции и югославской армии изгнать албанцев из Косово. Иначе чем объяснить приказ об эксгумации тел

казненных албанцев и перевозке их в рефрижераторах к местам тайных захоронений на территории военно-воздушной базы близ Белграда? Сколько бы еще бомб НАТО упало на землю Сербии, если бы Луиза Арбур не выступила с недвусмысленными предостережениями, и если бы лидеры альянса не опасались оказаться на скамье подсудимых за непринятие адекватных мер по защите гражданских лиц и выявлению военных объектов? Представьте, насколько значительнее было бы сдерживающее влияние трибунала по Югославии, если бы он не был первым, если бы практика создания международных трибуналов уже доказала миру, что политические и военные лидеры тоже должны отвечать за свои действия перед законом.

Нет, правосудие не всегда должно дожидаться наступления мира, и народы, подписавшие Римский статут, признали это. Они создали Международный уголовный суд в качестве предупреждения потенциальным военным преступникам. Этот институт должен сдерживать совершение военных преступлений. Будь политическая воля проявлена более настойчиво, в будущем политики и военные поостереглись бы действовать так, как, например, действовал Пол Пот в Камбодже, сторонники геноцида в Руанде, командиры милиции в Сьерра-Леоне, Саддам Хуссейн в Ираке… Все эти люди были убеждены в своей безнаказанности.

В зоне любого конфликта политические лидеры, дипломаты, военные, руководители разведки и ученые мужи будут стремиться принизить значение институтов международного правосудия. Дипломаты будут твердить, что сначала нужна какая-то инициатива… Всегда найдутся прагматические аргументы для оправдания нежелания, а иногда и категорического отказа страны или ее руководства сотрудничать с правовыми организациями, призванными положить конец культуре безнаказанности. Давление с целью принуждения к сотрудничеству с международным уголовным трибуналом или судом всегда угрожает каким-то программам реконструкции, каким-то предстоящим выборам, каким-то дебатам по новой конституции, каким-то важным экономическим и внешнеполитическим решениям. Но никакие миротворческие и национальные усилия не принесут мира и не создадут устойчивого государства, если в этих инициативах с самого начала не будут предусмотрены правовые меры по осуждению нарушителей международного гуманитарного права, по избавлению мира от культуры безнаказанности. Все должны знать, что стоять выше закона нельзя. Миротворчество без правосудия сеет зерна новых конфликтов. Дипломаты получают возможность заключать мирные соглашения и оставлять на своих должностях

политических лидеров и военных, оказывающих дальнейшее отравляющее воздействие на общество. Это чуть было не случилось с Милошевичем во время натовских бомбардировок 1999 года. Это чуть было не случилось при поддержке ООН в Косово. Это уже случилось в Руанде.

Время идет, и оружие становится все более страшным и более доступным. В такой ситуации культура безнаказанности, которая порождает в целых обществах, этнических и религиозных группах горькие воспоминания о несправедливости, угрожает благополучию и спокойствию всех людей на планете. Мы должны понимать, что не бывает неподходящего времени для сбора доказательств и поиска свидетелей, для выдвижения обвинений и арестов, для судебных слушаний по делам преступников, принадлежащих *ко всем сторонам* любого конфликта.

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии и Международный уголовный трибунал по Руанде оказались недостаточно эффективными с того самого момента, когда они были созданы по коллективной воле стран-членов Совета безопасности ООН. Промахи в работе этих юридических институтов были неизбежны, поскольку подобных прецедентов еще не существовало. В трибуналах должны были вместе работать люди из разных стран и культур. Порой приходилось соединять несовместимые юридические традиции. Трибуналам не хватало многого из того, чем располагают национальные системы уголовного правосудия. Но, несмотря на все промахи и неудачи, оба трибунала достигли значительного успеха.

Трибунал по Югославии со дня своего основания и до того момента, когда в конце 2007 года я оставила пост главного прокурора, предъявил обвинение 161 лицу. Эти люди участвовали в вооруженных конфликтах, развернувшихся на территории бывшей Югославии в 90-е годы, причем на разных сторонах. Я подписала 62 обвинительных заключения по военным преступлениям. С начала действия моего мандата и до середины августа 2007 года 91 обвиняемый оказался за решеткой.

Трибунал по Югославии позволил создать и трибунал по Руанде, и специальные трибуналы или палаты по военным преступлениям в Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Камбодже и Ливане, а также постоянный Международный уголовный суд. Под его влиянием были созданы национальные суды по военным преступлениям в Боснии, Хорватии, Сербии и Косово. Эти институты рассматривали дела обвиняемых среднего и низшего звена. В результате работы по сбору доказательств, необходимых для формулировки убедительных обвинительных заключений, проведения судебных слушаний и вынесения приговоров,

трибунал по Югославии собрал миллионы фактов, сотни тысяч документов, которые должны быть изучены. Если историки, писатели и журналисты выполнят свою работу непредвзято, то будущим демагогам в Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине, Македонии и Косово будет трудно разжигать межэтническую вражду. Благодаря работе трибунала ни одна группа на территории бывшей Югославии не может объявить себя невинной жертвой. Ни одна группа не может сказать, что ее тогдашние лидеры были безгрешны. Без трибунала было бы трудно поверить, что сербский народ когда-нибудь смог бы увидеть запись расстрела, совершенного группой «Скорпионы», или узнать о резне в Сребренице и о ее истинных виновниках. Не будь трибунала, народ Хорватии никогда не смог бы прочесть стенограммы совещаний своего президента и высокопоставленных правительственных чиновников, которые сознательно решили расчленить Боснию и Герцеговину и депортировать местное население. Сербские власти должны набраться смелости и обнародовать стенограммы заседаний Верховного совета безопасности. Только тогда сербы поймут, как Милошевич и члены его правительства и военного командования разжигали войну в Боснии и Герцеговине. Только тогда станет ясна их подлинная роль в акте геноцида, совершенного от их имени в Сребренице.

Несмотря на все усилия обвинения, трибунал по Руанде, по-видимому, не сможет разрушить порочный круг безнаказанности, омрачающий историю страны и приносящий ее народам невыразимые страдания. Главной причиной этого стали решения, принятые Советом безопасности ООН и в особенности Соединенными Штатами и Великобританией. Почему не расследуются убийства, совершенные милицией тут-си, Руандийским патриотическим фронтом, члены которого теперь возглавляют правительство и армию страны? Почему хуту, ставшие невинными жертвами, не могут добиться правосудия? Какое влияние подобная ситуация окажет на будущее Руанды и всей Центральной Африки в целом?

Несмотря на ряд неудач, трибунал по Руанде добился значительного прогресса в защите интересов жертв геноцида. К моменту завершения его работы в нем будут рассмотрены дела более 60 лиц, виновных в геноциде. Это очень разные люди — от Теонесте Багосоры, идейного вдохновителя геноцида, до Симона Бикинди, популярного музыканта, песни которого подталкивали хуту к убийствам. Трибунал вынесет приговоры бывшему премьер-министру, военным, политическим и деловым лидерам, журналистам и священникам. Трибунал по Руанде счел

совершенные хуту изнасилования настолько чудовищными, что создал юридический прецедент, признающий изнасилование средством ведения войны, формой пытки, преступлением против человечности, орудием казни и инструментом геноцида.

Трибунал по Югославии и трибунал по Руанде должны были выполнить свои миссии в ограниченный период времени с относительно скромными затратами, которые, тем не менее, оставались предметом постоянного недовольства стран-членов ООН, а также администраторов этой организации. В сравнении с астрономическими расходами развитого мира на крупномасштабные кризисы — гуманитарную помощь, военное вмешательство, миротворческие миссии, раздел территорий, реконструкцию и развитие, — трибуналы проделали огромную работу при минимальных затратах. Кроме того, благодаря их деятельности, мир усвоил множество ценных уроков. Вот лишь некоторые из них.

Обвинение должно оставаться объективным перед лицом чудовищных преступлений, способных вызвать слезы, эмоции и огромное желание хоть кого-нибудь обвинить. Несмотря на слезы жертв и международные призывы к правосудию, прокуроры должны обеспечить уважение прав обвиняемых. В рамках прокурорской службы трибунала должны быть созданы соответствующие структуры и механизмы, благодаря которым обвиняемые и их защитники могут эффективно знакомиться с обвинительными материалами. Трибуналы с самого своего создания должны иметь эффективно функционирующий и оперативный состав защиты. Необходимо соответствующее финансирование своевременного перевода документов на язык обвиняемого. Необходима также непредвзятая оценка компетентности защитников и того, действительно ли защитник представляет интересы обвиняемого, а не интересы общества, государства или этнической группы, к которым принадлежит обвиняемый.

Резолюции и другие инструменты создания будущих трибуналов должны наделить обвинение правом преследовать самых высокопоставленных преступников и наиболее зловещих преступников среднего звена. Трибуналы должны немедленно осуществлять следственные и прокурорские действия в отношении высокопоставленных обвиняемых. Прокурорская служба должна быть укомплектована и организована таким образом, чтобы выдвигать обвинения против основных организаторов преступлений. Обвинения же против тех, кто принадлежал к низшему звену или являлся исполнителем преступлений, можно выдвигать только в одном случае: когда

существует твердая уверенность в том, что рассмотрение подобных дел позволит получить доказательства и улики, которые приведут к обвинению и осуждению высокопоставленных подозреваемых, или когда действия лиц низшего звена настолько чудовищны, что их осуждение будет положительно влиять на примирение и стабильность в данном регионе. Судебное преследование обвиняемых среднего и низшего звена должно производиться национальными судами. Эмоции жертв не всегда связаны с преступниками высшего звена. Одна из наших свидетельниц говорила следователям, что ей гораздо важнее приговор, вынесенный ее соседу, которого она каждую неделю видит на местном рынке. Ведь именно этот человек, по ее утверждению, убил ее родных и близких.

Значительные различия в подходе к уголовному судопроизводству, существующие в системах континентального и англо-саксонского права, должны быть устранены, в частности, когда дело касается процедуры.

Преступления полового характера должны расследоваться тщательно и профессионально. В отношении обвиняемых должно выдвигаться обвинение, которое следует рассматривать в суде.

Обвинения в адрес лидеров государств, практически без исключений, должны быть сложными инструментами. Однако в пределах закона они должны быть максимально простыми, даже если отражают наиболее серьезные преступления. Аресты преступников по мелким обвинениям (например, гангстер Аль Капоне, арестованный за уклонение от уплаты налогов) не будут способствовать искоренению культуры безнаказанности.

В будущих трибуналах и судебных палатах не один лишь прокурор должен предпринимать жесткие и решительные шаги по принуждению правительств к сотрудничеству и выдаче доказательств, необходимых для достоверного изложения фактов и вынесения справедливых приговоров. Если трибунал не располагает властью совершать аресты, перевозить обвиняемых и предъявлять повестки, необходимы эффективные средства, с помощью которых можно принудить соответствующие национальные правительства к исполнению подобных функций. В отношении трибунала по Югославии и трибунала по Руанде Совет безопасности ООН не смог предпринять эффективных действий и придать вес требованиям трибунала, выдвигаемым в адрес государств, не желающих сотрудничать. Было бы печально, если бы и будущие трибуналы постигла та же судьба. Возможно, Совету безопасности при разработке резолюций по созданию будущих трибуналов следует включить в них ряд особых санкций, поддерживающих Часть 7.[56] Тогда судебная палата могла бы

применить эти механизмы после юридического установления того факта, что данное государство не сотрудничает с трибуналом в полной мере и по доброй воле.

В начале работы прокуроры должны создать розыскные бригады, наделенные правом совершать аресты. Такие бригады могли бы выяснять местонахождение обвиняемых и заключать их под стражу.

Организация Объединенных Наций, входящие в нее государства и международные организации, которые вкладывают значительные средства и другие ресурсы в международные трибуналы, должны помогать в розыске и задержании обвиняемых. Трибунал не должен оставаться в неведении относительно действий, предпринимаемых разведывательными службами, участвующими в процессе розыска и ареста обвиняемых: в противном случае нельзя гарантировать, что эти действия будут скоординированными и дадут конкретные результаты.

Оказываясь лицом к лицу со своими бывшими политическими руководителями, свидетели-инсайдеры часто меняют показания. Правила работы трибунала не должны запрещать прокурорам участвовать в перекрестных допросах свидетелей-инсайдеров, даже вызванных обвинением, и при необходимости относиться к ним как к свидетелям защиты.

Опыт Косово показал, что власть трибунала ООН должна иметь приоритет над политической, миротворческой, гуманитарной и развивающей деятельностью организации.

В конфликтных ситуациях, когда создается трибунал по военным преступлениям, организация, создающая данный трибунал, должна непосредственно после завершения конфликта установить довольно длительный период временной юрисдикции трибунала. Это связано с тем, что после любого вооруженного конфликта происходят убийства и похищения, продиктованные чувством мести. В таких преступлениях могут принимать участие высокопоставленные лица, уверенные в собственной безнаказанности.

Суды по военным преступлениям, совершенным высокопоставленными лицами, — очень сложные и длительные процессы. Если международное сообщество серьезно настроено поддерживать международное правосудие, к этому следует быть готовыми. Такие процессы требуют терпения и адекватного финансирования. Устанавливая нереалистические временные ограничения срока действия трибунала, Совет безопасности ООН открыто вмешивается в процесс отправления правосудия.

Не следует спешить с передачей дел в суд. Судьи не должны

поддаваться общественному давлению и требовать скорейшей передачи дел, связанных с высокопоставленными лицами. Дела должны быть тщательно подготовлены. Необходимо объяснить обществу все преимущества такой подготовки. Преждевременная передача дел в суд приводит к печальным последствиям. Если бы три обвинения против Слободана Милошевича были объединены в один процесс, мы смогли бы сэкономить время и силы.

Судебная палата трибунала по Югославии потратила огромное количество времени, требуя, чтобы обвинение снова и снова доказывало, что вооруженный конфликт происходил в Боснии и Герцеговине. Период досудебной подготовки позволил бы судам не заниматься неконструктивными проблемами и сосредоточиться на тех вопросах, для которых необходимы прямые устные свидетельские показания.

Подобно тем, кто пытался ограничить время работы трибунала и сократить расходы, судьи устанавливали соответствующие временные ограничения для обвинения. Слишком часто это делалось совершенно непредсказуемым и неразумным образом, без учета времени, денег и сил, потраченных на подготовку дела для суда. Судебной палате следует воздерживаться от одностороннего сокращения сложных дел, связанных с высокопоставленными лицами. Юридические решения по искусственному удалению одного или нескольких пунктов обвинения могут серьезно повредить процессу. Однако должны быть предприняты определенные меры к тому, чтобы объединить как можно более широкий крут преступной деятельности в одно обвинение, что избавит суд от необходимости проводить несколько процессов.

Эффективно функционирующий комитет по планированию должен заранее назначать даты слушаний. Судьи не должны менять эти даты без консультаций со сторонами. Подобные меры позволят повысить результативность любого суда. Трибуналам жизненно необходимы эффективные комитеты по планированию.

Независимость прокурора подразумевает независимость в распоряжении средствами. Секретариат не должен контролировать расходы прокурорской службы. Полная и публичная проверка счетов должна стать фундаментальным элементом базовых документов, определяющих правила функционирования трибунала.

Следует приложить серьезные усилия к тому, чтобы жертвы могли активнее участвовать в процессе, чтобы к их потребностям и желаниям относились с большим уважением. По моему мнению, жертвы должны быть представлены в зале суда. Трибуналы должны признать важность того, чтобы проводимые

ими процессы стали более значимыми для сообществ, в наибольшей степени затронутых военными преступлениями. Следует сразу же предупредить людей, чтобы не создавать у них нереалистических ожиданий: участие в судебном процессе не всегда способствует «исцелению» или «завершению». Для этого следует подумать о дополнительных компенсациях и мерах по установлению правды и достижению примирения, а также о других средствах, которые помогли бы жертвам вернуться к нормальной жизни. Для успеха трибуналу необходима эффективная программа работы с населением. Она должна учитывать культуру, язык и ожидания тех, на кого влияет работа трибунала, то есть на все стороны, участвовавшие в конфликте. Трибунал должен вести свою работу как можно ближе к зоне конфликта.

Трибуналы ООН должны уделять особое внимание защите свидетелей и в особенности свидетелей-инсайдеров, и иметь возможность использовать ресурсы других институтов ООН в бывших зонах конфликтов.

Следует приложить все усилия для привлечения к работе в трибуналах наиболее компетентных и опытных судей. Этого можно достичь, если потребовать от правительств, предлагающих кандидатуры судей трибунала, серьезных рекомендаций или одобрения кандидатов местными юридическими и правовыми ассоциациями. Я с глубоким уважением отношусь к юристам, работающим в сфере международного права, но для трибуналов необходимы по-настоящему опытные уголовные судьи, а не юристы-теоретики. Тренинг и образовательные программы для всех судей и иного персонала трибунала должны стать неотъемлемой частью всех этапов работы.

Трибуналы должны привлекать для работы больше прокуроров, имеющих опыт организации и проведения крупных, сложных процессов, и даже групповых гражданских дел. Эти прокуроры должны сотрудничать с теми, кто имеет опыт рассмотрения уголовных дел и ведения допросов жертв преступлений.

Конечно, принцип обеспечения защиты является священным для юрисдикции англо-саксонского права. Однако, позволяя лидеру самому защищать себя на процессе по военным преступлениям, мы даем ему возможность превратить скамью подсудимых в трибуну, а суд — в политический цирк. Судебная палата должна назначать защитников тем подсудимым, которые их не имеют. Если обвиняемый считает, что его права нарушаются, то судебная палата должна позволить обвиняемому подавать письменные замечания и вопросы по свидетелям,

аргументам и вещественным доказательствам. Эти документы должны подаваться в судебную и апелляционную палаты. После того как я стала свидетелем «защиты» Милошевича и фиглярства Воислава Шешеля, мне стало окончательно ясно, что эффективная защита жизненно необходима для обеспечения справедливости, повышения доверия к трибуналу и к созданным им документам. Самое главное, что это нужно жертвам преступлений.

Судьи трибунала должны установить принципы вынесения приговоров и, озвучивая их, всегда помнить о тяжести преступлений. Легкие приговоры по делам, связанным с массовыми убийствами и даже геноцидом, никоим образом не способствуют победе над культурой безнаказанности и не оказывают примиряющего воздействия. Кроме того, они, конечно, не могут удовлетворить жертв: многие из них рискуют собственными жизнями, давая показания против могущественных и зачастую безжалостных людей, которые очень скоро окажутся на свободе.

В тех случаях, когда обвиняемые признают свою ответственность за преступления, и когда судьи удовлетворены доказательствами их вины, признание вины может, как это произошло с Момиром Николичем, оказать важное примиряющее и историческое воздействие.

До сегодняшнего дня я остаюсь в большей мере охотницей за змеями, чем юристом-теоретиком. За четверть века работы прокурором я видела больше черного и белого, чем разных оттенков серого, и считаю это своим достоинством. Я не собираюсь извиняться за свою уверенность в чем-то или за готовность высказать и отстоять собственную точку зрения.

Конечно, я могла бы выполнить свою работу лучше. Оглядываясь назад, я понимаю, что многое можно было бы сделать иначе. Мне нужно было быстрее менять и увольнять некомпетентных юристов и проводить больше времени в офисах прокурорской службы. Я недооценила того значения, какое мое присутствие могло иметь для настроений сотрудников. Я возмущалась тем давлением, какое оказывала на прокурорскую службу стратегия завершения работы трибунала. Мы оказывались в ситуациях, когда обвинение нужно было выдвигать сейчас или никогда, а альтернативой было полное торжество безнаказанности. Иногда я жаловалась на то, что не могу руководить прокурорской службой как реальным юридическим образованием. Мне постоянно мешали правила кадровой политики ООН, в которых предусмотрено столько ограничений и процедур, что о реальной работе можно было забыть. Прокуроры

будущих трибуналов должны иметь большую свободу по привлечению в свою команду наиболее талантливых юристов. Те, кто будет выбирать прокуроров для будущих трибуналов, должны понимать, что длительность работы в данном институте играет важнейшую роль: деятельность прокурора включает в себя множество аспектов, и для того, чтобы овладеть нужными навыками, необходимо время.

Чему же научила меня работа в трибунале? Что я пыталась показать вам, описывая успехи и неудачи, и личные, и моей команды? Победить культуру которая позволяет могущественным людям — от мафиозных *capo dei capi* до военных и политических лидеров — совершать любые преступления и не отвечать за них, можно только при наличии сильной воли, которая чаще требует нетерпимости, чем терпения. Для победы необходимо умение добиваться поддержки и оказывать давление, готовность идти на риск, исправлять собственные ошибки, биться об *muro di gomma*, не обращать внимания на критику и угрозы и порой страдать из-за потери друзей и соратников. Работа по расследованию военных преступлений — это не спокойная интеллектуальная игра. Последние два века доказали, что люди способны ради самоутверждения посылать в газовые камеры и печи миллионы детей вместе с родителями, бабушками и дедушками, резать сотни тысяч людей ножами и мачете, пытать и казнить пленных, осаждать и обстреливать целые города на глазах у телевизионных камер, насиловать и обращать в сексуальное рабство женщин, сеять страх и ужас, сгонять целые народы с земель их предков. Эти кровавые столетия показали, что жертвы преступлений обладают выдающейся смелостью, силой и жизнеспособностью. Они заслуживают правосудия. А те, кто совершил против них бессмысленные и беспощадные преступления, должны ответить перед законом.

Кроме того, эти столетия показали, что слишком часто дипломаты, мировые лидеры, военные, руководители разведок, банкиры, бизнесмены и даже чиновники ООН готовы относиться к преступникам как к партнерам и собеседникам. Чтобы жертвы преступлений смогли дождаться правосудия, а уровень преступного насилия в человеческом обществе снизился, риск, на который нам придется для этого пойти, проявленная нами воля и усилия должны превзойти риск, волю и усилия худшей части человечества — тех, кто пытается поставить себя выше закона.

Действующие лица

Ахтисаари, Марти — бывший президент Финляндии, специальный представитель генерального секретаря ООН, создатель плана определения будущего статуса Косово.

Олбрайт, Мадлен — бывший госсекретарь и бывший представитель США в ООН в администрации Клинтона.

Д'Алема, Массимо — министр иностранных дел Италии.

Аннан, Кофи — бывший генеральный секретарь ООН.

Антонетти, Жан Клод — судья трибунала ООН по Югославии.

Аптель, Сесиль — политический советник прокурорской службы трибунала ООН по Руанде.

арап Мои, Даниэль — бывший президент Кении.

Арбур, Луиза — бывший главный прокурор трибуналов ООН по Югославии и Руанде.

Бабич, Милан — бывший президент самопровозглашенной сербской республики на территории Хорватии. Покончил жизнь самоубийством в тюрьме Схевенинген.

Багосора, Теонесте — полковник руандийской армии. Обвиняется в планировании и осуществлении геноцида хуту против тутси.

Баджич, Младен — главный прокурор Хорватии.

Бараягвиза, Жан-Боско — бывший владелец СМИ хуту. Обвиняется в призывах к насилию в средствах массовой информации во время убийств тутси в 1994 году.

Батич, Владан — министр юстиции Сербии.

Бот, Бен — министр иностранных дел Нидерландов.

Беара, Любиша — офицер армии боснийских сербов. Обвиняется в геноциде, убийствах и других преступлениях, связанных с резней в Сребренице.

Берлускони, Сильвио — премьер-министр Италии.

Бхутто, Беназир — бывший премьер-министр Пакистана.

Бикинди, Симон — популярный в довоенной Руанде певец. Арестован в Нидерландах по обвинению в участии в убийствах тутси.

Бисерко, Соня — руководитель Хельсинкского комитета по защите прав человека в Сербии.

Бия, Поль — президент Камеруна.

Блашкич, Тихомир — бывший руководитель армии боснийских хорватов в Центральной Боснии.

Блуитт, Грэм — бывший товарищ прокурора трибунала ООН по Югославии.

Бобан, Мате — президент хорватской республики,

организованной в годы войны на территории Боснии и Герцеговины.

Бобетко, Янко — командующий армией Республики Хорватия. Обвиняется в преступлениях, связанных с нападениями на сербов в сентябре 1993 года.

Боккассини, Ильда — судебный следователь, Милан, Италия.

Бономи, Ян, лорд — судья трибунала ООН по Югославии.

Боровчанин Любомир — офицер армии боснийских сербов. Обвиняется в причастности к резне в Сребренице.

Борселлино, Паоло — судебный следователь, Палермо, Сицилия. Убит мафией.

Брюгьер, Жан-Луи — судебный следователь, Париж, Франция.

Бадд, Колин — посол Великобритании в Нидерландах.

Булатович, Раде — руководитель правительственного разведывательного агентства Сербии.

Кальви, Роберто — бывший председатель совета директоров второго по величине банка Италии Ambrosiano. Найден повешенным под лондонским мостом Блэкфрайрс.

Де Каприо, Серджио (Капитан Ультимо) — офицер спецподразделения итальянской полиции, carabinieri. Арестовал главу преступного семейства Корлеоне в дорожной пробке в Палермо.

Канчеми, Сальваторе — член преступного семейства Корлеоне, ставший информатором полиции.

Карбони, Флавио — итальянец, признанный виновным в убийстве Роберто Кальви.

Карлос «Шакал» (Ильич Рамирес Санчес) — венесуэльский террорист, член Народного фронта освобождения Палестины. Совершил захват заложников в венской штаб-квартире ОПЕК.

Кассезе, Антонио — бывший президент трибунала ООН по Югославии.

Кэйли, Эндрю — бывший старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Чеку, Агим — бывший начальник штаба Армии освобождения Косово.

Церич, рейс-уль-улем Мустафа — лидер исламской общины в Боснии и Герцеговине.

Чермак, Иван — отставной генерал армии Республики Хорватия. Обвиняется в преступлениях, совершенных во время операции «Шторм» в 1995 году.

Ширак, Жак — бывший президент Франции.

Кларк, Уэсли — генерал армии США, бывший верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

Чорич, Валентин — бывший руководитель военной полиции Хорватской республики во время войны в Боснии и Герцеговине.

Корелл, Ханс — помощник генерального секретаря ООН по юридическим вопросам.

Делич, Расим — бывший командующий армией Республики Босния и Герцеговина.

Де Форгс, Элисон — следователь по правам человека, Human Rights Watch.

Джерич, Владимир — юридический советник министра иностранных дел Сербии.

Джинджич, Зоран — бывший премьер-министр Сербии. Убит «красными беретами» — членами элитного подразделения сербской полиции.

Джого, Йован — бывший офицер армии боснийских сербов, предположительно помогавший скрываться Ратко Младичу.

Джорджевич, Властимир — бывший генерал сербской полиции, руководитель службы общественной безопасности. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Косово.

Джуканович, Мило — бывший премьер-министр Черногории.

Джуро, Владимир — бывший следователь трибунала ООН по Югославии.

Додик, Милорад — премьер-министр Республики Сербской.

Драшкович, Вук — министр иностранных дел Сербии, ярый антикоммунист.

Дрейфус, Рут — бывший президент Швейцарии.

Дьяченко, Татьяна — личный советник и дочь бывшего президента России Бориса Ельцина.

Фальконе, Джованни — судебный следователь, Палермо, Сицилия. Был убит мафией вместе с женой, Франческой Морвилло, 23 мая 1992 года.

Фаррелл, Норманн — юридический советник и бывший руководитель апелляционного отдела прокурорской службы трибунала ООН по Югославии, бывший советник Международного комитета Красного Креста.

Фенрик, Уильфм — прокурор трибунала ООН по Югославии.

Рахима, Жерар — генеральный прокурор Руанды. Георгиевски, Люпчо — бывший премьер-министр Македонии.

Гойович, Радомир — отставной генерал, прокурор военного суда югославской армии.

Голдстон, Ричард — бывший главный прокурор трибунала ООН по Югославии.

Готовина, Анте — бывший генерал армии Республики Хорватия. Обвиняется в преступлениях, совершенных во время военной операции по вытеснению сербского населения с

территории Хорватии в августе 1995 года.

Грум, Дермот — бывший старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Грубач, Момчило — бывший министр юстиции Федеративной Республики Югославия

Де Гухт, Карел — министр иностранных дел Бельгии.

Гверо, Милан — генерал армии боснийских сербов. Обвиняется в причастности к резне в Сребренице.

Филарет — епископ, настоятель сербского православного монастыря в Милешево.

Хабьяримана, Жювеналь — бывший президент Руанды. Погиб 6 апреля 1994 года, когда его самолет был сбит ракетой.

Хаджич, Горан — бывший лидер сербов в Хорватии

Харадинай, Рамуш — бывший командир Армии освобождения Косово. Обвиняется в преступлениях, связанных с убийствами сербов в западном Косово.

Хармон, Марк — старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Хартманн, Флоренс — представитель прокурорской службы трибунала ООН по Югославии.

Хиггинс, Джиллиан — одна из консультантов суда на процессе Милошевича.

Хиггинс, Розалин — президент Международного уголовного суда.

Холбрук, Ричард — бывший представитель США в ООН, автор Дейтонского мирного соглашения.

Холлис, Бренда — старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Хун, Джеффри — министр по связям Великобритании с Евросоюзом.

Джаллоу, Хасан Бубакар — главный прокурор трибунала ООН по Руанде, преемник Карлы дель Понте.

Изетбегович, Алия — бывший президент Республики Босния и Герцеговина, во время войны — лидер боснийских мусульман.

Янкович, Гойко — бывший лидер сербского военизированного формирования. Обвиняется в сексуальных преступлениях и изнасилованиях женщин-заключенных в тюрьме города Фоча.

Елавич, Анте — бывший представитель хорватов в президентском совете Боснии и Герцеговины.

Жоич, Петар — бывший министр юстиции Федеративной Республики Югославия.

Жорда, Клод — бывший президент трибунала ООН по Югославии.

Жорис, Жан-Жак — бывший дипломатический советник трибунала ООН по Югославии.

Йованович, Чедо — вице-премьер-министр Сербии.

Кабуга, Фелисьен — финансист хуту. Обвиняется в причастности к геноциду в Руанде в 1994 году.

Кагаме, Поль — президент Руанды.

Камбанда, Жан — бывший премьер-министр правительства хуту Руанды. Признан виновным в геноциде.

Кандич, Наташа — руководитель Центра гуманитарного права, Белград.

Караджич, Радован — бывший лидер боснийских сербов. Обвиняется в том числе в причастности к резне в Сребренице.

Кэй, Стивен — один из консультантов суда по делу Милошевича.

аль-Хасауни, Аун Шавкат — вице-президент Международного уголовного суда.

Кайонга, Шарль — генерал руандийской армии. Обвиняется в причастности к убийству президента Жювеналя Хабьяриманы.

Керк Макдональд, Габриэль — президент апелляционной палаты трибунала ООН по Руанде.

Кнезевич, Душан — офицер армии боснийских сербов. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Западной Боснии.

Кордич, Дарио — политический лидер хорватов во время войны в Центральной Боснии. Признан виновным в причастности к массовому убийству мусульман в деревне Ахмичи.

Коштуница, Воислав — бывший президент Федеративной Республики Югославия, премьер-министр Сербии.

Кушнер, Бернар — министр иностранных дел Франции, бывший руководитель миссии ООН в Косово.

Ковачевич, Владимир — офицер Югославской народной армии. Обвиняется в причастности к нападению на Дубровник.

Краишник, Момчило — бывший президент парламента боснийских сербов. Признан виновным в казнях, истреблении, убийствах, депортации и других преступлениях.

Крга, Бранко — начальник штаба югославской армии.

Квон, О-Гон — судья трибунала ООН по Югославии.

Ладжич, Расим — координатор сотрудничества Сербии с трибуналом ООН по Югославии.

Лайоло, монсиньор Джованни — министр иностранных дел Ватикана.

Лазаревич, Владимир — генерал сербской полиции. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Косово в 1999 году.

Лилич, Зоран — бывший президент Югославии.

Лопес-Террес, Патрик — руководитель следствия трибунала ООН по Югославии.

Лукич, Милан — руководитель военизированных формирований боснийских сербов. Обвиняется в убийствах и причастности к этническим чисткам в Вышеграде.

Лукич, Средое — родственник Милана Лукича. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Вышеграде.

Лукич, Сретен — генерал сербской полиции. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Косово.

Лукович, Милорад Улемек — командир «красных беретов», элитного военизированного подразделения сербской полиции.

Махиу, Ахмед (Алжир) — судья Международного уголовного суда.

Манолич, Йосип — бывший руководитель тайной полиции Хорватии.

Маркач, Младен — бывший генерал армии Республики Хорватия. Обвиняется в причастности к преступлениям, совершенным во время операции «Шторм» в 1995 году

Маркович Раде — руководитель госбезопасности Сербии.

Марович, Светозар — бывший президент Государственного Союза Сербии и Черногории

Мартич, Милан — руководитель полиции и армии сербов в Хорватии, Обвиняется в ракетном обстреле столицы Хорватии, Загреба.

Мэй, Ричард — председательствующий судья на процессе Милошевича в трибунале ООН по Югославии.

Макклоски, Питер — старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Меякич, Желько — бывший начальник концентрационного лагеря Омарска. Обвиняется в причастности к этническим чисткам, проводимым сербами на территории Западной Боснии.

Меркель, Ангела — канцлер Федеративной Республики Германия.

Мерон, Теодор — бывший президент трибунала ООН по Югославии.

Месич, Стипе — президент Хорватии.

Михайлович, Душан — бывший министр внутренних дел Сербии.

Милетич, Радивое — бывший начальник оперативного управления армии боснийских сербов. Обвиняется в причастности к резне в Сребренице.

Милошевич, Драгомир — бывший командир подразделений армии боснийских сербов, осадивших Сараево. Обвиняется в

применении артиллерии и снайперов для запугивания населения Сараево с 1994 года до конца осады в 1995 году.

Милошевич, Слободан — бывший президент Сербии, бывший президент Югославии.

Миутинович, Милан — бывший президент Сербии.

Младич, Дарко — сын Ратко Младича.

Младич, Ратко — бывший командующий армией боснийских сербов. Обвиняется в том числе в причастности к резне в Сребренице.

Монтгомери, Уильям — бывший посол США в Хорватии и Федеративной Республике Югославия.

Моратинос, Мигель Анхель — министр иностранных дел Испании.

Мркшич, Миле — бывший полковник югославской армии. Обвиняется в преступлениях, связанных с казнями пленных, захваченных в Вуковаре в 1991 году.

Муна, Бернар — бывший товарищ прокурора трибунала ООН по Руанде.

Муриганде, Шарль — генеральный секретарь Руандийского патриотического фронта.

Мусабьимана, Самуэль — епископ англиканской церкви. Обвиняется в геноциде, заговоре с целью геноцида и массовых казнях.

Нахимана, Фердинанд — бывший директор телерадиокомпании «Тысяча холмов». Обвиняется в причастности к геноциду в Руанде.

Ндиндабаизи, Эммануэль — бывший министр финансов Руанды. Обвиняется в геноциде, призывах к геноциду, преступлениях против человечности и убийствах.

Ндадайе, Мельхион — бывший президент Бурунди, хуту. Убит в октябре 1993 года.

Негропонте, Джон — бывший представитель США в ООН.

Нгезе, Хасан — бывший редактор экстремистской руандийской газеты. Обвиняется в призывах к насилию в средствах массовой информации.

Нгога, Мартин — руандийский дипломат при трибунале ООН по Руанде.

Найс, Джеффри — бывший старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Никифоров, Антон — бывший помощник главного прокурора трибунала ООН по Югославии

Николич, Драго — бывший офицер армии боснийских сербов. Обвиняется в причастности к резне в Сребренице.

Нийитегека, Элиезер — бывший министр информации

Руанды. Был обвинен трибуналом ООН по Руанде.

Нкурунзиза, Джексон — генерал руандийской армии. Обвиняется Францией в причастности к убийству президента Руанды Жювеналя Хабьяриманы.

Нобило, Анте — защитник Тихомира Блашкича

Нтарьямира, Сиприен — бывший президент Бурунди. Погиб вместе с Жювеналем Хабьяримана, бывшим президентом Руанды, 6 апреля 1994 года. Самолет, на котором они летели, был сбит ракетой.

Ойданич, Драголюб — бывший начальник штаба югославской армии. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Косово в 1999 году.

Пандуревич, Винко — бывший бригадный командир армии боснийских сербов. Обвиняется в причастности к резне в Сребренице.

Паттерсон, Нэнси — бывший старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Павкович, Небойша — бывший начальник штаба югославской армии. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Косово в 1999 году.

Перишич, Момчило — бывший начальник штаба югославской армии. Обвиняется в причастности к военным преступлениям, совершенным в Боснии и Герцеговине.

Петкович, Миливой — бывший начальник главного штаба армии боснийских хорватов. Обвиняется в серьезных нарушениях женевской конвенции, нарушении законов и обычаев войны и преступлениях против человечности.

Ди Пьетро, Антонио — судебный следователь, Милан, Италия.

Пиллай, Наванетем — бывший президент трибунала ООН по Руанде.

Плавшич, Биляна — бывшая представительница сербов в президентском совете Боснии и Герцеговине. Признана виновной в совершении военных преступлений.

Покар, Фаусто — президент трибунала ООН по Югославии.

Полт, Майкл — бывший посол США в Сербии и Черногории.

Попович, Владимир (Беба) — бывший главный советник премьер-министра Зорана Джинджича.

Попович, Вуядин — помощник командующего армией боснийских сербов по вопросам безопасности. Корпус «Дрина» участвовал в резне в Сребренице.

Пауэлл, Колин — бывший госсекретарь США.

Праляк, Слободан — бывший командир армии боснийских хорватов. Обвиняется в серьезных нарушениях женевской

конвенции, нарушении законов и обычаев войны и преступлениях против человечности.

Прлич, Ядранко — бывший премьер-министр «республики» боснийских хорватов, самопровозглашенной на боснийской территории. Обвиняется в серьезных нарушениях женевской конвенции, нарушениях законов и обычаев войны и преступлениях против человечности.

Проспер, Пьер — бывший посол США по особым поручениям по вопросам военных преступлений.

Пушич, Берислав — бывший чиновник республики боснийских хорватов. Обвиняется в преступлениях, связанных с выселением мусульман из Боснии и Герцеговины.

Рачан, Ивица — бывший премьер-министр Республики Хорватия.

Радич, Мирослав — бывший капитан югославской армии. Обвиняется в преступлениях, связанных с казнями пленных, захваченных в Вуковаре.

Радишич, Живко — представитель сербов в послевоенном президентском совете Боснии и Герцеговины.

Раич, Ивица — командир армии боснийских хорватов. Его подразделение убило десятки мусульман, в том числе женщин и детей, в деревне Ступни До.

Ралстон, Джон — бывший руководитель следствия трибунала ООН по Югославии.

Ражнатович, Желько (Аркан) — бывший командир сербского военизированного формирования, видная фигура преступного мира Белграда. Обвиняется в преступлениях, связанных с задержаниями, избиениями, изнасилованиями и убийствами пленных.

Рен, Олли — комиссар по вопросам расширения Евросоюза.

Райнхардт, Клаус — генерал, бывший командующий натовским миротворческим контингентом в Косово.

Рекундо, Эммануэль — католический священник, бывший капеллан руандийской армии, обвиненный в причастности к убийствам тутси в Кабгайи. Арестован властями Швейцарии.

Райс, Кондолиза — госсекретарь США, бывший советник по вопросам национальной безопасности США.

Ришар, Ален — бывший министр обороны Франции.

Риина, Сальваторе — «босс боссов», capo dei capi, сицилийской мафии.

Ристич, Станко — бывший офицер армии боснийских сербов. Предположительно помогал скрываться Ратко Младичу.

Робинсон, Патрик — судья трибунала ООН по Югославии.

Робинсон, Джон, лорд — бывший генеральный секретарь

НАТО.

Роршахер, Валентин — глава Центрального офиса службы наркоконтроля Швейцарии.

Рот, Кен — исполнительный директор правозащитной организации Human Rights Watch.

Руш, Жан-Даниэль — бывший политический советник трибунала ООН по Югославии.

Руджио, Жорж — так называемый «белый хуту». Бывший журналист бельгийско-итальянского происхождения. Работал на телерадиокомпании «Тысяча холмов». Признан виновным в призывах к геноциду.

Руигамба, Андре — подполковник, военный прокурор руандийской армии.

Салинас, Рауль — брат Карлоса Салинаса, бывшего президента Мексики.

Санадер, Иво — премьер-министр Республики Хорватия.

Шайнович, Никода — бывший заместитель премьер-министра Федеративной Республики Югославия.

Соэрс, Джон — политический руководитель министерства иностранных дел Великобритании.

Шеффер Дэвид — бывший посол США по особым поручениям по вопросам военных преступлений.

Шнайдер, Синтия — посол США в Нидерландах.

Шредер, Герхард — бывший канцлер Федеративной Республики Германия.

Шульте, Грег — бывший начальник департамента Юго-Восточной Европы в Совете национальной безопасности.

Скотт, Кен — старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Серомба, Атанасе — католический священник. Обвиняется в причастности к геноциду в Руанде.

Шешель, Воислав — основатель и руководитель ультранационалистической Сербской радикальной партии. Обвиняется в причастности к преступлениям, совершенным вооруженными формированиями его партии на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины.

Сезибера, Ричард — посол Руанды в США.

Симатович, Френки — бывший командир спецподразделения службы госбезопасности Сербии. Обвиняется в причастности к преступлениям, совершенным на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины.

Симич, Благое — боснийский серб. Обвиняется в причастности к этническим чисткам в Северной Боснии (Босански Шамац).

Скуратов, Юрий — бывший генеральный прокурор России.

Шливанчанин, Веселин — бывший офицер югославской армии. Обвиняется в казни раненых и других пленных, захваченных в вуковарском госпитале.

Собел, Клиффорд М. — посол США в Нидерландах.

Солана, Хавьер — министр иностранных дел Еврокомиссии

Станишич, Йовица — бывший руководитель госбезопасности Сербии. Обвиняется в причастности к преступлениям, совершенным на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины.

Станишич, Мичо — бывший министр внутренних дел Республики Сербской. Обвиняется в том числе в пытках, жестоком обращении и депортации боснийских мусульман и хорватов.

Стеванович, Обрад — бывший помощник министра внутренних дел Сербии.

Стоич, Бруно — бывший министр обороны хорватской республики во время войны в Боснии и Герцеговине.

Стоилкович, Влайко — бывший министр внутренних дел Сербии. Обвинен в преступлениях, связанных с этническими чистками в Косово в 1999 году. Покончил жизнь самоубийством.

Стро, Джек — бывший руководитель министерства иностранных дел Великобритании

Шубашич Мунира — руководитель организации вдов и матерей тех, кто был убит в Сребренице, «Матери Сребреницы»

Шушак, Гойко — бывший министр обороны Республики Хорватия, ближайший советник президента Хорватии Франьо Туджмана.

Свиланович, Горан — бывший министр иностранных дел Сербии.

Тадич, Борис — президент Сербии, бывший министр обороны Сербии.

Тадич, Душко — бывший охранник концентрационного лагеря боснийских сербов в Омарска. Был арестован в Германии и передан трибуналу ООН по Югославии.

Тафт, Уильям — юридический советник госсекретаря США Колина Пауэлла.

Тенет, Джордж — директор Центрального разведывательного управления США.

Терзич, Златое — генерал югославской армии, руководитель комиссии по сотрудничеству с трибуналом ООН по Югославии.

Тигер, Алан — старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Тодович, Саво — начальник тюрьмы боснийских сербов. Обвинен в казнях, порабощении, пытках, избиениях и убийствах мусульман-заключенных.

Тоньоли, Оливьеро — осужденный бывший финансист сицилийской мафии.

Толберт, Дэвид — товарищ прокурора трибунала ООН по Югославии

Толимир, Здравко — бывший генерал армии боснийских сербов. Обвиняется в преступлениях, связанных в том числе и с резней в Сребренице.

Томич, Ако — бывший генерал югославской армии, возглавлявший службу безопасности генерального штаба

Траянов, Павле — бывший министр внутренних дел Республики Македония.

Туджман, Франьо — бывший президент Республики Хорватия.

Эрц-Рецлафф, Хильдегард — старший прокурор трибунала ООН по Югославии.

Увилингиямана, Агате — бывший умеренный премьер-министр Руанды, хуту. Была убита вместе с детьми экстремистами хуту.

Васильевич, Александр — бывший генерал югославской армии, бывший руководитель контрразведки югославской армии.

Ведрин, Юбер — бывший министр иностранных дел Франции

Вуянович, Филип — президент Черногории. Вуйович, Небойша — посол по специальным поручениям при трибунале ООН по Югославии.

Вукчевич, Владимир — главный прокурор Сербии по военным преступлениям, координатор связей Сербии с трибуналом ООН по Югославии.

Вальпен, Лоран — бывший руководитель следствия трибунала ООН по Руанде.

Вайнберг-де-Рока, Инее — бывший судья трибунала ООН по Югославии.

Уильямсон, Клинт — бывший прокурор трибунала ООН по Югославии, посол по особым поручениям США по военным преступлениям.

Винклер, Ханс — заместитель министра иностранных дел Австрии.

Ельцин, Борис — бывший президент России.

Заклин, Ральф — помощник генерального секретаря ООН по юридическим вопросам.

Зеленович, Драган — бывший охранник тюрьмы боснийских сербов. Признан виновным в пытках и изнасилованиях мусульманских женщин.

Живкович, Зоран — бывший премьер-министр Сербии. Убит 12 марта 2003 года.

Жуплянин, Стоян — командир службы безопасности армии

боснийских сербов в западной Боснии. Обвиняется в геноциде и казнях, связанных с этническими чистками мусульман.

От Автора

Ни один прокурор не может работать в одиночку. Я ничего не добилась бы, если бы не мои советники и не сотрудники прокурорской службы трибунала — юристы, аналитики, следователи, переводчики, секретари, эксперты, работающие с вещественными доказательствами, и специалисты по компьютерам. Этих людей было так много, что я не могу перечислить их в своей книге. Но я бесконечно признательна всем, с кем мне довелось работать.

За помощь в работе над этой книгой я особенно благодарна Норману Фарреллу, терпение, опыт работы, здравый смысл и редакторский талант которого сделали мою книгу гораздо лучше, чем она была бы, если бы я работала над ней в одиночку. Хочу поблагодарить моих редакторов, Рафаэля Сельси и Карло Фельтринелли. Не могу не выразить своей признательности Жан-Жаку Жорису, Жан-Даниэлю Рушу, Лорану Вальпену и Доминику Раймону из Швейцарии; Диане Диклич, Иву Рой и Александре Миленов из Канады; Антону Никифорову из России; Мил-берту Шину, Дермоту Груму, Марку Хармону Кену Скотту, Клинту Уильямсону Мойе Магиллиген, Питеру Макклоски, Стивену Раппу и Биллу Томляновичу из США; Эндрю Кейли из Великобритании; Флоренс Хартманн, Патрику Лопес-Терренсу, Сесиль Аптель и моему личному помощнику Кристине Босман из Франции; Лиляне Питесе и Санье Бокалич из Хорватии; Ольге Кавран, Юлии Богоевой и Лиляне Тодорович-Судетич из Сербии; Михаэлю Хену из Германии; а также итальянцу Маттео Кости, автору выражения *muro di gomma*. За комментарии, помощь в переводе и фактический материал я должна поблагодарить Сабину Занетту Лауру Зильбер, Барбару Шурк, Михаэля Кауфмана, Сару и Азру Судетич и Жака Россье, а также Наташу Кандич из Фонда гуманитарного права; Элисон де Форж из организации Human Rights Watch; Институт по наблюдению за войной и миром, Джеймса Лайонса и Международную кризисную группу за проведенный анализ политической ситуации в Сербии; Мирко Кларина из организации Sensa; Нину Банг Дженсен и Эдгара Чена из Коалиции за международное правосудие; Hirondelle за информацию о трибунале по Руанде; Антона, Маарти и любезный персонал кафе в Гааге — без вашего каппуччино мне никогда бы не закончить рукопись в срок.

И, наконец, я хочу особо поблагодарить тех, кто поделился со мной идеями и замечаниями относительно усвоенных уроков. Это Джудит Арматта из Коалиции за международное правосудие,

которая щедро делилась со мной идеями из собственной книги, посвященной процессу над Милошевичем; Гэри Басе из Принстонского университета; Пегги Куо, возвращение которой на Уоллстрит стало огромной потерей для трибунала по Югославии; Диана Орентлихер и Келли Аскин из Правовой инициативы открытого общества и, конечно, Норман Фарррелл и Кен Скотт — сотрудники трибунала. Разумеется, я признательна всем, кого перечислила выше, за ценные советы и замечания, однако, точка зрения, высказанная в этой книге, является исключительно моей.

notes

Примечания

1

Резиновая стена (итал.).

2

Сравните *muro di gomma*. — Прим. автора.

3

Шопенгауэр, А. «О женщинах». http://www.gutenberg.Org/files/l 1945/11945–8.txt

4

«Показания свидетеля О. Дело «Прокурор против Радислава Крстича», 13 апреля 2000 г., стенограмма судебного заседания, стр. 2818–2939, http://www.un.org/icty/transe33/000413ed.htm.

5

Дворняга (итал.)

6

Дело «Прокурор против Слободана Милошевича», стенограмма судебного заседания, 12 февраля 2002, стр. 8.

7

Стенограмма совещания у президента, 27 декабря 1991 года (Presidential Transcript, 27 December 1991.)

8

Ewa Tabeau and Jakub Bijak, «War-related Deaths in the 1992–1995 Armed Conflicts in Bosnia and Herzegovina: A Critique of Previous Estimates and Recent Results», European Journal of Population (2005), том 21, выпуски 2–3, июнь 2005, стр. 187–215 (29).

9

Ball, Patrick, et al., «Killings and Refugee Flow in Kosovo, March-June 1999», экспертный доклад, подготовленный для Международного трибунала, 3 января 2002 года.

10

ООН «Доклад Международного трибунала по обвинению лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года», 25 августа 1999 года, A/54/187-S/1999/846, http://www.un.org/icty/rappannu-e/1999/index.htm.

11

The Observer, 26 декабря 1999 года.

12

«Окончательный доклад комитета, образованного для оценки военной кампании НАТО против Федеративной Республики Югославия, прокурору», Прокурорская служба, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, http://www.un.org/icty/pressreal/nato06l300.htm, Гаага, 13 июня 2000 года.

13

Hatzfeld. Jean. Une saison de machettes, Paris: Editions du Seuil, 2003.

14

«С меня хватит!» (фр.).

15

Письмо генерального секретаря ООН Кофи Аннана главному прокурору Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии Карле дель Понте, 6 марта 2001 года.

16

В «вуковарскую тройку» входили Веселин Шливанчанин, Миле Мркшич и Мирослав Радич. Все они являлись офицерами Югославской народной армии.

17

К. А. Эйхман (Eichmann), сотрудник гестапо. Возглавлял отдел по разработке и реализации планов физического уничтожения еврейского населения Европы, непосредственно руководил организацией транспортировки евреев в концлагеря. В 1960 г. схвачен агентами израильской разведки в Аргентине и приговорён к смертной казни. — Прим. ред.

Босс всех боссов» (итал.).

19

Дело «Прокурор против Слободана Милошевича», стенограмма судебного заседания, 12 февраля 2002, стр. 1–11, http://www.un.org/icty/transe54/020212IT.htm.

20

Дело «Прокурор против Слободана Милошевича», стенограмма судебного заседания, показания Пэдди Эшдауна, 15 марта 2002, стр. 2355, 2380.

21

Веселин Шливанчанин, Миле Мркшич и Мирослав Радич.

22

Доклад Карлы дель Понте, главного прокурора Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии Совету безопасности ООН, 30 октября 2002 года.

23

Офис Международного трибунала по бывшей Югославии,

www.afriquespoir.com/cibles/page20.htm, www.chez.com/cprgla/temoinages/Linguyeneza.htm

Human Rights Watch, Leave None to Tell the Story: Genocide in Rwanda, www.hrw.org/reports/1999/rwanda/Genol-3–03.htm#P8 6 35 545.

«Хорошо, проблема решена» (итал.).

26

Письмо главного прокурора Карлы дель Понте министру иностранных дел Государственного Союза Сербии и Черногории Свилановичу, 24 мая 2003 года.

27

Дело «Прокурор против Слободана Милошевича», стенограмма судебного заседания, перекрестный допрос Зорана Лилича, 9 июля 2003, и вещественное доказательство D160.

28

«Alors, General, il est encore en fuite, Mladic, s'est inacceptable, i faut me l'arreter immediatement».

29

International Crisis Group, «Serbian Reform Stalls Again», Europe Report № 145, by James Lyons, 17 июля 2003 года, цитируется статья Hugh Griffiths, «Humanitarian or War Criminal, Transitions Online, и материалы Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, дело «Прокурор против Слободана Милошевича», письменное заявление, вещественное доказательство 143, ссылка К1136,9 мая 2002 года.

30

Бальная карточка (итал.).

31

«Достаточно, мы уходим» (итал.).

32

«Ну, вы идете?» (итал.).

33

Доклад Главного прокурора Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии Совету безопасности ООН, 9 октября 2003 года.

34

Дело «Прокурор против Слободана Милошевича», стенограмма судебного заседания, 10 февраля 2004 года, стр. 31 709

35

Пресс-релиз 824е Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (ICTY), «Заявление судьи Теодора Мерона, президента Международного трибунала, об отставке судьи Ричарда Джорджа Мэя», 22 февраля 2004 года.

36

Дело «Прокурор против Слободана Милошевича», Судебная палата, решение по запросу об оправдании, 16 июня 2004 года.

«Спасибо, пожалуй, нет» (фр.).

S/RES/1503 (2003)

39

Доклад Маркицы Ребич президенту Франьо Туджману, 4 июня 1998 года, приложение 4 к ответу прокурорской службы на запрос апеллянта о приеме дополнительных доказательств. Дело «Прокурор против Тихомира Блашкича», 13 сентября 2001 года.

40

Доклад Маркицы Ребич президенту Франьо Туджману, 4 июня 1998 года, стр. 20, приложение 4 к ответу прокурорской службы на запрос апеллянта о приеме дополнительных доказательств. Дело «Прокурор против Тихомира Блашкича», 13 сентября 2001 года.

41

Stewart, Lieutenant — Colonel Bob, «Broken Lives», стр. 295–298.

http://www.un.org/icty/blaskic/appeal/judgement/index. htm, ссылка 705.

43

Цитируется в судебном деле «Прокурор против Тихомира Блашкича», запрос обвинения о пересмотре или повторном рассмотрении (публичная отредактированная версия), 10 июля 2006 года, стр. 19

«Извините, монсиньор» (итал).

45

«Спасибо» (итал.).

Центр гуманитарного права, «Abductions and Disappearances of non-Albanians in Kosovo», Белград, 2001.

«Protests in Pristina», Beta, 7 января 2003 года.

48

Госдепартамент США, Доклад о положении с правами человека за 2003 год.

49

Миссия ОБСЕ в Косово, «Kosovo, Review of the Criminal Justice System», март 2002 года — апрель 2003 года, стр. 11, 18.

Jeta Xharra, Muhamet Hajrullahu and Arben Salihu, «Investigation: Kosovo's Wild West», BIRN Kosovo, 18 февраля 2005, http://kosovo.birn.eu.eom/en/l/51/1770/.

51

Стр. 13.

52

Названия мест сначала даются на сербо-хорватском языке, а затем на албанском.

www.unmikonline.org/press/2005/prl 325.pdf.

Lajm, 31 августа 2006 года, стр. 1, 3.

Koba Ditore, 2 сентября 2006 года, стр. 10.

56

Речь идет о 7-й главе Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».